ISSN (print) 2686-9764 Том 16, № 4 (60), 2022
ISSN (online) 2782-1986

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 16, No. 4 (60), 2022

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2022, том 16, № 4 (60)

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-76598 от 15.08.2019
Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка», Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;
Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;
Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;
Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;
Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;
Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;
Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;
Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерова Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;
Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
153035, г. Иваново, ул. Дзержинского, д. 39, стр. 8

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
https://jurnauka-vipe.ru

Подписной индекс 41253 по Объединенному каталогу «Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
16.12.2022

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;
Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;
Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;
Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;
Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;
Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;
Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;
Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;
Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;
Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;
Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;
Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;
Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологичских наук, профессор;
Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;
Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психологическая безопасность (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА **348**

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ **350**

БЕЛЯЕВА Л. И.
Наука и жизнь (к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Алексеевича Стручкова) 350

АЛЕКСАНДРОВА В. В.
Оптимальная санкция уголовно-правовой нормы: постановка проблемы 359

ДВОРЯНСКОВ И. В., СИКА А. М.
Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам 372

ЛАПШИН В. Ф.
Содержание и интерпретация философской категории «мера» в уголовном праве 380

ГАВРИЛОВ Б. Я.
Уголовно-правовые санкции за коррупционные преступления: мнение научного сообщества и видение правоприменителя 388

ЯКОВЕЦ Е. Н., БРАЖНИКОВ Д. А.
Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения преступлений: проблемные вопросы законодательства и основные направления реализации 397

ЮРОВА Ю. В.
Взаимодействие территориальных органов ФСИН России и МВД России в сфере профилактики повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества 407

НАГОРНЫХ Р. В.
Системные, институциональные и идиосинкразические факторы коррупции в зарубежных пенитенциарных системах: опыт противодействия административной дискреции 417

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ **425**

КРОТОВА Д. Н., ЦВЕТКОВА Н. А.
Исследование самоактуализации мужчин, впервые оказавшихся под стражей в следственном изоляторе, в связи с другими характеристиками их личности 425

КАЗБЕРОВ П. Н.
Выстраивание эффективной коммуникации с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления 434

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ **441**

АВЕТИСЯН С. С., САРГСЯН А. А.
Некоторые проблемы современного юридического образования в Республике Армении и Российской Федерации 441

ЧЕРЕМИСОВА И. В.
Коммуникативная культура курсантов – будущих офицеров как основа эстетического отношения к профессиональной деятельности 450

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В октябре 2022 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России прошла международная научно-практическая конференция «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации». Ее лейтмотивом стала идея сохранения академических научных традиций и обсуждение актуальных вопросов пенитенциарной науки и практики.

В работе конференции приняли участие более 200 высококвалифицированных специалистов, ведущих ученых научных и образовательных организаций ФСИН России, МВД России и Минобрнауки России, сотрудники территориальных органов уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел, суда и прокуратуры, а также представители образовательных учреждений республик Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Кот-д'Ивуар, общественных организаций, что позволило осуществить комплексный анализ проблем современной пенитенциарной системы России.

В ходе работы пленарного заседания и круглых столов обсуждался широкий спектр проблем уголовной и уголовно-исполнительной политики, в том числе вопросы взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества, реализации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, научного обеспечения воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными, трудовой занятости и ресоциализации осужденных, профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы.

На пленарном заседании прозвучали содержательные доклады профессора кафедры уголовной политики Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федераци Ларисы Ивановны Беляевой «Воспитательная работа с осужденными: вчера и завтра», профессора кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Вячеслава Ивановича Селиверстова «Научное обеспечение совершенствования уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства», заведующего кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Владимира Александровича Уткина «Уголовно-исполнительная политика в контексте современных политических реалий» и др.

Докладчики отметили, что развитие современной науки уголовного и уголовно-исполнительного права немыслимо без изучения фундаментальных трудов таких заслуженных деятелей науки РСФСР, докторов юридических наук, как Александр Ильич Зубков и Николай Алексеевич Стручков – выдающихся ученых, заслуги которых отмечены самым высоким отечественным и международным признанием. Изучение их трудов и сегодня стимулирует научный поиск и инициативу в решении актуальных вопросов, касающихся исполнения уголовных наказаний, исследования в области уголовной и уголовно-исполнительной политики, уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии.

Впервые одним из соучредителей мероприятия выступила межрегиональная общественная организация «Научный пенитенциарный клуб» – добровольное, некоммерческое объединение, неформальная площадка для тематических встреч ведущих ученых-пенитенциаристов, обмена опытом и знаниями, обсуждения актуальных проблем пенитенциарной науки и практики, созданная на основе общности профессиональных и жизненных интересов.

Консолидация совместных усилий наших давних и новых партнеров по самым главным, принципиальным вопросам развития пенитенциарной системы позволяет реализовывать следующие направления деятельности: повышение в обществе престижа службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации; содействие в реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.; сохранение исторической памяти и формирование у молодого поколения активной жизненной позиции; создание отношения нетерпимости к противоправному поведению, коррупции, насилию; популяризация неукоснительного соблюдения законности и норм служебной этики, безупречного исполнения служебного долга; выработка законотворческих инициатив, предложений законодателю; взаимодействие с органами исполнительной власти, общественными, духовно-просветительскими организациями в рамках достижения указанных выше целей; изучение, обобщение и распространение по-

ложительного опыта работы пенитенциарных учреждений; развитие пенитенциарных научных школ. Мы выступаем солидарно, занимаем общую позицию, отстаиваем традиционные, незыблемые ценности, такие как суверенитет и безопасность страны, историческая правда, жизненные интересы людей, многое делаем для укрепления гражданского общества, его ключевых институтов.

Проведение научно-практических конференций в данном формате – одно из важнейших направлений нашего развития, возможность на межрегиональном уровне обсуждать научные идеи. Это также возможность общения учителей, учеников, людей интересующихся, объединенных одной идеей, одной целью развития пенитенциарной науки. Налаживание непрерывного диалога профессионалов своего дела, информирование общественности и всех заинтересованных лиц о развитии пенитенциарной науки и практики с учетом правовых, психологических и педагогических аспектов – одна из актуальных задач.

Как периодическое издание мы оперативно реагируем на инновации, происходящие в сфере научного знания, стараемся быть эффективным средством самообразования научно-педагогических кадров; на страницах нашего журнала проводятся дискуссии по актуальным темам, рассматривается опыт работы пенитенциарной системы, проходит апробация научных исследований, их критическая оценка со стороны научного сообщества. Реализуя данную задачу, журналы Вологодского института права и экономики ФСИН России обеспечивает консолидированную научную связь и поддержку исследователей из различных регионов России в ходе проведения ими научных изысканий и внедрения в практику решений, обусловленных актуальными проблемами уголовной ответственности, исполнения наказаний, предупреждения преступлений, юридической психологии и педагогики, развития уголовно-исполнительной системы и правоохранительных органов.

Новое очень редко рождается вне дискуссии. Редакция журнала «Пенитенциарная наука» нацелена продолжить публикацию новых, ярких работ, где будет дан вдумчивый академический анализ исследований в области пенитенциарной науки и представлены достижения в сфере практики.

Главный редактор журнала
кандидат юридических наук, доцент
Е. Л. Харьковский

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.001

Наука и жизнь (к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Алексеевича Стручкова)

ЛАРИСА ИВАНОВНА БЕЛЯЕВА
Академия управления МВД России, Москва, Россия, beliaeva_055@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8245-2435

Реферат

Введение: статья посвящена столетнему юбилею со дня рождения крупного ученого, специалиста в области уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н. А. Стручкова. В статье дается описание его жизненного пути, включая участие в Великой Отечественной войне. Показано становление Николая Алексеевича как ученого и как специалиста в области уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права. Дается общая характеристика его научной и педагогической деятельности, анализируются наиболее значимые научные работы. Оценивается роль Н. А. Стручкова в развитии отечественного уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики. Уделено внимание участию профессора в международном сотрудничестве. *Методы:* методологическую основу исследования составляет аксиологический подход. Решению исследовательской задачи способствовало использование общефилософских принципов диалектики и специальных методов познания: систематического, формально-юридического, социологического и др. *Результаты:* профессор Н. А. Стручков является одним из основоположников теории уголовной политики, исправительно-трудовой политики, уголовно-исполнительного права. Им разработаны наиболее актуальные для второй половины XX в. проблемы теории, законодательства и правоприменения в этой области. Кроме этого, в круг научных интересов профессора входили вопросы уголовного права и криминологии. Научной деятельности Николая Алексеевича Стручкова посвящены несколько юбилейных статей. Столетний юбилей является поводом к тому, чтобы вновь обратиться к идеям, высказанным ученым более полувека назад, но не теряющим актуальности. Николаем Алексеевичем Стручковым подготовлены монографии, учебники, статьи. Его деятельность достаточно высоко оценена государством. Вместе с тем до настоящего времени нет подробного биографического очерка. В связи с этим представляется важным с аксиологических позиций выявить то, что является значимым для современной правотворческой и правоприменительной практики, что может стимулировать научный поиск и инициативу в решении актуальных вопросов, касающихся исполнения уголовных наказаний, исследований в области уголовной и уголовно-исполнительной политики, уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовное право; исправительно-трудовая политика; исправительно-трудовое право; уголовно-исполнительное право; деятельность ИТУ; гуманизм; законность; наука; теория; криминология; педагогика; педагогическое воздействие; наказание; исполнение наказания.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

© Беляева Л. И., 2022

Для цитирования: Беляева Л. И. Наука и жизнь (к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Алексеевича Стручкова) // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 350–358. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.001.

Original article

Science and Life (to the 100th Anniversary of the Birth of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov)

LARISA I. BELYAEVA
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, beliaeva_055@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8245-2435

Abstract
Introduction: the article is devoted to the 100th anniversary of the birth of a prominent scientist, specialist in the field of penal (correctional labor) law, Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov. The article describes his life path, including participation in the Great Patriotic War. Formation of Nikolai Struchkov as a scientist and specialist in the field of penal (correctional labor) law is shown. General characteristics of his scientific and pedagogical activity are given and the most significant scientific works are analyzed. The role of N.A. Struchkov in the development of domestic penal legislation and law enforcement practice is evaluated. Attention is paid to the professor's participation in international cooperation. *Methods*: the study is based on the axiological approach. The research problem is solved with the help of general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition: systematic, formal legal, sociological, etc. *Results*: Professor N.A. Struchkov is one of the founders of the theory of criminal policy, correctional labor policy, and penal law. He worked on problems of the theory, legislation and law enforcement most relevant in the second half of the twentieth century. In addition, the professor's research interests included issues of criminal law and criminology. Several anniversary articles are devoted to the scientific activity of Nikolai Struchkov. The centennial anniversary is an occasion to dwell on the ideas expressed by scientists more than half a century ago, but not lost relevance. Nikolai Struchkov prepared monographs, textbooks, and articles. His activity is highly appreciated by the state. However, to date there is no detailed bio-graphic essay. In this regard, it seems important to identify from axiological positions what is significant for modern law-making and law enforcement practice, which can stimulate scientific search and initiation in solving topical issues related to the execution of criminal penalties, research in the field of criminal and penal policy, criminal and penal law, criminology.

Keywords: criminal policy; criminal law; correctional labor policy; correctional labor law; penal law; activity of a correctional labor institution; humanism; legality; science; theory; criminology; pedagogy; pedagogical impact; punishment; execution of punishment.

5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences).

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Belyaeva L.I. Science and life (to the 100th anniversary of the birth of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 350–358. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.001.

Вероятно, среди тех, кто хотя бы чуть соприкоснулся с уголовно-исполнительным (исправительно-трудовым) правом, не найдется никого, кому неизвестно имя профессора Николая Алексеевича Стручкова. Однако, как свидетельствуют материалы его семейного архива, ничто в начале жизненного пути не предвещало причастности в будущем к науке и практике исполнения уголовных наказаний. И тем не менее он вошел в историю отечественной науки как крупный, выдающийся специалист именно в этой области.

Жизнеописание Н. А. Стручкова, анализ его служебной и научной деятельности осуществлены на основе многочисленных научных работ ученого, ведомственных и семейных архивных материалов.

Круг источников, использованных в ходе исследования, достаточно разнообразен: научные работы, монографии, учебники, статьи Н. А. Стручкова, официальные материалы (ведомственные распоряжения и инструкции, отчеты о результатах научных исследований, хранящиеся в архивах ВНИИ МВД России, музее Академии управления МВД России), материалы семейного архива.

Анализ исследовательских материалов осуществлен на основе известных принципов научного

исторического познания. Методологическую основу данного исследования составляет аксиологический подход. Решению исследовательской задачи способствовало использование общефилософских принципов диалектики и специальных методов познания: систематического, формально-юридического, социологического и др.

Николай Алексеевич Стручков родился 13 февраля 1922 г. в Москве, в семье офицера Красной армии. Сохранившиеся в семье документы – похвальные листы, почетные грамоты – являются свидетельством успешной учебы Николая в школе.

Отец рано ушел из жизни – Николаю в то время было 15 лет. Мальчик видел себя военным. По окончании школы в 1940 г. поступил в военное училище связи ВВС РККА, в котором прежде служил его отец. Обучение закончилось раньше положенного срока – началась Великая Отечественная война. Николаю Стручкову суждено было пройти долгий путь до Берлина и оказаться в числе победителей в этом кровавом и тяжком сражении.

В августе 1941 г. он был зачислен в штурмовой авиаполк, в составе которого прибыл на Северо-Западный фронт. Проходил службу в должности авиамеханика по электрооборудованию самолетов. Николай Алексеевич изучал географию своей страны, сначала двигаясь на восток, а потом на запад. Принимал участие в наземных боях по обороне Калинина (Тверь).

В мае 1942 г. участвовал в боях на Юго-Западном фронте в районе Балаклеи. После переформирования был направлен на Донецкий фронт. Здесь юный Н. Стручков стал участником обороны Сталинграда и окружения немецко-фашистской группировки.

Дальнейший фронтовой путь привел на Курскую дугу, где он стал участником грандиозной битвы за освобождение. Как отмечали фронтовики, большие потери личного состава приводили к тому, что в экипажах часто не хватало стрелков. В таких случаях обращались к добровольцам. Для выполнения таких заданий требовалось большое мужество и героизм [3, с. 28–29]. В числе таких добровольцев всегда был Николай Алексеевич Стручков.

Он прошел Украину, Восточную Белоруссию, участвовал в боях за Чернигов, Гомель, прошел по территории Польши, форсировал Вислу, освобождал Варшаву и дошел до Берлина. За время войны получил два тяжелейших ранения в голову: в 1943 г. под Речицей (Белоруссия) и в 1945 г. в Германии.

Во время боев на Курской дуге Н. А. Стручков был комсоргом полка, а в январе 1945 г. стал помощником начальника политотдела 11 гвардейской штурмовой Черниговско-Речицкой Краснознаменной Ордена Кутузова авиадивизии по работе среди комсомольцев и молодежи.

Долгий фронтовой путь был отмечен орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, многочисленными медалями.

Война для старшего техника лейтенанта Н. Стручкова закончилась в Берлине. Впереди была новая жизнь… Он хотел продолжить службу в армии и подал документы в Военно-юридическую академию. Современники Николая Алексеевича свидетельствовали, что это было делом непростым: все кандидаты – фронтовики, орденоносцы. Конкурс – 20 человек на место [2]. И все-таки в 1946 г. Н. А. Стручков был зачислен слушателем Военно-юридической академии. Он любил учиться и делал это с удовольствием. Во время учебы уже обратил на себя внимание как начинающий исследователь. В семейном архиве сохранился интересный документ, относящийся к указанному периоду: отзыв о работе слушателя IV курса ВЮА гвардии капитана Н. Стручкова «К вопросу о сословно-представительной монархии в России и об организации ею вооруженных сил». В отзыве отмечается, что по своим научным достоинствам, по высокой научно-исследовательской технике и по огромному труду, вложенному автором, работа если и не в полной мере может быть названа кандидатской диссертацией, то, во всяком случае, приближается к ней. Первая работа начинающего исследователя была опубликована в 1948 г. [12].

Обучение в академии завершилось получением диплома с отличием и рекомендацией к обучению в адъюнктуре по кафедре уголовного права. Николай Алексеевич всегда с интересом и творчески относился ко всему новому, это способствовало успешному обучению в адъюнктуре. У него была хорошая школа. Его научным руководителем был профессор В. Д. Меньшагин. В 1954 г. была успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Борьба со взяточничеством по советскому уголовному праву» [4]. Официальными оппонентами выступили профессор А. А. Пионтковский и доцент Н. Н. Загородников. Неофициальных оппонентов представляли начальник академии, председатель совета Г. Пуговкин и майор юстиции кандидат юридических наук В. Н. Кудрявцев. После защиты диссертации новоиспеченный кандидат наук был оставлен преподавателем на кафедре уголовного права.

Начав новое для себя дело преподавателя, Николай Алексеевич принялся активно его осваивать. Он изучал особенности и методику преподавания уголовного права, содержание преподаваемого предмета, что находило отражение в творческих работах [15].

В связи с преобразованиями в Министерстве обороны Николай Алексеевич с мая 1956 г. переходит на службу в органы внутренних дел. Работает старшим преподавателем, доцентом, заместителем начальника кафедры уголовного права Высшей школы МВД СССР. Здесь он обратил свое внимание на вопросы исполнения уголовных наказаний. В 1957 г. была опубликована его монография «Назначение наказания при совокупности преступлений» [9], в 1958 г. работа «Воспитательное значение наказания, связанного с направлением военнослужащего в дисциплинарный батальон» [5].

И. А. Стручков стал одним из организаторов впервые в стране созданной в Высшей школе МВД СССР кафедры исправительно-трудового права и руководил ею с 1958 по 1967 г. Создал на кафедре творческий коллектив и атмосферу поиска. Здесь сформировались и стали развиваться такие научные направления, как исправительно-трудовая педагогика, исправительно-трудовая психология, организация деятельности исправительно-трудовых учреждений и др.

Анализ содержания исследовательской деятельности Н. А. Стручкова, его научных работ свидетельствует о роли и значении этого человека для развития науки.

Обращает на себя внимание своеобразие научных работ ученого. Их отличает масштабность, узнаваемость, глубина и всесторонность рассмотрения обозначенных проблем. Мы обнаруживаем это уже в первых работах. В этом смысле очень показательной, по нашему мнению, является одна из первых работ – «Формы соучастия и ответственность соучастников по советскому уголовному праву» [19].

Статья раскрывает особенности подхода автора к научному исследованию. Она объемна и глубока. Показательно, что при ее написании использовано более 50 источников, среди которых учебники, монографии, научные статьи, материалы диссертационных исследований. Автор обращается не только к теоретическим вопросам и анализу существующих научных воззрений на уголовное право, но и к материалам судебной практики. В статье использованы данные постановлений и определений судов различных инстанций, материалов уголовных дел.

В статье автор обращает внимание на значимость правильного понимания института соучастия. Исследует вопрос всесторонне: анализирует положения законодательства, существующие точки зрения, показывает суть различий во взглядах и мнениях. С нашей точки зрения, не теряет своей научной ценности анализ взглядов на формирование классификации форм соучастия. Автору статьи удалось показать многообразие оснований, которые позволяют классифицировать соучастие по его формам. Здесь Н. А. Стручков опирается на работы известных исследователей: А. А. Герцензона, А. Н. Трайнина, Г. А. Кригера, П. Ф. Гришанина, М. А. Шнейдера и др. Ценным является то, что ученый не сводит это к простому изложению содержания работ, чем, к сожалению, грешат многие, а дает их критический анализ и собственное умозаключение, вывод по существу.

Автор показывает, сколь важно для практической работы правильное определение оснований для классификации форм соучастия и отнесение конкретных ситуаций к одной из них. Он подчеркивает, что теоретическая проблема классификации форм соучастия имеет практическое значение. При этом обращается внимание на важность и необходимость четкого представления о самом понятии соучастия. Сообразно этой логике и сам автор анализирует это понятие, исходя из уголовного законодательства. Ценным для науки и практики явились выводы Н. А. Стручкова о характере и особенностях соучастия, которое по неосторожности привело к общественно опасным последствиям [19, с. 133–137].

Любопытным и поучительным является критический анализ тех точек зрения, которые Николай Алексеевич считал ошибочными. Рассматривая их, он не сводит свои рассуждения к простому отрицанию, а проводит детальный разбор основных позиций с опорой на законодательство, устойчивые теоретические положения, правоприменительную практику [19, с. 130–131, 137–138]. При этом особо стоит подчеркнуть высокую педагогическую значимость такой критики, поскольку Н. А. Стручков является образцом проявления научной и служебной этики. Критически осмысливая чей-то труд, Николай Алексеевич подчеркивает те достоинства и ценность для науки и практики, которые имеет анализируемая работа. И только после этого отмечаются уязвимые позиции или личное несогласие с чьим-то взглядом. В этом проявляется его доброжелательность, интерес к работам коллег, стремление оказать помощь и поддержку. И в этом весь Николай Алексеевич Стручков.

Не теряет своей актуальности его вывод о том, что освещение вопроса о формах соучастия должно основываться на требованиях закона, при этом необходимо не только принимать во внимание ту норму, которая устанавливает институт соучастия, но и проанализировать под нужным углом зрения все законодательство, поскольку исследования, проведенные лишь в соответствии с положениями одной статьи, взятой изолированно, приводят к односторонним выводам [19, с. 143]. Представляется, что этот вывод является очень важным и ценным, поскольку носит методологический характер, что позволяет экстраполировать его на исследования по уголовному праву в целом.

Нельзя не признать, что выводы в то время еще кандидата юридических наук Н. А. Стручкова и сейчас наводят на многие размышления. В частности, его рассуждения о специальных формах соучастия, характерных для совершения определенных преступлений. К ним он в соответствии с законодательством того времени относил организованную группу или шайку. Он не знал и знать не мог, какой характер приобретут они со временем. Но то, что это произойдет, он предполагал. Об этом свидетельствует его замечание о том, что можно допустить существование организованных групп при совершении других (кроме хищения) преступлений, ибо им присущи собственные черты, относящиеся именно к способу совместного участия в преступлении [19, с. 147]. Любопытна характеристика преступного сообщества, данная в статье.

В работе дается краткий, но довольно четкий анализ сложного соучастия. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что анализируется обширная правоприменительная практика, по преимуществу судебная. При этом в одних случаях она используется в качестве иллюстративного материала, а в других – для аргументации выводов. Не остался без внимания и вопрос о видах соучастников [19, с. 158–172].

Статья демонстрирует особый стиль исследования и изложения научного материала. Для этого стиля характерны глубина проникновения в проблему, ретроспективный и сравнительный анализ, аксиологический подход к исследованию. Все это придает свежесть и оригинальность работам, которые выполнены Николаем Алексеевичем по вопросам, казалось бы, давно изученным. Это является свидетельством его прочных методологических познаний и образцом для современных исследователей.

В 1963 г. Н. А. Стручков защитил докторскую диссертацию по теме «Правовое регулирование исполнения наказания (основные проблемы советского исправительно-трудового права)» [13]. Исследуя про-

блемы исправительно-трудового права, дал теоретическое обоснование самостоятельности отрасли исправительно-трудового права, проанализировал систему исправительно-трудовых правоотношений, исследовал правовое положение осужденных к наказаниям, связанным с исправительно-трудовым воздействием, основные средства исправления осужденных. Впоследствии теоретические положения диссертации нашли развитие в монографических работах автора.

В 1964 г. Н. А. Стручкову присвоено ученое звание профессора.

С 1967 г. Николай Алексеевич – заместитель начальника Высшей школы МВД СССР по научной работе. В этом качестве он многое делает для развития современных научных исследований, создания соответствующих научных коллективов, разработки новых курсов.

Развитие науки исправительно-трудового права неразрывно связано с его именем. Им разработана и теоретически обоснована структура исправительно-трудового права, проанализированы основные его институты, исследованы вопросы правового положения осужденных и правового регулирования исполнения наказаний различного вида, изучена система правоотношений, возникающих при исполнении наказаний [11].

Николай Алексеевич является основоположником исправительно-трудового, а затем уголовно-исполнительного права как отрасли права, юридической науки и учебной дисциплины [11]. Более 300 его работ заложили фундамент науки исправительно-трудового права и известны далеко за пределами нашего государства. Ряд работ переведены и изданы на иностранных языках [20–22]. Стоит отметить, что сам Николай Алексеевич владел несколькими иностранными языками. Это позволяло ему, находясь в зарубежных командировках, обходиться без переводчиков, читать лекции и вести беседы самостоятельно. По имеющимся данным, в период с 1960 по 1980 г. профессор Н. А. Стручков практически ежегодно бывал в командировках за рубежом, где изучал опыт правотворчества и правоприменения в области исполнения наказаний. Он посетил Болгарию, Великобританию, ГДР, Кубу, Монголию, Польшу, Португалию, Румынию, Чехословакию, Японию.

Справедливым будет отметить, сколь значительна роль профессора Н. А. Стручкова в формировании и развитии учения об уголовной политике. Им научно обоснованы место и роль уголовной политики в жизни государства и общества, сформировано понятие уголовной политики. Ученый отмечал, что уголовная политика переменчива, объясняя это ее зависимостью от социально-экономических и социально-политических условий жизни и развития государства в конкретные исторические периоды. В своих работах Николай Алексеевич подчеркивал, что государство всегда осуществляет одну политику, которая базируется на единой социально-экономической основе. Но политика проявляется в разных сферах общественной жизни, а это, в свою очередь, связано с различными формами и методами воздействия на общественные отношения во всех сферах жизни, что и позволяет говорить о специфических предметах и направлениях. При этом области проявления уголовной политики тесно связаны между собой [7, с. 6].

Важным для понимания сущности уголовной политики является заключение Н. А. Стручкова о том, что уголовная политика является частью политики социальной.

Стоит подчеркнуть, что, пожалуй, одним из первых Н. А. Стручков показал роль политики, права и морали в общественной жизни и доказал их неразрывную связь. Он говорит о том, что вопросом политики является вопрос о целесообразности тех или иных мер воздействия на правонарушителя, вопросом морали – вопрос о справедливости этих мер, вопросом же права – вопрос об их законности. При этом и право, и мораль оказывают на политику формирующее воздействие. Право же является одним из средств осуществления политики [16, с. 31–33].

Обращает внимание на то, что уголовная политика имеет свои границы и содержание, которое заключается в борьбе с преступностью. Существующие негативные явления: бродяжничество, наркомания, проституция и пр. – он не относил к сфере уголовной политики, но исходил из того, что с ней они все-таки связаны, так как часто являются почвой для преступного поведения [7, с. 11].

Н. А. Стручков считал, что уголовная политика определяет главные направления борьбы с преступностью, формирует содержание деятельности государственных и негосударственных органов, участвующих в этом, их задачи и формы деятельности. Назначение уголовной политики состоит в определении содержания законодательства по вопросам уголовной ответственности, криминализации и декриминализации, дифференциации и индивидуализации ответственности, системы наказаний и их видов. Уголовная политика отражает объективные потребности общества в поиске и разработке наиболее целесообразных и социально ценных средств и мер борьбы с преступностью.

Один из важнейших вопросов уголовной политики – вопрос об уголовной ответственности. И он исследован профессором всесторонне. Ученый сделал вывод о начале и окончании уголовной ответственности, разновидностях и разграничении правоотношений, возникающих в связи с ней. Раскрыл содержание наказания, системы наказаний, их видов и пр. [18, с. 96–253].

Одним из первых Николай Алексеевич обратил внимание на то, что уголовная политика – это управленческая деятельность, связанная с принятием решений и их реализацией в области борьбы с преступностью.

Примечательно, что он внимательно изучает труды, в которых так или иначе затрагиваются вопросы уголовной политики, и отдает дань должного уважения всем, кто уделил этому внимание. При этом показывает, какой вклад в развитие учения об уголовной политике внес тот или иной исследователь как в современный период, так и до 1917 г.

Говоря о наказании, профессор Н. А. Стручков обращает внимание на то, что оно исполняется в рамках исправительно-трудовой политики, которая

тесно связана с уголовной. Николаю Алексеевичу принадлежит первенство в разработке теории исправительно-трудовой политики. Им дано понятие исправительно-трудовой политики, определены ее содержание, задачи, сформулированы и раскрыты принципы, особенности деятельности государственных органов и негосударственных организаций в области исполнения наказаний [16].

До настоящего времени не теряет своего значения вывод Н. А. Стручкова о том, реализация исправительно-трудовой политики тесно связана с педагогикой, учением о личности, разработанным в социологии и специальной психологии [6].

Особенность воздействия, которое оказывается на осужденных, считал Н. А. Стручков, состоит в том, что оно осуществляется в рамках и на основе права, хотя содержание такого воздействия определяется педагогикой и психологией. Реализация исправительно-трудовой политики связана с участием в этом большого числа специалистов разных профилей. Это означает, что их совместная деятельность нуждается в определении и разграничении функций и направлений деятельности, в координации взаимодействия. По мнению профессора, реализация исправительно-трудовой политики есть часть процесса социального управления [10].

Много внимания Н. А. Стручковым уделено вопросу о гуманизме уголовной политики в целом и уголовно-исполнительной в частности. К этому вопросу он возвращается неоднократно, подчеркивая значимость этого принципа для борьбы с преступностью [7; 16; 17].

Ученый подчеркивает, что гуманизм – это не благотворительность, не попустительство или всепрощение. Суть гуманизма заключается в том, что наказание применяется к виновному в интересах обеспечения безопасности общества. Факт изоляции неизбежно влечет за собой страдания осужденных, они носят нравственный характер и не являются самоцелью. Лишения и ограничения есть средства воздействия на осужденного, которые применяются в рамках закона.

Известный вклад Николай Алексеевич внес в развитие науки криминологии. Его интересовало учение о причинах преступности, в особенности личность преступника, прогнозирование индивидуального преступного поведения и преступности как таковой [8; 14]. Он одним из первых обратил внимание на криминологическое исследование преступности в местах лишения свободы. Как свидетельствуют современники, Николаем Алексеевичем был подготовлен курс лекций по криминологии, который был издан в Высшем политическом училище МВД [2, с. 156–157].

Научную работу профессор успешно сочетал с педагогической деятельностью, читал курсы уголовного права, исправительно-трудового права, криминологии. Николай Алексеевич был человеком активным и разносторонним. Сочетал педагогическую деятельность с обширной общественной работой. С 1964 г. являлся членом научно-консультативного совета при Верховном Суде РСФСР. Входил в состав ученых советов Высшей школы МВД СССР, юридического факультета МГУ, Высшей школы им. Ф. Э. Дзержинского, юридического факультета ВПА им. В. И. Ленина. Более шести лет являлся членом экспертной комиссии ВАК при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР.

Николай Алексеевич вел активную общественную работу: был председателем секции по проблемам исправительно-трудового права Научного совета закономерностей развития государства, управления и права АН СССР, консультантом Президиума Верховного Совета СССР по вопросам исправительно-трудового законодательства, членом методического совета по изданию юридической литературы издательства «Юридическая литература».

В 1975 г. профессор Н. А. Стручков был назначен заместителем начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД СССР. Здесь открылись новые возможности для развития и совершенствования науки и практики. Как показывают документальные свидетельства, сам Н. А. Стручков, а также институт под его руководством принимали активное участие в разработке законодательства. В 1976–1977 гг. в институте была выполнена научно-исследовательская работа по теме «Совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства», в ходе которой были выработаны конкретные предложения в этом направлении. Примечательно, что исследование проводилось с привлечением практических органов: ГУИТУ, ГУЛИТУ, СУ, ГУООП, Штаба (Архив ВНИИ МВД России за 1977 г. Д. О-477. Т. 1. Л. 13–15; Т. 2. Л. 4).

Н. А. Стручков принимал непосредственное участие в подготовке законодательных актов, регламентирующих исполнение наказаний. Так, в 1969 г. он участвовал в разработке Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, а также исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Результатом этого стала работа «Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства» [15].

Находясь во главе ВНИИ МВД СССР, Н. А. Стручков принимал участие в разработке проекта и руководил авторским коллективом, который осуществлял деятельность по внесению изменений и дополнений в «Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» в связи с приведением документа в соответствие с Конституцией СССР. К отчету о результатах НИР приложен проект основ с изменениями и дополнениями и обширный инструментарий, использованный при проведении исследования (Архив ВНИИ МВД России за 1979 г. Д. 0-458. Л. 25–92).

Нельзя не отметить, что отчеты о выполнении НИР по своей глубине, научному и практическому уровню, характеру выводов и предложений, особенностям подготовленных проектов официальных документов сами по себе представляют научный и методический интерес.

ВНИИ МВД СССР под руководством Н. А. Стручкова сохранял устойчивый интерес к вопросам исправительно-трудового, позже уголовно-исполнительного права. И несмотря на известную закрытость

этой области, профессор много внимания уделял изучению зарубежного опыта. В институте реализовывалось самостоятельно направление НИР «Изучение действующего законодательства об исполнении наказаний в социалистических странах». Достаточно сказать, что в течение продолжительного времени институт разрабатывал научно-исследовательские темы, связанные с изучением зарубежного законодательства в области исполнения наказаний и практики его применения, руководителем тем являлся Н. А. Стручков (Архив ВНИИ МВД России за 1982 г. Д. 0-823. Отчет по теме НИР «Изучение исполнения уголовных наказаний, не выражающихся в лишении свободы, в Венгерской Народной Республике»; Архив ВНИИ МВД России за 1983 г. Д. 0-688. Отчет по теме НИР «Исполнение наказания в виде лишения свободы в Социалистической Республике Румыния»).

По инициативе Николая Алексеевича в институте было создано координационное бюро по проблемам исправительно-трудового права, которое дважды в год проводило симпозиумы с приглашением к участию широкого круга лиц, заинтересованных в обсуждаемых проблемах совершенствования деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, а также законодательства, регламентирующего эту деятельность.

Активно пропагандировал правовые знания, являясь автором или редактором-консультантом многих статей в юридических словарях, Большой советской энциклопедии, а также членом Союза журналистов.

Вклад профессора Н. А. Стручкова в развитие отечественной науки был оценен по заслугам. Он награжден Орденом Трудового Красного Знамени, большим количеством отечественных и зарубежных орденов и медалей, Почетным знаком «Заслуженный работник МВД». Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

В последние годы жизни Н. А. Стручков был профессором кафедры управления органами, исполняющими наказания, Академии МВД СССР (Академия управления МВД России).

Работы и идеи профессора Н. А. Стручкова не утратили своего методологического и общетеоретического значения и в настоящее время, хотя теория уголовной, уголовно-исполнительной политики, других наук криминального цикла ушла далеко вперед. Как совершенно правильно заметил профессор Н. Н. Загородников, работы Н. А. Стручкова являются тем фундаментом, на котором строилось в последующем изучение, научное осмысление уголовной политики [1].

Сколь подробно не излагалась бы биография этого замечательного человека, правильнее и объемнее, чем сказал о нем Герой Советского Союза Ю. М. Ткачевский, выразить суть такой исторической личности, коей был профессор Николай Алексеевич Стручков, невозможно: «Великий был человек» [3, с. 29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загородников, Н. Н. Генерал в науке, генерал в строю (Николай Алексеевич Стручков: воспоминания о настоящем) / Н. Н. Загородников // Правовые и организационные основы исполнения наказаний : труды Академии МВД СССР. – Москва : Акад. МВД СССР, 1991. – С. 4–16.
2. Побегайло, Э. Ф. Памяти учителя и друга (к 85-летию со дня рождения Н. А. Стручкова) / Э. Ф. Побегайло // Человек: преступление и наказание. – 2007. – № 1. – С. 154–158.
3. Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах России (к 75-летию Н. А. Стручкова) : материалы научно-практической конференции (февраль 1997 г.) / ответственный редактор В. И. Селиверстов. – Москва : Изд-во ВНИИ МВД России, 1997. – 172 с.
4. Стручков, Н. А. Борьба со взяточничеством по советскому уголовному праву : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Стручков Николай Алексеевич. – Москва, 1954. – 19 с.
5. Стручков, Н. А. Воспитательное значение наказания, связанного с направлением военнослужащего в дисциплинарный батальон / Н. А. Стручков. – Москва : [б. и.], 1958. – 64 с.
6. Стручков, Н. А. Исправительно-трудовое право и педагогика / Н. А. Стручков // Советское государство и право. – 1964. – № 5. – С. 70–78.
7. Стручков, Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части / Н. А. Стручков. – Москва : Юрид. лит., 1984. – 240 с.
8. Стручков, Н. А. Личность преступника / Н. А. Стручков // Методологические проблемы учения о личности преступника : тезисы выступлений. – Горький : Горьк. ВШ МВД СССР, 1976. – С. 7–9.
9. Стручков, Н. А. Назначение наказания при совокупности преступлений / Н. А. Стручков. – Москва : Госюриздат, 1957. – 144 с.
10. Стручков, Н. А. Нужна новая концепция исполнения наказания / Н. А. Стручков // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний : труды Академии МВД СССР. – Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1991. – С. 17–36.
11. Стручков, Н. А. О предмете и системе курса советского исправительно-трудового права / Н. А. Стручков // Труды Высшей школы МВД СССР. Выпуск 4. – Москва : НИиРИО, 1959. – С. 57–71.
12. Стручков, Н. А. Понятие и история советской автономии / Н. А. Стручков // Тезисы докладов на второй научной конференции слушателей. – Москва : РИО ВЮА, 1948. – С. 3–8.
13. Стручков, Н. А. Правовое регулирование исполнения наказания (Основные проблемы советского исправительно-трудового права) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Стручков Николай Алексеевич. – Москва, 1963. – 36 с.
14. Стручков, Н. А. Преступность как социальное явление. Лекции по криминологии / Н. А. Стручков. – Ленинград : Высш. полит. училище им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1979. – 120 с.
15. Стручков, Н. А. Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства / Н. А. Стручков. – Москва : Высш. школа МВД СССР, 1972. – 197 с.

16. Стручков, Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1970. – 271 с.
17. Стручков, Н. А. Советское исправительно-трудовое право : курс лекций / Н. А. Стручков. – Москва : Высш. школа МООП РСФСР, 1963. – 224 с.
18. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 288 с.
19. Стручков, Н. А. Формы соучастия и ответственность соучастников по советскому уголовному праву / Н. А. Стручков // Ученые записки. Выпуск 12. – Москва : Всесоюз. ин-т юрид. наук, 1961. – С. 126–175.
20. Struchkov, N. Correction of the convicted: Law, Theory, Practice / Nikolai Struchkov. – Moscow : Progress Publishers, 1982. – 186 p.
21. Struchkov, N. La educacion del penado: leu, teoria, y practica / Nikolai Struchkov. – Moscu : Editorial Progreso, 1985. – 221 p.
22. Strutchkov, N. Reeducation du condamve: Loi, Teorie, Pratique / Nikolai Strutchkov. – Moscou : Edition du Progres, 1982. – 192 p.

REFERENCES

1. Zagorodnikov N.N. General in science, General in the ranks (Nikolai A. Struchkov: memories of the present). In: *Pravovye i organizatsionnye osnovy ispolneniya nakazanii: trudy Akademii MVD SSSR* [Legal and organizational foundations of the execution of punishments: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Akad. MVD SSSR, 1991. Pp. 4–16. (In Russ.).
2. Pobegailo E.F. In memory of a teacher and a friend (to the 85th anniversary of the birth of N.A. Struchkov). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2007, no. 1, pp. 154–158. (In Russ.).
3. *Problemy teorii nakazaniya i ego ispolneniya v novom Ugolovnom i Ugolovno-ispolnitel'nom kodeksakh Rossii (k 75-letiyu N.A. Struchkova): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (fevral' 1997 g.)* [Problems of the theory of punishment and its execution in the new Criminal and Penal Codes of Russia (to the 75th anniversary of N.A. Struchkov): proceedings of the scientific and practical conference (February 1997)]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow: Izd-vo VNII MVD Rossii, 1997. 172 p.
4. Struchkov N.A. *Bor'ba so vzyatochnichestvom po sovetskomu ugolovnomu pravu: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Combating bribery in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1954. 19 p.
5. Struchkov N.A. *Vospitatel'noe znachenie nakazaniya, svyazannogo s naprav-leniem voennosluzhashchego v distsiplinarnyi batal'on* [Educational significance of punishment associated with sending a serviceman to a disciplined battalion]. Moscow: [without printing office], 1958. 64 p.
6. Struchkov N.A. Correctional labor law and pedagogy. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo=Soviet State and Law*, 1964, no. 5, pp. 70–78. (In Russ.).
7. Struchkov N.A. *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Obshchei chasti* [Course of correctional labor law. Problems of the General part]. Moscow: Yurid. lit., 1984. 240 p.
8. Struchkov N.A. Personality of a criminal. In: *Metodologiche-skie problemy ucheniya o lichnosti prestupnika: tezisy vystuplenii* [Methodological problems of the doctrine of the personality of a criminal: summaries of speeches]. Gorky: Gor'k. VSh MVD SSSR, 1976. Pp. 7–9. (In Russ.).
9. Struchkov N.A. *Naznachenie nakazaniya pri sovokupnosti prestuplenii* [Imposition of punishment for a combination of crimes]. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 144 p.
10. Struchkov N.A. A new concept for execution of punishment is needed. In: *Pravovye i organizatsionnye osnovy ispolneniya nakazanii: trudy Akademii MVD SSSR* [Legal and organizational foundations of the execution of punishments: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1991. Pp. 17–36. (In Russ.).
11. Struchkov N.A. On the subject and system of the course of Soviet correctional labor law. In: *Trudy Vysshei shkoly MVD SSSR. Vypusk 4* [Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Issue 4]. Moscow: NIiRIO, 1959. Pp. 57–71. (In Russ.).
12. Struchkov N.A. The concept and history of Soviet autonomy. In: *Tezisy dokladov na vtoroi nauchnoi konferentsii slushatelei* [Abstracts of reports at the second scientific conference of listeners]. Moscow: RIO VYuA, 1948. Pp. 3–8.
13. Struchkov N.A. *Pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazaniya (Osnovnye problemy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the execution of punishment (Key problems of Soviet correctional labor law): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1963. 36 p.
14. Struchkov N.A. *Prestupnost' kak sotsial'noe yavlenie. Lektsii po kriminologii* [Crime as a social phenomenon. Lectures on criminology]. Leningrad: Vyssh. polit. uchilishche im. 60-letiya VLKSM MVD SSSR, 1979. 120 p.
15. Struchkov N.A. *Problemy nauki ispravitel'no-trudovogo prava v svete novogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Problems of the science of correctional labor law in the light of the new correctional labor legislation]. Moscow: Vyssh. shkola MVD SSSR, 1972. 197 p.
16. Struchkov N.A. *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu* [Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1970. 271 p.
17. Struchkov N.A. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: kurs lektsii* [Soviet correctional labor law: course of lectures]. Moscow: Vyssh. shkola MOOP RSFSR, 1963. 224 p.
18. Struchkov N.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 288 p.

19. Struchkov N.A. Forms of complicity and responsibility of accomplices in Soviet criminal law. In: *Uchenye zapiski. Vypusk 12* [Scientific notes. Issue 12]. Moscow: Vsesoyuz. in-t yurid. nauk, 1961. Pp. 126–175. (In Russ.).
20. Struchkov N. *Correction of the convicted: Law, Theory, Practice*. Moscow: Progress Publishers, 1982. 186 p.
21. Struchkov N. *La educacion del penado: leu, teoria, y practica*. Moscu: Editorial Progreso, 1985. 221 p. (In Spanish).
22. Strutchkov N. *Reeducation du condamve: Loi, Teorie, Pratique*. Moscou: Edition du Progres, 1982. 192 p. (In French).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАРИСА ИВАНОВНА БЕЛЯЕВА – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, Москва, Россия, beliaeva_055@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8245-2435

LARISA I. BELYAEVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, beliaeva_055@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8245-2435

Статья поступила 26.10.2022

Научная статья
УДК 343.01
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002

Оптимальная санкция уголовно-правовой нормы: постановка проблемы

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА АЛЕКСАНДРОВА
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, domna80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3611-3301

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме конструирования санкции уголовно-правовой нормы. Демонстрируется несовершенство действующей системы санкций, предлагается понятие оптимальной санкции, сочетающей требования криминологической обоснованности, справедливости, эффективности и системности. *Целью* исследования является анализ научных представлений, идей относительно критериев построения санкции для нахождения оптимальной санкции. *Методы:* исторический, эмпирический, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* получены выводы о содержании и критериях требований криминологической обоснованности, справедливости, эффективности и системности. Показана их взаимозависимость. При этом под криминологической обоснованностью понимается направленность санкции на предупреждение и сокращение преступности как явления, требование справедливости означает соответствие санкции общественной опасности преступления. Требование эффективности санкции означает достаточную степень соответствия полученного результата и поставленных перед санкцией целей – общее предупреждение совершения преступлений, а также способствование достижению целей наказания. Требование системности означает необходимость согласованности санкций друг с другом как в рамках одной статьи, так и в целом в границах Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: санкция уголовно-правовой нормы; оптимальная санкция; конструирование уголовно-правовой санкции; механизм построения санкции; криминологическая обоснованность санкции; справедливость уголовно-правовой санкции; эффективность санкции; требование системности санкции.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Александрова В. В. Оптимальная санкция уголовно-правовой нормы: постановка проблемы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 359–371. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002.

Original article

Optimal Sanction of the Criminal Law Norm: Stating the Problem

VIKTORIYA V. ALEKSANDROVA
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, domna80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3611-3301

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of designing a sanction of the criminal law norm. The author shows imperfection of the current system of sanctions and proposes a concept of optimal sanctions, combining requirements of criminological validity, fairness, effectiveness and consistency. *Purpose*: to optimize scientific ideas about the criteria for designing a sanction to find an optimal sanction. *Methods*: historical, empirical, interpretation; theoretical methods of formal and

© *Александрова В. В., 2022*

dialectical logic; private scientific methods, such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms. *Results*: the author comes to the conclusion about the content and criteria of the requirements of criminological validity, fairness, effectiveness and consistency. Their interdependence is shown. At the same time, criminological validity is understood as the sanction focus on preventing and reducing crime as a phenomenon; the sanction fairness requirement presupposes that it corresponds to the public danger of the crime. The sanction effectiveness requirement means a sufficient degree of conformity of the result obtained and the goals set before the sanction. General prevention of crime commission, as well as contribution to punishment goals achievement are considered as goals. The sanction consistency requirement means the need for consistency of sanctions with each other, both within the framework of one article and in general within the boundaries of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: sanction of the criminal law norm; optimal sanction; designing a criminal law sanction; mechanism to design a sanction; criminological validity of a sanction; fairness of the criminal law sanction; sanction effectiveness; sanction consistency requirement.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Aleksandrova V.V. Optimal sanction of the criminal law norm: stating the problem. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 359–371. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002.

Введение

В настоящее время в науке уголовного права одной из общепризнанных проблем считается проблема конструирования санкции уголовно-правовой нормы. Исследователи единогласно утверждают, что ни теория, ни практика не имеют четкой научно обоснованной системы построения уголовно-правовых санкций, а подходы к их конструированию являются результатом авторских представлений [10, с. 138]. Стало расхожим выражение Э. Ф. Побегайло о том, что проблема конструирования санкций – ахиллесова пята Уголовного кодекса Российской Федерации [36, с. 61].

Действительно, имеется острая необходимость в разработке единого универсального механизма построения санкции – выбора видов и размеров уголовных наказаний для каждого преступления. Наличие такого механизма позволило бы как определять новые санкции, так и привести к единообразию уже работающую систему, недостатки которой убедительно показаны в работах многих специалистов. В настоящее время, по словам А. И. Коробеева, законодатель устанавливает санкции, «исходя из уже существующих санкций по другим составам и из субъективных мнений участников выработки предложений» [39, с. 123]. В пояснительных записках к недавним законопроектам, вносящим изменения в действующее уголовное законодательство, не удалось найти обоснований предлагаемым санкциям. Если в пояснительной записке к законопроекту № 464757-7 встречается хотя бы упоминание о том, что вновь вводимое преступление должно быть отнесено к категории средней тяжести [15], то в пояснительной записке к законопроекту № 536-8, несмотря на развернутую аргументацию о необходимости введения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, ничего не сказано о том, почему законодатель предлагает именно такой набор уголовных наказаний [16].

Показателем несовершенства действующей системы санкций могут служить данные о реальной наказуемости преступлений. Соответствующие исследования преступлений против порядка управления были проведены П. А. Филипповым [52; 53]. В частности, им было установлено, что суды используют предусмотренные размеры санкций не более чем наполовину. Оценка судебной системой преступлений, в том числе в степени общественной опасности и соответствия предусмотренного размера наказания, не совпадает с установленным уголовным законом [53, с. 228].

Несмотря на то что с наличием самой проблемы построения санкции согласны все ученые, на этом единство мнений заканчивается. Разные авторы делают акцент на различных требованиях, предъявляемых к уголовно-правовой санкции, причем эти требования пересекаются лишь частично. Целью настоящего исследования является анализ научных представлений, идей относительно критериев построения санкции с целью нахождения оптимальной санкции. При этом «оптимальный» понимается как «наиболее соответствующий определенным условиям и задачам» [33]. Поэтому под оптимальной санкцией будем понимать такую санкцию, которая обеспечивает необходимый баланс между различными ключевыми требованиями к ее построению. Оптимальная санкция должна наиболее полно отражать сочетание требований криминологической обоснованности, справедливости, эффективности и системности.

Криминологическая обоснованность санкции

Довольно большая группа авторов обращает внимание на необходимость криминологической обоснованности (в юридической литературе термины «криминологическая обоснованность» и «криминологическая обусловленность» часто употребляются как синонимы) санкций уголовно-правовых норм. М. Т. Валеев пишет, что одна из важных задач криминологии – предложить законодателю некий алгоритм отбора наказаний в санкцию, потому что «криминологически необоснованная санкция приводит к неоправданности общественных ожиданий, невозможности достижения целей наказания, перекосам в уголовной политике, непропорциональности кары в санкциях за однородные (схожие) преступления, к неприменяемости и неприменимости установленно-

го наказания, а в конечном итоге к неэффективности наказания, снижению уважения к закону, рецидиву преступлений» [6, с. 5].

Проблема криминологической обоснованности санкции в уголовном праве представляет собой часть более общей проблемы криминологической обоснованности уголовного законодательства, идея которой зародилась еще во второй половине XIX – начале XX вв. В советское время широкую известность в этом вопросе получили труды А. А. Герцензона [9], Э. Ф. Побегайло [37; 38], В. Д. Филимонова [51], Л. И. Спиридонова [43], С. Ф. Милюкова [29] и др. По мнению Д. В. Шебанова, главным критерием криминологической обоснованности уголовного закона и практики его применения должно быть состояние безопасности личности, общества и государства [55, с. 8].

Семантический разбор термина «обоснованный» довольно полно представлен в работе С. С. Босхолова и Б. Б. Бадмаевой [3], в результате которого можно прийти к выводу, что обоснованный означает аргументированный, оправданный, доказанный, мотивированный. А криминологически обоснованный означает, соответственно, аргументированный и оправданный с точки зрения криминологии. В этом аспекте под криминологически обоснованной санкцией уголовно-правовой нормы следует считать такую санкцию, набор наказаний в которой оправдан с точки зрения криминологии.

С этим соглашается и М. Т. Валеев, подчеркивая, что философское определение обоснования подразумевает «способ рациональной аргументации». При этом исследователь подразделяет законотворчество на первичное и вторичное. При первичном законотворчестве криминологически обоснованной будет санкция, во-первых, учитывающая опасность деяния, претендующего на попадание в число преступных, во-вторых, учитывающая личность предполагаемого преступника, в-третьих, учитывающая детерминанты этого криминализируемого преступления, в-четвертых, способствующая предупреждению преступления. При вторичном же законотворчестве, которое предполагает изменение уже существующей санкции уголовно-правовой нормы, криминологическими обоснованиями будут являться частота применения того или иного реального наказания, а также уровень рецидива после назначения наказания из ранее закрепленной санкции [6, с. 7–10]. С мнением М. Т. Валеева можно согласиться лишь частично. Во-первых, нецелесообразным представляется дифференциация критериев криминологической обоснованности для первичного и вторичного законотворчества. Критерии должны быть едиными, независимо от того, вводится ли санкция вновь либо осуществляется ее изменение или дополнение. Во-вторых, излагая критерии криминологической обоснованности для вторичного законодательства, автор, скорее, ведет речь о критериях эффективности санкции.

Криминологически оправданной должна признаваться такая санкция, которая учитывает не только общественную опасность преступления, но и показатели преступности в целом. Это важно, потому что, понимая под преступностью совокупность всех преступлений, совершаемых за определенный период времени на определенной территории, мы прогнозируем влияние новой санкции не только на преступления конкретного вида, но и другие преступления в системе преступности. Так, печально известным является пример необоснованного введения в советское время законом РСФСР от 25.07.1962 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» смертной казни за изнасилование. Как следствие, преступники стали убивать потерпевших, так как и за изнасилование с убийством, и за изнасилование без убийства им грозили одинаковые санкции в виде смертной казни, а вероятность изобличения виновного при убийстве жертвы значительно снижалась [20; 22, с. 641; 35]. Безусловно, важной в указанном аспекте видится проблема прогнозирования коррупционных рисков. Так санкции, содержащие необоснованно широкие диапазоны сроков лишения свободы, большое число альтернативных наказаний, многими специалистами рассматриваются как коррупциогенные [24, с. 292–293].

Весомой составляющей криминологической обоснованности являются данные о личности преступника, учитывать которые при конструировании санкции не менее важно. Так, Н. Ф. Кузнецова отмечает, что в преступлениях, в которых общественная опасность преступника допускает вариативность, санкции должны формулироваться альтернативно, с широкой вилкой размеров наказаний. Например, исключение из УК РФ нормы об особо опасном рецидивисте и, соответственно, отсутствие учета признаков рецидивиста в конструкции санкций в действующем УК РФ является криминологически неоправданным [39, с. 742].

Таким образом, требование криминологической обоснованности является довольно объемным. В самой общей формулировке справедливым представляется мнение Н. Ф. Кузнецовой, что криминологически обоснованный закон – это закон, «нацеленный на сокращение преступности, исходя из ее уровня, динамики, структуры и прогноза» [23, с. 74]. Следовательно, криминологически обоснованная санкция должна учитывать, в частности, общественную опасность деяния, общественную опасность личности предполагаемого преступника, данные о преступности в целом, детерминанты преступности, а также должна быть направлена на предупреждение и сокращение преступности. По мнению А. И. Долговой, вопросы, касающиеся пенализации, должны являться предметом криминологической экспертизы, под которой следует понимать исследование и оценку специалистами-криминологами соответствия документов (например, проектов правовых актов) научно обоснованным требованиям борьбы с преступностью, определению допустимости их принятия или изменения либо реализации с позиции возможного воздействия на преступность, определяющие ее обстоятельства, состояние борьбы с преступностью [40].

Справедливость санкции

Не менее большая группа авторов обращается к требованию справедливости санкции, под которой

чаще всего понимается соответствие наказания общественной опасности преступления. Единогласно утверждается, что санкция должна соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. Действительно, в процессе пенализации проявляется один из уровней справедливости, когда недостаточно объявить какое-то деяние общественно опасным, нужно сконструировать соответствующий справедливый набор наказаний за это деяние. Однако сложность заключается в том, что практически очень трудно оценить, какое именно наказание адекватно общественной опасности конкретного преступления. К настоящему времени не разработан алгоритм определения, какой именно набор наказаний (по виду и размеру) должен соответствовать конкретному сочетанию характера и степени общественной опасности преступления. Более того, в науке до сих пор не определены «стоимостные» показатели общественной опасности самих преступлений [39, с. 131], то есть не ясно, как однозначно определить качество и количество общественной опасности преступления. Нужно также учитывать, что при построении санкции необходимо принимать решение не только о видах и размерах входящих в нее наказаний, но и об оптимальном количестве наказаний в альтернативной санкции, наличии или отсутствии дополнительных наказаний, диапазоне низшего и высшего пределов наказаний, что, в свою очередь, требует установления четких алгоритмов, позволяющих связать, например, альтернативность санкции с общественной опасностью преступления. Многими специалистами поддерживается закономерность, что чем выше общественная опасность деяния, тем менее альтернативна санкция и, наоборот, чем ниже общественная опасность деяния, тем санкция более вариативна [41]. Однако и это общее правило нуждается в уточнении и дальнейшей разработке.

Разумеется, история уголовно-правовых исследований знает немало попыток решить проблему определения характера и степени общественной опасности. Как известно, характер общественной опасности относится к качественной характеристике, а степень – к количественной. Принято считать, что характер общественной опасности определяется сочетанием признаков объекта посягательства, общественно опасных последствий (физических, экономических, организационных и др.), формы вины (умышленной или неосторожной) и способа совершения преступления (насильственного, обманного, группового и т. д.). Степень общественной опасности зависит от размера причиненного ущерба, степени выраженности вины (предумысел, внезапно возникший умысел, неосторожность), опасности конкретного способа посягательства (насилие, опасное для жизни и здоровья, насилие, не опасное для жизни и здоровья) [13; 47].

Однако в судебной практике было сформулирован несколько иной подход. Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечается, что при учете характера общественной опасности следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемый уголовным законом объект, а степень общественной опасности устанавливается в зависимости от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность), а также обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание. Такой подход, определяющий зависимость характера общественной опасности исключительно (или преимущественно) от объекта уголовно-правовой охраны, разделяется многими исследователями [7, с. 89–90; 45, с. 18]. Именно поэтому в научной литературе встречаются соответствующие попытки установления соотношения общественной опасности преступления и карательного содержания наказания. Так, Э. В. Густова предлагает в первую очередь опираться на объект посягательства и тяжесть наступивших последствий: чем значимее социальные отношения и тяжелее последствия, тем суровее должны быть санкции за посягательства на них [10, с. 25; 11, с. 207–208].

Действительно, ведущими для определения общественной опасности преступления являются признаки объекта преступления и его последствий. Иерархическая ценность объектов выбрана законодателем в качестве критерия при построении Особенной части УК РФ. Однако нужно учитывать, что характер общественной опасности как качественная характеристика преступления определяет его сущность, отличительные черты, специфику. Между тем степень общественной опасности обусловливает количество опасности содержащегося в деянии. Поэтому следует признать, что другие признаки состава преступления (кроме объекта и последствий) также влияют на характер общественной опасности. Например, если размер похищенного определяет степень общественной опасности деяния, то способ посягательства (тайный, открытый, насильственный, обманный) – как степень общественной опасности, так и ее характер. Использование беспомощного состояния, а также насильственных способов в составе изнасилования определяет сущность, качественную сторону общественной опасности, представляя собой важные криминообразующие признаки посягательства. М. А. Атальянц приходит к выводу, что способ совершения преступления включается в диспозицию статьи в том случае, когда он оказывает существенное влияние на характер и степень общественной опасности преступления: «способ своими свойствами обеспечивает качественное своеобразие исполнения преступного деяния, причиняющего или могущего причинить наибольший, существенный вред общественным отношениям» [1, с. 126]. Аналогичные рассуждения можно привести и в отношении других признаков состава преступления. Следует согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, которая утверждает, что «преступления, посягающие на один и тот же даже непосредственный объект, могут различаться по своему характеру вследствие различия формы вины» [21, с. 437]. Исследователь приходит к выводу,

что «качественную характеристику каждого преступления составляет содержание обязательных признаков состава соответствующего преступления» [21, с. 438].

Однако если под характером общественной опасности понимать сочетание целого ряда объективных и субъективных признаков состава преступления, то поиск алгоритма соответствия характера общественной опасности видам наказания оказывается еще более затруднительным. Иными словами, для того чтобы обосновать связь лишений и ограничений, составляющих содержание наказания, с характером общественной опасности преступления помимо ценностей объектов посягательства необходимо установить шкалирование способов, мотивов, целей, а также уметь оценивать их всевозможные сочетания, взвешивать эту совокупность признаков для единообразной оценки. Возможно, поэтому В. Н. Кудрявцев сделал вывод, что «прямая связь между видами наказания и характером преступления отсутствует» [6, с. 7].

Эффективность санкции

Следующее важное требование, предъявляемое исследователями к санкции уголовно-правовой нормы, ее эффективность. Вопрос об эффективности санкции является, в свою очередь, частью более общего вопроса об эффективности правового регулирования. По мнению А. С. Пашкова и Д. М. Чечота, «эффективность правового регулирования – это его действенность, результативность, то есть способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении» [34, с. 3]. М. Д. Шаргородский пишет, что эффективность – абстрактное понятие, означающее только способность применяемого средства содействовать достижению желательной цели, а эффективность правовой нормы определяется тем, насколько ее применение способствует достижению целей, поставленных перед правовым регулированием соответствующих общественных отношений [54, с. 287–288]. С. Ю. Бытко также пришел к выводу, что сущность эффективности в случае с уголовным наказанием выражается в способности достигать его целей [4, с. 24]. Впервые определять эффективность наказаний через реализацию их целей предложил Г. А. Злобин в середине прошлого века [49, с. 583]. С таким пониманием эффективности уголовно-правового наказания в той или иной степени согласны все авторы, хотя в современных исследованиях эффективность наказания все чаще понимается не как фактически полученный результат, а как измеренная степень соответствия полученного и ожидаемого результатов.

Стоит также обратить внимание на то, что санкция и наказание хотя и взаимосвязанные понятия, но все же не тождественные. Санкция представляет собой часть уголовно-правовой нормы, определяет модель уголовного наказания, предусмотренного за конкретное преступление [10, с. 26]. Как связаны между собой эффективность наказания и санкции? Во-первых, эффективность наказания понимается исследователями в трех различных аспектах – эффективность санкции, эффективность назначения наказания, эффективность исполнения наказания. Например, В. А. Уткин отмечает, что «эффективность наказания в целом складывается из эффективности закона и эффективности правоприменительной практики» [50, с. 127]. Поэтому эффективность санкции необходимо оценивать с тем допущением, что работа правоохранительных органов остается на неизменном (постоянном) качественном уровне, то есть при оценке эффективности санкции следует абстрагироваться от деятельности судебной и уголовно-исполнительной систем, в отличие от оценки эффективности наказания. Во-вторых, справедливо считать, что санкция призвана обеспечить достижение целей наказания, однако помимо этого в силу своей специфики имеет и собственные цели. Идею о разграничении цели наказания и цели санкции разделяет и Д. А. Гарбатович [8, с. 35]. По мнению О. Э. Лейста, основная задача санкции – предупреждение правонарушений, а если правонарушение совершено, то применение санкции направлено на реализацию задач общей и частной превенции, исправление правонарушителя, восстановление во всех возможных случаях нарушенного правопорядка [25, с. 7]. С общепревентивным воздействием санкции согласны и другие авторы [19, с. 26]. Таким образом, можно сделать вывод, что эффективность санкции определяется через достижение цели общего предупреждения совершения преступлений, а также через способствование достижению целей уголовного наказания. При этом разница между общим предупреждением как целью санкции и общим предупреждением как целью наказания заключается в том, что первая реализуется фактом существования санкции с определенным набором наказаний, а вторая – фактом применения наказания к виновным лицам.

Одной из сложнейших проблем определения эффективности санкции представляется проблема достижения целей наказания, исследованию которой посвящено большое количество работ. Под целью наказания принято понимать «конечный, мыслимо предвосхищаемый результат, которого стремится достичь государство применением наказания» [46, с. 340]. По мнению М. Д. Шаргородского, все цели наказания, кроме цели предупреждения совершения преступлений, либо достигаются самим фактом применения наказания (восстановление справедливости), либо вообще их эффективность не может быть учтена какими-либо конкретными критериями (исправление) [54, с. 291]. Рассмотрим вопросы достижения целей в аспекте оценки эффективности санкции.

1. Общее предупреждение как цель санкции и наказания. По словам Е. В. Фоменко, в науке часто поднимается вопрос о том, с какого именно момента начинает свою работу механизм достижения общего предупреждения [49, с. 606]. Справедливым видится мнение тех авторов, которые считают, что общее предупреждение как цель наказания заключается в том, чтобы посредством наказания осужденного предупредить совершение преступлений другими [30, с. 347; 48, с. 272]. Такое понимание имеет исторические корни, например: в ст. 6 гл. XXII Соборного

уложения 1649 г. было установлено «казнить смертью безо всякой пощады, чтобы, на то глядя, иные такого беззаконного и скверного дела не делали бы» [39, с. 745]. Однако если вести речь об общем предупреждении как цели санкции уголовно-правовой нормы, то механизм общего предупреждения начинает действовать с момента придания соответствующей уголовно-правовой норме юридической силы. Угроза наказанием, заключенным в санкции, воздействует на сознание граждан (неустойчивых лиц), заставляя их воздерживаться от совершения преступления.

Возникает закономерный вопрос: что служит критерием эффективности общего предупреждения? Наиболее приемлемый критерий был представлен еще М. Д. Шаргородским, который предлагал использовать для этого динамику преступности [54, с. 291]. Данный критерий в том или ином виде поддерживается современными авторами. Так, С. Ю. Бытко в целом соглашается с критерием М. Д. Шаргородского, однако справедливо обращает внимание на то, что на преступность влияет множество факторов, и поэтому нужно убедиться, что рост (снижение) общего числа преступлений связаны с неэффективностью (или, наоборот, с эффективностью) уголовного наказания, а не детерминированы иными обстоятельствами. В качестве решения данной задачи автор предлагает сопоставлять уровень преступности в различных социальных группах, что, по его мнению, должно исключить действие других социальных детерминант, так как они обычно не действуют на все группы одновременно [5].

Преступность – сложное социально-правовое явление, которое зависит от ряда объективных и субъективных факторов. В частности, на состояние преступности могут влиять изменение законодательства, экономические процессы, политическая ситуация, эпидемиологическая ситуация, миграционные процессы, меры профилактики преступлений и др. В настоящее время в криминологии не существует ни точного перечня факторов, детерминирующих преступность, ни тем более результатов оценки характера и степени их самостоятельного воздействия на показатели преступности. Следовательно, учитывая вышеназванные причины, согласиться с предложенным критерием можно лишь в самом общем виде.

2. Специальное предупреждение как цель наказания. Цель специального предупреждения принято рассматривать в ее взаимосвязи с целью исправления. Одни авторы рассматривают эти цели как тождественные, так как они стремятся к тому, чтобы осужденный не совершал преступлений в дальнейшем. Другие авторы, признавая взаимосвязь целей, видят различие в том, что исправление – категория, скорее, нравственная, означающая перевоспитание осужденного, изменение его личности, в то время как для специального предупреждения достаточно несовершения лицом новых преступлений (независимо от его нравственных ценностей и убеждений) [49, с. 612–621]. Будем считать, что специальное предупреждение заключается в несовершении лицом нового преступления в дальнейшем независимо от причин (исправление осужденного, страх перед наказанием, отсутствие возможности совершить новое преступление (в частности, по причине изоляции осужденного) и т. п.). При оценке эффективности специального предупреждения возникает вопрос о промежутке времени, в течение которого лицо должно воздерживаться от совершения нового преступления. Возможно ли говорить о недостижении цели специального предупреждения, если лицо совершило новое преступление во время отбывания наказания, сразу после отбытия наказания, после снятия или погашения судимости, спустя 50 лет после отбытия наказания? Справедливо мнение Э. В. Жидкова о том, что со временем после отбытия наказания на осужденного начинают действовать различные факторы, а влияние специального предупреждения ослабевает [14, с. 51]. В научной литературе встречается предложение об ограничении таких сроков полным истечением судимости, то есть специальное предупреждение следует считать реализованным, если осужденный не совершил нового преступления во время исполнения наказания и до момента погашения или снятия судимости [26, с. 64; 44, с. 104]. Аргументом в пользу такой позиции кроме ослабевания со временем силы специального предупреждения может служить правило о том, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью, поэтому при совершении нового преступления лицо будет считаться совершившим преступление впервые.

Что касается критерия оценки эффективности достижения специального предупреждения, то он, по словам М. Д. Шаргородского, представлен динамикой рецидива. Но, как правильно замечает С. Ю. Бытко, «выбор в качестве критерия оценки эффективности специального предупреждения динамики рецидива исключает из поля зрения исследователей огромный пласт неосторожных преступлений, повторение которых не образует данного вида множественности, сочетание в разной последовательности умышленных и неосторожных преступлений, а также умышленных преступлений, судимости за которые в соответствии с п. ''в'' ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитываются при рецидиве преступлений» [5]. Таким образом, имеет смысл рассматривать в качестве критерия эффективности специального предупреждения не динамику рецидива, а показатели роста или снижения (динамику) числа преступлений, совершенных лицами, ранее судимыми за преступления. Данные о таких лицах отражаются в официальной статистике ГИАЦ МВД России, где под ранее судимым за преступление понимается лицо, которое было осуждено в установленном законом порядке и на момент совершения нового преступления имеет неснятую или непогашенную судимость. Тем не менее выбор такого критерия не исключает другие значительные погрешности при оценке, которые вызваны высоким уровнем латентности отдельных видов преступлений, криминогенностью мест лишения свободы, пристальным вниманием правоохранительных органов к ранее судимым лицам и т. д. [5].

3. Исправление осужденного как цель наказания. Как было показано ранее, в научной литературе цель

исправления осужденного понимается неоднозначно. Есть позиция о безусловной поддержке законодателя, включившего исправление в цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [42]. Представители иной позиции не видят возможности сохранения данной цели в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [12]. Спектр мнений авторов, поддерживающих данную цель, представлен от понимания исправления как перевоспитания осужденного до отождествления исправления со специальным предупреждением. Если понимать исправление осужденного как несовершение им новых преступлений, то тогда критериями эффективности будут также выступать динамика числа лиц, ранее судимых за данное преступление. В остальных случаях следует согласиться с большинством специалистов, которые пишут о невозможности оценить степень исправления осужденного. Так, А. А. Герцензон спрашивает: «где же критерии законодательные и практические, когда мы можем сказать: да, лицо, которое характеризуется такими-то данными, можно считать исправившимся, а лицо, которое этими данными не располагает, считать таковым нельзя. Я позволю себе утверждать, что ни в науке исправительно-трудового права, ни в практической деятельности таких ясных критериев нет» [28, с. 87–88]. И. С. Ной также утверждает, что «рекомендовать какие-либо формальные критерии, наличие которых в каждом конкретном случае могло бы свидетельствовать о наступившем моральном исправлении осужденного, наука не может» [32, с. 45].

4. Восстановление социальной справедливости как цель наказания. В философской и юридической литературе приводится множество определений понятия социальной справедливости. Интересно в этом смысле определение, предложенное Г. В. Мальцевым: «в самом общем смысле справедливость означает принятый обществом или господствующим классом в качестве нравственно оправданного и правильного масштаб для соизмерения действий субъекта в пользу (или во вред) общества и других лиц с ответными действиями последних» [27, с. 54]. Большие разногласия в науке вызывает понимание установленного в законе термина «восстановление социальной справедливости». Несмотря на многообразие научных подходов, суть определений, как правило, сводится к воздаянию, плате за совершенное преступление путем трансформации вреда, который причинил преступник, в лишение или ограничение его прав и свобод посредством наказания [49, с. 621–638]. Образно описывает восстановление социальной справедливости Б. С. Никифоров: наказание приводит к восстановлению нормального психологического климата в обществе вследствие погашения преступления наказанием как в социальной реальности, так и в общественном сознании [31, с. 69]. Некоторые авторы включают в содержание данной цели возмещение потерпевшему причиненного материального ущерба и компенсацию морального вреда [18, с. 29]. Противники такого подхода утверждают, что уголовное наказание не носит реститутивного характера, а восстановление нарушенного права возможно в рамках гражданских правоотношений. Так, М. Д. Шаргородский пишет, что наказание не ставит своей целью восстановление нарушенного права – это задача, которая стоит перед гражданским правом [54, с. 256]. Нет единства мнений и по вопросу о том, в какой именно момент времени социальная справедливость считается восстановленной. Одни авторы полагают, что социальная справедливость считается восстановленной с момента вынесения приговора судом, другие утверждают, что указанная цель не может быть достигнута без исполнения приговора [49, с. 631–632]. Не останавливаясь подробно на всех дискуссионных моментах восстановления социальной справедливости, отметим только те, которые имеют значение для решения задачи эффективности санкции.

Если вести речь о восстановлении социальной справедливости как цели наказания, то, действительно, данная цель достигается путем не только вынесения справедливого приговора, но и его исполнения, иначе восстановления социальной справедливости так и не произойдет. Другое дело, если вести речь об эффективности санкции, то есть о ее способности обеспечить достижение такой цели, как восстановление социальной справедливости. Так как эффективность санкции лишь составляющая эффективности наказания, то для санкции достаточно того, чтобы она была соответствующим образом сконструирована, то есть содержала набор наказаний, позволяющий назначать справедливое наказание, а также предоставляла необходимые возможности для индивидуализации наказания. Как было отмечено ранее, на эффективность санкции не влияет качество правоприменительной деятельности.

Из работ некоторых авторов складывается впечатление, что цель восстановления социальной справедливости (как цель наказания) реализуется сама по себе, как только наказание назначается (исполняется). При этом каким именно должно быть это наказание, чтобы социальная справедливость была восстановлена, не указывают вовсе или связывают содержание наказания соответствием уголовно-правовым нормам. Например, И. Д. Бадамшин и В. Б. Поезжалов отмечают, что справедливость в уголовном праве имеет место тогда, когда за деяние, предусмотренное диспозицией, последует наказание, предусмотренное соответствующей санкцией, то есть обусловливают социальную справедливость точным выполнением предписаний уголовно-правовых норм [2, с. 95]. Однако вопрос о том, какое именно наказание по своему карательному содержанию восстановит социальную справедливость, здесь имеет принципиальное значение. Что касается построения санкции, то достаточно констатировать ее справедливость, то есть соответствие набора наказаний характеру и степени общественной опасности деяния. В этом смысле специальные критерии эффективности санкции не требуются. Если санкция соответствует рассмотренному ранее требованию справедливости, то она эффективна, то есть способствует достижению такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости.

Системность санкции

В научной литературе довольно часто встречаются формально-логические требования к построению санкции уголовно-правовой нормы. Одним из важнейших в этом аспекте является требование системности санкции, то есть ее построения с учетом обеспечения принципа системности. Это требование означает необходимость согласованности санкций как в рамках статьи, главы, раздела, так и в целом в границах Особенной части УК РФ [10, с. 114; 17, с. 121]. Г. Л. Кригер справедливо отмечает, что важным условием формирования санкций является соблюдение их внутреннего единства и согласованности, что означает подбор по каждой категории преступлений таких видов наказания, которые бы отражали характер и соотносительную общественную опасность одних преступлений сравнительно с другими [10, с. 114].

В действующем УК РФ встречается немало примеров рассогласованных санкций. Так, значительно отличаются санкции, предусмотренные ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 169, нормы которых соотносятся друг с другом как общая и специальные. Так, за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 169) должностному лицу не может быть назначено лишение свободы, так как самый строгий вид наказания, предусмотренный в санкции, – обязательные работы. Между тем иное злоупотребление должностным лицом своими служебными полномочиями (ч. 1 ст. 285) может повлечь за собой лишение свободы на срок до 4 лет.

Впечатляет соотношение санкций, предусмотренных за хищение предметов, имеющих особую ценность (ч. 1 ст. 164 УК РФ), и за похищение человека (ч. 1 ст. 126 УК РФ). Если за хищение предметов, имеющих особую ценность, предусмотрено лишение свободы на срок до 10 лет, то за похищение человека – до 5 лет.

В научной литературе встречается большое количество соответствующих примеров. Так, Э. В. Густова приводит рассуждения относительно наказания за истязание малолетнего. За истязание малолетнего, не повлекшее тяжкого вреда здоровью (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ), установлен минимальный срок лишения свободы – 3 года. Если же в результате истязания здоровью малолетнего будет причинен тяжкий вред, то минимальным наказанием за данное преступление в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ будет 2 месяца лишения свободы [10, с. 129].

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости «встраивания» новой санкции в систему имеющихся санкций так, чтобы, с одной стороны, она учитывала общественную опасность самого преступления, а с другой – соответствовала уже имеющимся в УК РФ санкциям. Может показаться, что первое требование обеспечивает выполнение второго. Если все санкции сконструированы адекватно характеру и степени общественной опасности преступления, то не должно образовываться внутренних противоречий в системе санкций. Однако это не совсем так. Во-первых, законодатель проводит оценку общественной опасности преступлений в разное время, и возможна такая ситуация, что общественная опасность некоторых преступлений уже изменилась, а законодательные поправки в санкцию внесены не были. Во-вторых, нельзя исключать ошибки при построении санкции, когда законодатель при конструировании не учел или учел не в полной мере один из признаков, определяющих характер и степень общественной опасности деяния. Тем более это верно на том этапе, когда однозначно определить соответствие санкции характеру и степени общественной опасности деяния не представляется возможным.

Заключение

Итак, оптимальная санкция должна соответствовать требованиям криминологической обоснованности, справедливости, эффективности и системности, которые можно отнести к ключевым.

Требование криминологической обоснованности является объемным и многоаспектным. Криминологически обоснованная санкция должна быть направлена на предупреждение и сокращение преступности как явления, соответствовать научно обоснованным требованиям борьбы с преступностью, учитывать, в частности, общественную опасность деяния, общественную опасность личности предполагаемого преступника, данные о преступности в целом, детерминанты преступности и т. д.

Требование справедливости санкции означает соответствие санкции общественной опасности преступления. Необходимо разработать алгоритм, позволяющий установить взаимно-однозначное соответствие между характером и степенью общественной опасности преступления и параметрами санкции (видами и размерами наказаний, альтернативностью санкции, наличием дополнительных наказаний и др.).

Требование эффективности санкции означает достаточную степень соответствия полученного результата и поставленных перед санкцией целей. В качестве целей рассматривается общее предупреждение совершения преступлений, а также способствование достижению целей наказания. Эффективность санкции необходимо оценивать с тем допущением, что работа правоохранительных органов остается на неизменном (постоянном) качественном уровне. В качестве критериев эффективности в самом общем виде можно принять динамику преступности и числа преступлений, совершенных лицами, ранее судимыми за преступления. Однако данные критерии имеют ряд погрешностей и поэтому нуждаются в более тщательной разработке.

Требование системности означает необходимость согласованности санкций друг с другом как в рамках одной статьи, так и в целом в границах Особенной части УК РФ.

Все ключевые требования являются взаимосвязанными и взаимодополняемыми. Так, требование криминологической обоснованности тесно связано с требованием справедливости санкции в аспекте определения характера и степени общественной опасности деяния; требование справедливости санкции связано с требованием системности; требование эффективности связано с требованием справедливости в смысле достижения цели восстановления социальной справедливости и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атальянц, М. А. Способ совершения преступления: уголовно-правовое значение / М. А. Атальянц // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2008. – № 4. – С. 119–128.
2. Бадамшин, И. Д. Восстановление социальной справедливости как цель наказания / И. Д. Бадамшин, В. Б. Поезжалов // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 94–96.
3. Босхолов, С. С. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики / С. С. Босхолов, Б. Б. Бадмаева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3 (21). – С. 28–35. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-kriteriyah-kriminologicheskoy-obosnovannosti-gumanizatsii-ugolovnoy-politiki (дата обращения: 18.08.2022).
4. Бытко, С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания : монография / С. Ю. Бытко. – Москва : РПА Минюста России, 2014. – 135 с. – ISBN 978-5-89172-891-2.
5. Бытко, С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспект : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бытко Сергей Юрьевич. – Саратов, 2018. – 471 с.
6. Валеев, М. Т. Криминологическое обоснование санкций уголовно-правовых норм особенной части УК РФ / М. Т. Валеев // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – С. 5–12.
7. Воронин, В. Н. Влияние общественной опасности преступления на меру наказания / В. Н. Воронин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 7. – С. 88–103.
8. Гарбатович, Д. А. Уголовное наказание: аспекты «эффективности» / Д. А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2014. – Том 14, № 4. – С. 32–37.
9. Герцензон, А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А. А. Герцензон. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 286 с.
10. Густова, Э. В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Густова Элла Владимировна. – Воронеж, 2015. – 204 с.
11. Густова, Э. В. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций в УК РФ / Э. В. Густова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2. – С. 206–216.
12. Дворянсков, И. В. Концептуальные проблемы целей наказания / И. В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 2 (54). – С. 247–259.
13. Епифанова, Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность : монография / Е. В. Епифанова. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 146 с. – ISBN 978-5-43960-049-6.
14. Жидков, Э. В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жидков Эдуард Владимирович. – Рязань, 2004. – 290 с.
15. Законопроект № 464757-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ)» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7 (дата обращения: 18.08.2022).
16. Законопроект № 536-8 «О внесении изменений в статью 116-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части уточнения ответственности за побои)» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/536-8 (дата обращения: 18.08.2022).
17. Иванченко, Е. А. Конструирование уголовно-правовых санкций с учетом новейшей уголовной политики государства / Е. А. Иванченко // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сборник научных трудов / под редакцией Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2008. – С. 120–122.
18. Истомин, А. Ф. Цели наказания / А. Ф. Истомин // Проблемы теории и практики применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов / под редакцией А. И. Алексеева, Э. Н. Жевлакова, Т. Д. Устиновой. – Москва : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, 2004. – С. 26–38.
19. Козлов, А. П. Механизм построения уголовно-правовых санкций : монография / А. П. Козлов. – Красноярск : Издат. центр Краснояр. гос. ун-та, 1998. – 406 с.
20. Козлов, С. И. Целесообразность применения такого вида наказания, как смертная казнь / С. И. Козлов // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. – 2017. – Том 5, № 4 (20). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tselesoobraznost-primeneniya-takogo-vida-nakazaniya-kak-smertnaya-kazn (дата обращения: 18.08.2022).
21. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 832 с. – ISBN 5-94201-205-9.
22. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Том 3 / ответственные редакторы: Н. А. Беляев, Г. З. Анашкин, В. С. Прохоров. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. – 836 с.
23. Курс уголовного права. В 5 томах. Том 1: Общая часть. Учение о преступлении / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 611 с. – ISBN 5-94373-034-6.
24. Лапунин, М. М. Аналитическая справка по исследованию санкций уголовно-правовых норм, размещенных в разделе VII УК РФ / М. М. Лапунин // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сборник научных трудов / под редакцией Н. А. Лопашенко. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2013. – С. 285–300.
25. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы / О. Э. Лейст. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 239 с.

26. Лопашенко, Н. А. Понятие, критерии и показатели эффективности уголовного наказания / Н. А. Лопашенко // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции (Минск, 18–19 октября 2013 г.) / ответственный редактор И. О. Грунтов. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – С. 64–66. – ISBN 978-985-553-143-3.
27. Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право / Г. В. Мальцев. – Москва : Мысль, 1977. – 255 с.
28. Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.) / главный редактор С. С. Студеникин. – Москва : Изд-во ВШ МВД СССР, 1957. – 228 с.
29. Милюков, С. Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Милюков Сергей Федорович. – Санкт-Петербург, 2000. – 422 с.
30. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 2 томах. Том 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрид. лит., 2004. – 496 с.
31. Никифоров, Б. С. Наказание и его цели / Б. С. Никифоров // Советское государство и право. – 1981.– № 9. – С. 63–71.
32. Ной, И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве / И. С. Ной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1962. – 156 с.
33. Оптимальный // Академик : сайт. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/40963/оптимальный (дата обращения: 18.08.2022).
34. Пашков, А. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А. С. Пашков, Д. М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.
35. Петрухин, И. Л. Еще раз о смертной казни / И. Л. Петрухин // Юридический мир. – 2002. – № 4. – С. 4–11.
36. Побегайло, Э. Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации / Э. Ф. Побегайло // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. – Москва : ЛексЭст, 2003. – С. 57–62.
37. Побегайло, Э. Ф. О криминологической обоснованности изменений в Уголовный кодекс РФ / Э. Ф. Побегайло // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского (к столетию со дня рождения), 1–2 июля 2004 г., Санкт-Петербург / под редакцией Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина. – Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та., 2005. – С. 54–63.
38. Побегайло, Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование / Э. Ф. Побегайло ; под редакцией В. В. Труфанова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. – 206 с.
39. Полный курс уголовного права. В 5 томах. Том 1. Преступление и наказание / под редакцией А. И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с. – ISBN 978-5-94201-541-1.
40. Проект Федерального закона «О криминологической экспертизе» // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой : сайт. – URL: http://crimas.ru/?p=1685 (дата обращения: 18.08.2022).
41. Пудовочкин, Ю. Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм / Ю. Е. Пудовочкин, В. К. Андрианов // Российский юридический журнал. – 2018. – № 5. – С. 71–84.
42. Селиверстов, В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания / В. И. Селиверстов // Вестник Самарского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 65–73.
43. Спиридонов, Л. И. Социология уголовного права / Л. И. Спиридонов. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 237 с.
44. Тагиев, М. Н. Уголовное наказание в системе мер воздействия на преступность / М. Н. Тагиев. – Баку : Ин-т философии и права АН АзССР, 1989. – 123 с.
45. Тер-Акопов, А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А. А. Тер-Акопов. – Москва : Юркнига, 2003. – 478 с. – ISBN 5-95890-004-8.
46. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для бакалавров / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – 3-е изд., [перераб. и доп.]. – Москва : Проспект, 2013. – 563 с. – ISBN 978-5-392-09354-0.
47. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под редакцией В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. – 879 с. – ISBN 978-5-8354-0856-6.
48. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2013. – 442 с. – ISBN 978-5-392-07543-0.
49. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Том 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 2. Цели, система и эффективность уголовного наказания / под редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 760 с. – ISBN 978-5-4396-2161-3.
50. Уткин, В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций / В. А. Уткин. – Томск : Издат. дом Том. гос. ун-та, 2018. – 239 с. – ISBN 978-5-94621-680-7.
51. Филимонов, В. Д. Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 213 с.
52. Филиппов, П. А. Преступления против порядка управления в отечественном уголовном праве : монография / П. А. Филиппов. – Москва : Проспект, 2020. – 872 с. – ISBN 978-5-392-31456-0.
53. Филиппов, П. А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Филиппов Павел Александрович. – Москва, 2017. – 621 с.
54. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву / М. Д. Шаргородский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 434 с.
55. Шебанов, Д. В. Криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения в сфере охраны собственности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шебанов Дмитрий Валерьевич. – Краснодар, 2017. – 21 с.

REFERENCES

1. Atal'yants M.A. The method of committing a crime: criminal and legal significance. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo=The Moscow University Herald. Series 11. Law*, 2008, no. 4, pp. 119–128. (In Russ.).
2. Badamshin I.D., Poezzhalov V.B. The restoration of social justice as the purpose. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian legislation*, 2013, no. 2, pp. 94–96. (In Russ.).
3. Boskholov S.S., Badmaeva B.B. On the concept and criteria of criminological substantiation of humanizing criminal policy. *Kriminologicheskii zhurnal OGUEP=Criminology Journal of ONUEL*. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-kriteriyah-kriminologicheskoy-obosnovannosti-gumanizatsii-ugolovnoy-politiki (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
4. Bytko S.Yu. *Effektivnost' preduprediteľnogo vozdeistviya ugolovnogo nakazaniya: monografiya* [Effectiveness of preventive impact of criminal punishment: monograph]. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2014. 135 p. ISBN 978-5-89172-891-2
5. Bytko S.Yu. *Effektivnost' preduprediteľnogo vozdeistviya ugolovnogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskii i prikladnoi aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Effectiveness of the preventive effect of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspect: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2018. 471 p.
6. Valeev M.T. Criminological substantiation of penal sanctions of the special part of the criminal code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya=Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 5–12. (In Russ.).
7. Voronin V.N. The influence of public danger of crime on the measure of punishment. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina=Bulletin of the O.E. Kutafin University*, 2015, no. 7, pp. 88–103. (In Russ.).
8. Garbatovich D.A. Criminal punishment: aspects of "effectiveness". *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo=Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, 2014, vol. 14, no. 4, pp. 32–37. (In Russ.).
9. Herzenzon A.A. *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya. Problemy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnoi politiki* [Criminal law and sociology. Problems of sociology of criminal law and criminal policy]. Moscow: Yurid. lit., 1970. 286 p.
10. Gustova E.V. *Postroenie sanktsii v ugolovnom prave Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskii aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Designing sanctions in the criminal law of the Russian Federation: theoretical aspect: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Voronezh, 2015. 204 p.
11. Gustova E.V. Theoretical foundations of the construction of criminal sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo=Bulletin of the VSU. Series: Pravo*, 2015, no. 2, pp. 206–216. (In Russ.).
12. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
13. Epifanova E.V. *Obshchestvennaya opasnost' kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel'naya definitsiya: istoriya i sovremennost': monografiya* [Public danger as a scientific category, legislative definition: history and modernity: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2012. 146 p. ISBN 978-5-43960-049-6.
14. Zhidkov E.V. *Chastnoe preduprezhdenie prestuplenii kak tsel' primeneniya ugolovnogo nakazaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Private crime prevention as the purpose of criminal punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2004. 290 p.
15. Draft Law No. 464757-7 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (regarding establishment of criminal liability for actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation). *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti: ofitsial'nyi sait* [System of ensuring legislative activities: official website]. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7 (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
16. Draft Law No. 536-8 "On amendments to Article 116-1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (in terms of clarifying responsibility for fighting). *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti: ofitsial'nyi sait* [System of ensuring legislative activities: official website]. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/536-8 (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
17. Ivanchenko E.A. Constructing criminal-legal sanctions taking into account the latest criminal policy of the state. In: Lopashenko N.A. (Ed.). *Ugolovno-pravovoi zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoi prestupnost'yu: sbornik nauchnykh trudov* [Criminal-legal prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: collection of scientific papers]. Saratov: Satellit, 2008. Pp. 120–122. (In Russ.).
18. Istomin A.F. Goals of punishment. In: Alekseev A.I., Zhevlakov E.N., Ustinova T.D. (Eds.). *Problemy teorii i praktiki primeneniya ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of theory and practice of application of criminal and criminal procedure legislation: collection of scientific papers]. Moscow, 2004. Pp. 26–38. (In Russ.).
19. Kozlov A.P. *Mekhanizm postroeniya ugolovno-pravovykh sanktsii: monografiya* [Mechanism of construction of criminal law sanctions: monograph]. Krasnoyarsk: Izdat. tsentr Krasnoyar. gos. un-ta, 1998. 406 p.
20. Kozlov S.I. The expediency of applying such a penalty as the death penalty. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo=Science. Society. State*, 2017, vol. 5, no. 4 (20). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tselesoobraznost-primeneniya-takogo-vida-nakazaniya-kak-smertnaya-kazn (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
21. Kuznetsova N.F. *Izbrannye trudy: sbornik* [Selected works: collection]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2003. 832 p. ISBN 5-94201-205-9.
22. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast' osobennaya. Tom 3* [Course of Soviet criminal law. Special Part. Volume 3]. Ed. by Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1973. 836 p.
23. *Kurs ugolovnogo prava. V 5-ti tomakh. Tom 1: Obshchaya chast'. Uchenie o prestuplenii* [Course of criminal law. In 5 volumes. Volume 1: General part. Doctrine of crime]. Ed. by Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 611 p. ISBN 5-94373-034-6.

24. Lapunin M.M. Analytical reference on the study of sanctions of criminal law norms placed in Section VII of the Criminal Code of the Russian Federation. In: Lopashenko N.A. (Ed.). *Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyi zakon: sbornik nauchnykh trudov* [Crime, criminal policy, criminal law: collection of scientific papers]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yur. akad., 2013. Pp. 285–300. (In Russ.).
25. Leist O.E. *Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu: (Teoreticheskie problemy)* [Sanctions and responsibility under Soviet law. Theoretical problems]. Moscow: Izd-vo MGU, 1981. 239 p.
26. Lopashenko N.A. Concept, criteria and indicators of the effectiveness of criminal punishment. In: *Gruntov I.O. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya i mekhanizmov funktsionirovaniya sistemy protivodeistviya prestupnosti: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Minsk, 18–19 oktyabrya 2013 g.)* [Improvement of legal regulation and mechanisms of functioning of the crime prevention system: materials of the International scientific and practical conference (Minsk, October 18–19, 2013)]. Minsk: Izd. tsentr BGU, 2013. Pp. 64–66. ISBN 978-985-553-143-3. (In Russ.).
27. Mal'tsev G.V. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social justice and law]. Moscow: Mysl', 1977. 255 p.
28. *Materialy teoreticheskoi konferentsii po voprosam sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava (mai 1957 g.)* [Materials of the theoretical conference on Soviet correctional labor law (May 1957)]. Ed. by Studenikin S.S. Moscow: Izd-vo VSh MVD SSSR, 1957. 228 p.
29. Milyukov S.F. *Problemy kriminologicheskoi obosnovannosti rossiiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Problems of criminological validity of Russian criminal legislation: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2000. 422 p.
30. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs lektsii. V 2-kh tomakh. Tom 1. Obshchaya chast'* [Russian criminal law: course of lectures. In 2 volumes. Volume 1. General part]. Moscow: Yurid. lit. 2004, 496 p.
31. Nikiforov B.S. Punishment and its goals. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo=The Soviet State and Law*, 1981, no. 9, pp. 63–71. (In Russ.).
32. Noah I.S. *Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugolovnom prave* [Issues of the punishment theory in Soviet criminal law]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1962. 156 p.
33. Optimal. *Akademik: sait* [Academician: website]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/40963/optimal'nyi (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
34. Pashkov A.S, Chechot D.M. Effectiveness of legal regulation and methods of its detection. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo=The Soviet State and Law*, 1965, no. 8, pp. 3–11. (In Russ.).
35. Petrukhin I.L. Once again about the death penalty. *Yuridicheskii mir=Legal World*, 2002, no. 4, pp. 4–11. (In Russ.).
36. Pobegailo E.F. The concept of combating crime and problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation. In: *Pyat' let deistviya UK RF: itogi i perspektivy: materialy 11 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, sostoyavsheisya na yuridicheskom fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 30–31 maya 2002 g.* [Five years of the Criminal Code of the Russian Federation: results and prospects: materials of the 11th international scientific and practical conference held at the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University on May 30–31, 2002]. Moscow: LeksEst, 2003. Pp. 57–62. (In Russ.).
37. Pobegailo E.F. On the criminological validity of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. In: Kropachev N.M., Volzhenkin B.V. (Eds.). *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: traditsii, sovremennost', budushchee: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora M.D. Shargorodskogo (k stoletiyu so dnya rozhdeniya), 1–2 iyulya 2004 g., Sankt-Peterburg* [Russian criminal law: traditions, modernity, future: materials of the scientific conference dedicated to the memory of Professor M.D. Shargorodskii (to the centenary of his birth), July 1–2, 2004, Saint Petersburg]. Saint Petersburg: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. Pp. 54–63. (In Russ.).
38. Pobegailo E.F. *Umyshlennye ubiistva i bor'ba s nimi. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Premeditated murders and the fight against them. Criminal law and criminological research]. Ed. by Trufanov V.V. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1965. 206 p.
39. *Polnyi kurs ugolovnogo prava: prestuplenie i nakazanie. V 5-ti tomakh. Tom 1. Prestuplenie i nakazanie* [Full course of criminal law: crime and punishment. In 5 volumes. Volume 1. Crime and punishment]. Ed. by Korobeev A.I. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press. 2008. 1,133 p. ISBN 978-5-94201-542-8.
40. Draft Federal Law "On criminological expertise". *Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya imeni Azalii Ivanovny Dolgovoi: sait* [Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova: website]. Available at: http://crimas.ru/?p=1685 (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
41. Pudovochkin Yu.E., Andrianov V.K. Structural regulatories and rules for constructing sanctions of criminal-legal norms. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Law Journal*, 2018, no. 5, pp. 71–84 (In Russ.).
42. Seliverstov V.I Correctional doctrine and its impact on the status of an induvidual exonerated from serving their sentences. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta=Juridical Journal of Samara University*, 2018, no. 2, pp. 65–73. (In Russ.).
43. Spiridonov L.I. *Sotsiologiya ugolovnogo prava* [Sociology of criminal law]. Moscow: Yurid. lit., 1986. 237 p.
44. Tagiev M.N. *Ugolovnoe nakazanie v sisteme mer vozdeistviya na prestupnost'* [Criminal punishment in the system of measures of influence on crime]. Baku: In-t filosofii i prava AN AzSSR, 1989. 123 p.
45. Ter-Akopov A.A. *Prestuplenie i problemy nefizicheskoi prichinnosti v ugolovnom prave* [Crime and problems of non-physical causality in criminal law]. Moscow: Yurkniga, 2003. 478 p. ISBN 5958900048.
46. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal law of Russia. General Part: textbook for bachelors]. Moscow: Prospekt, 2013. 563 p. ISBN 978-5-392-09354-0.
47. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov* [Criminal law of Russia. General Part: textbook for universities]. Ed. by Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. Moscow: Statut, 2012. 879 p. ISBN 978-5-8354-0856-6.
48. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal law. General part: textbook for bachelors]. Ed. by Chuchaev A.I. Moscow: Prospekt, 2013. 442 p. ISBN 978-5-392-07543-0.

49. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs v 10 tomakh. Tom 1. Ponyatie, tseli ugolovnogo nakazaniya. Sistema ugolovnogo nakazaniya. Kniga 2. Tseli, sistema i effektivnost' ugolovnogo nakazaniya* [Criminal law. General part. Punishment. Academic course in 10 volumes. Volume 1. Concept and goals of criminal punishment. System of criminal punishment. Book 2. Goals, system and effectiveness of criminal punishment]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow: Yurlitinform, 2021. 760 p. ISBN 978-5-4396-2161-3.
50. Utkin V.A. *Problemy teorii ugolovnykh nakazanii: kurs lektsii* [Problems of the theory of criminal penalties: course of lectures]. Tomsk: Izdat. dom Tom. gos. un-ta, 2018. 239 p. ISBN 978-5-94621-680-7.
51. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava* [Criminological foundations of criminal law]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 213 p.
52. Filippov P.A. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya v otechestvennom ugolovnom prave: monografiya* [Crimes against the order of management in domestic criminal law: monograph]. Moscow: Prospekt, 2020. 872 p. ISBN 978-5-392-31456-0.
53. Filippov P.A. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: teoretiko-prikladnye problemy i doktrinal'naya model' ugolovnogo zakona: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Crimes against the order of management: theoretical and applied problems and the doctrinal model of criminal law: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2017. 621 p.
54. Shargorodskii M.D. *Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu* [Selected works on criminal law]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2003. 434 p.
55. Shebanov D.V. *Kriminologicheskaya obosnovannost' ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya v sfere okhrany sobstvennosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminological validity of criminal legislation and its application in the field of property protection: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2017. 21 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА АЛЕКСАНДРОВА – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, domna80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3611-3301

VIKTORIYA V. ALEKSANDROVA – Candidate of Sciences (Law), Assistant at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, domna80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3611-3301

Статья поступила 28.08.2022

Научная статья
УДК 343.85
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.003

Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики, Вологда, Россия
diw@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0542-5254

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СИКА
Новосибирская психиатрическая больница специализированного типа интенсивного наблюдения ГУФСИН России по Новосибирской области, Новосибирск, Россия, vibesam@gmail.com

Реферат
Введение: статья посвящена исследованию важной научной проблемы – влиянию криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам. Рассматривается современное состояние преступности указанной категории лиц, а также проблемы ее профилактики. Исследуется криминальная (тюремная) субкультура как существенный криминогенный фактор. *Цель:* исследование применения уголовного наказания в виде принудительных работ для выявления организационных проблем, в том числе с профилактикой преступлений лиц, осужденных к этому наказанию. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовно-исполнительного права и криминологии методы – анализ и синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический, социологический. *Результаты:* установлено, что совершение преступлений осужденными к принудительным работам во многом обусловлено, с одной стороны, недостаточно отлаженными правовым и организационным механизмами профилактической работы с таким контингентом, с другой – особенностями его состава: значительную часть спецконтингента, состоящего на учете в исправительных центрах (участках исправительных центров, участках исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры), составляют лица, освобожденные из исправительных учреждений различных видов режима, в которых они отбывали наказание, в том числе за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, на основании ст. 80 УК РФ (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания). Именно эта категория осужденных является основными носителями криминальной (тюремной) субкультуры, которую они усвоили в местах лишения свободы. По результатам проведенного социологического исследования, в основном преступления в исправительных центрах совершают именно такие осужденные. *Выводы:* авторы приходят к ряду выводов. Исследованы криминологические аспекты влияния криминальной (тюремной) субкультуры на преступность осужденных к принудительным работам как на территории исправительных центров (участков исправительных центров, участков, функционирующих в режиме исправительных центров), так и за их пределами, проанализированы их причины и сопутствующие факторы. Изучены формы и методы противодействия распространению криминальной (тюремной) субкультуры, профилактической работы с осужденными к принудительным работам. Выработаны теоретические подходы и конкретные меры профилактического характера. Сформулированы обладающие научной новизной предложения теоретического, практического и законодательного характера, направленные на совершенствование профилактики преступлений, совершаемых осужденными к принудительным работам.

Ключевые слова: принудительные работы; исправительные центры; изолированные участки, функционирующие как исправительные центры; осужденные; криминальная (тюремная) субкультура; предупреждение преступлений; профилактическая деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В., Сика А. М. Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 372–379. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.003.

© *Дворянсков И. В., Сика А. М., 2022*

Original article
UDC 343.85
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.003

Criminal Subculture Influence on Criminal Behavior of Those Sentenced to Forced Labor

IVAN V. DVORYANSKOV
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, Vologda Institute of Law and Economics, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0542-5254

ANDREI M. SIKA
Novosibirsk Psychiatric Hospital of the Specialized Type of Intensive Observation of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk Oblast, Novosibirsk, Russia, vibesam@gmail.com

Abstract
Introduction: the article is devoted to the study of an important scientific problem – the influence of criminal subculture on criminal behavior of those sentenced to forced labor. The modern state of criminality among the specified category of persons and problems of its prevention are considered. A criminal (prison) subculture as an essential criminogenic factor is studied. *Purpose*: to study the use of criminal punishment in the form of forced labor for identifying organizational problems, including with prevention of crimes of persons sentenced to this punishment. *Methods*: the research is based on the dialectical approach to the study of social processes and phenomena. The following methods, traditional for penal law and criminology sciences, are used: analysis and synthesis; comparative legal; formal legal; sociological. *Results*: commission of crimes by those sentenced to forced labor is largely due, on the one hand, to insufficiently established legal and organizational mechanisms of preventive work with such a contingent. On the other hand, it is necessary to take into account the specifics of its composition: a significant part of the special contingent registered with the correctional center consists of persons transferred from correctional institutions of various regime types, including for committing grave and especially grave crimes, under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation (commutation of punishment). It is this category of convicts who disseminate a criminal (prison) subculture that they got into in places of imprisonment. According to results of the sociological research, crimes in correctional centers are mainly committed by such convicts. *Conclusions*: the authors come to a number of conclusions. Criminological aspects of the criminal (prison) subculture influence on the criminality of those sentenced to forced labor, both on the territory of correctional centers (areas of correctional centers, areas functioning as correctional centers) and beyond, their causes and related factors are analyzed. Forms and methods of countering the spread of the criminal (prison) subculture, preventive work with convicts to forced labor, are studied. Theoretical approaches and specific preventive measures are developed. Proposals of a theoretical, practical and legislative nature with scientific novelty are formulated, aimed at improving prevention of crimes committed by those sentenced to forced labor.

Keywords: forced labor; correctional centers; isolated areas functioning as correctional centers; convicts; criminal (prison) subculture, crime prevention; preventive activities.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dvoryanskov I.V., Sika A.M. Criminal subculture influence on criminal behavior of those sentenced to forced labor. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 372–379. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.003.

Введение

На современном этапе криминальная (тюремная) субкультура является имманентной чертой менталитета большей части осужденных, обладая специфическими проявлениями, касающимися определения традиций и атрибутов преступного мира, смысловой и семантической основы взаимоотношений как внутри сообщества, так и во вне, в частности с работниками уголовно-исполнительной системы, иных правоохранительных органов. В литературе встречаются и другие термины, например криминальная идеология, пенитенциарная субкультура. Дефиниция «криминальная (тюремная) субкультура» используется нами потому, что мы полагаем и имеем все основания считать, что ее основным источником являются места лишения свободы, все остальные проявления (в частности, АУЕ, запрещенное в Российской Федерации) производны от нее.

Многочисленные исследования подтверждают прямое влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных [1–3; 5–10; 12–19].

Общая характеристика проблемы

Характерной особенностью взаимоотношений в криминальной среде является борьба за доминирование. В результате происходит насаждение более сильными («авторитетными») представителями сообщества норм поведения («понятий») для основной массы осужденных.

Важно отметить, что при внешнем постулировании принципов равенства и справедливости фактически данными нормами устанавливается жесткая иерархия, в которой меньшинство, находящееся наверху, дикутует свои правила большинству, ставя его в неравное и зачастую унизительное положение. Происходит сегрегация социальной среды осужденных на группы, имеющие различный статус в сообществе.

Рассмотрим отдельные атрибуты криминальной (тюремной) субкультуры.

1. Жаргон. С начала XVIII в. складывался специальный воровской сленг – жаргон, арго, блатная феня. Этот метаязык выполнял функцию определенной кодировки ценностей, интересов, понятий, делая разговор между посвященными непонятным для окружающих. Разумеется, знание жаргона является своеобразным (первоначальным) пропуском (паролем) к общению.

Изучению блатной музыки, фени всегда уделялось внимание в специальной научной и учебной литературе, а также при подготовке оперативных работников, сотрудников исправительных учреждений и т. п.

Очевидно, что преступный жаргон не является застывшей семантической системой. Как и любой язык, он развивается под влиянием общей культурной среды, исторических, политических и прочих факторов. В этой связи члену криминального сообщества либо лицу, стремящемуся туда внедриться, важно не только владеть преступным арго, но и постоянно отслеживать его изменения, общаться на актуальной в текущее время версии. В противном случае он в лучшем случае будет исторгнут из этой среды, в худшем – подвергнут определенным санкциям.

2. Клички (прозвища, погоняла). Особую роль в среде осужденных при общении играют клички (прозвища, погоняла). По определению, кличка – это конспиративное или шутливое, насмешливое прозвище. В среде осужденных клички присваиваются практически по любому поводу. Обычно они отражают яркие отличительные особенности их носителя (физические недостатки или достоинства), характер, элементы биографии и т. п. Кроме того, прозвища иногда являются производными от имени или фамилии лица.

3. Татуировки как знаковый символ отражают один из срезов социального общения в среде подобных. Относятся к невербальным средствам общения осужденных. При этом нужно отличать тюремные наколки от прочих тату. Их особенность состоит в высокой информативности, зашифрованности информации о статусе, криминальной профессии, биографии, склонностях и взглядах носителя. Просто так сделать тюремную наколку нельзя. За нее нужно «дать ответ», то есть соответствовать ей. В противном случае следует требование ее свести либо наказание.

4. Масти, группы, касты. В среде осужденных существует жесткая иерархия, определяемая весьма архаичными и порой дискриминационными признаками, зависящими от криминальной специализации, воровского стажа, авторитета в преступной среде и даже национальности, религиозных взглядов. Характерно, что в преступной среде нет четко выраженной системы социальных лифтов. Это выражается в том, что достичь высшей ступени в преступной иерархии могут не все, причем не только из-за личностных данных, но и по априорно присущим личности признакам. Так, высшей иерархии не может достичь женщина (хотя в истории были исключения, например Софья Блювштейн, известная под кличкой Сонька Золотая Ручка).

В местах исполнения наказаний существуют своеобразные градации, применимые только к этому специфическому сообществу. В зависимости от социально-нравственной ориентации выделяются группы положительной и отрицательной направленности.

К сожалению, криминальная субкультура обладает высокой контагиозностью (заразностью), в том числе в отношении лиц, не являющихся ее представителями. Так, сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы отмечают, что они нередко пользуются в своей работе терминологией неформального деления, а иногда и характеризуют, оценивают и изучают осужденных с этих позиций. В основе неформального деления на группы лежат различные отношения между осужденными, которые основаны на обычаях и традициях преступного мира, сложившиеся и укоренившиеся настолько давно, что имеют собственную историю.

Указанное предполагает необходимость изучения характерных признаков криминальной (тюремной) субкультуры в целях более эффективного поиска мер, направленных на противодействие ее укреплению как фактору, влияющему не только на пенитенциарную преступность, но и на деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы.

На сегодняшний день серьезным фактором, провоцирующим преступность в учреждениях, исполняющих принудительные работы, – исправительных центрах (ИЦ), участках исправительных центров (УИЦ), участках исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ) – остается направление в них осужденных, которым лишение свободы заменено в порядке ст. 80 УК РФ принудительными работами. Современная редакция указанной статьи допускает такую замену в отношении лиц, осужденных за преступления любой категории тяжести, в том числе особо тяжкие.

Как отмечают практики, значительную часть спецконтингента, находящегося на учете в ИЦ (УФИЦ), составляют именно лица, освобожденные из исправительных учреждений различных видов режима, в которых они отбывали наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Представители этой категории осужденных чаще других совершают преступления и другие правонарушения и являются носителями криминальной (тюремной) субкультуры, усвоенной ими в исправительных учреждениях и привносимой в условия отбывания принудительных работ.

Кроме того, серьезным криминогенным фактором является сложившаяся ситуация, когда лица, неоднократно судимые, содержатся в ИЦ (УФИЦ) совместно с ранее не судимыми лицами, работают с ними на одном предприятии, имея возможность оказывать на них негативное влияние, приобщая к криминальной субкультуре.

Проблема влияния криминальной субкультуры решается посредством коллективной и индивидуальной воспитательной работы. Так, сотрудники ИЦ (УФИЦ, УИЦ) отмечали нежелание таких осужденных работать в коллективе вместе с женщинами из гражданского персонала предприятия, особенно когда они выполняют в отношении них руководящие функции (мастер, бригадир и т. п.).

Отмечаются случаи дифференциации неформального статуса осужденных, нарушения прав тех из них, кто имеет низкий статус в криминальной среде.

В период отбывания принудительных работ осужденные могут прибегнуть к действиям демонстративно-шантажного характера в основном для того, чтобы обратить на себя внимание (с целью заслужить авторитет в коллективе, заставить администрацию облегчить правила внутреннего распорядка либо пойти на иное послабление режима). На сегодняшний день администрация ИЦ не может принять каких-либо адекватных мер, кроме проведения воспитательной работы.

Как отмечают сотрудники ИЦ (УФИЦ, УИЦ), более склонны к совершению правонарушений осужденные, постоянно проживавшие до вынесения приговора на территории региона, поскольку у них сохраняются социальные связи, в том числе асоциального и криминального характера, что способствует их правонарушающему поведению. В то же время осужденные, прибывшие из других регионов, демонстрируют в целом более правопослушное поведение, в подавляющем большинстве не нарушают не только правила внутреннего распорядка, но и трудовую дисциплину на предприятии, где они трудятся, изъявляют желание остаться на нем и после отбытия наказания.

Таким образом, основной причиной увеличения количества осужденных, совершающих противоправное деяния (в том числе и преступления) в исправительных центрах, по нашему мнению, является то, что суды в настоящее время активно применяют данный вид наказания, особенно в отношении осужденных, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом.

Проведенный нами опрос сотрудников ИЦ (УФИЦ, УИЦ) в ряде регионов Российской Федерации (Белгородской, Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Кировской, Московской, Новгородской, Омской областях, Пермском, Приморском, Ставропольском краях) показал, что наиболее распространенными проявлениями криминальной субкультуры в среде осужденных являются:

– татуировки – 93,33 % опрошенных сотрудников;

– принадлежность к иным асоциальным сообществам/группам (социальные сети, молодежные криминальные группировки и пр.), вызывающим асоциальное, агрессивное поведение, – 20 %;

– без пояснений – 6,67 % опрошенных сотрудников.

Атрибутика в одежде, принадлежность к АУЕ не были отмечены респондентами как распространенное проявление субкульуры.

Наиболее существенными криминогенными факторами, влияющими на осужденных к принудительным работам, являются:

– употребление алкоголя/наркотиков/психотропных веществ – 86,67 % опрошенных сотрудников;

– влияние среды, круга общения осужденного, криминальной субкультуры – 46,67 %;

– организационные проблемы – 13,33 %;

– пробелы в законодательстве – 13,33 %.

Иные криминогенные факторы не указаны.

Среди наиболее характерных особенностей личности осужденных к принудительным работам, склонных к совершению преступлений и иных правонарушений, были выделены (ответ предполагал несколько вариантов):

– склонность к употреблению алкогольной продукции, наркотических, психотропных веществ, отсутствие социально значимых связей – 40 %;

– неоднократные судимости в прошлом, агрессия, нежелание работать, своенравность – 13,33 %;

– преступные потребности и мотивация, эмоционально-волевая деформация, негативные социальные интересы, плохая социализация, низкий контроль своего поведения, сложившийся образ жизни – 13,34 %;

– агрессия, низкий образовательный уровень – 6,67 %;

– эмоциональная нестабильность, возбудимость, напряженность, пессимистическое отношение к будущему – 6,67 %;

– личности с агрессивной, антисоциальной корыстной направленностью, лица с дефектами психической саморегуляции – 6,67 %;

– импульсивность, озлобленность – 6,67 %;

– низкий уровень правосознания – 6,67 %.

В обследуемых регионах в 2021 г. было выявлено 44 чел. (0,68 %), которые совершили повторные преступления в период отбывания наказания в виде принудительных работ. Из них:

– совершили преступление в течение первых трех месяцев после прибытия в ИЦ (УФИЦ) – 12 (27,27 %);

– на территории ИЦ (УФИЦ) – 5 (11,36 %);

– за пределами территории ИЦ (УФИЦ) – 39 (88,64 %);

– в состоянии алкогольного опьянения – 7 (15,91 %);

– насильственные преступления в отношении сотрудников ИЦ (УФИЦ) – 3 (6,82 %);

– корыстные преступления в отношении имущества осужденных – 1 (2,27 %);

– корыстные преступления в отношении имущества предприятия, на котором они трудоустроены, – 1 (2,27 %);

– корыстные преступления в отношении имущества иных граждан – 14 (31,82 %);

– преступления против собственности – 6 (13,64 %);

– преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств – 10 (22,73 %);

– иные преступления – 6 (13,64 %).

Случаев совершения преступлений в состоянии употребления наркотических, психотропных веществ и их аналогов, насильственных преступлений в отношении осужденных, представителей администрации предприятия, на котором они трудоустроены, корыстных преступлений в отношении имущества осужденных, ИЦ, предприятия, преступлений против общественного порядка или порядка управления не зафиксировано.

Отдельно следует остановиться на различиях криминального поведения впервые осужденных и ранее судимых. Как известно, максимальный прирост приходится на лиц, к которым принудительные работы назначены в случае замены наказания в порядке ст. 80 УК РФ. В 2019 г. он составил 46 % у впервые судимых и 63 % у ранее судимых, в 2020 г. – 51 % и 69 % соответственно.

Практически каждый четвертый осужденный, совершивший новое преступление в период отбывания принудительных работ, допускал злостные нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ, среди которых:

– употребление спиртных напитков;

– совершение мелкого хулиганства, неповиновение представителям администрации ИЦ (УФИЦ, УИЦ);

– отказ от работы;

– самовольное без уважительных причин оставление территории ИЦ (УФИЦ, УИЦ);

– несвоевременное возвращение к месту отбывания наказания;

– изготовление, хранение или передача запрещенных предметов и веществ.

Отметим, что в 2021 г. на 2871 нарушителя приходится 72 % осужденных мужчин, к которым принудительные работы назначены в случае замены наказания в порядке ст. 80 УК РФ.

Полученные данные подтверждают мнение о необходимости дополнения действующих организационно-правовых мер обеспечения порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ, в том числе по месту работы осужденных, а также в местах их пребывания, в том числе оперативно-розыскного характера.

Наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми осужденными к принудительным работам, являются деяния, предусмотренные ст. 105, 109, 111, 115, 158, 159, 161, 162, 166, 228, 228.1, 264.1, 318 УК РФ.

Таким образом, в структуре преступности осужденных к принудительным работам преобладают корыстные и корыстно-насильственные преступления (кража, мошенничество, грабеж, разбой). Значительное число составляют так называемые наркотические преступления (ст. 228, 228.1 УК РФ). Доля преступлений против личности, в частности таких опасных, как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и др., также довольно велика.

Сведения, полученные при социологических исследованиях, доказывают ранее высказанное предположение, что более склонны к совершению преступлений лица, которым принудительные работы назначены в качестве замены в порядке ст. 80 УК РФ, прибывшие в ИЦ (УФИЦ) из исправительных учреждений.

Для сравнения, осужденные, которым принудительные работы были назначены изначально, из исследуемой социологической выборки (7190 чел.) совершили преступления в 0,37 % случаев, из них в течение первых трех месяцев после прибытия ИЦ (УФИЦ) – 20 %. В исследуемой группе лиц осужденные за тяжкие преступления составляют 15,02 %.

В то же время осужденные, которым принудительные работы назначены в случае замены наказания в порядке ст. 80 УК РФ, совершили преступления в период отбывания наказания в 0,88 % случаев, из них в течение первых трех месяцев после прибытия ИЦ (УФИЦ) – 47,5 %. В исследуемой группе осужденные за тяжкие преступления составляют 68,21 %.

Анализ проведенного опроса осуществлялся по следующей структуре правонарушений осужденных к принудительным работам: совершение преступления в пределах и за пределами территории ИЦ (УФИЦ); преступление в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, употребления психотропных веществ; насильственные преступления в отношении представителей администрации предприятия, на котором они трудоустроены; корыстные преступления в отношении имущества осужденных и имущества ИЦ (УФИЦ, УИЦ); корыстные преступления в отношении имущества иных граждан; преступления против собственности; преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств; преступления против общественного порядка или порядка управления; иные преступления.

Особо следует выделить категорию осужденных, совершивших преступления за пределами территории ИЦ (УФИЦ, УИЦ), так как они составляют 80–90 % от общего количества нарушивших. К тому же каждый четвертый осужденный совершил новое правонарушение в состоянии опьянения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, следует согласиться с позицией ученых, указывающих на отсутствие в УК РФ, а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» четких критериев, на которых должны основываться выводы суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, при наличии которых он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами [11]. Так, суды при решении данного вопроса ссылаются на обстоятельства совершенного преступления, личность виновного, соответствие назначенного наказания принципу справедливости. Можно выделить особенные критерии, которые суд может учитывать, рассматривая вопрос о назначении уголовного наказания в виде принудительных работ.

Так, например, с особой осторожностью следует назначать принудительные работы мужчинам в возрасте от 20 до 30 лет, не имеющим семьи, с неполным

общим образованием, осужденным за побои, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, неуплату средств на содержание детей, умышленное причинение легкого вреда здоровью, нарушение неприкосновенности жилища, оскорбление представителя власти и др.

Во-вторых, следует дополнить ч. 4 ст. 80 УК РФ следующими обстоятельствами, которые учитывает суд при замене неотбытой части лишения свободы принудительными работами. Как представляется, суд наряду с другими сведениями, характеризующими осужденного и его поведение в период отбывания лишения свободы, должен оценивать данные, свидетельствующие о наличии либо отсутствии у осужденного образования, специальности, семьи, социально значимых заболеваний, а также гарантий его трудоустройства.

В-третьих, количество и характер нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ (изготовление, хранение или передача запрещенных предметов и веществ, в том числе употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных и новых потенциально опасных психоактивных веществ; совершение мелкого хулиганства; неповиновение представителям администрации ИЦ (УФИЦ, УИЦ), их оскорбление; самовольное без уважительных причин оставление территории исправительных центров (УФИЦ, УИЦ); несвоевременное возвращение к месту отбывания наказания) свидетельствуют о необходимости увеличения штатной численности сотрудников исправительных центров (УФИЦ, УИЦ) и введения в штат различных категорий должностей, в том числе и оперативных сотрудников.

Заслуживает поддержки предложение Ю. А. Кашубы, который обосновывает законодательную возможность направления в исправительные центры из мест лишения свободы осужденных к лишению свободы перед условно-досрочным освобождением из колоний [4].

Распространение среди осужденных криминальной субкультуры, а также концентрация осужденных в общежитиях ИЦ (УФИЦ, УИЦ), с одной стороны, и свободное их передвижение в пределах предприятия и местонахождения – с другой, свидетельствуют о необходимости проведения оперативно-розыскной работы с такими осужденными. Однако в настоящее время штатным расписанием ИЦ (УФИЦ, УИЦ) должности оперативного сотрудника и сотрудника, ведущего секретную номенклатуру дел, не предусмотрены.

При разработке планов профилактической работы и ее осуществлении в ИЦ (УФИЦ, УИЦ) необходимо учитывать следующие позиции:

1) выявление лиц, вовлекающих осужденных к принудительным работам в преступные или антиобщественные действия;

2) разработка инструкции по профилактике правонарушений для осужденных к принудительным работам;

3) качественный надзор со стороны администрации ИЦ, который будет заключаться в наблюдении и контроле за поведением осужденных к принудительным работам в исправительном центре, по месту работы и в иных местах их пребывания, должен включать в себя:

– контроль за исполнением осужденными Правил внутреннего распорядка ИЦ (УФИЦ, УИЦ);

– осуществление пропускного режима на территории, проверку наличия у осужденных документов установленного образца, удостоверяющих их личность;

– проведение проверок наличия осужденных в ИЦ (УФИЦ, УИЦ) и по месту работы;

– обеспечение установленного порядка и условий отбывания наказания осужденными, водворенным в помещения для нарушителей.

– использование для надзора аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля.

Как указывалось ранее, осужденные, постоянно проживавшие до вынесения приговора на территории региона, где они отбывают наказание, более склонны к совершению правонарушений, поскольку у них сохраняются социальные связи, в том числе криминального характера, что способствует их делинквентному поведению. В то же время осужденные, прибывшие из других регионов, демонстрируют в целом более правопрослушное поведение, в подавляющем большинстве не нарушают не только правила внутреннего распорядка, но и трудовую дисциплину на предприятии, где трудятся, изъявляют желание остаться на нем и после отбытия наказания. В этой связи представляется нецелесообразным действие общего правила, содержащегося в ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ, согласно которому «осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены». Полагаем, что при выборе места отбывания наказания в виде принудительных работ следует учитывать характеристику личности осужденного, в том числе склонность к социально опасному поведению, наличие криминальных связей и т. п.

В большинстве случаев осужденные, ранее неоднократно судимые и которым лишение свободы заменено более мягким видом наказания, чаще допускают злостные нарушения порядка и условия отбывания наказаний и повторные преступления, что впоследствии влечет замену наказания лишением свободы. Следовательно, повторная замена лишения свободы более мягким видом наказания не формирует должной мотивации для осужденных на исправление, они чувствуют предоставленное им послабление. В результате смягчение наказания более мягким видом лишается смысла, что не позволяет ресоциализировать осужденных и приводит к недостижению одной из целей уголовно-исполнительного законодательства в виде исправления осужденных.

Также, как показывает практика, осужденные за особо тяжкие преступления, а также за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних только в единичных случаях могут осознать всю тяжесть совершенного преступного деяния. При замене им лишения свободы принудительными ра-

ботами они более других склонны к противоправным действиям.

В этой связи предлагается:

– дополнить ч. 1 ст. 80 УК РФ словом «впервые», изложив ее в следующей редакции: «1. Лицу, впервые отбывающему содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии с частью второй настоящей статьи. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания»;

– исключить из ч. 2 ст. 80 УК РФ пункты:

«особо тяжкого преступления – не менее двух третей срока наказания либо не менее половины срока наказания при замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами;

преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступлений, предусмотренных статьей 210 настоящего Кодекса, – не менее трех четвертей срока наказания;

преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, – не менее четырех пятых срока наказания».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных / Н. П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Том 25, № 2. – С. 177–182.

2. Дворянсков, И. В. Криминальная субкультура несовершеннолетних как девиантогенный фактор / И. В. Дворянсков // Криминальные реалии, реагирование на них и закон / под редакцией А. И. Долговой. – Москва : Рос. кримин. ассоц., 2018. – С. 225–233. – ISBN 978-5-87817-085-7.

3. Злоказов, К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением / К. В. Злоказов // Пенитенциарная наука. – 2022. – Том 16, № 1 (57). – С. 97–106.

4. Кашуба, Ю. А. Возможности создания системы исправительных центров / Ю. А. Кашуба // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Том 26 (1–4), № 1. – С. 11–15.

5. Кудряшов, М. А. Субкультутра и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований / М. А. Кудряшов // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 23–32.

6. Мацкевич, И. М. Криминальная субкультура / И. М. Мацкевич // Российское право в Интернете. – 2005. – № 1. – С. 5. – URL: https:// www.twirpx.com/file/742088 (дата обращения: 07.09.2022).

7. Непомнящая, Т. В. Проблемы назначения принудительных работ / Т. В. Непомнящая // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (56). – С. 148–152.

8. Основы конфликтологии : учебное пособие / под редакцией С. Г. Плещица. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 207 с. – ISBN 978-5-7310-2774-8.

9. Социальный портрет преступности: портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://crimestat.ru/ social_portrait (дата обращения: 03.11.2021).

10. Сочивко, Д. В. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения : учебно-методическое пособие / Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин. – Москва : МПСИ, 2009. – 264 с. – ISBN 978-5-9770-0513-5.

11. Степашин, В. М. Проблемы применения принудительных работ / В. М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 4 (45). – С. 156–161.

12. Федосеева, А. А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Федосеева Анжелика Андреевна. – Майкоп, 2012. – 28 с.

13. Шпак, С. В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шпак Сергей Валерьевич. – Краснодар, 2012. – 31 с.

14. Щедрина, Е. В. Значимый круг общения и основы его экспериментального выявления / Е. В. Щедрина // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива : сборник трудов. – Москва : МГПИ, 1975. – С. 61–70.

15. Bartlett, R. Clusters of problem behaviors in adolescents / R. Bartlett, D. Holditch-Davis, M. Belyea // Journal of Pediatric Nursing. – 2007. – № 33 (1). – Pp. 13–18. – doi: 10.1002/nur.20078.

16. Bichler, G. Drug Supply Networks: A Systematic Review of the Organizational Structure of Illicit Drug Trade / G. Bichler, A. Malm, T. Coope // Crime Science. – 2017. – Volume 6, no. 2. – Pp. 1–23. – doi: 10.1186/s40163-017-0063-3.

17. Brookmeyer, K. A. Schools, parents, and youth violence: A multilevel, ecological analysis / K. A. Brookmeyer, K. A. Fanti, C. C. Henrich // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. – 2006. – Volume 35, no. 4. – Pp. 504–514. – doi:10.1207/s15374424jccp3504_2.

18. Burk, W. J. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment / W. J. Burk, B. Laursen // International Journal of Behavioral Development. – 2005. – Volume 29, no. 2. – Pp. 156–164. – doi: 10.1080/01650250444000342.

19. Clark, J. L. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection / J. L. Clark, S. B. Algoe, M. C. Green // Current Directions in Psychological Science. – 2018. – Volume 27, no. 1. – Pp. 32–37. – doi: 10.1177/0963721417730833.

REFERENCES

1. Barabanov N.P. Criminological and psychological aspects of the criminal ideology and way of life in the criminal subculture of convicts. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 177–182. (In Russ.).

2. Dvoryanskov I.V. Criminal subculture of minors as a deviant factor. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Kriminal'nye realii, reagirovanie na nikh i zakon* [Criminal realities, response to them and the law]. Moscow, 2018. Pp. 225–233. (In Russ.). ISBN 978-5-87817-085-7.
3. Zlokazov K.V. Impact of criminal subculture on social interaction of juvenile offenders. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 97–106. (In Russ.).
4. Kashuba Yu.A. The possibility of creation of correctional centers system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26 (1–4), no. 1, pp. 11–15. (In Russ.).
5. Kudryashov M.A. Subculture and after it: a history of a fundamental concept in the youth studies. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*, 2014, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.).
6. Matskevich I.M. Criminal subculture. *Rossiiskoe pravo v Internete=Russian Law on the Internet*, 2005, no. 1, p. 5. Available at: https:// www.twirpx.com/file/742088 (In Russ.). (Accessed September 7, 2022).
7. Nepomnyashchaya T.V. Problems of imposition of forced labor. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2018, no. 3 (56), pp. 148–152. (In Russ.).
8. *Osnovy konfliktologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of conflictology: study guide]. Ed. by Pleshchitsa S.G. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2012. 207 p. ISBN 978-5-7310-2774-8.
9. Social portrait of crime: legal statistics portal. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website]. Available at: http://crimestat.ru/ social_portrait (In Russ.). (Accessed November 3, 2021).
10. Sochivko D.V., Polyanin N.A. *Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdeniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Youth of Russia: educational systems, subcultures, correctional institutions: educational and methodological manual]. Moscow: MPSI, 2009. 264 p. ISBN 978-5-9770-0513-5.
11. Stepashin V.M. Problems of forced labor. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 4 (45), pp. 156–161. (In Russ.).
12. Fedoseeva A.A. *Kriminal'naya subkul'tura kak agent sotsializatsii molodezhi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Criminal subculture as a youth socialization agent: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Maikop, 2012. 28 p.
13. Shpak S.V. *Kriminal'naya subkul'tura molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: tendentsii formirovaniya i rasprostraneniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Criminal subculture of youth in modern Russian society: trends in formation and dissemination: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Krasnodar, 2012. 31 p.
14. Shchedrina E.V. A significant circle of communication and the basics of its experimental identification. In: *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva: sbornik trudov* [Socio-psychological problems of personality formation and educational team: collection of works]. Moscow: MGPI, 1975. Pp. 61–70. (In Russ.).
15. Bartlett R., Holditch-Davis D., Belyea M. Clusters of problem behaviors in adolescents. *Journal of Pediatric Nursing*, 2007, no. 33 (1), pp. 13–18. DOI: 10.1002/nur.20078.
16. Bichler G., Malm A., Coope T. Drug supply networks: a systematic review of the organizational structure of illicit drug trade. *Crime Science*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 1–23. DOI: 10.1186/s40163-017-0063-3.
17. Brookmeyer K. A., Fanti K.A., Henrich C.C. Schools, parents, and youth violence: a multilevel, ecological analysis. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2006, vol. 35, no. 4, pp. 504–514. DOI:10.1207/s15374424jccp3504_2.
18. Burk W.J., Laursen B. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment. *International Journal of Behavioral Development*, 2005, vol. 29, no. 2, pp. 156–164. DOI: 10.1080/01650250444000342.
19. Clark J. L., Algoe S.B., Green M.C. Social network sites and well-being: the role of social connection. *Current Directions in Psychological Science*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 32–37. DOI: 10.1177/0963721417730833.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, diw@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0542-5254

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СИКА – заместитель дежурного помощника начальника отдела Новосибирской психиатрической больницы специализированного типа интенсивного наблюдения ГУФСИН России по Новосибирской области, Новосибирск, Россия, vibesam@gmail.com

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department of Development of Methodologies for the Execution of Criminal Penalties without Deprivation of Liberty of the Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activities of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0542-5254

ANDREI M. SIKA – Deputy Assistant on Duty to the Head of the Department of the Novosibirsk Psychiatric Hospital of the Specialized Type of Intensive Observation of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk Oblast, Novosibirsk, Russia, vibesam@gmail.com

Статья поступила 08.09.2022

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.004

Содержание и интерпретация философской категории «мера» в уголовном праве

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН
Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

Реферат

Введение: статья представляет собой исследование подходов к определению сущности философского термина «мера» и особенностей ее уголовно-правовой интерпретации в категориях «наказание», «ответственность», «воздействие» и др. *Цель:* установить возможность использования уголовного наказания (вид меры и ее количество в виде размера/срока) в качестве универсального средства определения величины общественной опасности каждого преступления. *Методы:* диалектический, формально-логический, наблюдение, анализ, синтез, классификация, системно-структурный. *Результаты:* изучение общефилософских и правовых подходов к пониманию сущности меры позволило установить, что данная категория имеет множество значений: от абсолютной цифровой величины до изменчивой оценки, которая дается человеком в зависимости от уровня его развития и особенностей окружающей среды. Понимание сущности меры как чего-то исключительно постоянного является заблуждением. *Выводы:* понятие «мера» в уголовно-правовом значении представляет собой в первую очередь предел дозволенного поведения. В этом контексте мерой следует признать все уголовное право, предписания которого позволяют разграничить преступные и непреступные формы поведения. Наказание не может рассматриваться в качестве постоянной величины, с помощью которой определяется общественная опасность каждого преступления. Оценка общественной опасности преступления существенно меняется в зависимости от социальных ценностей, виды и значение которых субъективно определяются (формируются, изменяются, отвергаются) только человеком.

Ключевые слова: мера; государственное принуждение; наказание; ответственность; уголовно-правовое воздействие; общественная опасность преступления; справедливость; воздаяние.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Для цитирования: Лапшин В. Ф. Содержание и интерпретация философской категории «мера» в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 380–387. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.004.

Original article

The Content and Interpretation of the Philosophical Category “Measure” in Criminal Law

VALERII F. LAPSHIN
Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

Abstract

Introduction: the article studies approaches to the definition of the essence of the philosophical term “measure” and features of its criminal interpretation in the categories of “punishment”, “liability”, “impact”, etc. *Purpose*: to identify the possibility of using criminal punishment (type of the measure and its quantity in the form of size/term) as a universal means of determining the scale of the public danger of each crime. *Methods*: dialectical, formal-logical, observation, analysis, synthesis, classification, system-structural. *Results*: the analysis of general philosophical and legal approaches to understanding the essence of measure shows that this category has many meanings: from an absolute digital value to a variable assessment made by a person depending on his/her development level and environment characteristics. Understanding the essence of measure as

© Лапшин В. Ф., 2022

something exceptionally constant is a misconception. *Conclusions*: the concept "measure" in the criminal legal meaning represents, first of all, the limit of permissible behavior. In this context, all criminal law should be recognized as the measure, the prescriptions of which make it possible to distinguish between criminal and non-criminal forms of behavior. Punishment cannot be considered as a constant value by which the social danger of each crime is determined. The assessment of the social danger of crime varies significantly depending on social values, the types and meaning of which are subjectively determined (formed, changed, rejected) only by a person.

Keywords: measure; state coercion; punishment; liability; criminal legal impact; public danger of crime; justice; retribution.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

For citation: Lapshin V.F. The content and interpretation of the philosophical category "measure" in criminal law. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 380–387. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.004.

Вводная часть

Представителями уголовно-правовой доктрины «мера» отождествляется в первую очередь с наказанием, а точнее с его видом и временными особенностями реализации. В этом нет ничего удивительного, так как законодатель определяет уголовное наказание не иначе как «меру государственного принуждения», заключающуюся в лишении или ограничении прав и свобод осужденного (ч. 1 ст. 43 УК РФ).

Но даже поверхностное сопоставление сущности любого наказания позволит усомниться в возможности точного *соизмерения* вреда, причиненного преступлением, лишениям и правоограничениям, которые виновный претерпевает при исполнении назначенного ему наказания. Например, за причинение смерти по неосторожности лицу могут быть назначены исправительные работы на срок до двух лет. Это же наказание может быть назначено лицу, которое совершило заведомо ложный донос о совершении преступления (ч. 1 ст. 306 УК РФ), причем материальный и моральный вред от деяния может быть минимальным либо вообще неопределяемым. В действующем уголовном законе такие примеры не единичны. Зачастую трудно дать безоговорочно положительный ответ о справедливости наказания, которое предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ за соответствующее общественно опасное деяние. Отсюда отождествление вида конкретного наказания и *меры* принуждения, сущность которой до настоящего времени окончательно не определена учеными-пенитенциаристами [16, с. 254–260, 282–289], требует по меньшей мере развернутого комментария. Кроме того, слово «мера» имеет несколько не пересекающихся друг с другом лексических значений [13, с. 338], многие из которых при определенном абстрагировании могут претендовать на характеристику наказания как уголовно-правовой категории.

Основная часть

Содержание категории «мера» остается предметом философских исследований, начало которым было положено в глубокой древности. Анализ имеющихся в настоящее время философских трактатов подтверждает, что во все времена категория «мера» вызывала у мыслителей не меньший интерес, чем фундаментальные категории и идеи человеческого бытия. Феномен меры видится в том, что, воспринимая данную категорию как средство фиксации или обобщения, используемое при сравнении различных предметов, их свойств и иных материальных и нематериальных характеристик, определяли ее поразному. Определение и последующее обоснование меры в качестве фундаментальной метафизической категории дано в трудах представителей классической немецкой философии [2, с. 277], однако различные мнения о возможном содержании меры были сформулированы еще представителями античной философии. Впоследствии же смысловое значение меры оставалось преимущественно неизменным, хотя и снабжалось довольно емкими комментариями или предложениями, связанными с практическим применением имеющегося знания о мере.

Так, Пифагор, понимая мир в качестве «великолепного порядка», считал, что этот порядок обеспечивается строгим числовым значением. Поэтому каждый предмет или явление, существующие в мире, должны были иметь универсальную меру оценки – число, а система оценки в мире формируется на основе законов целых чисел [6, с. 316–319].

Мера в философии Солона является категорией, которая характеризует предельно допустимое значение. Выход за пределы меры означал нарушение какого-либо блага, причинение зла. В этом смысле благо рассматривалось как синоним меры [15, с. 156]. Поиск меры в общественных отношениях, устройстве институтов государственной власти и определении их полномочий вызван стремлением к счастью для представителей всех социальных групп. Напротив, отказ от чувства меры и провозглашение вседозволенности ведут к тирании, росту числа недовольных и иным негативным предпосылкам, порождающим социально-политические катастрофы.

Еще один метод определения сущности меры предложил Протагор. В отличие от своих современников, он продемонстрировал субъективный подход к обозначению сущности меры, заявив: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют» [2, с. 283]. На основе данного постулата можно развить идею о том, что мера вообще не может иметь какого-то постоянства – она определяется только человеком в зависимости от уровня его интеллекта, представлений о мире, потребностей и иных факторов, влияющих на оценку окружающих предметов и явлений.

Платон специально не выделял категорию меры, употребляя ее в своих сочинениях без уточнения философского содержания. Рассуждая о высшем для человека – духовном благе, он отмечал, что одной из составляющих блага является соразмерность (умеренность). По его мнению, мера может быть использована как средство измерения предметов материального мира, а равно в качестве некой средней величины между избытком и недостатком [14, с. 199, 621], то есть категориями, которые не поддаются оценке в числовых значениях.

Аристотель обращает внимание на наличие некоего множества в определении сущности меры. Она рассматривалась как средство познания количества, определяемое через единое и неделимое, имеющее числовое выражение. Мера также может иметь значение стандарта, который используется для установления соответствия/несоответствия сравниваемых однородных предметов по количеству и качеству [1, с. 159, 160, 244]. Он же указывает, что мера включает в себя и более глубокий философский смысл – именно через нее определяется добродетель в категории количества. В этой части мера представляет собой медианное значение между двумя противоположностями, не подлежащими числовому выражению, и применяется для оценки государственной политики, общественных отношений, имеющих место в управленческой деятельности институтов власти [1, с. 468–469].

Впоследствии представители немецкой классической философии доказали, что мера представляет собой одну из фундаментальных научных категорий [2, с. 277]. Очевидно, это было вызвано потребностью универсального понимания меры во всех видах наук, равно как и возросшей практической потребностью решения проблемы о сущности меры и возможности объективного установления эталонных значений.

И. Кант рассматривал меру как величину единицы, но и сама мера, по его мнению, также нуждается в оценке: «в суждении о величине дело идет не только о множестве (числе), но и о величине единицы (меры), а величина единицы… всегда требует чего-то другого в качестве меры, с которой ее можно было бы сравнить… всякое определение величины явлений, безусловно, не может дать абсолютного понятия о величине, а всегда дает только сравнительное понятие» [8, с. 254]. Учитывая данное обстоятельство, И. Кант в вопросе определения меры обращает внимание на большое значение того, кто осуществляет оценку изучаемого объекта, тем самым указывая на субъективность такого решения, а также на зависимость трактовки содержания меры от способностей познающего [7, с. 120–121].

Гегель, определяя меру в качестве единства количественного и качественного, выделил три ее разновидности: специфицированное количество, специфическая мера и реальная мера. Он отмечал, что наиболее простым и распространенным содержанием обладает первая разновидность, которая сводится к соединению числового значения с предметом реальной действительности. Специфицированное количество должно быть реальным, то есть числовое выражение заявленных предметов действительно должно существовать в природе.

Специфическая мера характеризует внутреннюю связь между количественными и качественными характеристиками одного предмета. Это более сложный и более высокий уровень содержания меры, которая распространяется на один предмет, при этом одновременно характеризуя некое множество его отдельно взятых составляющих. К примеру, тридцать военнослужащих (специфицированное количество) представляют собой одно армейское подразделение – взвод (специфическая мера); некое количество жилых домов и иных построек на определенной территории образуют городской микрорайон и др. Если специфицированное количество полностью зависит от особенностей восприятия человека, то специфическая мера уже не имеет такой зависимости и является объективно существующим фактом.

Реальная мера представляет собой абсолютно неразличимую характеристику изучаемого предмета или явления, которую формируют уже описанные специфические меры, слагаемые из специфицированных количеств. Реальная мера не имеет и не может иметь количественного выражения, так как она представлена единственным видом в мире – реальная мера наличного бытия интересующего предмета. С учетом этих особенностей реальная мера может быть приравнена к безмерности или бесконечности меры, поскольку объединяемые в ней меры становятся единым целым [4, с. 422–442]. Проявлениями реальной меры можно признать пространство, общество и др.

Гегелевская трехуровневая оценка меры отчетливо прослеживается в марксистском учении, когда изначально строго определенный предмет получает стоимостную оценку «золотом», то есть в денежном выражении (специфицированное количество), затем формируется общее стоимостное выражение для различных групп разнородных предметов (специфическая мера), и, наконец, реальная мера выражается во всеобщей форме стоимости, пользующейся всеобщим признанием (масштаб цен) [12, с. 51–54]. Решая проблему субъективности определения всеобщей стоимости (реальной меры, по Гегелю), К. Маркс предлагает в качестве таковой «лишенный индивидуальности абстрактно-всеобщий» труд, не поддающийся количественной оценке: «всеобщее абстрактное рабочее время получает в их цене мысленно представляемое бытие, в котором они суть однородная и только количественно различная материализация одной и той же субстанции стоимости» [12, с. 53–54].

Перечисленные подходы к определению сущности меры легли в основу формирования категорий свободы [5, с. 99; 11, с. 96–97], равенства [10, с. 263–264], справедливости, правосознания и правопорядка [3, с. 79; 9, с. 50; 17, с. 200], предложенных в источниках философии права. Подавляющее большинство исследователей указывали, что каждый человек в состоянии полной свободы в выборе поведения обречен на смерть от себе подобного. Поэтому гарантией создания цивилизованного общества, обеспечивающего каждому и безопасность, и комфортное

существование, является взаимная ограниченность в правах и свободах каждого ровно насколько, насколько это требуется для достижения указанных целей. Подобное состояние разумного ограничения прав и свобод каждого индивида характеризуется как равенство, а отношения между людьми на основе взаимного уважения и соблюдения прав, свобод и законных интересов представляют собой справедливость. Именно равенство и справедливость формируют общую идею меры, реализуемую в праве любого цивилизованного общества.

Прикладное значение сущность меры получила через законодательное закрепление базовых категорий уголовного права, одной из которых является уголовное наказание (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Однако, понимая всю смысловую многогранность меры, нельзя допустить сведение ее сущности к конкретному виду воздействия, которое регламентируется уголовно-правовыми нормами. Все возможные варианты трактовки меры в общефилософском учении, равно как и в философии права, находят свое воплощение и в содержании современного уголовного права.

Простейшим выражением сущности меры является размер или срок уголовного наказания. Большинство предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний определяются сроком, который исчисляется по общему правилу в годах и месяцах. В случае же зачета времени содержания лица под стражей срок итогового наказания может исчисляться в днях и часах. Например, один день содержания под стражей приравнивается к полутора дням, то есть 36 часам содержания в дисциплинарной воинской части, отбывания наказания в воспитательной колонии либо в исправительной колонии общего режима (ч. 3, п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ).

Наказание также может определяться суммой денежных средств, подлежащей взысканию или удержанию с/у осужденного. Это осуществляется при исполнении таких видов наказаний, как штраф, исправительные работы, ограничение по военной службе и принудительные работы. Здесь же следует отметить, что УК РФ не содержит абсолютно определенного срока или размера наказания, устанавливая его минимальный и максимальный пределы в соответствующей норме Общей части. Численная конкретизация срока или размера фиксируется в результате завершения процесса индивидуализации уголовной ответственности, то есть установления в приговоре вида наказания и его точного размера (срока).

Таким образом, мера в уголовном праве как величина, выраженная в точном цифровом значении, конкретизируется через временные или денежные единицы, в которых исчисляются соответствующие виды уголовных наказаний.

Наиболее распространенным пониманием меры в уголовном праве является отождествление ее со средством воздействия за совершение общественно опасных деяний. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ, а также корреспондирующей ей ч. 1 ст. 43 УК РФ основной мерой в уголовном законодательстве является наказание. В значении меры наказание определяет виды и объем прав, свобод и законных интересов, в которых ограничивается или которых полностью лишается виновный в совершении преступления. Здесь также просматривается строгая взаимозависимость преступления и наказания. С момента обособления в праве отраслей, имеющих специфический предмет правового регулирования и охраны, аксиоматичным стало являться утверждение, что преступление обладает наибольшей общественной опасностью (вредоносностью) в сравнении с любыми другими видами правонарушений, совершение которых не влечет за собой уголовной ответственности.

Высокая общественная опасность преступления предопределяет содержание уголовного наказания – права, свободы и законные интересы, в которых как минимум ограничивается осужденный при реализации уголовной ответственности. Все они обладают повышенной значимостью для человека, в связи с чем обеспечиваются конституционными гарантиями со стороны государства. Во-первых, содержание отдельных видов уголовных наказаний включает в себя лишение гарантированного ст. 35 Конституции Российской Федерации права собственности на определенное имущество. Как правило, это выражается в фиксированной сумме денежных средств, изымаемых у осужденного, например, при исполнении штрафа. Также данная сумма может устанавливаться пропорционально размеру заработной платы осужденного, стоимости предмета преступления и т. п. Подобные лишения включены в содержание штрафа, исправительных работ, ограничения по военной службе и принудительных работ.

Во-вторых, значительное количество предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний ограничивает или лишает осужденного гарантированного ст. 37 Конституции Российской Федерации права на свободный труд. Для отдельных наказаний такое лишение является их сущностью, потому что прямо указывается в качестве содержательного элемента: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы и др. Некоторые же виды наказаний хотя и не предусматривают ограничения указанного права, но в силу особенностей исполнения фактически лишают осужденного и свободы выбора вида трудовой деятельности (содержание в дисциплинарной воинской части, пожизненное лишение свободы и др.).

В-третьих, отдельные наказания, исполнение которых предполагает изоляцию осужденного от общества, существенно ограничивают гарантированные ст. 27 Конституции Российской Федерации права свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства. Это обеспечивается обязательным нахождением осужденного на территории соответствующего учреждения уголовно-исполнительной системы, реализующего уголовное наказание в виде лишения свободы. Кроме этого, при исполнении наказания в виде принудительных работ также существенным образом ограничивается право осужденного на свободу перемещения, выбора места пребывания и жительства, так как это наказание исполняется в условиях специализированного учреж-

дения – исправительного центра, выход за пределы которого осужденному разрешается в исключительных случаях.

Наконец, в-четвертых, до настоящего времени юридически сохраняется возможность лишения преступника жизни путем назначения наказания в виде смертной казни. Нормы, предусматривающие высшую меру уголовной ответственности (п. «н» ст. 44, ст. 59 УК РФ) не претерпели никаких изменений с момента вступления уголовного закона в силу. В этой связи вряд ли будет ошибочным признать, что современный российский уголовный закон устанавливает наказание, при применении которого осужденный лишается гарантированного ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации права на жизнь.

Анализ всех перечисленных прав, свобод и законных интересов, которые составляют сущность уголовного наказания, позволяет признать следующий факт: одной из функций уголовного наказания является унифицированная оценка тяжести (характера и типовой степени общественной опасности) всех видов преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ. Это выражается в том, что общественно опасные деяния, принципиально отличающиеся друг от друга по юридическим характеристикам (вид объекта, качественные и количественные показатели причиненного вреда или иных негативных последствий, особенности вины и др.) в соответствии с санкциями уголовно-правовых норм обеспечиваются в большинстве случаев одними и теми же видами наказаний. Наивысшей степенью универсальности, бесспорно, обладает наказание в виде лишения свободы на определенный срок (п. «л» ст. 44 УК РФ). Именно оно может быть назначено практически за любое запрещенное уголовным законом деяние. (В идеале это утверждение не должно иметь исключений и оговорок. В противном случае, когда за какое-либо преступление законодатель не устанавливает возможность назначения лишения свободы (ч. 1 ст. 169, ст. 185[1] УК РФ и др.), становится невозможным осуществить отграничение такого преступления от иных правонарушений, не формирующих основания для привлечения к уголовной ответственности, а влекущих, к примеру, дисциплинарную ответственность.)

Полагаем, что лишение свободы на определенный срок является универсальной мерой в современном российском уголовном праве. И, несмотря на проводимую уже достаточно длительный период времени политику гуманизации уголовного законодательства, ориентированную на поиск альтернатив лишению свободы, последнее пока еще официально презюмируется в качестве эталонной меры, используемой при определении как тяжести совершенного преступления, так и степени строгости большинства наказаний. Первое из высказанных утверждений находит подтверждение в ст. 15 УК РФ, которая закрепляет правила отнесения вида преступления к соответствующей категории. Так, категория деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, зависит в том числе и от максимально возможного срока лишения свободы, назначаемого за данное преступление.

Универсальность одного дня лишения свободы как средства соизмерения тяжести многих видов наказания относительно друг друга также подтверждается правилами сопоставления, которые предусмотрены ст. 71, 72 УК РФ. В этой части следует отметить, что каждое наказание по своему содержанию призвано обеспечить ограничение/лишение прав и свобод, фактическое сравнение которых невозможно в принципе по причине их разнородности. Это становится очевидным при осуществлении сопоставительного анализа содержания уголовных наказаний: право собственности в принудительных работах – свобода выбора трудовой деятельности в обязательных работах – право на свободное перемещение в ограничении свободы и т. д. Проблема решается юридическим установлением одного дня лишения свободы как эталонной меры, обеспечивающей «приведение к единому знаменателю» всех сроков разнородных видов уголовных наказаний. Этот же прием позволяет уяснить степень тяжести назначенного наказания, если оно может быть соотнесено с исчисляемым в днях лишением свободы, но данные правила сопоставления не универсальны, так как не распространяются на наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград, а также пожизненного лишения свободы и смертной казни.

Однако уголовно-правовая категория «мера» применима не только к уголовным наказаниям. Думается, не будет ошибкой указать на наличие в действующем уголовном законе «второстепенных мер», также входящих в содержание уголовной ответственности. Аналогично уголовному наказанию они применяются к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и в целом направлены на достижение тех же целей, которые ставятся перед уголовным наказанием (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Разграничение мер уголовной ответственности с уголовным наказанием можно осуществить прежде всего по формальному основанию: они не включены в систему уголовных наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ. По материальному основанию, то есть по видам прав, свобод и законных интересов, которых лишается или в которых ограничивается преступник, осуществить разграничение становится сложнее ввиду возможной тождественности ограничиваемых благ виновного. Например, право на свободу выбора вида трудовой деятельности ограничивается и наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и судимостью лица, в отношении которого назначенное наказание исполнено в полном объеме. В то же время обязанность не посещать, например, места проведения зрелищных мероприятий, обязанность пройти курс лечения, а равно исполнение других обязанностей, способствующих исправлению осужденного, включаются в содержание условного осуждения преступника, однако официально не представлены содержанием ни одного уголовного наказания.

Наконец, нельзя обойти вниманием уголовно-правовой институт иных мер, применяемых к лицам, которые по основаниям, предусмотренным действующим законодательством, не подлежат уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние. К таковым мерам в настоящее время относятся: а) принудительные меры медицинского характера; б) принудительные меры воспитательного воздействия.

Несмотря на терминологическую идентичность, меры уголовной ответственности и перечисленные иные меры не обладают сущностной однородностью. Мера уголовной ответственности формируется на основе принципов равенства и справедливости, поскольку призвана обеспечить соразмерное воздаяние за вред, который причинил преступник потерпевшему лицу, обществу и (или) государству. В этом случае наблюдается реализация карательного потенциала меры уголовной ответственности в объеме, соответствующем тяжести совершенного преступления.

В основу формирования иных мер уголовно-правового характера положены принципы сострадания и милосердия. Их применение также связано с лишениями и ограничениями аналогичных прав, свобод и законных интересов, которые характеризуют сущность многих мер, применяемых в процессе реализации уголовной ответственности. Они и назначаются исключительно по решению суда в связи с совершением деяния, запрещенного уголовным законом. Однако при их применении баланс в общественных отношениях, нарушенный совершением общественно опасного деяния, восстанавливается без кары и воздаяния за действительно причиненный вред. Напротив, это восстановление обеспечивается средствами медицинского или воспитательного (нравственного) воздействия, что предполагает получение лицом возможности адекватно подходить к оценке общественных ценностей. Поэтому иные меры следует рассматривать в качестве мер социальной поддержки и помощи индивиду, применение которых исключает карательное воздействие со стороны общества и государства.

На более высоком уровне обобщения констатируется, что мера в уголовном праве выражается общими границами допустимого воздействия на человека, а также определением оснований для такого воздействия. С учетом оценки допустимого поведения любого индивида, общества и инструментов государственного принуждения определяются пределы указанного поведения, неспособного повлечь за собой существенных негативных последствий. Выход за эти пределы является общественно опасным и, как следствие, уголовно наказуемым. Поэтому уголовное право в целом можно обозначить как меру, с помощью которой устанавливается предельно допустимое поведение человека в обществе. Свою конкретизацию эти гипотетические границы находят в виде запретов на совершение конкретных действий, предусматриваемых нормами Особенной части УК РФ.

Вся совокупность закрепленных уголовным законом мер, которые применяются к лицам, совершившим общественно опасные деяния, тоже может быть признана общей мерой уголовно-правового воздействия. В этой части определяется, насколько современное уголовное право позволяет влиять на статус человека, совершившего преступление. Осуществленная ранее оценка содержания как уголовного наказания, так и других мер уголовной ответственности позволяет сделать вывод о весьма широком, почти неограниченном (безмерном) диапазоне негативного воздействия на преступника.

Минимальные пределы в настоящее время сводятся к выполнению ряда предусмотренных законом условий, что может обеспечить принятие решения об отказе от уголовного преследования и прекращении реализации уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.2 УК РФ и др.). Верхняя же граница уголовно-правового воздействия юридически располагается на уровне возможности лишения осужденного жизни в результате исполнения наказания в виде смертной казни. Де-факто современное государство может воздействовать на преступника до предела бессрочного его содержания в условиях изоляции от общества, то есть пожизненного лишения свободы.

Проблема сохранения или исключения смертной казни в уголовном законе по-прежнему остается неразрешенной. По этому поводу было высказано достаточно много аргументов как за, так и против, состоятельность которых оспорить довольно трудно. Однако с позиции оценки меры возможного реагирования на преступное деяние можно заключить, что сохранение данного вида наказания в уголовном законе необходимо. До тех пор, пока будут совершаться убийства, общество вправе требовать справедливой меры воздаяния для преступника. В этом случае речь уже идет не о чрезмерной жестокости уголовно-правового реагирования, а о равенстве граждан и справедливости. Эти категории одновременно выступают в качестве и принципов уголовного права, и фундаментальных философских идей, формирующих содержание уголовного права и пределы уголовно-правового воздаяния.

Идейное равенство граждан предполагает не только недопустимость причинения вреда ближнему (категорический императив Канта), но и аналогичное воздаяние преступнику за причиненный вред. Понижение верхней границы возможного уголовно-правового воздействия на убийцу умаляет идею справедливости, а потому может оказаться невостребованным и не признанным в качестве правомерного решения. В этой связи, учитывая постулаты «золотого правила», которые признаются в любом обществе, независимо от степени цивилизационного развития, полагаем необходимым сохранение заявленных в действующем УК РФ пределов уголовно-правового воздействия без каких-либо оговорок и (или) фактических ограничений, действующих в настоящее время.

Заключительная часть

В завершение изучения значения философской категории «мера» для уголовного права считаем необходимым вернуться к оценке мнения античного философа Протагора о том, что именно человек яв-

ляется мерой всего в окружающем его мире. Подтверждение справедливости такого высказывания можно установить даже путем анализа изменений и дополнений в действующий уголовный закон, которые были приняты за весь относительно небольшой (для уголовного закона) период его действия. Так, мы стали свидетелями не только частных изменений редакционного характера, которые касались отдельных уголовно-правовых норм, но и кардинальных изменений, связанных, например, с правилами категоризации преступлений, определением приоритетов в выборе видов наказаний при неизменности оценки общественной опасности многих преступлений и т. д.

Все это если не подтверждает, то хотя бы заставляет задуматься о том, насколько возможно в действительности говорить о мере в уголовном праве, равно как и в целом о мере, понимая ее как неизменную, объективно существующую постоянную величину, состояние которой никак не зависит от сознания и воли человека. Даже, казалось бы, многократно проверенные временем истины о пределах допустимого поведения в обществе периодически сопровождаются корректировками и уточнениями, то есть и они испытывают на себе процессы переосмысления и переоценки с учетом развития представлений о справедливости, равенстве и гуманизме.

Поэтому нельзя исключать, что и современные границы уголовно-правовой меры в самом широком ее понимании будут меняться в бóльшую или меньшую сторону. Это, в свою очередь, обеспечит непрерывность процесса поиска той «золотой середины», когда человек будет чувствовать надлежащее обеспечение собственной безопасности, достигаемое наименьшим количеством лишений и правоограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Том 4 / Аристотель / [редакторы и авторы вступительной статьи А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примечания В. В. Бибихина и др.] – Москва : Мысль. – 1983. – 830 с.
2. Балашов, Л. Е. Новая метафизика. (Категориальная картина мира или Основы категориальной логики) / Л. Е. Балашов. – Москва : ACADEMIA, 2016. – 1026 с.
3. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / составитель и ответственный редактор О. А. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2012. – 624 с. – ISBN 978-5-4261-0012-1.
4. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 томах. Том 1 / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – Москва : Мысль. – 1970. – 501 с.
5. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 томах. Том 2 / Томас Гоббс ; [составитель В. В. Соколов]. – Москва : Мысль. – 1991. – 735 с. – ISBN 5-244-00460-3.
6. Жмудь, Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме / Л. Я. Жмудь. – Санкт-Петербург : Изд-во ВГК : Алетейя, 1994. – 376 с.
7. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – Москва : Искусство, 1994. – 367 с. – ISBN 5-210-02324-9.
8. Кант, И. Сочинения : в 6 томах. Том 5 / Иммануил Кант / [редактор и автор вступительной статьи В. Ф. Асмус]. – Москва : Мысль. – 1966. – 562 с.
9. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Ганс Кельзен ; перевод с немецкого [М. В. Антонова, С. В. Лезова]. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, cop. 2015. – 540 с. – ISBN 978-5-905966-54-5.
10. Локк, Джон. Сочинения : в 3 томах. Том 3 / редактор и составитель, автор примечаний А. Л. Субботин. – Москва : Мысль. – 1988. – 668 с. – ISBN 5-244-00084-5.
11. Малинова, И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография / И. П. Малинова. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2017. – 199 с. – ISBN 978-5-7845-0482-1.
12. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс, К. Сочинения : в 30 томах. Том 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 804 с.
13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общей редакцией Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : Оникс 21 век : Мир и Образование, 2005. – 894 с. – ISBN 5-329-01352-6.
14. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Том 4 / Платон / [перевод с древнегреческого А. Н. Егунова и др.]. – Москва : Мысль, 1994. – 830 с. – ISBN 5-244-00633-9.
15. Соловьева, А. С. Философия Солона: развитие личностного начала и понятия меры / А. С. Соловьева // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2018. – Том 1, № 2. – С. 148–159.
16. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 томах. Том 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания / под редакцией Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 680 с. – ISBN 978-5-4396-1994-8.
17. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; под общей редакцией Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 300 с. – ISBN 978-5-288-04211-9.

REFERENCES

1. Aristotle. *Sochineniya: v 4 tomakh. Tom 4* [Essays: in 4 volumes. Volume 4]. Ed. by Dovatur A.I., Kessidi F. Kh. Moscow: Mysl'. 1983. 830 p.
2. Balashov L.E. *Novaya metafizika. (Kategorial'naya kartina mira ili Osnovy kategorial'noi logiki)* [New metaphysics. (Categorical picture of the world or the Foundations of categorical logic)]. Moscow: ACADEMIA, 2016. 1,026p.
3. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Comp. and ed. by O.A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2012. 624 p. ISBN 978-5-4261-0012-1.
4. Hegel G.W.F. *Nauka logiki: v 3 tomakh. Tom 1* [Science of logic: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow: Mysl'. 1970. 501 p.
5. Hobbes T. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Essays: in 2 volumes. Volume 2]. Comp. by Sokolov V.V. Moscow: Mysl'. 1991. 735 p. ISBN 5-244-00460-3.
6. Zhmud' L.Ya. *Nauka, filosofiya i religiya v rannem pifagoreizme* [Science, philosophy and religion in early Pythagoreanism]. Saint Petersburg: Izd-vo VGK: Aleteiya, 1994. 376 p.

7. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Moscow: Iskusstvo, 1994. 367. ISBN 5-210-02324-9.
8. Kant I. *Sochineniya: v 6 tomakh. Tom 5* [Works: in 6 volumes. Volume 5]. Ed. by Asmus V.F. Moscow: Mysl'. 1966. 562 p.
9. Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Transl. by Antonov M.V., Lezova S.V. Saint Petersburg: Alef-Press, cop. 2015. 540 p. ISBN 978-5-905966-54-5.
10. Locke J. *Sochineniya: v 3 tomakh. Tom 3* [Essays: in 3 volumes. Volume 3]. Ed. and comp. by Subbotin A.L. Moscow: Mysl'. 1988. 668 p. ISBN 5-244-00084-5.
11. Malinova I.P. *Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika: monografiya* [Philosophy of law and legal hermeneutics: monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. yurid. un-t, 2017. 199 p. ISBN 978-5-7845-0482-1.
12. Marx K., F. Engels A contribution to the critique of political economy. In: *Sochineniya: v 30 tomakh. Tom 13* [Essays: in 30 volumes. Volume 13]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 804 p.
13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: okolo 53,000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 53,000 words]. Ed. by Skvortsov L.I. Moscow: Oniks 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2005. 894 p. ISBN 5-329-01352-6.
14. Plato. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 4* [Collected works: in 4 volumes. Volume 4]. Transl. by Egunov A.N. et al. Moscow: Mysl', 1994. 830. ISBN 5-244-00633-9.
15. Solov'eva A.S. Solon's philosophy: the development of personality and the concept of "measure" *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriya filosofa=The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 148–159. (In Russ.).
16. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs: v 10 tomakh. Tom 1. Ponyatie, tseli ugolovnogo nakazaniya. Sistema ugolovnogo nakazaniya. Kniga 1. Ponyatie ugolovnogo nakazaniya* [Criminal law. General part. Punishment. Academic course: in 10 volumes. Volume 1. The concept and goals of criminal punishment. The system of criminal punishment. Book 1. The concept of criminal punishment]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow: Yurlitinform, 2020. 680 p. ISBN 978-5-4396-1994-8.
17. Hart H. L. A. *Ponyatie prava* [The concept of law]. Ed. by Afonasin E.V., Moiseev S.V. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 300 p. ISBN 978-5-288-04211-9

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Vice-Rector for Research at Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

Статья поступила 24.08.2022

Научная статья
УДК 343.3
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.005

Уголовно-правовые санкции за коррупционные преступления: мнение научного сообщества и видение правоприменителя

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ
Академия управления МВД России, Москва, Россия, profgavrilov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2529-491X

Реферат

Введение: статья посвящена анализу основополагающих положений Уголовного кодекса Российской Федерации в части уголовно-правовых санкций за преступления коррупционной направленности и их влияния на эффективность реализации государством в лице правоохранительных и судебных органов мер по обеспечению справедливости наказания за уголовно наказуемые деяния данного вида. *Цель:* на основе исследования норм уголовного законодательства и внесенных в него за последние два десятилетия изменений и анализа статистических данных о назначаемых судом за отдельные наиболее распространенные виды коррупционных преступлений уголовных наказаний изложить отмеченные представителями научного сообщества и правоприменителями недостатки уголовного законодательства в данной сфере борьбы с преступностью и одновременно предложить меры по совершенствованию уголовно-правовых санкций, способных наряду с вектором государства на либерализацию уголовной ответственности обеспечить снижение угрозы коррупционной опасности, что в целом призвано обеспечить безопасность государства, в первую очередь в сфере его экономической деятельности. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой и эмпирический, теоретические методы формальной и диалектической логики, частно-научные методы, юридико-технический и метод толкования конкретных юридических норм. *Результаты:* на основании анализа современного состояния уголовного законодательства и внесенных в него начиная с 2003 г. изменений в части либерализации уголовно-правовых санкций и складывающейся судебной практики назначения уголовного наказания в виде лишения свободы и штрафа дается в целом негативная оценка и обосновывается необходимость их совершенствования в целях соответствия уголовно-правовых предписаний реалиям борьбы с коррупционной преступностью и обеспечения тем самым законности, справедливости и равенства граждан перед законом и одновременно гуманизма при реализации норм уголовного закона. *Выводы:* для обеспечения указанных принципов уголовного закона применительно к современным реалиям (новые виды преступлений, в том числе их совершение с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, значительное увеличение размеров причиненного преступлениями материального ущерба как государству и иным хозяйствующим субъектам, так и гражданам) требуется принятие законодателем соответствующих мер по совершенствованию уголовного законодательства, в частности корректив нижних пределов таких конкретных уголовно-правовых санкций, как лишение свободы и штраф, размеры которых сегодня снижают уровень эффективности борьбы с коррупционными преступлениями, в том числе относящимися к категории не только тяжких, но и особо тяжких преступных деяний.

Ключевые слова: уголовный закон; преступления коррупционной направленности; законность; справедливость; равенство прав граждан перед законом; гуманизм; суд; приговор; лишение свободы; штраф; судебная статистика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гаврилов Б. Я. Уголовно-правовые санкции за коррупционные преступления: мнение научного сообщества и видение правоприменителя // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 388–396. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.005.

Original article

Criminal Law Sanctions for Corruption-Related Crimes: an Opinion of the Scientific Community and a View of the Law Enforcement Officer

B.Ya. GAVRILOV
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, profgavrilov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2529-491X

© Гаврилов Б. Я., 2022

Abstract

Introduction: the article analyzes fundamental provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of criminal law sanctions for corruption-related crimes and their impact on the effectiveness of measures implemented by the law enforcement and judicial authorities to ensure fairness of punishment. *Purpose:* on the basis of the study of criminal legislation norms and their amendments made over the past two decades and the analysis of statistical data on criminal penalties imposed by the court for certain most common types of corruption-related crimes, to outline criminal legislation shortcomings in this sphere noted by representatives of the scientific community and law enforcement officers; to propose measures for improving criminal sanctions, capable, along with the state's focus on the criminal liability liberalization, to lower corruption risks, thus ensuring the state security, primarily in the sphere of its economic activity. *Methods:* historical; comparative legal and empirical methods; theoretical methods of formal and dialectical logic, private scientific methods; legal and technical methods and the method of interpretation of specific legal norms. *Results:* on the basis of the analysis of the current state of criminal legislation and the amendments introduced into it since 2003 regarding liberalization of criminal law sanctions and the emerging judicial practice of imposing criminal penalties in the form of imprisonment and a fine are generally negatively assessed and the need for their improvement is justified in order to comply with realities of the fight against corruption-related crime and thereby ensure legality, justice and equality of citizens before the law and at the same time humanism in the criminal law norms implementation. *Conclusions:* in order to ensure these criminal law principles in relation to modern realities (new types of crimes, including their commission using information and telecommunication technologies, a significant increase in the amount of material damage caused by crimes to both the state and other economic entities and citizens), it is necessary for the legislator to take appropriate measures to improve criminal legislation and, in particular, adjust lower limits of such specific criminal law sanctions as imprisonment and a fine, the size of which today undermines effectiveness of the fight against corruption-related crimes, including those belonging to the category of not only serious, but also especially serious criminal acts.

Keywords: criminal law; corruption-related crimes; legality; justice; equality of citizens' rights before the law; humanism; court; sentence; imprisonment; fine; judicial statistics.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Gavrilov B.Ya. Criminal law sanctions for corruption-related crimes: an opinion of the scientific community and a view of the law enforcement officer. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 388–396. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.005.

Исследуя проблемы борьбы с коррупционной преступностью и роль законодателя в оптимизации уголовно-правовой политики государства в области обеспечения экономической безопасности страны, возможно говорить о том, что в России создана необходимая законодательная база в противодействии коррупции, включая такие наиболее опасные виды преступлений, как дача, получение взятки, коммерческий подкуп и посредничество при их совершении, а также иные виды получения незаконного вознаграждения. Особое внимание обращается на то, что уголовно-правовые нормы призваны реально обеспечить борьбу с коррупцией как путем установления подлежащего всеобщему осуждению противоправного поведения, которое влечет за собой уголовную ответственность, так и под угрозой назначения судом достаточно строгого наказания, включая длительное лишение свободы, путем установления соответствующих границ уголовно-правовых санкций, учитывающих степень общественной опасности совершенного преступного деяния для экономики страны, причиненного государству и гражданам ущерба. Излагая данную проблему, мы понимаем, что существующие в этой сфере проблемы деятельности правоохранительных и судебных органов как ранее, так и в настоящее время подвергаются постоянным исследованиям.

В этой связи следует отметить, что в Российской Федерации правовую основу противодействия преступности в сфере экономики и коррупционных проявлений составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации. Непосредственное влияние на противодействие коррупции призвана играть и государственная политика, реализация которой находит свое отражение в положениях Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в Указе Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» и непосредственно в нормах УК РФ.

Реализации эффективных мер по предупреждению и искоренению коррупции призваны способствовать и выработанные международным сообществом такие нормативные правовые документы, как Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21.11.1997.

При этом, реально оценивая состояние борьбы с коррупционной преступностью как негативное и одновременно осуществляя поиск наиболее результативных мер по ее противодействию, в своей оценке данной проблемы обратимся к позиции как представителей научного сообщества, так и практикующих юристов. Важно в этом вопросе и понимание при-

чин и иных факторов, способствующих совершению данного вида преступлений, а также механизмов их функционирования и трансформации.

Одной из причин негативной оценки, по нашему мнению, является провозглашенный курс на либерализацию уголовного наказания, принявшую в ходе реформирования уголовного законодательства радикально-либеральный характер, включая значительное снижение, а по ряду составов преступлений исключение нижних размеров уголовно-правовых санкций, в первую очередь в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, что было негативно воспринято не только видными российскими учеными-криминологами (А. И. Алексеев, В. С. Овчинский и Э. Ф. Побегайло [1, с. 40–59]), так и практиками [3, с. 110–116].

В этой связи представляется необходимым обратиться к ряду публикаций в части существующих среди научного сообщества точек зрения относительно уголовно-правового воздействия к лицам, обвиняемым в совершении коррупционных преступлений, а также принимаемых государством мер по противодействию указанному виду преступлений. Выделим точку зрения известных российских криминологов А. И. Долговой [6], В. В. Лунеева [8, с. 20], П. С. Яни [10, с. 58], критикующих «либерализм судей и призывающих к усилению уголовно-правовых санкций за преступления данного вида».

Критике подвергаются и в целом меры по реформированию уголовного законодательства в части борьбы с коррупционными преступлениями, носящие в течение двух последних десятилетий в основном радикально-либеральный характер [4].

Наряду с указанными точками зрения весьма распространены высказывания, что «репрессивные меры к коррупционерам, в первую очередь из числа государственных служащих, должны стоять чуть ли не на последнем месте в борьбе с коррупцией» [7, с. 5]. По данному вопросу видный российский исследователь борьбы с коррупцией Г. А. Сатаров, не отрицая требования «силовой» войны с данным видом преступлений, указывает на необходимость разработки и реализации комплексной или смешанной стратегии по противодействию коррупции, имея в виду и применение уголовных репрессий [2, с. 212], которые сегодня с позиции эффективности борьбы с коррупцией вряд ли возможно признать достаточными.

Одновременно выделим и точку зрения С. В. Максимова [9, с. 77], предлагающего переход от преимущественного использования при конструировании правовых норм альтернативных относительно определенных санкций, предусматривающих, например, назначение сегодня уголовного наказания в виде лишения свободы от двух месяцев до 15 лет (ч. 4 ст. 111 УК РФ) или штрафа от 5 тыс. руб. до 1,5 млн руб. (ч. 3 ст. 183 УК РФ), к использованию альтернативных абсолютно определенных санкций (например, лишение свободы на срок два года или исправительные работы на один год). Высказанную позицию возможно было бы и принять, однако данный подход может привести, с одной стороны, к ограничению дифференциации уголовно-правовых санкций, а с другой – к сужению в разумных пределах возможности судейской дискреции, которую законодатель в случае назначения судом наказания предусмотрел в конкретных нормах уголовного закона.

Высказывая собственную позицию, обратимся в первую очередь к конкретным изменениям законодателем норм уголовного закона, регламентирующего ответственность за наиболее распространенные виды коррупционных преступлений, что обусловило сложившуюся в настоящее время неоднозначную судебную практику назначения судами за эти виды преступлений уголовного наказания, размеры которого вполне сравнимы с наказаниями, например, за кражи чужого имущества и аналогичные преступления. Анализируя внесенные законодателем изменения, отметим, что начало этому негативному процессу (псевдолиберализации уголовного законодательства) было заложено принятием Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым были исключены нижние границы уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы из значительного числа преступлений небольшой и средней тяжести. В определенной степени эти меры в тот период времени следует признать вполне обоснованными в силу объявленной государством политики гуманизации уголовной ответственности.

Однако в последующие годы Федеральным законом от 28.12.2008 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”» позиция законодателя в части либерализации уголовной ответственности была распространена и на категории тяжких и особо тяжких преступлений, включая такие наиболее опасные виды уголовно наказуемых деяний, как взяточничество в различных его проявлениях.

И особо в этой связи следует выделить Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым законодателем из 68 составов тяжких и особо тяжких преступлений были исключены нижние пределы уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы и штрафа, составляющие на сегодня соответственно два месяца лишения свободы (ч. 2 ст. 56 УК РФ) и 5 тыс. руб. штрафа (ч. 2 ст. 46 УК РФ), которые вполне соотносятся, например, с наказаниями по ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение), предусматривающей наказание до одного года лишения свободы или штраф до 40 тыс. руб.

Внесенные перечисленными выше федеральными законами изменения в УК РФ фактически разбалансировали судебную практику назначения наказания. Одновременно были необоснованно расширены границы применения российскими судьями своих дискреционных полномочий, превратив в ряде случаев возможности судейского усмотрения при назначении

уголовного наказания в судебный произвол, примеры чему на практике достаточно распространены [5].

Проанализируем конкретные уголовно-правовые санкции за отдельные виды коррупционных преступлений, а также статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о назначаемых судами за их совершение наказаний, обращаясь в первую очередь к таким видам коррупционных деяний, как дача и получение взятки, коммерческий подкуп и посредничество при их совершении и др.

Так, весьма характерной в этом плане является предусмотренная ч. 3 ст. 183 УК РФ уголовно-правовая санкция в виде штрафа за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Анализ данной санкции наглядно указывает на то, что Федеральным законом от 29.06.2015 № 193-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» размер штрафа был существенно увеличен (с 200 тыс. до 1,5 млн руб.), с чем следует согласиться. Вместе с тем законодатель не указал его нижней границы, что не только не способствует формированию единой судебной практики, но фактически нередко ведет к безнаказанности за совершение преступлений данного вида. Так, приговором Куйбышевского районного суда г. Омска, которым гр-н К. за совершение 20 эпизодов преступной деятельности в отношении клиентов банка, квалифицируемых каждый по ч. 3 ст. 183 УК РФ, осужден к штрафу в 150 тыс. руб. При этом по каждому эпизоду преступной деятельности ему было назначено наказание в виде штрафа в 100 тыс. руб. Тем самым судом было допущено существенное отступление от установленного в ч. 2 ст. 69 УК РФ правила назначения наказания при совокупности преступлений, предусматривающего их сложение в размере, не превышающем полуторного размера наказания за наиболее тяжкое преступление. Исходя из заложенной в данной уголовно-правовой норме санкции и в силу действия указанного принципа сложения наказания по совокупности совершенных преступлений оно К. могло быть назначено в виде штрафа в размере до 2 млн 250 тыс. руб., что явно не соотносится с назначенным осужденному наказанием в 150 тыс. руб.

Одновременно санкция ч. 3 ст. 183 УК РФ в числе видов наказания предусматривает лишение свободы до пяти лет без указания нижней границы, что также порождает неоднородную судебную практику. Так, по приговору Красноармейского районного суда г. Волгограда гр-н М. осужден по ч. 3 ст. 183 УК РФ к 1 году и 6 месяцам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ условно, а Октябрьским районным судом г. Санкт-Петербурга за совершение преступления с аналогичной квалификацией гр-н Синицын осужден также условно к 6 месяцам реального лишения свободы. Аналогичная ситуация и с уголовно-правовой санкцией в виде лишения свободы и по ч. 4 ст. 183 УК РФ, которая указанным выше федеральным законом от 07.12.2011 № 420 хотя и была снижена с десяти до семи лет, с чем возможно было бы и согласиться, однако законодатель, как и в ряде других уголовно-правовых санкций, не указал на ее нижнюю границу.

Как следствие подобной судебной практики, из 79 осужденных в период с 2018 г. по первое полугодие 2021 г. по указанным составам преступлений к реальному лишению свободы, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, никто не был осужден, хотя санкция по ч. 3 ст. 183 УК РФ предусматривает лишение свободы до 5 лет, а по ч. 4 данной статьи – до 7 лет лишения свободы. В свою очередь, к штрафу были приговорены в 2018–2019 гг. примерно каждый третий, в 2020 г. – каждый второй и в первом полугодии 2021 г. каждый пятый из числа осужденных (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о числе осужденных по ч. 3 и 4 ст. 183 УК РФ[1]

	2018 г.		2019 г.		2020 г.		1 полугодие 2021 г.	
Статья УК РФ	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183	ч. 3 ст. 183	ч. 4 ст. 183
Осуждено (всего)	13	2	32	–	22	–	10	0
Из них к лишению свободы	0	0	0	–	0	–	0	0
Штраф	4	0	9	–	11	–	2	0

Продолжая исследование предпринятых законодателем мер по борьбе с отдельными видами коррупционных деяний, следует отметить, что Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в УК РФ была введена ст. 200.5, устанавливающая ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, что в целом следует оценивать как реальную меру законодателя по борьбе с коррупцией. Однако приведенные в табл. 2 статистические данные о числе осужденных не способны реально воздействовать на лиц, совершивших преступления указанного вида и, соответственно, профилактику указанных преступлений, хотя ими экономической деятельности государства наносится значительный ущерб.

[1] Здесь и далее по тексту приведены статистические сведения Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Таблица 2

Сведения о числе осужденных по ст. 200.5 УК РФ

	2019 г.	2020 г.			1 полугодие 2021 г.	
Статья УК РФ	ч. 2 ст. 200.5	ч. 1 ст. 200.5	ч. 5 ст. 200.5	ч. 6 ст. 200.5	ч. 5 ст. 200.5	ч. 6 ст. 200.5
Осуждено (всего)	1	1	2	1	2	1
Из них к лишению свободы	0	0	0	0	0	0
Штраф	1	1	0	0	0	0

Одновременно обратим внимание на тот факт, что по ряду составов коррупционных преступлений законодатель воспринял критические высказывания, предусмотрев за их виды достаточно высокие размеры штрафа с одновременным установлением его нижних пределов. Так, по ч. 1 ст. 200.5 УК РФ в качестве основного наказания предусмотрен штраф в размере от 300 до 500 тыс. руб., по части второй – от 500 тыс. до 1 млн руб., по части третьей – от 1 до 2 млн руб. и др.

Или, например, реагируя на критику в части радикально-либеральной политики по вопросу уголовно-правовых санкций за совершение коррупционных преступлений, законодатель Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» установил санкцию по ч. 3 ст. 204 УК РФ от трех до семи лет лишения свободы. Однако из 33 подсудимых, в отношении которых судом в 2020 г. по ч. 3 ст. 204 УК РФ вынесены обвинительные приговоры, к реальному лишению приговорено лишь одно лицо, а в отношении еще 97 осужденных по ч. 4, 7 и 8 ст. 204 УК РФ, относящимся к категории тяжких и особо тяжких преступлений с нижними пределами данной санкции, соответственно, в виде 4, 5 и 7 лет лишения свободы, к реальному лишению свободы судами осуждены 18 чел. (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о числе осужденных в 2020 г. за коммерческий подкуп, совершенный при наличии квалифицирующих признаков

	Статья 204 УК РФ			
	ч. 3	ч. 4	ч. 7	ч. 8
Осуждено (всего)	33	5	80	12
Из них к лишению свободы	1	1	13	4
Штраф	12	1	25	4
То же (в %)	36,3	20	31,2	33,3

Таблица 4

Сведения о числе осужденных за коммерческий подкуп, совершенный при наличии квалифицирующих признаков (январь–июнь 2021 г.)

	Статья 204 УК РФ							
	ч. 1	ч. 2	ч. 3	ч. 4	ч. 5	ч. 6	ч. 7	ч. 8
Осуждено (всего)	3	11	28	1	1	13	36	14
Из них к лишению свободы	0	0	2	0	0	1	6	4
Штраф	2	6	13	1	1	5	6	2
То же (в %)	66,7	54,5	46,4	100	100	38,5	16,7	14,3

Из приведенных статистических данных (табл. 4) усматривается, что за первое полугодие 2021 г. по ч. 7 и 8 ст. 204 УК РФ из 50 граждан к реальному лишению свободы осужден только каждый пятый, хотя нижние границы уголовно-правовых санкций за эти виды преступлений установлены соответственно в виде 5 и 7 лет лишения свободы.

Одновременно в отношении значительной части осужденных по ч. 3, 4, 7 и 8 ст. 204 УК РФ основное наказание назначалось в виде штрафа. При этом хотя его размеры и весьма значительны (по ч. 3 – до 1,5 млн руб., по ч. 4 – от 1 до 2 млн руб. по ч. 7 – от 1 до 3 млн руб. и по ч. 8 – от 2 до 5 млн руб.), однако назначаемые судами наказания данного вида, как правило, многократно ниже указанных санкций.

Так, приговором Левобережного районного суда г. Липецка от 13 октября 2017 г. за совершение 9 преступлений, квалифицируемых каждое по п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ, гр-ну С. по каждому из них в качестве основного наказания назначен штраф в размере 420 тыс. руб. при санкции от 1 до 3 млн руб., а окончательное наказание с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ назначено в виде штрафа в размере 500 тыс. руб., хотя оно могло быть назначено в размере до 3 млн 780 тыс. руб.

Значительный урон престижу российского уголовного закона наносит указанная выше ситуация с уголовно-правовыми санкциями за совершение преступлений, связанных с дачей и получением взятки и посредничеством во взяточ-

ничестве. Одна из основных причин сложившегося положения заключается, по нашему мнению, как в отсутствии в ряде уголовно-правовых норм нижних границ наказаний в виде лишения свободы и штрафа, так и в широком диапазоне данных видов наказаний.

Негативно характеризуют сложившуюся с назначением наказания за взяточничество приведенные ниже статистические данные Судебного департамента о назначении наказания за получение взятки, что вызывает негативный резонанс в российском обществе (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о числе осужденных за получение взятки, совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ст. 290 УК РФ)

	Годы											
	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Осуждено (всего)	1088	949	1197	1017	1041	447	459	462	373	269	1423	1428
Из них к лишению свободы	436	364	538	446	454	254	242	230	122	69	234	385
То же (в %)	40,1	38,4	44,9	43,8	43,6	56,8	52,7	49,8	32,7	26,5	16,4	27
Штраф	241	224	271	262	285	129	132	157	178	125	–	–
То же (в %)	22,2	23,6	22,6	25,7	27,4	28,9	28,6	34	47,7	46,5	–	–

Так, за преступления в виде получения взятки, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, судами до 2012 г. к реальному лишению свободы ежегодно приговаривалось не более четверти от числа осужденных.

Введение Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» за получение взятки наказания в виде штрафа, исчисляемого в величине от 30 до 100-кратной стоимости предмета или суммы взятки (в зависимости от квалифицирующих признаков данного преступления), обусловило в 2012–2013 гг. рост числа осужденных к штрафу до 47–48 %. Однако начиная с 2015 г. по причине фактической дискредитации назначения кратного штрафа за получение взятки (реальная взыскаемость не превышает 15 %) применение данного вида наказания существенно сократилось, составив в 2018–2021 г. всего 22–25 %. Одновременно до 56,8 % возросло в 2016 г. число осужденных за данный вид преступлений к реальному лишению свободы, однако в 2020–2021 гг. их доля вновь сократилась, составив соответственно 38,4 % и 40,1 %.

Негативная ситуация, на наш взгляд, сложилась и с назначением наказания за дачу взятки в виде лишения свободы даже при наличии квалифицирующих признаков, повышающих общественную опасность преступления до категории тяжкого или особо тяжкого (табл. 6).

Таблица 6

Сведения о числе осужденных за дачу взятки, совершенную при наличии квалифицирующих признаков (ст. 291 УК РФ)

	Годы											
	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Осуждено (всего)	1658	1409	1343	1151	997	3266	4907	4302	2539	1467	1587	2907
Из них к лишению свободы	217	191	225	241	237	469	513	478	227	–	191	294
То же (в %)	13,1	13,6	16,8	20,9	23,8	14,4	10,5	11,1	8,9	–	12	10,1
Штраф	756	540	615	512	457	2439	3902	3513	2093	387	622	1032
То же (в %)	46,6	38,3	45,8	44,4	45,8	74,7	79,5	81,6	82,4	82,7	38,9	35,5

Анализ статистических данных свидетельствует о неоднородной судебной практике применения мер уголовно-правового характера за дачу взятки. С введением в 2011 г. кратности штрафа эта мера наказания в 2012–2016 гг. судами назначалась в отношении от 74,7 до 82,4 % осужденных и соответственно число осужденных к реальному лишению свободы в 2013–2015 гг. составило всего 9–11 %.

Однако начиная с 2017 г. по причине фактической дискредитации назначения кратного штрафа за получение взятки применение данного вида наказания существенно сократилось и за дачу взятки, составив в 2017–2021 гг. от 38 до 46 %. Одновременно до 23,8 % возросло в 2017 г. число осужденных за данный вид преступлений к реальному лишению свободы, однако их доля в последующие годы вновь начала сокращаться, составив в 2020–2021 гг. соответственно 13,6 % и 13,1 %.

Наглядным примером является приговор Фокинского районного суда г. Брянска (№ 1-123/2020 от 29.04.2020 по делу № 1-123/2020), которым гр-н Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, за дачу взятки должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий, за что ему назначено наказание в виде штрафа в размере 150 тыс. руб. при размере санкции от 1 до 2 млн руб.

Анализ статистических данных о числе осужденных за посредничество во взяточничестве при квалифицирующих обстоятельствах к реальному лишению свободы свидетельствует о том, что оно (27 % в 2020 г. и 22,6 % в 2021 г.) более чем в два раза превосходит число осужденных за дачу взятки (13,6 % в 2020 г. и 10,6 % в 2021 г.), что вряд ли отражает, по нашему мнению, реальную общественную опасность указанных деяний и может свидетельствовать о некотором перекосе судебной практики (табл. 7).

Таблица 7

Сведения о числе осужденных за посредничество во взяточничестве, совершенное при наличии квалифицирующих признаков (ст. 291.1 УК РФ)

	Годы									
	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
Осуждено (всего)	291	215	253	257	213	165	127	119	108	48
Из них к лишению свободы	66	58	87	73	78	47	49	32	8	1
То же (в %)	22,6	27	34,4	28,4	36,6	28,5	38,6	26,9	7,4	2
Штраф	73	55	69	86	56	67	43	48	68	38
То же (в %)	25	25,6	27,3	33,4	26,3	40,6	33,9	40,3	63	79,2

Относительно назначения за указанный вид преступления наказания в виде штрафа анализ статистических данных свидетельствует, что в первые годы действия ст. 291.1 УК РФ достаточно часто применялся штраф: в 2012 г. в отношении 79,2 % и в 2013 г. – 63 % осужденных. Однако в последующие годы этот показатель существенно сократился, составив в 2020–2021 гг. соответственно 25,6 % и 25 % от общего числа осужденных за данный вид преступной деятельности.

Практически аналогичная ситуация складывается и при назначении наказания за посредничество в коммерческом подкупе, предусмотренном ст. 204.1 УК РФ (в редакции федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

Приведенные статистические данные свидетельствуют о применении за совершение данного преступления наказания в основном в виде штрафа, к которому из 37 лиц судами в период 2018 г. – I полугодии 2021 г. осуждено более половины (20 граждан). Вместе с тем к реальному лишению свободы из всех подсудимых осуждено лишь двое, или 5 %, и то по ч. 3 ст. 204.1 УК РФ, хотя законодатель в санкциях рассматриваемой уголовно-правовой нормы установил наказание в виде лишения свободы по ч. 1 – до 2 лет, по ч. 2 – до 5 лет, по ч. 3 – от 3 до 7 лет и по ч. 4 – до 4 лет лишения свободы (табл. 8).

Таблица 8

Сведения о числе осужденных за посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ)

	2018 г.			2019 г.			2020 г.			1 полугодие 2021 г.		
Часть ст. 204.1	ч. 1	ч. 2	ч. 3	ч. 2	ч. 3	ч. 4	ч. 1	ч. 2	ч. 3	ч. 1	ч. 2	ч. 3
Осуждено (всего)	2	6	4	8	3	2	1	3	2	1	2	3
Из них, к лишению свободы	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Штраф	1	3	2	6	1	1	0	1	2	0	1	2

Таким образом, исходя из представленных данных, можно прийти к выводу о необоснованно широком применении условного осуждения к лишению свободы за такие виды преступлений, как дача и

получение взятки и другие виды незаконного вознаграждения, что нередко воспринимается не как одна из форм воздания должного коррупционерам, а как возможность избежать фактического и нередко весьма длительного лишения свободы, а приведенные выше примеры укрепляют такую уверенность. Тем самым это не позволяет реализовать весь карательный потенциал санкций за совершение указанных видов противоправных деяний, хотя в последние годы ситуация несколько меняется. В этой связи показательны примеры из судебной практики, отражающие принятые решения по уголовным делам, возбуждаемым в отношении глав регионов Российской Федерации.

Так, бывший губернатор Сахалинской области А. Хорошавин признан виновным по ч. 6 ст. 290 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ с назначением ему наказания в виде 13 лет лишения свободы и штрафа. Бывший губернатор Кировской области Н. Белых осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ к 8 годам лишения свободы и штрафу. Бывший глава Удмуртской Республики А. Соловьев осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ за два эпизода получения взяток на общую сумму 139 млн руб. и приговорен к 9 годам лишения свободы и штрафу. В отношении руководителей правоохранительных органов также выносятся приговоры с назначением реальных сроков лишения свободы за совершение ими коррупционных преступлений.

С учетом приведенных в настоящей публикации факторов, играющих весьма негативную роль в противодействии со стороны государства и его правоохранительных и судебных органов коррупционным проявлениям, в том числе его наиболее опасных проявлений в таких формах, как взяточничество, коммерческий подкуп и посредничество при их совершении, а также иные виды незаконного получения вознаграждения, авторская позиция заключается в том, что границы уголовно-правовых санкций и правила их применения судом должны быть научно обоснованными и вполне обозримыми как для специалистов в уголовно-правовой сфере деятельности, так и для граждан и, соответственно, российского общества. Условное осуждение к лишению свободы за коррупционные преступления, включая особо тяжкие преступления, недопустимо, поскольку этим нарушаются уголовно-правовые принципы справедливости, законности и равенства граждан перед законом и судом. Одновременно изложенное в настоящей публикации явление с большой степенью очевидности несет в себе коррупционную составляющую самого уголовного закона, одна из задач которого и заключается в борьбе с коррупционными проявлениями.

И еще один вывод заключается в том, чтобы вносимые законодателем в уголовный закон изменения были бы научно и криминологически обоснованными, учитывали состояние правоприменительной практики, а их направленность должна заключаться в проявлении гуманизма по отношению к лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние в силу ряда причин, и снижении тем самым уровня уголовной репрессии со стороны государства, о чем неоднократно заявлял Президент Российской Федерации В. В. Путин и что сегодня предлагается реализовать через подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации проект федерального закона в части декриминализации отдельных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за ряд преступлений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а также повышение пороговых значений суммы причиненного преступлением ущерба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – Москва : Норма, 2006. – 114 с. – ISBN 5-468-00027-X.
2. Антикоррупционная политика : учебное пособие для студентов факультетов государственного управления / под редакцией Г. А. Сатарова. – Москва : СПАС, 2004. – 367 с. – ISBN 5-902204-04-6.
3. Гаврилов, Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография / Б. Я. Гаврилов. – Москва : Проспект, 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-482-01964-1.
4. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-судебная политика назначения наказания: позиция законодателя и реалии судейского усмотрения / Б. Я. Гаврилов // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности : сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 29–30 марта 2018 г.) / под общей редакцией Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2018. – С. 51–64.
5. Гаврилов, Б. Я. Российское законодательство уголовно-правового комплекса: современное состояние и пути развития / Б. Я. Гаврилов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 74–82.
6. Долгова, А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – Москва : Рос. криминол. ассоц., 2003. – 572 с. – ISBN 5-87817-036-1.
7. Куракин, А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы зарубежных государств : монография / А. В. Куракин ; под общей редакцией М. В. Костенникова. – Домодедово : Всерос. ин-т повышения квалификации сотр. МВД России, 2007. – 119 с. – ISBN 5-9552-0220-X.
8. Лунеев, В. В. Коррупция в России / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 20–27.
9. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность / С. В. Максимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 2017. – 287 с. – ISBN 978-5-98020-191-3.
10. Яни, П. С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии / П. С. Яни // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 58–59.

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Ovchinskii V.S., Pobegailo E.F. *Rossiiskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow: Norma, 2006. 114 p. ISBN 5-468-00027-X.
2. *Antikorruptsionnaya politika: uchebnoe posobie dlya studentov fakul'tetov gosudarstvennogo upravleniya* [Anti-corruption policy: textbook for students of the faculties of public administration]. Ed. by Satarov G.A. Moscow: SPAS, 2004. 367 p. ISBN 5-902204-04-6.
3. Gavrilov B.Ya. *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty:* monografiya [Modern criminal policy of Russia: figures and facts: monograph]. Moscow: Prospekt, 2008. 208 p. ISBN 978-5-482-01964-1.
4. Gavrilov B.Ya. Criminal-judicial policy of sentencing: position of the legislator and realities of judicial discretion. In: Lopashenko N.A. (Ed.). *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti: sbornik statei po materialam 3 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Saratov, Marta 29–30, 2018) [Criminal-legal impact and its role in crime prevention: collection of articles based on the materials of the 3d All-Russian scientific and practical conference (Saratov, March 29–30, 2018)]. Saratov: Saratov. gos. yurid. akad., 2018. Pp. 51–64. (In Russ.).
5. Gavrilov B.Ya. Russian legislation of criminal and legal complex: modern condition and ways of development. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii=Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 3, pp. 74–82. (In Russ.).
6. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Crime, its organization and criminal society]. Moscow: Ros. kriminol. assots., 2003. 572 p. ISBN 5-87817-036-1.
7. Kurakin A.V. *Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya i presecheniya korruptsii v sisteme gosudarstvennoi sluzhby zarubezhnykh gosudarstv: monografiya* [Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the public service system of foreign states: monograph]. Ed. by Kostenkov M.V. Domodedovo: Vseros. in-t povysheniya kvalifikatsii sotr. MVD Rossii, 2007. 119 p. ISBN 5-9552-0220-X.
8. Luneev V.V. Corruption in Russia. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 2007, no. 11, pp. 20–27. (In Russ.).
9. Maksimov S.V. *Korruptsiya, zakon, otvetstvennost'* [Corruption, law, liability]. Moscow: In-t gosudarstva i prava Ros. akad. nauk, 2017, 287 p. ISBN 978-5-98020-191-3.
10. Yani P.S. In the fight against corruption, only repression is effective. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2001, no. 7, pp. 58–59. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, Москва, Россия, profgavrilov@yandex.ru

BORIS Ya. GAVRILOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, profgavrilov@yandex.ru

Статья поступила 14.08.2022

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.006

Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения преступлений: проблемные вопросы законодательства и основные направления реализации

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ
Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8386-4247

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БРАЖНИКОВ
Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, Dbrazh@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2641-2113

Реферат

Введение: предупреждение преступлений наряду с их раскрытием является одной из важнейших задач оперативных подразделений всех субъектов оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем, как показывает изучение нормативной правовой базы и научной литературы, ее правовое регулирование имеет не только ряд недостатков, но и значимых пробелов. Так, например, нет однозначного понимания соотношения понятий предупреждения преступлений и профилактики преступлений, в законодательстве отсутствует возможность осуществлять оперативно-розыскные мероприятия для решения задачи предупреждения преступлений и др. *Цель:* на основе анализа законодательства и имеющихся научных публикаций сформулировать предложения по совершенствованию федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части правового регулирования предупреждения преступлений, рассмотреть соотношение понятий «предупреждение преступлений» и «профилактика преступлений», а также кратко охарактеризовать основные направления, содержание профилактики преступности. *Методы:* сравнительно-правовой, теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: эмпирический, юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* в статье изложены основные правовые проблемы предупреждения преступлений, сформулированы авторские предложения по их разрешению в виде проектов изменений в соответствующие статьи федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Даны толкования понятий «предупреждение преступлений» и «профилактика преступлений», сделан вывод об их неидентичности – профилактика преступлений является частью предупреждения преступлений. Рассмотрено содержание общей и индивидуальной профилактики, причем внимание читателя обращено на активное использование в работе по их реализации оперативно-розыскных сил, средств и методов. Сформулировано авторское положение о первопричине совершения любого преступления, которой выступает микросоциальный конфликт лица и общества, возникший в результате социально-психологической дезадаптации человека. *Выводы:* профилактика преступлений является частью предупреждения преступлений и реализуется в направлении общей и индивидуальной профилактики путем выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также выявления лиц, образ жизни и поведение которых указывают на возможность совершения ими преступлений. Подчеркивается, что, хотя предупреждение преступлений предусмотрено оперативно-розыскным законодательством в качестве задачи оперативно-розыскной деятельности, средств решения этой задачи в виде оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий закон не содержит, результатом чего является пробел в правовом регулировании сложившейся общественно полезной правоприменительной практики. В целях устранения этого недостатка необходимо внести изменения в ст. 1 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», дополнив существующую возможность осуществления оперативно-розыскной деятельности «посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий» словосочетанием «и иных действий». Также представляется целесообразным дополнить ст. 7 основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях «добывания информации для выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о лицах, его замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших».

© *Яковец Е. Н., Бражников Д. А., 2022*

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; задачи; основания; предупреждение; профилактика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н., Бражников Д. А. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения преступлений: проблемные вопросы законодательства и основные направления реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 397–406. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.006.

Original article

Implementing Operational Investigative Measures to Prevent Crimes: Problematic Issues of Legislation and Key Directions of Implementation

EVGENII N. YAKOVETS
Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8386-4247

DMITRII A. BRAZHNIKOV
Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, Dbrazh@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2641-2113

Abstract

Introduction: crime prevention and solution are crucial tasks of operational units of all subjects conducting law enforcement intelligence operations. At the same time, the study of the regulatory legal framework and scientific literature shows that its legal regulation is characterized by certain shortcomings and significant gaps. So, for example, there is no unambiguous understanding of the relationship between concepts of crime prevention and crime deterrence, the legislation does not provide for the ability to carry out operational investigative measures to solve the problem of crime prevention, etc. *Purpose*: based on the analysis of legislation and available scientific publications, to formulate proposals for improving the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" in terms of the legal regulation of crime prevention, consider relationship of the concepts "crime prevention" and "crime deterrence", as well as briefly characterize key directions and the content of crime prevention. *Methods*: comparative legal, theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: empirical, legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results*: the article outlines crucial legal problems of crime prevention, formulates proposals for their resolution in the form of draft amendments to relevant articles of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations". The article presents interpretations of the concepts "crime prevention" and "crime deterrence" and concludes about their non-identity – crime deterrence is part of crime prevention. The content of general and individual deterrence is considered, and the reader's attention is drawn to the active use of operational search forces, means and methods in the work on their implementation. The author argues that the root cause of any crime commission is the microsocial conflict of a person and society, which arose as a result of socio-psychological maladaptation of a person. *Conclusions*: crime deterrence is part of crime prevention and is implemented in the direction of general and individual deterrence by determining and eliminating causes and conditions that contribute to the commission of crimes, as well as identifying persons whose lifestyle and behavior demonstrate possible commission of crimes. It is emphasized that, although crime prevention is fixed as a task of law enforcement intelligence operations in the operational-investigative legislation, the law does not contain the means to solve this problem in the form of grounds for conducting operational search measures. So, there is a gap in the legal regulation of the established socially useful law enforcement practice. In order to eliminate this shortcoming, it is necessary to amend Article 1 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations", supplementing the existing possibility to carry out law enforcement intelligence operations "by carrying out operational investigative measures" with the phrase "and other actions". It also seems appropriate to supplement Article 7 with the basis for conducting operational investigative measures in order to "obtain information for identification, prevention, suppression or solution of the illegal act being prepared, being committed or having been committed, as well as about the persons who are plotting, preparing, committing or have committed it".

Keywords: law enforcement intelligence operations; operational search measures; tasks; grounds; prevention; deterrence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N., Brazhnikov D.A. Implementing operational investigative measures to prevent crimes: problematic issues of legislation and key directions of implementation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60). pp. 397–406. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.006.

Введение

Предупреждение преступлений является одной из задач оперативно-розыскной деятельности, декларированной в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: «Задачами оперативно-розыскной деятельности являются… предупреждение… преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих». Вместе с тем следует обратить внимание, что иные аспекты оперативно-розыскного предупреждения преступлений в законе не рассмотрены. Законодателем предупреждение упоминается еще дважды: при регламентации условий оперативного эксперимента и возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Анализ данного нормативного акта позволяет выделить ряд проблемных моментов применительно к заявленной теме.

В первую очередь необходимо остановиться на ст. 7, регламентирующей основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Применительно к рассматриваемой проблеме ч. 1 ст. 7 предусматривает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий в случае, если органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, станут «известными сведения о признаках подготавливаемого… противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих». Однако остается неясным, каков юридический механизм наступления такой осведомленности. Конечно, граждане могут инициативно сообщать оперативным подразделениям о готовящихся преступлениях, но в современных реалиях это, скорее, единичные факты, чем реальная возможность. Таким образом, основным источником поступления сведений о подготавливаемых преступлениях и причастных к этому лицах выступают лица, оказывающие содействие оперативным подразделениям, а также оперативные сотрудники, лично ведущие поиск первичной оперативной информации (так называемый оперативный поиск).

Вместе с тем, добывая информацию, они осуществляют оперативно-розыскные мероприятия, для проведения которых нужны основания, на сегодняшний момент не предусмотренные законом. Таким образом, оперативно-розыскным законодательством не предусмотрена возможность предварительных действий разведывательно-поискового характера в целях сбора первичной информации о подготовке преступлений, хотя организация и контроль за осуществлением комплекса мер, связанных с оперативно-розыскным предупреждением преступлений, сведения о которых поступают в ходе выявления первичных оперативно-розыскных данных, относится к приоритетным направлениям деятельности руководителей органов, имеющих право на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Нормы ст. 7 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержат ряд оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении различных категорий лиц: допускаемых к сведениям, составляющим государственную тайну, а также к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды; к участию в оперативно-розыскной деятельности и др. Такие основания не соотносятся ни с одной из задач оперативно-розыскной деятельности, однако если рассматривать их с позиции предупреждения преступлений, то возможно выявить некоторые (хотя и опосредованные) связи.

Важная проблема существует и в сфере решения частной задачи оперативно-розыскной деятельности, предусмотренной ст. 84 УИК РФ для исправительных учреждений, – предупреждение готовящихся в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания. С одной стороны, как отмечается в ст. 84 УИК РФ, оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, которое не предусматривает оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, кроме ставших известными сведений «о признаках подготавливаемого… противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих…». При этом, как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 14.07.1998 № 86-О, под противоправным деянием федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» подразумевает лишь уголовно наказуемое деяние, то есть преступление. Следовательно, необходимо понимать решение этой задачи как предупреждение преступлений. Так, в частности, и предлагали С. А. Бажанов, К. К. Горяинов и А. П. Исиченко: «указанные нарушения… несут в себе весьма опасный криминогенный потенциал, который в условиях предельно высокой концентрации наиболее криминально пораженной части осужденных, к тому же на ограниченной территории, может привести и приводит к пенитенциарным конфликтам, нередко перерастающим в уголовно наказуемые деяния» [1, с. 9]. С другой стороны, в тексте ст. 84 УИК РФ предупреждение преступлений и предупреждение нарушений разделены законодателем, следовательно, различны по своей правовой природе. Таким образом, не представляется возможным трактовать решение указанной задачи как предупреждение преступлений.

Значимым нормативным правовым актом, регламентирующим оперативно-розыскное предупреждение преступлений, является Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»,

п. 9 ч. 2 ст. 6 которого предусматривает возможность «применения в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных мер профилактики правонарушений… оперативно-разыскного характера в целях предупреждения правонарушений». Учитывая словосочетание «в соответствии с законодательством Российской Федерации», то есть в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», мы можем утверждать, что под такими специальными мерами законодатель предполагает оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в целях предупреждения преступлений.

Следует подчеркнуть, что указанный закон закрепляет определение понятия профилактики правонарушений: это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Отсюда вытекает еще один вопрос, неоднократно становившийся темой научной дискуссии, – вопрос соотношения понятий «предупреждение преступлений» и «профилактика преступлений».

Единство позиций в теории оперативно-розыскной деятельности по данной проблеме так и не достигнуто. Так, например, В. Ю. Волков и П. А. Макайда считают, что «основа их разграничения лежит в субъектах, осуществляющих деятельность. Таким образом, понятие профилактики шире предупреждения, поскольку профилактика может быть реализована как органами официальной государственной власти, так и субъектами, не обладающими императивными правами и специальными полномочиями» [4, с. 299]. Схожего мнения придерживаются И. А. Наумов [6, с. 76], Р. А. Семенюк [8, с. 106], М. А. Шахматова [12, с. 44], считая данные понятия синонимами. Нам близка позиция М. В. Серегина и А. Г. Тетерюка: «предупредительная деятельность органов внутренних дел… должна осуществляться путем:

– профилактических мероприятий, заключающихся в устранении причин и условий указанных уголовно наказуемых деяний, выявлении лиц, от которых можно ожидать их совершения, и осуществлении на данных лиц предупредительного воздействия,

– оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление замышляемых и подготавливаемых преступлений, на их пресечение и привлечение к ответственности виновных в их совершении» [9, с. 23].

Вместе с тем считаем необходимым ее несколько уточнить: оперативно-розыскное предупреждение преступлений – деятельность субъектов оперативно-розыскной деятельности по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений; по выявлению лиц, склонных или способных к совершению преступлений; по предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений. При этом анализ норм федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» позволяет сделать вывод, что первое и второе из перечисленных направлений следует относить к оперативно-розыскной профилактике преступлений, то есть профилактика является частью предупреждения. Схожую позицию высказывает С. И. Винокуров [3]. Следует подчеркнуть, что, хотя указанные направления и выработаны теорией оперативно-розыскной деятельности и неоднократно апробированы многолетней практикой правоприменения, но, как обосновано нами выше, они не имеют законодательной основы – отсутствуют основания для осуществления оперативно-розыскных мероприятий при поиске первичной информации, при предупреждении замышляемых преступлений и др. Таким образом, проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения преступлений следует признать нелегитимным. Вместе с тем указанные действия являются общественно полезными, положительно влияют на состояние преступности и часто встречаются в практике деятельности оперативных подразделений, что делает актуальным их законодательное закрепление.

Результаты

Меры по предупреждению преступности весьма разнообразны. Они могут быть объективными (предназначены для воздействия на объективные обстоятельства) и субъективными (связаны с воспитанием людей). По уровню различаются: 1) общесоциальные меры предупреждения преступности и 2) специальные криминологические меры. Первые определяются закономерностями развития общества и связаны с регулирующим воздействием на господствующие общественные отношения. Любое человеческое общество, как известно, развивается не без противоречий. Если эти противоречия останутся без надлежащего воздействия, то они могут нарастать и приобретать кризисные формы.

Помимо общесоциальных немаловажное значение в предупреждении преступлений имеют специальные криминологические меры, которые практикуются государственными органами, в том числе осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а также общественными организациями и нацелены на предотвращение и пресечение преступлений. Именно специальная предназначенность и целенаправленность на борьбу с преступностью отличают эти меры от общесоциальной профилактики. Они обязательно должны быть взаимосвязаны и дополнять друг друга, что и создает основу для их эффективного воздействия.

Меры предупреждения преступлений различаются по масштабу их применения. Они могут носить общегосударственный, региональный и локальный характер. Социальные условия оказывают существенное влияние на территориальные различия в преступности. Предупредительные меры существенно разнятся между собой и по объему их применения. Они могут применяться не только в масштабе всего

общества (предупреждение отдельных видов преступлений), но и в отношении отдельных социальных групп, в сферах общественной жизни, на определенных территориальных зонах и т. д. Причем важнейшими из них являются меры по созданию надлежащих условий жизни и воспитания социально уязвимых групп, в первую очередь несовершеннолетних.

Поскольку в одной статье весьма сложно осветить все направления оперативно-розыскного предупреждения преступлений, рассмотрим лишь профилактические меры. Принимая во внимание особенности современной преступности, следует подчеркнуть, что основной акцент в их предупреждении следует делать именно на меры профилактики. Наряду с этим эффективность предупреждения может быть повышена посредством своевременного выявления и предотвращения криминогенных ситуаций. Еще одним направлением призвана явиться разработка межотраслевых законодательных актов, унифицированных для ЕАЭС, по профилактике отдельных, наиболее опасных видов преступлений, связанных с проявлениями организованной преступности, коррупции, легализации доходов, незаконного оборота оружия и наркотиков, незаконной миграции, терроризма [10].

Следует еще раз напомнить, что в соответствии с действующим законодательством профилактика правонарушений рассматривается как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера (в данном случае предполагаются и оперативно-розыскные меры), направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Систему профилактики правонарушений, согласно п. 2, 3 ст. 2 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», образует «совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими мер профилактики правонарушений, а также основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений».

Рассуждая об объектах профилактической деятельности, необходимо определить порядок их рассмотрения. Вначале целесообразно рассмотреть объекты общей профилактики. Это могут быть явления, оказывающие влияние: в целом на преступность, динамику ее количественных показателей (состояние и уровень) и структуру; на отдельные группы преступлений и категории преступников (классифицированные или типологические группы); на конкретные преступления и личность преступника. Объектами индивидуальной профилактики, в свою очередь, являются лица, образ жизни и поведение которых указывают на возможность совершения ими преступлений.

Все общепрофилактические меры применительно к сфере борьбы с преступлениями призваны способствовать выявлению и устранению причин последних, а также условий, способствующих их совершению. Реализация данных мер должна находиться под пристальным вниманием их руководителей. Эти меры, в частности, призваны способствовать решению следующих задач: выявлению лиц, вовлекающих правопослушных граждан в совершение правонарушений; установлению мест наиболее вероятного совершения преступлений (если речь идет о пограничной местности), а также мест концентрации либо укрытия лиц, склонных к совершению преступлений.

Остановимся на выявлении и устранении причин и условий, способствующих их совершению, несколько подробнее. С. В. Образцов утверждает, что «главной причиной, способствующей совершению преступлений против жизни и здоровья в местах лишения свободы, является социально-психологическая дезадаптация личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта» [7, с. 177]. Соглашаясь с высказанной точкой зрения, предлагаем развить ее и обобщить указанным понятием большинство причин, способствующих совершению преступлений. Действительно, какой бы состав преступления мы ни рассматривали и в каких бы условиях (объект таможенного контроля, производственный объект, жилище, исправительное учреждение и др.), кто бы ни являлся субъектом преступления (маргинальные слои общества, средний класс, успешные предприниматели, представители ветвей власти и т. п.), главной причиной совершения преступления будет выступать микросоциальный конфликт лица и общества, возникший в результате социально-психологической дезадаптации лица, – нежелание жить в обществе по установленным им законам, их отрицание, противопоставление лица установленным правилам общества. При этом конкретными причинами совершения преступлений может быть желание улучшить свое материальное положение с минимальными трудозатратами, отомстить, восстановить справедливость и др.

Условия совершения преступлений, как и меры по предупреждению преступности, могут быть объективными (возникающими в результате объективных обстоятельств) и субъективными (зависящими от деятельности людей). К числу первых возможно отнести различные стихийные бедствия, с некоторыми оговорками – военные действия, техногенные катастрофы. В таких условиях невозможно обеспечить полноценную охрану общественного порядка, что влечет активизацию преступности. Субъективными условиями могут выступать недостатки в деятельности широкого круга субъектов, так или иначе способствующие совершению преступлений. Это могут быть неработающее освещение и отсутствие патрулирования в местах возможных разбойных нападений, упущения в воспитательной работе с несовершеннолетними, ранее судимыми, но в первую очередь – отсутствие оперативной работы по линии предупреждения преступлений.

В рамках функций, возложенных, например, на таможенные органы, согласно п. 6 ч. 2 ст. 254 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможен-

ном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», последние наряду с выявлением, пресечением и раскрытием преступлений, отнесенных к их компетенции, в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности наделены правом осуществлять и их предупреждение, а поскольку профилактика, как отмечалось выше, является неотъемлемой частью предупреждения, то, безусловно, они правомочны заниматься и профилактикой преступлений.

А. Ю. Козловский в качестве одной из основных задач оперативных подразделений таможенных органов в борьбе с преступлениями вполне справедливо рассматривал получение упреждающей информации о готовящемся или совершаемом преступлении и лицах, его подготавливающих, совершающих и (или) совершивших. В этих целях, по его мнению, должна быть выработана система профилактических мер, способствующих своевременному предотвращению таможенных преступлений. Предполагается, что в основе данной системы мер должны быть заложены: «жесткое» осуществление таможенного контроля на всех этапах декларирования и перемещения товара; регулярность, систематичность информационно-аналитической работы, охват всех источников информации и «перекрестный» сравнительный анализ имеющихся данных с целью выявления тенденций, связанных с динамикой, структурой, способами совершения преступлений; надежная, отработанная схема приема, фиксации, регистрации и обмена информацией между всеми подразделениями таможенных органов и таможенной системы в целом по признакам преступлений; устойчивое взаимодействие и регулярный обмен оперативной информацией о готовящихся и совершенных противоправных деяниях с другими правоохранительными органами и спецслужбами; реализация совместных мероприятий по выявлению и профилактике правонарушений; своевременность проведения оперативно-розыскных мероприятий по проверке информации о признаках выявляемых преступлений [5, с. 110–125].

Для реализации указанных требований сотрудники оперативных подразделений в ходе оперативно-розыскной деятельности должны использовать навыки оперативного распознания материальных объектов, незаконный оборот которых влечет уголовную ответственность. Особого внимания в этом плане заслуживают оружие, боеприпасы, взрывные устройства; вещества, включая взрывчатые, наркотические, психотропные (и их прекурсоры), сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, радиоактивные, химические; стратегическое сырье и другие предметы, имеющие оперативный интерес.

Для выявления указанных объектов следует привлекать в качестве специалистов лиц, обладающих специальными познаниями в соответствующих областях науки, искусства и ремесла (экспертов-криминалистов, химиков, физиков-ядерщиков, токсикологов, бактериологов и др.). Кроме того, необходимо применять современные технические спецсредства – поисковые приборы, предназначенные для обнаружения скрытых (скрываемых), представляющих оперативный интерес объектов, к которым относятся металлоискатели, газоанализаторы, комплекты для химического экспресс-анализа наркотических, взрывчатых веществ, тепловизоры, эндоскопы, рентгеновские интроскопы, локаторы нелинейности для обнаружения скрытых электронных приборов и т. д. [11, с. 175–181].

На них следует остановиться несколько подробнее. Например, для распознания взрывных устройств могут использоваться ручные детекторы, обнаруживающие запаховый след тротила. В последнее время для изготовления взрывных устройств стали применяться различные виды пластичных взрывчатых веществ («Самтекс», «С-4», «Дета», «Пластит» и др.), которые практически не имеют запаха. Наиболее эффективным способом их обнаружения кроме маркировки является поиск с помощью специальных приборов иных компонентов взрывного устройства – батареек, детонаторов, проводки, поражающих элементов и т. п. При проверке содержимого багажа (сумок, чемоданов и др.) целесообразно использовать рентгеновские и флюороскопические устройства. Весьма эффективен почтовый сканер, управляемый микропроцессором, позволяющий автоматически обнаруживать металлические компоненты «почтовых» бомб, а также иных предметов контрабанды, скрываемых в почтовой корреспонденции.

В США, кроме этого, для проведения досмотровых мероприятий используются системы раннего обнаружения потенциально опасных предметов (оружия и бомб) на основе радиолокационного сканирования, 3D-моделирования и искусственного интеллекта. Технология «HexWave» от разработчика «Liberty Defense» дистанционно определяет, несет ли человек потенциальную угрозу или нет. Она обнаруживает металлические и неметаллические предметы в режиме реального времени, используя для анализа сгенерированных 3D-моделей автоматизированные информационные системы, связанные с искусственным интеллектом. «HexWave» использует маломощное радиолокационное сканирование от панелей, монтируемых на входе в пункты таможенного или пограничного контроля. Радиосигналы отражаются от металлических и неметаллических скрытых объектов, а на основе получаемых отраженных сигналов генерируются трехмерные изображения. Трехмерность позволяет получать исчерпывающую информацию (размер, форма, объем) о любом материально определенном предмете. Изображение генерирует и распознает специальное программное обеспечение, основанное на алгоритмах искусственного интеллекта. Библиотеки угроз хранятся и в базе знаний систем, развертываемых на местах, а также на облачных серверах. Подобные технологии от другого разработчика – «Synapse Technology» – заменяют в настоящее время большое количество работников, задействованных на проверке багажа в международном аэропорту «Кансай» (Осака, Япония).

Британские исследователи из Университета Ноттингем Трент и Университета Лафборо дооснастили смартфоны инфракрасным сканером и программной платформой на основе искусственного интеллекта для дистанционного обнаружения скрытых под одеждой ножей и пистолетов [2].

Вся вышеперечисленная техника направлена на выявление и устранение условий совершения преступлений – наличие оружия, взрывчатых веществ, иных предметов, которые могут послужить орудиями совершения преступлений. Вместе с тем еще одним не менее важным, по нашему мнению, направлением профилактической деятельности оперативных подразделений является выявление лиц, образ жизни и поведение которых указывают на возможность совершения ими преступлений, установление за ними непосредственного оперативного контроля и оказание на них профилактического воздействия, направленного на недопущение формирования преступного умысла, с помощью оперативно-розыскных сил средств и методов. Эта деятельность в теории оперативно-розыскной деятельности получила название индивидуальной профилактики.

Выявление указанной категории лиц возможно различными способами, зависящими в первую очередь от условий, в которых осуществляется их оперативный поиск. Так, для деятельности органов внутренних дел поиск проводится среди лиц, ведущих антиобществеый образ жизни, регулярно привлекаемых к административной ответственности; для оперативных подразделений исправительных учреждений – среди осужденных, привлекаемых к дисциплинарной ответственности; для таможенных органов – среди лиц, имеющих связи в определенной местности или на объектах. Оперативный поиск может осуществляться путем непосредственного изучения документов или направления запросов, в том числе в информационных системах, то есть с помощью проведения оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок», с использованием содействия лиц, осуществляющих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям, а также с использованием контактных или бесконтактных анализаторов эмоционального состояния человека (полиграфов), позволяющих с определенной достоверностью устанавливать степень откровенности человека при ответах на поставленные вопросы, а также его психологическое состояние.

Выявив лицо, склонное к совершению преступлений, необходимо обеспечить за ним оперативный контроль, то есть осуществлять в его отношении наблюдение. Иного способа ведения оперативного контроля не существует, ведь оперативный контроль является частью оперативно-розыскной деятельности, которая, как установлено в ст. 1 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Здесь следует еще раз акцентировать внимание на том, что оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях оперативного контроля, предусмотренных ст. 7, не существует, то есть руководители и сотрудники оперативных подразделений, осуществляющие оперативный контроль, действуют в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 6 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ст. 2 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но в противоречии со ст. 7 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Вместе с тем ОРМ «наблюдение» само по себе не в состоянии оказать на лицо профилактическое воздействие, способное помешать формированию его преступного умысла. Оперативному сотруднику необходимо его целенаправленно обеспечить, организовать с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов в трех основных направлениях: оказание на объект положительного воздействия, устранение источника отрицательного влияния, а также создание условий, препятствующих возможности совершения преступления.

Рассматривая первый из трех обозначенных методов, заметим, что целью оказания положительного воздействия является изменение мнения лица о необходимости или целесообразности совершения им преступления. В этом случае источником воздействия, как нам представляется, может выступать разговор (беседа), просмотр фото-, видеоматериалов, печатной продукции (желательно с комментариями лица, оказывающего положительное воздействие), а также иные способы доведения необходимой информации. Наиболее примитивным, прямолинейным методом в данном случае выступает беседа оперативного сотрудника с профилактируемым. Ее плюсами являются непосредственный контакт субъекта и объекта индивидуальной профилактики, возможность коррекции степени воздействия в зависимости от реакции объекта, а минусами – относительно низкая эффективность. При этом следует задаться вопросом: какова юридическая природа проводимого мероприятия? Оно не является оперативно-розыскным мероприятием «опрос», так как не направлено на получение оперативной информации, однако не может являться и ничем другим, так как оперативно-розыскная деятельность осуществляется исключительно посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, мы вновь приходим к выводу о несовершенстве оперативно-розыскного законодательства.

Главным условием, определяющим, на наш взгляд, степень результативности профилактических бесед, является уровень авторитетности источника воздействия в глазах профилактируемого. Указанный уровень в зависимости от конкретной ситуации и моральных ценностей лица может определяться возрастом, должностным положением или иным (например, религиозным) статусом, степенью близости к профилактируемому, национальностью и др. Выбор источника воздействия и организация профилактического воздействия являются частной задачей оперативного сотрудника, вытекающей из общей задачи предупреждения преступлений. При этом вновь под-

черкнем: по нашему мнению, эта деятельность, осуществляемая с использованием оперативно-розыскных сил и средств, является оперативно-розыскной деятельностью, однако в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» она к таковой не относится.

Эта же проблема существует при реализации еще одного направления индивидуальной профилактики – устранения источника отрицательного влияния. Оно, как правило, организуется оперативным сотрудником также с помощью сил и средств оперативно-розыскной деятельности в сочетании с иными организационными действиями и нередко во взаимодействии с иными подразделениями и организациями. Это могут быть привлечение лица (например, несовершеннолетнего) к общественно полезной деятельности, вызывающей у него интерес, активизация семейных или религиозных ценностей и др., следствием чего будет сокращение времени общения с лицами, оказывающими на профилактируемого отрицательное влияние (продолжая пример – пропагандирующими идеологию признанного экстремистским международного общественного движения «АУЕ»). Возможна также организация пространственных перемещений профилактируемого – создание предпосылок для переезда в другой район или регион, длительной отлучки (командировка, смена места работы) и т. д.

Третье направление профилактического воздействия – создание условий, препятствующих совершению преступления, – также реализуется оперативными подразделениями, в том числе в рамках взаимодействия с иными подразделениями и организациями, в целях решения задачи оперативно-розыскной деятельности по предупреждению преступлений, но, к сожалению, действиями, не предусмотренными действующим оперативно-розыскным законодательством. Имеются в виду организация пространственных или временных ограничений для контактов потенциальных преступника и потерпевшего, установление гласного или негласного контроля за поведением профилактируемого, уменьшение уязвимости потенциального объекта преступления (например, оснащение описанной выше современной техникой пункта таможенного контроля, в районе которого находится профилактируемое лицо). Реализация указанных действий организационного характера также осуществляется оперативными подразделениями с использованием при необходимости их специфических возможностей.

Таким образом, заканчивая рассмотрение основных направлений профилактики, подчеркнем необходимость совершенствования оперативно-розыскного закона. Указанное в ст. 1 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» условие, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, в настоящее время не соответствует реально существующей правоприменительной и общественно полезной практике.

Выводы

Подводя некоторые итоги, следует еще раз обратить внимание на ключевые, с нашей точки зрения, моменты.

Предупреждение преступлений предусмотрено в ст. 2 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве задачи оперативно-розыскной деятельности, однако средств решения этой задачи в виде оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий закон не содержит. Таким образом, создается ситуация, когда оперативные сотрудники, решая указанную задачу с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов, действуют в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 6 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ст. 2 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», но в противоречии со ст. 7 последнего. Профилактика преступлений, по нашему мнению, является частью предупреждения преступлений и реализуется в направлении общей и индивидуальной профилактики путем выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также выявления лиц, образ жизни и поведение которых указывают на возможность совершения ими преступлений.

Необходимо совершенствование оперативно-розыскного законодательства в части внесения изменений в ст. 1 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающую условие, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. С учетом современной правоприменительной практики предлагаем изложить ее в редакции «оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и иных действий», а также предусмотренное в ст. 7 основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» в редакции «необходимость добывания информации для выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о лицах, его замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов, С. А. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе : расширенный комментарий к статье 84 УИК РФ / С. А. Бажанов, К. К. Горяинов, А. П. Исиченко. – Москва : НИИ ФСИН России, 2011. – 54 с.

2. В США внедряют новую ИИ-технологию дистанционного обнаружения оружия // Умная безопасность : интернет-блог. – URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5c88926728941b00b4b27d1 a/v-ssha-vnedriaiut-novuiu-iitehnologiiu-distancionnogo-obnarujeniia-orujiia-5ce63b00ef774e00b332788f (дата обращения: 10.09.2022).
3. Винокуров, С. И. Научные основы противодействия преступности: система понятий / С. И. Винокуров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2022. – № 2 (36). – С. 51–57.
4. Волков, В. Ю. Профилактика и предупреждение административных правонарушений и преступлений / В. Ю. Волков, П. А. Макайда // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Том 6, № 3. – С. 297–303.
5. Козловский, А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные аспекты : монография / А. Ю. Козловский. – Москва : Изд-во Рос. тамож. акад., 2015. – 210 с. – ISBN 978-5-9590-0843-7.
6. Наумов, И. А. Соотношение понятий «профилактика правонарушений» и «предупреждение преступлений» в российском праве / И. А. Наумов // Диалог. – 2020. – № 1 (15). – С. 72–77.
7. Образцов, С. В. Причины и условия, способствующие совершению преступлений против жизни и здоровья, в исправительных колониях / С. В. Образцов // E-Scio. – 2019. – № 9 (36). – С. 175–180.
8. Семенюк, Р. А. Роль аппаратов уголовного розыска в предупреждении (профилактике) преступлений / Р. А. Семенюк // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2007. – № 12. – С. 106–108.
9. Серегин, М. В. Отдельные аспекты профилактики и предупреждения преступлений против собственности в пассажирских поездах / М. В. Серегин, А. Г. Тетерюк // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 2. – С. 19–24.
10. Сутурина, М. Н. Криминологическая характеристика таможенной преступности в условиях совершенствования таможенного и уголовного законодательства / М. Н. Сутурина, А. С. Жукова // Предпринимательство и право : информационно-аналитический портал. – URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7359 (дата обращения: 30.07.2022).
11. Халиков, А. Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / А. Н. Халиков, Е. Н. Яковец, Н. И. Журавленко. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 470 с. – ISBN 978-5-93295-578-9.
12. Шахматова, М. А. Правонарушения среди сотрудников полиции (милиции): понятие, виды, предупреждение / М. А. Шахматова // Мир юридической науки. – 2010. – № 8. – С. 35–52.

REFERENCES

1. Bazhanov S.A., Goryainov K.K., Isichenko A.P. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: rasshirennyi kommentarii k stat'e 84 UIK RF* [Law enforcement intelligence operations in the penal system: extended commentary on Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2011. 54 p.
2. The USA is introducing a new AI technology for remote detection of weapons. *Umnaya bezopasnost': internet-blog* [Smart Security: Internet blog]. Available at: https://zen.yandex.ru/media/id/5c88926728941b00b4b27d1 a/v-ssha-vnedriaiut-novuiu-iitehnologiiu-distancionnogo-obnarujeniia-orujiia-5ce63b00ef774e00b332788f (In Russ.). (Accessed September 10, 2022).
3. Vinokurov S.I. Scientific foundations of countering crime: a system of concepts. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya=Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2022, no. 2 (36), pp. 51–57. (In Russ.).
4. Volkov V.Yu., Makaida P.A. Prevention of administrative offenses and crimes. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 297–303. (In Russ.).
5. Kozlovskii A.Yu. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' tamozhennykh organov Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye aspekty: monografiya* [Operational search activity of customs authorities of the Russian Federation: theoretical, legal and organizational aspects: monograph]. Moscow: Izd-vo Ros. tamozh. akad., 2015. 210 p. ISBN 978-5-9590-0843-7.
6. Naumov I.A. Correlation of the concepts of "prevention of human rights violations" and "prevention of crimes" in Russian law. *Dialog=Dialogue*, 2020, no. 1 (15), pp. 72–77. (In Russ.).
7. Obraztsov S.V. Causes and conditions conducive to the commission of crimes against life and health in correctional colonies. *E-Scio*, 2019, no. 9 (36), pp. 175–180. (In Russ.).
8. Semenyuk R.A. Role of criminal investigation apparatus in prevention (deterrence) of crimes. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2007, no. 12, pp. 106–108. (In Russ.).
9. Seregin M.V., Teteryuk A.G. Selected aspects of prevention and prevention of crimes against ownership in passenger trains. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti=Problems of Law Enforcement Activity*, 2019, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.).
10. Suturina M.N., Zhukova A.S. Criminological characteristics of customs crime in the conditions of improving customs and corner legislation. *Predprinimatel'stvo i pravo: informatsionno-analiticheskii portal* [Entrepreneurship and law: information and analytical portal]. Available at: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7359 (In Russ.). (Accessed July 30, 2022).
11. Khalikov A.N., Yakovets E.N., Zhuravlenko N.I. *Yuridicheskoe, tekhnicheskoe i informatsionno-analiticheskoe obespechenie operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie* [Legal, technical and information-analytical support of operational-investigative activities: textbook]. Moscow: Yur-litinform, 2010. 470 p. ISBN 978-5-93295-578-9.
12. Shakhmatova M.A. Offenses among police officers (militia): concept, types, warning. *Mir yuridicheskoi nauki=World of Legal Science*, 2010, no. 8, pp. 35–52. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного и финансового права Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8386-4247

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БРАЖНИКОВ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, Dbrazh@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2641-2113

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8386-4247

DMITRII A. BRAZHNIKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, Dbrazh@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2641-2113

Статья поступила 07.10.2022

Научная статья
УДК 343.851
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.007

Взаимодействие территориальных органов ФСИН России и МВД России в сфере профилактики повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества

ЮЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА ЮРОВА
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия
yurovayulua@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4495-213X

Реферат

Введение: в статье раскрываются правовые и практические аспекты организации взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и территориальных подразделений органов внутренних дел в сфере профилактики повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества. *Цель* исследования состоит в разработке предложений по внесению изменений и дополнений в совместные приказы по организации взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и территориальных подразделений органов внутренних дел для повышения эффективности предупреждения рецедива преступности среди подучетных лиц. *Методы:* анализ результатов теоретических исследований по теме, контент-анализ, толкование правовых норм, сравнительно-правовой, анализ статистических данных. По *результатам* анализа сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в региональные совместные приказы по взаимодействию сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел в сфере организации работы с подразделениями по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции, а также по организации розыска лиц, скрывшихся от сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. *Выводы:* организация взаимодействия между сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел играет важную роль в профилактике повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества. В настоящее время в Российской Федерации действует совместный приказ Минюста России и МВД России от 04.10.2012 № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений». Кроме того, в ряде территориальных органов действуют региональные приказы по организации взаимодействия вышеуказанных структурных подразделений на районном уровне. Передовой опыт наиболее эффективной работы по предупреждению повторных преступлений лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, необходимо изучать, внедрять и использовать.

Ключевые слова: взаимодействие; уголовно-исполнительная инспекция; органы внутренних дел; профилактика; предупреждение; повторная преступность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Юрова Ю. В. Взаимодействие территориальных органов ФСИН России и МВД России в сфере профилактики повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 407–416. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.007.

© Юрова Ю. В., 2022

Original article

Interaction between Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to Prevent Recidivism among Those Sentenced to Punishment without Isolation from Society

YULIYA V. YUROVA
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia
yurovayulua@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4495-213X

Abstract
Introduction: the article reveals legal and practical aspects of organizing interaction between employees of penal inspections and territorial divisions of internal affairs bodies. *Purpose*: to develop proposals for amending joint decrees on the organization of interaction between employees of penal inspections and territorial divisions of the department of internal affairs in order to boost effectiveness of preventing recidivism among persons registered with penal inspections. *Methods*: analysis of the results of theoretical research on the topic, content analysis, interpretation of legal norms, comparative law, analysis of statistical data. Based on the *results* of the analysis, the author proposes amendments and additions to regional joint decrees on the interaction between employees of penal inspections and internal affairs bodies in the field of organizing work with juvenile affairs units, district police officers, as well as on searching for persons who have escaped from employees of penal inspections. *Conclusions*: the organization of interaction between employees of penal inspections and internal affairs bodies plays an important role in the prevention of recidivism among those sentenced to punishment without isolation of society. Currently, in the Russian Federation the joint Decree of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 190/912 of October 4, 2012 "On approval of the Rules of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention of crimes and other offenses committed by persons registered with penal inspections" (hereinafter: Interaction Rules) is in force. In addition, a number of territorial bodies have regional decrees on the organization of interaction of the above-mentioned structural units at the district level. The most effective practices on the prevention of recidivism among persons sentenced to punishment without isolation from society should be studied, implemented and used.

Keywords: interaction; penal inspection; internal affairs bodies; prevention; thwarting; recidivism.

5.1.2. Public law (state law) sciences

For citation: Yurova Yu.V. Interaction between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to prevent recidivism among those sentenced to punishment without isolation from society. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 407–416. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.007.

Введение

Одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [9]. Реализация этой цели возлагается на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в том числе уголовно-исполнительных инспекций (УИИ).

При исполнении уголовных наказаний, мер уголовно-правового характера и мер пресечения сотрудники уголовно-исполнительных инспекций регулярно взаимодействуют с сотрудниками органов внутренних дел (ОВД), к основным направлениям деятельности которых также относятся предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [7].

В целях организации данного взаимодействия на территории Российской Федерации действует совместный приказ Минюста России и МВД России от 04.10.2012 № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» (далее – Регламент взаимодействия) [8], который является основным в организации деятельности по профилактике

повторных преступлений среди подучетных осужденных.

Настоящая тема мало изучена представителями уголовно-правовой науки. В ходе исследования были рассмотрены труды Д. А. Бражникова, А. В. Богданова, А. Ш. Габараева, Е. В. Емельяновой, А. И. Захаровой, Е. Д. Зыковой, И. И. Ильинского, П. Н. Кобец, С. И. Шаймановой, Е. Н. Хазова. Каждый ученый указывал, что только при качественном взаимодействии субъектов профилактики можно добиться низкого уровня повторной преступности [1–6]. Д. Е. Зыкова провела ретроспективный анализ развития взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и территориальных подразделений органов внутренних дел, сформулировала вывод, что для эффективной профилактики повторной преступности необходима детальная правовая регламентация форм взаимодействия правоохранительных органов [6, с. 26]. Исследователи А. И. Захарова, С. И. Шайманова изучали вопросы профилактики преступлений несовершеннолетних женского пола, указывали на важность совместной работы при организации нравственно-этического, семейного, полового, физического воспитания [5, с. 77]. На формирование и совершенствование системы правового, культурного, военно-патриотического, духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания несовершеннолетних указывали А. В. Богданов, И. И. Ильинский, Е. Н. Хазов [1, с. 31]. Профилактику женской рецидивной преступности изучали П. Н. Кобец, Д. А. Бражников. Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел является системное устранение причин и условий, способствующих рецидиву женской преступности [2, с. 83]. Е. В. Емельянова отметила необходимость создания единой государственной системы профилактики преступности с определением перспектив ее развития [4, с. 29].

По мнению А. Ш. Габараева, отсутствует системность в правовом регулировании взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и отделов внутренних дел в рассматриваемом вопросе [3, с. 8]. В рамках настоящей статьи будет предложен целый ряд изменений в нормы действующего законодательства по предупреждению повторной преступности среди осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Статистический анализ. В 2021 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций прошли 933 087 чел. (за аналогичный период прошлого года (АППГ) – 941 961 чел.), из них 12 217 несовершеннолетних (АППГ – 13 415 чел.). Уровень повторной преступности среди подучетных лиц составил 2,17 % (АППГ – 2,12 %). Таким образом, наблюдается незначительный рост повторной преступности (данные предоставлены ФСИН России, официально не опубликованы).

В Дальневосточном федеральном округе уровень повторной преступности в 2021 г. составил 2,4 % (АППГ – 2,31 %). Данный показатель увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и превысил среднероссийский. Наиболее высокий уровень повторной преступности наблюдался в Хабаровском крае – 3,16 (АППГ – 2,57 %), наиболее низкий – в Сахалинской области (1,37 %, АППГ – 1,29 %).

В Приволжском федеральном округе уровень повторной преступности составил 2,15 %. Данный показатель ниже среднероссийского, но выше, чем в 2020 г. (2,05 %). Наиболее высокий показатель отмечен в УФСИН России по Пензенской области – 3,71 % (АППГ – 3,62 %), наиболее низкий – в Оренбургской области (1,09 %, АППГ – 1,2 %).

В Северо-Западном федеральном округе уровень повторной преступности по итогам 2021 г. составил 1,77 % (АППГ – 1,75 %). Данный показатель меньше среднероссийского, но выше, чем в 2020 г. Самый низкий уровень повторной преступности установлен в Новгородской области – 0,32 % (АППГ – 0,8 %).

На территории Уральского федерального округа уровень повторной преступности в 2021 г. составил 2,77 % (АППГ – 2,64 %). Наиболее высокий уровень зафиксирован на территории Тюменской области – 3,63 % (АППГ – 3,66 %), самый низкий отмечен в Курганской области (АППГ – 1,24 %) и Ямало-Ненецком автономном округе –1,38 % (АППГ – 1,5 %).

В Центральном федеральном округе в 2021 г. уровень повторной преступности составил 1,61 % (АППГ – 2,43 %, снижение более чем на 30 %). Наиболее высокий уровень зафиксирован в Ивановской области – 2,77 % (АППГ – 2,47 %), наиболее низкий – г. Москве (0,86 %, АППГ – 0,93 %).

Уровень повторной преступности на территории Южного федерального округа в 2021 г. составил 2,05 % (АППГ – 2,04 %). Самый высокий уровень был установлен на территории Республики Крым – 2,3 % (АППГ – 2,26 %), а самый низкий – в Республике Адыгея (1,56 %, АППГ – 1,7 %).

В Сибирском федеральном округе уровень повторной преступности в 2021 г. составил 2,43 % (АППГ – 2,38 %). Он в значительной степени превысил среднероссийский. Самый высокий уровень повторной преступности был установлен в Омской области – 3,72 % (АППГ – 3,41 %), наиболее низкий – на территории Республики Тыва (1,17 %, АППГ – 1,53 %).

На территории Северо-Кавказского федерального округа уровень повторной преступности в 2021 г. составил 1,62 % (АППГ –1,53 %). Данный показатель ниже среднероссийского уровня, но выше, чем в 2020 г. Наиболее высокий уровень отмечен в Ставропольском крае – 2,89 % (АППГ – 2,37 %), наиболее низкий – Республике Северная Осетия – Алания (0,42 %, АППГ – 1,10 %).

Таким образом, в ряде территориальных органов ФСИН России показатель повторной преступности значительно превысил средний по уголовно-исполнительной системе. Так, в (Г)УФСИН России по Пензенской области он составил 3,71 % (АППГ – 3,62 %), Омской области – 3,71 % (АППГ – 3,41 %), Тюменской области – 3,63 % (АППГ – 3,66 %), Республике Алтай – 3,6 % (АППГ – 2,72 %).

Среди несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, отмечается снижение уровня повторной преступности, который в 2021 г. составил 2,78 % (АППГ – 3,32 %, уменьшение на 16,1 %). При этом наиболее высокий

показатель зафиксирован в УФСИН России по Камчатскому краю – 10 % (АППГ – 5,36 %), самый низкий отмечен в Республике Адыгея и Смоленской области – 0 % (АППГ – 0 %).

Широкий диапазон уровня повторной преступности в разных территориальных органах ФСИН России вызван различными субъективными и объективными причинами: сложный криминогенный состав подучетных лиц (ранее судимые, не желающие работать и учиться, склонные к употреблению алкогольной продукции и наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), нехватка кадров среди сотрудников инспекций и их большой функционал, что влечет снижение требований по организации контроля и надзора за подучетными лицами.

Таким образом, проведенный анализ официальных статистических данных ФСИН России свидетельствует о том, что:

1) среднероссийский уровень повторной преступности среди подучетных лиц уголовно-исполнительных инспекций в 2021 г. вырос на 0,05 % по сравнению с 2020 г.;

2) уровень повторной преступности выше среднероссийского зафиксирован в Дальневосточном, Уральском, Сибирском федеральных округах;

3) уровень повторной преступности, приближенный к среднероссийскому, зафиксирован в Приволжском, Южном федеральных округах;

4) уровень повторной преступности ниже среднероссийского показателя зафиксирован в Северо-Западном, Центральном, Северо-Кавказском федеральных округах.

Обратимся к анализу норм приказа Минюста России и МВД России от 04.10.2012 № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» и региональных приказов по взаимодействию.

Последние изменения в Регламент взаимодействия были внесены 20 января 2017 г. Важно отметить, что с начала 2017 г. организация деятельности сотрудников инспекций значительно изменилась. В их обязанности был добавлен контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избраны меры пресечения в виде запрета определенных действий и залога, а также за освобожденными условно-досрочно.

Данные обстоятельства указывают на необходимость внесения изменений в Регламент взаимодействия по расширению круга лиц, на которых распространяется действие приказа, и обозначению в нем всех подучетных лиц.

Кроме того, при анализе действующих норм Регламента взаимодействия было выявлено еще несколько проблемных вопросов.

Согласно подп. 7 п. 6 Регламента взаимодействия в день поступления копии постановления (определения) суда о замене осужденному неотбытого наказания другим видом наказания, продлении испытательного срока, возложении дополнительных обязанностей и ограничений на осужденных либо об отказе суда в удовлетворении представления уголовно-исполнительной инспекции информируют соответствующие подразделения органов внутренних дел о замене наказания. Вместе с тем встает вопрос об информативности указанных сообщений. При исполнении наказаний без изоляции от общества фактически невозможно заранее определить дату снятия с учета осужденных, можно лишь рассчитать дату окончания испытательного срока, но он также может быть продлен. Таким образом, если сотрудникам органов внутренних дел направлена информация о постановке осужденного на учет и снятии его с учета, что является сигналом для организации или прекращения работы с ним, информация о продлении испытательного срока не играет роли для сотрудника. Аналогичный вопрос встает и при направлении информации об отказе суда в удовлетворении представления уголовно-исполнительной инспекции о замене наказания. Данная информация фактически не имеет значения для сотрудников органов внутренних дел. Вместе с тем информацию о возложении дополнительных обязанностей условно осужденным или о возложении дополнительных ограничений в отношении осужденных к ограничению свободы в обязательном порядке необходимо направлять в отдел внутренних дел, так как их сотрудники могут оказывать помощь в организации контроля за исполнением вновь возложенных обязанностей и ограничений. Информация о замене наказания или отмене условного осуждения является аналогичной информации о снятии осужденного с учета. Таким образом, предлагается изложить подп. 7 п. 6 Регламента взаимодействия в следующей редакции: «В день поступления копии постановления (определения) суда о замене осужденному неотбытого наказания другим видом наказания, возложении дополнительных обязанностей и ограничений на осужденных информируют соответствующие подразделения ОВД».

Вместе с тем указанные предложения не следует учитывать в том случае, если сотрудник органов внутренних дел сам ходатайствовал о применении к осужденному мер профилактического воздействия. При данном факте необходимо сообщить указанному сотруднику результат рассмотрения его ходатайства.

На основании вышеизложенного подп. 8 п. 6 Регламента взаимодействия необходимо исключить. Точно определить дату снятия с учета осужденных к наказаниям в виде ограничения свободы и лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью не представляется возможным. Ее можно рассчитать только приблизительно.

Согласно подп. 9 п. 6 Регламента взаимодействия сотрудники уголовно-исполнительных инспекций обязаны ежемесячно направлять в территориальные отделы органов внутренних дел списки несовершеннолетних осужденных. Вместе с тем в соответствии с подп. 5 п. 6 сотрудники инспекции должны информировать о постановке на учет осужденных, а в отношении несовершеннолетних осужденных – о постановке их на учет с копией приговора (определения, поста-

новления) суда. Таким образом, встает вопрос о целесообразности направления ежемесячных списков, если данная информация уже направлена в территориальный отдел органов внутренних дел. На основании вышеизложенного предлагается ежемесячный срок заменить на ежеквартальный.

Важно отметить, что в Регламенте взаимодействия предусмотрены общие фразы по организации контроля уголовно-исполнительными инспекциями за лицами, состоящими на учете, отсутствуют конкретные сроки по проведению профилактических мероприятий. В рамках решения указанных проблем в большей части территориальных органов утверждены приказы по взаимодействию сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и территориальных отделов органов внутренних дел на уровне субъектов Российской Федерации.

В рамках исследования было изучено 54 совместных приказа по взаимодействию сотрудников органов внутренних дел и различных территориальных органов ФСИН России (приказы предоставлены территориальными органами, официально не опубликованы), из которых:

– 4 приказа действуют с 2012 г. (Новгородская, Ростовская, Калининградская области, Пермский край);

– 12 приказов – с 2013 г. (республики Адыгея, Ингушетия, Дагестан, Чувашия, Ханты-Мансийский автономный округ, Брянская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Орловская, Саратовская, Ярославская области);

– 7 приказов – с 2014 г. (республики Тыва, Крым, Алтайский, Забайкальский края, Смоленская, Тамбовская, Сахалинская области);

– 3 приказа – с 2015 г. (Красноярский край, Владимирская, Московская области);

– 3 приказа – с 2016 г. (Амурская, Белгородская области, Ямало-Ненецкий автономный округ);

– 11 приказов – с 2017 г. (Краснодарский край, республики Башкортостан, Хакасия, Чечня, Нижегородская, Курганская, Пензенская, Самарская, Ленинградская, Тюменская, Ульяновская области, г. Санкт-Петербург);

– 6 приказов – с 2018 г. (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, Республика Северная Осетия – Алания, Тульская, Липецкая, Мурманская области);

– 2 приказа – с 2019 г. (Республика Бурятия, Иркутская область);

– 4 приказа – с 2020 г. (Республика Калмыкия, Челябинская, Оренбургская, Омская области);

– 2 приказа – с 2021 г. (республики Коми, Татарстан).

Данные представлены территориальными органами ФСИН России с учетом последних изменений, внесенных в приказы о взаимодействии сотрудников рассматриваемых ведомств. Таким образом, в большей части территориальных органов действуют совместные приказы по организации взаимодействия сотрудников с учетом региональных особенностей.

Однако отметим, что в части территориальных органов ФСИН России отсутствуют совместные региональные приказы (УФСИН России по г. Москве, УФСИН России по Хабаровскому краю, ГУФСИН России по Приморскому краю и др.). Сотрудники при организации совместной работы пользуются только Регламентом взаимодействия.

В результате изучения вышеуказанных приказов сформулированы следующие выводы:

1) положения приказов в значительной степени дублируют нормы регламента взаимодействия, а также иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность уголовно-исполнительных инспекций;

2) требования приказов увеличивают и усложняют работу сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, обязывая их проводить дополнительные сверки, запросы и т. д.;

3) часть приказов содержит нормы, не относящиеся к вопросам взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и территориальных отделов органов внутренних дел.

При этом в ряде приказов действительно содержатся нормы, необходимые для организации качественного взаимодействия. Полагаем, что наличие совместных приказов о взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций и территориальных отделов органов внутренних дел на уровне территориальных органов уголовно-исполнительной системы необходимо. При этом важно выделить, проанализировать и обобщить эффективные нормы, содержащиеся в отдельных приказах о взаимодействии.

Рассмотрим общие положения по организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и территориальных отделов органов внутренних дел.

Взаимодействие любых структурных подразделений зависит от его организации. В большинстве территориальных органов данная функция возложена на руководителя УИИ Г(УФСИН) и заместителя руководителя Г(У) МВД России по соответствующему направлению деятельности. Действующий регламент взаимодействия устанавливает, что «территориальные органы обязаны проводить выезды в подчиненные структурные подразделения, утверждать полугодовые планы совместной работы, анализировать и обобщать не реже одного раза в полугодие результаты деятельности УИИ и ОВД, вносить предложения по совершенствованию работы» [8]. Вместе с тем в большей части действующих совместных приказов содержатся нормы, предусматривающее мероприятия по организации региональных межведомственных операций с периодичностью не реже одного раза в шесть месяцев. Данное мероприятие необходимо предусмотреть в региональных приказах о взаимодействии, но периодичность их проведения целесообразно увеличить с двух до четырех раз в год.

Согласно подп. 4 п. 7 Регламента взаимодействия «ОВД при совершении осужденным административного правонарушения или преступления, а также при выявлении фактов неисполнения возложенных обязанностей и установленных ограничений в течение трех рабочих дней после рассмотрения дела об административном правонарушении, возбуждения уголовного дела и рассмотрения рапорта руководством

ОВД либо получения информации из другого ОВД или иного правоохранительного органа о привлечении осужденного к административной ответственности, возбуждении в отношении него уголовного дела направляют в УИИ информацию о данных фактах»[8].

Данное положение есть в каждом региональном совместном приказе, а в части из них – информирование уголовно-исполнительной инспекции о привлечении лица к административной и уголовной ответственности отделено от информирования по фактам нарушения осужденными возложенных судом обязанностей и ограничений. Это положение играет важную роль в профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Вместе с тем данный пункт Регламента взаимодействия часто не исполняется, и сотрудники уголовно-исполнительных инспекций получают информацию о привлечении лица к административной и уголовной ответственности по окончании квартала с помощью своих запросов. Аналогичная позиция отмечена у А. Ш. Габараева [3, с. 7].

Так, в соответствии с подп. 4 п. 6 Регламента взаимодействия «сотрудники УИИ не реже одного раза в квартал обязаны осуществлять направление запросов (требований) в соответствующие подразделения территориальных органов МВД России на районном уровне для проверки по автоматизированным учетам ИЦ территориальных органов МВД России на региональном уровне наличия сведений о привлечении осужденных к административной или уголовной ответственности, а в отношении осужденных к обязательным работам – не реже одного раза в течение срока наказания» [8]. В целях предупреждения повторных преступлений среди условно осужденных, осужденных к ограничению свободы, осужденных, освобожденных условно-досрочно, предлагается проверять их на предмет привлечения к административной ответственности не реже одного раза в месяц и предусмотреть данное положение в региональных приказах о взаимодействии. Данное предложение является эффективным именно в отношении указанных категорий осужденных, так как за совершение с их стороны административных правонарушений к ним могут быть применены следующие меры профилактического воздействия: вынесение предупреждения (официального предостережения), направление представления в суд о продлении испытательного срока, возложение дополнительных обязанностей (ограничений), отмена условного осуждения, условно-досрочного освобождения, замена наказания. В отношении остальных категорий осужденных, допустивших административные правонарушения, применение эффективных мер профилактического воздействия уголовно-исполнительным законодательством не предусмотрено.

В приказе УФСИН России по Республике Коми и МВД по Республике Коми от 12.01.2021 № 4/2 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия УФСИН России по Республике Коми с подразделениями МВД по Республике Коми и территориальными органами МВД России на районном уровне в Республике Коми по работе с лицами, осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, а также обвиняемыми (подозреваемыми), которым судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, залога или запрета определенных действий» большое внимание уделено осужденным, имеющим обязанность пройти курс лечения от наркомании. Целый раздел приказа посвящен взаимодействию УНК МВД и УИИ. Особое внимание необходимо уделить п. 32 «в случае установления фактов уклонения от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лицами, на которых в соответствии со ст. 72.1 УК РФ приговором суда возложена обязанность прохождения курса лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, в течение 5 рабочих дней (сотрудники инспекции) направляют соответствующую информацию (с приложением копии документов) в территориальные подразделения УНК МВД по Республике Коми для принятия решения о привлечении данных лиц к административной ответственности, предусмотренной ст. 6.9.1 КоАП РФ». Данное положение также целесообразно включить в региональные приказы о взаимодействии.

Рассмотрим особенности взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций с подразделением участковых уполномоченных полиции.

Пункт 7 Регламента взаимодействия отражает обязанности сотрудников органов внутренних дел по профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Вместе с тем в Регламенте взаимодействия организация работы сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и участковых уполномоченных полиции не находит своего отражения, учитывая тот факт, что участковые – это основное подразделение, с которым взаимодействуют сотрудники уголовно-исполнительных инспекций.

В ходе изучения совместных региональных приказов установлено, что данному взаимодействию посвящены отдельные разделы.

Так, согласно приказу УМВД России по Омской области и УФСИН России по Омской области от 26.03.2014 № 221/248 «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия сотрудников УМВД России по Омской области, УФСИН России по Омской области по контролю за поведением лиц, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы» участковый уполномоченный полиции в первый месяц с момента получения сообщения о постановке осужденного на учет организует проведение во взаимодействии с сотрудником филиала уголовно-исполнительной инспекции мероприятия по контролю за его поведением посредством проверок по месту жительства и в общественных местах, профилактических бесед. Организует направление справок и иных материалов по результатам проведенных мероприятий в филиал УИИ для приобщения к лично-

му делу осужденного. При этом, согласно приказу ГУФСИН России по Пермскому краю и ГУ МВД России по Пермскому краю от 20.08.2012 № 362/918 «О порядке взаимодействия по предупреждению преступлений и правонарушений среди лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества», срок проведения указанных совместных первоначальных мероприятий сокращен с 30 до 10 дней.

Анализ действующих региональных приказов о взаимодействии свидетельствует, что в территориальные совместные приказы о взаимодействии на районном уровне целесообразно включить следующие основные обязанности участкового уполномоченного полиции при взаимодействии с сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции:

1. Не реже одного раза в квартал совместное проведение мероприятий по контролю за поведением осужденных посредством их проверок по месту жительства и в общественных местах, профилактических бесед. В отношении лиц, вновь поставленных на учет, указанные мероприятия проводить в течение 30 дней со дня постановки осужденного на учет, далее – ежеквартально.

2. Ежеквартально до 25 числа последнего месяца квартала представление в уголовно-исполнительную инспекцию справок о результатах проведенной профилактической работы с осужденным. В справке указываются даты проверок по месту жительства, сведения о проведенных профилактических беседах, информация об образе жизни и поведении в быту, сведения о фактах привлечения к уголовной и административной ответственности за отчетный период.

3. Оказание содействия филиалам уголовно-исполнительной инспекции в установлении местонахождения осужденных без изоляции от общества, в том числе несовершеннолетних, скрывшихся от отбывания наказания или контроля, незамедлительное информирование инициатора розыска и принятие участия в задержании осужденного при необходимости.

4. При выявлении осужденных, уклоняющихся от исполнения уголовных наказаний, мер уголовно-правового характера, направление в адрес уголовно-исполнительной инспекции информации (ходатайство, рапорт) для принятия к ним мер профилактического воздействия.

Обратимся к особенностям взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций с подразделением по делам несовершеннолетних.

Согласно п. 8 Регламента взаимодействия определяется порядок работы сотрудников уголовно-исполнительной инспекции с подразделением по делам несовершеннолетних (ПДН). Фактически это единственное подразделение органов внутренних дел, полномочия которого четко определены в данном документе, что в первую очередь связано с тем, что несовершеннолетние осужденные входят в группу риска как лица, склонные к совершению противоправных действий и нуждающиеся в повышенном внимании.

В Регламенте взаимодействия предусмотрено восемь положений, которые обязаны выполнять сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних, вместе с тем в ряде региональных приказов о взаимодействии их полномочия расширены.

Так, в совместном приказе УФСИН России по Республике Тыва и МВД России по Республике Тыва от 10.02.2014 № 66/63 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия федерального казенного учреждения "Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Тыва" и территориальных органов внутренних дел МВД по Республике Тыва по организации профилактической работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, а также по организации осуществления контроля за подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста» предусмотрен подп. 7.1.10, согласно которому сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних при постановке на учет несовершеннолетнего осужденного предоставляют в уголовно-исполнительную инспекцию информацию, характеризующую личность и поведение осужденного, его образ жизни, условия воспитания, отношение к учебе (труду). Это важный аспект, который может помочь сотрудникам инспекции определить вектор организации воспитательной работы с несовершеннолетним осужденным.

Кроме того, согласно подп. 7.1 приказа УФСИН России по Новгородской области и УМВД России по Новгородской области от 25.12.2012 № 1027/533 «Об утверждении Инструкции по взаимодействию УФСИН России по Новгородской области и УМВД России по Новгородской области» у сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних сокращен срок постановки на учет несовершеннолетних осужденных с пяти (по Регламенту взаимодействия) до трех дней, также на них возложена обязанность информирования иных субъектов профилактики о постановке на учет несовершеннолетнего.

Данное сокращение срока постановки на учет выступало бы эффективной мерой, но для ее применения необходимо внесение изменения в подп. 1 п. 8 Регламента взаимодействия.

Также важно отметить, что в части совместных региональных приказов организация взаимодействия сотрудников рассматриваемых подразделений затрагивает не только несовершеннолетних осужденных.

Например, согласно подп. 8.2.2 приказа ГУФСИН России по Ростовской области и ГУ МВД России по Ростовской области от 05.10.2012 № 760/802 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия ГУ МВД России по Ростовской области при осуществлении контроля за поведением осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового порядка без изоляции от общества» сотрудники уголовно-исполнительной инспекции в день постановки на учет лица, имеющего детей (ребенка) в возрасте до 14 лет, осужденного с отсрочкой исполнения приговора, направляют в подразделение по делам несовершен-

нолетних территориального органа МВД России по Ростовской области сообщение о постановке лица на учет и запрашивают информацию о нахождении лица на учете как неблагополучного родителя, о применении к нему мер административного и общественного воздействия. При этом сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних после получения сообщения и запроса филиала инспекции в трехдневный срок обследуют жилищно-бытовые и семейные условия жизни осужденного с целью выявления оснований для постановки на учет как родителя, не исполняющего либо ненадлежащим образом исполняющего обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию своих детей и (или) отрицательно влияющего на них своим поведением либо жестоко обращающегося с ними. По результатам обследования принимают решение о целесообразности взятия данного осужденного на контроль подразделения по делам несовершеннолетних. Направляют в филиал уголовно-исполнительной инспекции обобщающую справку и копию акта обследования семейно-бытовых условий. Далее, в приказе предусмотрена классическая работа сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и подразделений органов внутренних дел по обмену информацией в отношении указанных лиц и их проверке по месту жительства с полугодовой периодичностью.

Анализ вышеизложенного свидетельствует, что в региональные совместные приказы о взаимодействии целесообразно включить положения, касающиеся организации взаимодействия сотрудников уголовно-исполнительной инспекции и подразделения по делам несовершеннолетних при работе не только с несовершеннолетними осужденными, но и с осужденными, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания в порядке ст. 82 УК РФ.

Проанализируем взаимодействие сотрудников уголовно-исполнительной инспекции и подразделений органов внутренних дел при проведении первоначальных мероприятий по установлению местонахождения осужденных, скрывшихся от контроля.

Регламент взаимодействия направлен на предупреждение совершения преступлений и других правонарушений осужденными, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы при условном осуждении, состоящими на учете уголовно-исполнительной инспекции (п. 1 Регламента взаимодействия).

Проведение первоначальных мероприятий по установлению местонахождения осужденных, скрывающихся от контроля сотрудников инспекции, является важным аспектом при исполнении уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера. Вместе с тем в подп. 11 п. 6 Регламента взаимодействия указано только то, что информация о факте уклонения осужденного от контроля инспекции направляется в территориальный отдел органов внутренних дел. В связи с этим в значительной части региональных приказов о взаимодействии уделено большое внимание осужденным, которые скрылись от данного контроля.

Например, в совместном приказе УФСИН России по Новгородской области и УМВД России по Новгородской области от 25.12.2012 № 1027/533 «Об утверждении Инструкции о взаимодействии УФСИН России по Новгородской области и УМВД России по Новгородской области» предусмотрено, что в случае когда сотрудникам инспекции неизвестно местонахождение осужденных, состоящих на учете, перед началом проведения первоначальных мероприятий необходимо связаться с сотрудниками органов внутренних дел для уточнения информации, не содержится ли осужденный среди задержанных за совершение административного правонарушения или уголовного преступления. Кроме того, в ряде территориальных органов предложены различные варианты карточек-ориентировок, направляемых в подразделения уголовного розыска для оказания помощи в установлении местонахождения скрывшегося лица. Важно отметить, что в большей части региональных приказов по организации взаимодействия аналогичные карточки-ориентировки требуется направлять сотрудникам патрульно-постовой службы для контроля осужденных, имеющих ограничения или обязанности не покидать место жительства в ночное время с 22 ч 00 мин до 6 ч 00 мин, или в отношении подозреваемых и обвиняемых, которым избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Также в целях установления местонахождения осужденных, в отношении которых проводятся розыскные мероприятия, в течение 30 суток сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции и подразделений органов внутренних дел необходимо провести совместный рейд по проверке возможных мест пребывания осужденного. Данный комплекс мероприятий мог бы способствовать наиболее эффективному установлению местонахождения осужденных, скрывающихся от контроля.

Далее, важно обратить внимание на тот комплекс мероприятий, который должен проходить после задержания скрывшегося лица, объявленного в розыск.

В значительной части приказов указано, что задержанные осужденные помещаются в комнату содержания задержанных лиц (не зависимо от того, кто проводил задержание), и сотрудники подразделений органов внутренних дел принимают меры по организации контроля за ними до прибытия инициатора розыска, но не более чем на 48 часов. Эта норма очень важна, так как во ФСИН России не предусмотрено помещений для содержания указанных лиц. Без этой нормы сотрудники подразделений органов внутренних дел могут отказать сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции в содержании осужденного, если он был задержан, например, сотрудником уголовно-исполнительной системы.

Следующий важный момент, на который необходимо обратить внимание, – это вопрос доставки задержанного осужденного на судебное заседание по вопросу продления срока задержания с 48 часов до 30 суток. Около половины всех сотрудников уголовно-исполнительной инспекции – это представители женского пола, которые не смогут оказать сопротивление осужденному, желающему вновь скрыться,

зная, что в ближайшее время будет решаться вопрос о его задержании.

Анализ вышеизложенного свидетельствует, что в региональные совместные приказы о взаимодействии целесообразно включить следующие положения:

1. Перед началом проведения первоначальных розыскных мероприятий по установлению местонахождению осужденных сотрудники уголовно-исполнительной инспекции уточняют информацию в отделе внутренних дел о нахождении осужденных, местонахождение которых неизвестно, в комнате содержания задержанных лиц.

2. При проведении первоначальных розыскных мероприятий уголовно-исполнительные инспекции направляют карточки-ориентировки в подразделения уголовного розыска для оказания помощи в установлении местонахождения скрывшегося лица и патрульно-постовую службу для контроля осужденных, имеющих ограничения или обязанности не покидать место жительства в ночное время с 22 ч 00 мин до 6 ч 00 мин, или в отношении подозреваемых и обвиняемых, которым избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

3. Задержанные осужденные помещаются в комнату содержания задержанных лиц территориального отдела органов внутренних дел.

4. Доставка задержанных осужденных в суд по вопросу продления срока задержания с 48 часов до 30 суток осуществляется сотрудниками органов внутренних дел.

Заключение

Таким образом, автором предложено внести целый ряд изменений в действующее законодательство, регламентирующее взаимодействие сотрудников органов ФСИН России и МВД России (Регламент взаимодействия, совместные региональные приказы). Конкретная регламентация взаимодействия сотрудников (уголовно-исполнительных инспекций, участковых уполномоченных полиции, подразделений по делам несовершеннолетних) и надлежащее исполнение должностных обязанностей повысят эффективность работы правоохранительных органов по профилактике повторной преступности среди лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Кроме того, в рамках исследования особое внимание уделено поиску лиц, скрывшихся от контроля сотрудников инспекции. Поиск лиц, опасных для общества и находящихся без контроля, очень важен. Своевременное установление их местонахождения может пресечь с их стороны повторные преступления, что является основной целью уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, А. В. Взаимодействие по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних между оперативными подразделениями МВД России и ФСИН России / А. В. Богданов, И. И. Ильинский, Е. Н. Хазов // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки (Рязань, 6 февраля 2018 г.). – Рязань : Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний, 2018. – С. 28–33.

2. Бражников, Д. А. Женская рецидивная преступность: отдельные вопросы предупреждения органами внутренних дел / Д. А. Бражников, П. Н. Кобец // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 75–86.

3. Габараев, А. Ш. Вопросы взаимодействия органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений / А. Ш. Габараев // Colloquium-journal. – 2019. – № 19-7 (43). – С. 1–9.

4. Емельянова, Е. В. Взаимодействие МВД России и ФСИН России в сфере профилактики правонарушений: проблемы и перспективы / Е. В. Емельянова // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 3 (32). – С. 26–29.

5. Захарова, А. И. Взаимодействие учреждений и органов ФСИН России с МВД России в профилактике преступности несовершеннолетних женского пола / А. И. Захарова, С. И. Шайманова // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара : Самар. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2020. – С. 75–78.

6. Зыкова, Е. Д. Ретроспективный анализ форм взаимодействия ФСИН России и МВД России по профилактике преступлений / Е. Д. Зыкова // Сборник материалов курсантских (студенческих) научно-практических мероприятий : материалы пяти межвузовских научно-практических конференций (Новокузнецк, 17 декабря 2019 г. – 18 декабря 2020 г.) / ответственный редактор Н. Н. Ивашко. – Новокузнецк : Кузбасс. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2020. – С. 25–27.

7. О полиции : федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 2011. – № 7. – Статья 900.

8. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений : приказ Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 04.10.2012 № 190/912 // Российская газета. – 2012. – № 248.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Статья 198.

REFERENCES

1. Bogdanov A.V., Il'inskii I. I., Khazov E.N. Interaction on the prevention of crimes among minors between operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Organizatsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: teoreticheskie i prikladnye aspekty: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A.I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki, Ryazan', 06 fevralya 2018 goda* [Organizational and legal regulation of penal system activities: theoretical and applied aspects: Materials of the inter-university scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science, Ryazan, February 06, 2018]. Ryazan: Akad. prava i upr. Feder. sluzhby ispolneniya nakazanii Rossii, 2018. Pp. 28–33. (In Russ.).
2. Brazhnikov D.A., Kobets P.N. Women's recidivism: some issues of its prevention by the internal affairs bodies. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika=Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 3(45), pp. 75–86. (In Russ.).
3. Gabaraev A.Sh. Questions of interaction of the ministry of internal affairs and federal penitentiary service of Russia on the prevention of commission by the persons which are on the account of criminal executive inspections, crimes and other offenses. *Colloquium-journal*, 2019, no. 19–7 (43), pp. 1–9. (In Russ.).
4. Emel'yanova E.V. Cooperation of the ministry of internal affairs and the federal system of execution of punishment in the sphere of the prevention of infringements of laws: problems and prospects. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2014, no. 3 (32), pp. 26–29. (In Russ.).
5. Zakharova A.I., Shaimanova S.I. Interaction of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia with the Ministry of Internal Affairs of Russia in the prevention of crime of female minors. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Legal science and practice: almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Samara: Samar. Yurid. In-t Feder. sluzhby ispolneniya nakazanii, 2020. Pp. 75–78. (In Russ.).
6. Zykova E.D. Retrospective analysis of forms of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on crime prevention. In: Ivashko N.N. (Ed.). *Sbornik materialov kursantskikh (studencheskikh) nauchno-prakticheskikh meropriyatii: materialy pyati mezhvuzovskikh nauchno-prakticheskikh konferentsii (Novokuznetsk, 17 dekabrya 2019 goda – 18 2020 goda)* [Collection of materials of cadet (student) scientific and practical events: materials of five interuniversity scientific and practical conferences (Novokuznetsk, December 17, 2019 – December 18, 2020)]. Novokuznetsk: Kuzbass. In-t Feder. sluzhby ispolneniya nakazanii, 2020. Pp. 25–27. (In Russ.).
7. On the Police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 adopted by the State Duma on January 28, 2011. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2011. No. 7. Art. 900. (In Russ.).
8. On approval of the Rules of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention of crimes and other offenses committed by persons registered with penal inspections: Decree of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 190/912 of October 4, 2012. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2012, no. 248. (In Russ.).
9. Penal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1997. No. 2. Art. 198.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА ЮРОВА – аспирант кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, yurovayulua@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4495-213X

YULIYA V. YUROVA – Postgraduate Student at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, Senior Lecturer at the Department of Penal Law of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, yurovayulua@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4495-213X

Статья поступила 11.08.2022

Научная статья
УДК 342.95
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008

Системные, институциональные и идиосинкразические факторы коррупции в зарубежных пенитенциарных системах: опыт противодействия административной дискреции

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4765-8550

Реферат

Введение: в статье анализируются вопросы совершенствования законодательства и организационной-управленческой (административной) деятельности в области борьбы с коррупцией в зарубежных пенитенциарных системах. *Цель:* исследование проблем противодействия коррупции в пенитенциарной сфере административно-правовыми средствами в зарубежных странах. Отмечается, что содержание под стражей и наказание в виде лишения свободы способствуют возникновению угроз гипертрофированного применения административного усмотрения (административной дискреции) в отношении заключенных со стороны администрации пенитенциарных учреждений. Системная и институциональная коррупция в пенитенциарной сфере формируются только в условиях идиосинкразических проявлений противоправного коррупционного поведения высшего звена управленцев пенитенциарных органов и учреждений. *Методологическую основу* работы образуют общенаучные и частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-правовой, дискриптивный, контент-анализа) методы познания правовой действительности. *Выводы:* эффективность противодействия коррупции в пенитенциарной сфере может быть достигнута только при условии снижения доли административной дискреции в отношении заключенных со стороны администрации пенитенциарных учреждений посредством установления жестких нормативных ограничений и запретов в сфере административной деятельности, осуществления постоянного внешнего независимого контроля со стороны органов публичной власти и общественности за деятельностью администрации исправительных учреждений, проведения широкого комплекса воспитательных и пропагандистских мер, усиления социальной защиты персонала учреждений и мероприятий, направленных на повышение общественного престижа пенитенциарной службы. *Научная и практическая значимость* исследования состоит в обосновании практических предложений о возможности использования зарубежного опыта противодействия коррупции в пенитенциарной сфере в отечественной практике государственно-правового строительства.

Ключевые слова: пенитенциарная сфера; идиосинкразическая коррупция; административное усмотрение; административная дискреция.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Системные, институциональные и идиосинкразические факторы коррупции в зарубежных пенитенциарных системах: опыт противодействия административной дискреции // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 417–424. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.

Original article

Systemic, Institutional and Idiosyncratic Factors of Corruption in Foreign Penitentiary Systems: Experience in Countering Administrative Discretion

ROMAN V. NAGORNYKH
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4765-8550

© Нагорных Р. В., 2022

Abstract

Introduction: the article analyzes issues of improving legislation and organizational and managerial (administrative) activities in the field of combating corruption in foreign penitentiary systems. *Purpose*: to study problems of combating corruption in the penitentiary sphere with the help of administrative and legal means in foreign countries. The article notes that detention and punishment in the form of deprivation of liberty contribute to the emergence of threats of hypertrophied application of administrative discretion in relation to convicts by the administration of penitentiary institutions. Systemic and institutional corruption in the penitentiary sphere is formed only in idiosyncratic conditions of manifestations of illegal corrupt behavior of senior management of penitentiary bodies and institutions. The *methodological basis* of the work consists of general scientific and private scientific (logical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions*: the fight against corruption in the penitentiary sphere can be effective only if the share of administrative discretion in relation to prisoners is reduced by the administration of penitentiary institutions through establishment of strict regulatory restrictions and prohibitions in the field of administrative activities, implementation of constant external independent control by state bodies and the public over correctional facility activities, conduct of various educational and promotional activities, strengthening of social protection of the staff of institutions and carrying out of measures aimed at increasing public prestige of the penitentiary service. The *scientific and practical significance* of the work lies in the substantiation of practical proposals on the possibility of using foreign experience in combating corruption in the penitentiary sphere in the domestic practice of state-legal construction.

Keywords: penitentiary sphere; idiosyncratic corruption; administrative control; administrative discretion.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V. Systemic, institutional and idiosyncratic factors of corruption in foreign penitentiary systems: experience in countering administrative discretion. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 417–424. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.

Введение

Исполнение уголовных наказаний является важнейшей правоохранительной функцией любого современного демократического государства, осуществление которой прежде всего связано с восстановлением социальной справедливости [1]. Сама социальная справедливость – явление многоаспектное, и как философская и социально-правовая категория в цивилизационном контексте рассматривается во взаимосвязи с базовыми правовыми ценностями – правами человека и гражданина, выражающими в правовом сознании и деятельности людей общие условия реализации правовых, нравственных и иных социально-культурных императивов должного состояния личности и социума в конкретных исторических условиях [5]. В связи с этим существенным образом возрастают общемировые требования к качеству исполнения уголовных наказаний, особенно в части его социальной эффективности как важнейшего правового и организационного средства установления социальной справедливости. Одним из наиболее крупных препятствий на пути достижения необходимого уровня социальной эффективности современных пенитенциарных практик является высокая коррупциогенность сферы исполнения уголовных наказаний, что обусловливает проведение соответствующих научных исследований, а также широкого круга международных (наднациональных) и внутригосударственных мероприятий в области противодействия коррупции.

Основная часть

Коррупцию в сфере исполнения уголовных наказаний следует рассматривать как глобальную проблему, имеющую глубокие социальные, политические, экономические, исторические, правовые и организационные причины. Общемировая распространенность данного явления обусловлена системным характером преступности в пенитенциарной сфере, максимально возможной концентрацией и организованностью преступных сообществ в пенитенциарных учреждениях, постоянно существующими повышенными рисками вовлечения в противоправную деятельность персонала органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. По данным зарубежных исследователей, в ряде государств (США, Великобритания, Бразилия, Колумбия, Филиппины и др.) пенитенциарная коррупция имеет ошеломляющие масштабы и носит тотальный характер [15]. Органами расследования этих стран установлены многочисленные факты сращивания преступных синдикатов и администраций пенитенциарных учреждений в целях совершения различных преступлений как внутри, так и за пределами учреждений в обмен на улучшенные условия содержания – так называемую «роскошь за решеткой». Это обусловило появление и развитие институциональной пенитенциарной коррупции, в условиях которой тюремная преступность приобретает форму неотъемлемой и составной части деятельности не только системы исправительных учреждений, но и государственных систем более высокого уровня – правоохранительной, судебной, парламентской и т. д.

Специфика пенитенциарной деятельности в исправительных учреждениях закрытого типа характеризуется особой уязвимостью персонала к коррупционным проявлениям в связи с особенностями режима исполнения наказания в виде лишения свободы, обусловленными закрытым характером пенитенциарной деятельности и сопутствующими рисками недостаточного государственного и обще-

ственного контроля. В этих условиях содержание под стражей и наказание в виде лишения свободы означают не только серьезное ограничение личной свободы лиц, заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы, но и возникновение угроз гипертрофированного применения административного усмотрения (административной дискреции) в отношении названных лиц со стороны администрации пенитенциарных учреждений. В пенитенциарных учреждениях закрытого типа всегда существуют угрозы и риски наступления своеобразного дисбаланса внутренней административной власти в сторону усиления административной дискреции и административного произвола. С другой стороны, криминальные сообщества сами активно стремятся получить власть и контроль над администрацией учреждений путем вербовки, провокаций и шантажа персонала и членов их семей [7]. Эти обстоятельства и обусловливают необходимость повышения требований к деятельности персонала, бдительности и осмотрительности со стороны администрации учреждений, контроля за персоналом на всех стадиях процесса исполнения уголовного наказания.

Рассмотрим виды коррупционных рисков в исправительных учреждениях, факторы административной дискреции и условия их возникновения.

В зарубежных исследованиях обращается внимание на то, что подчиненное положение заключенных, свобода и бесконтрольность действий персонала исправительных учреждений, повышенная тревожность и обеспокоенность родственников и друзей судьбой заключенных способствуют созданию условий для применения избыточного административного усмотрения (административной дискреции) со стороны администрации и собственно самих коррупционных рисков [17]. Эти риски обусловливают возникновение системной (институциональной) коррупции, подразумевающей постоянное сотрудничество персонала исправительных учреждений с лидерами криминальных сообществ, которые в свою очередь нередко берут на себя функции посредников в решении наиболее сложных проблем заключенных. При этом наиболее тяжелые формы системной (институциональной) коррупции возникают в условиях постоянного сотрудничества высокопоставленных руководителей исправительных учреждений и органов управления ими с лидерами преступных сообществ – как заключенными под стражу и отбывающими наказания в виде лишения свободы, так и находящимися на свободе.

В условиях системной коррупции должностные лица исправительных учреждений могут разрешать заключенным вести преступную деятельность или даже управлять преступными организациями внутри учреждений в обмен на взятки, сексуальные услуги, долю незаконной прибыли и т. п. В зарубежной практике имеют место факты использования заключенных в качестве дешевой рабочей силы на различных предприятиях за пределами исправительных учреждений с целью получения незаконной прибыли [7].

По данным международного агентства «Рейтер», «в Мексике ежегодно более 40 000 заключенных, обвиненных в преступлениях, заперты в тюрьмах штатов, где киллеры картелей часто содержатся вместе с мелкими ворами, несовершеннолетними заключенными или теми, кто ожидает суда» [20]. Имеют место многочисленные факты содержания в тюрьмах без суда и следствия. По данным мексиканского эксперта в этой области Гильермо Зепеда, «доля таких лиц в мексиканских тюрьмах составляет около половины всего контингента, а заключенные, находящиеся в предварительном заключении, платят около 539 миллионов песо (43 миллиона долларов США) в год в виде взяток за все, от места в камере до кондиционеров» [22]. В Перу отмечены многочисленные факты произвольного затягивания судебных процессов, что приводит к тому, «что более 70 % всех содержащихся в исправительных учреждениях не имеют приговора» [16]. В Боливии администрации исправительных учреждений активно сотрудничают с заключенными и наркокартелями в производстве и распространении кокаина [9] и т. п.

В зарубежных исследованиях отмечается, что коррупция в национальных системах исполнения наказаний существенно отличается от коррупционных явлений в других системах публичного управления, она обладает ярко выраженными специфическими признаками, среди которых можно выделить следующие:

1) персонал исправительных учреждений контролирует каждый аспект повседневной жизни заключенных, в том числе их доступ к предметам первой необходимости, а в наиболее запущенных условиях и к предметам роскоши, незаконным товарам, услугам и деятельности. Это объективно создает «рыночную ситуацию» с наличием соответствующего спроса и предложения на совершение коррупционных правонарушений;

2) национальные государства, являясь исключительными властными субъектами в области контроля и надзора в пенитенциарной сфере, законодательно устанавливают высокую степень неравенства в отношениях между тюремной администрацией (тюремной бюрократией) и осужденными;

3) закрытый характер тюрем и тот факт, что они в значительной степени скрыты от глаз общественности и исключены из политического дискурса, ограничивают возможности для прозрачности и доступности общественного контроля;

4) на общем фоне плохого внутреннего управления и неэффективного руководства со стороны администраций исправительных учреждений активизируется организованная преступность, которая оказывает разрушительное воздействие на общую работу пенитенциарной системы [14].

Эти и сходные с ними явления в зарубежной литературе описаны как основания или факторы возникновения идиосинкразической коррупции [8], то есть коррупции специфической, возникающей только при определенных условиях и в особой социальной среде, к которой, безусловно, относится и среда осужденных, находящихся в учреждениях закрытого типа. При этом сама идиосинкразическая коррупция не является однородной по сути. Она обусловливается множеством факторов, как общесистемных, присущих общемировой и национальным пенитенциарным практикам, так и сугубо субъективных, зависящих от

индивидуальных личностных особенностей лидеров криминальных сообществ и коррумпированных руководителей исправительных учреждений. В этой связи идиосинкразическую коррупцию в пенитенциарной сфере следует рассматривать в широком и узком значениях, подразумевая под частными идиосинкразическими особенностями пенитенциарной коррупции личностные субъективные коррупционные предпочтения и склонности руководителей и персонала исправительных учреждений, а также особенности их должностного положения (должностные возможности коррупционного поведения).

Основным фактором возникновения и резистентности идиосинкразических коррупционный рисков в пенитенциарной сфере является наличие большой, бесконтрольной и зачастую избыточной административной власти над заключенными со стороны персонала исправительных учреждений. Власть администрации имеет два традиционных для любой системы управления способа реализации: убеждение и принуждение, в рамках которых используются различные средства поощрения и наказания. При этом система внесудебных дисциплинарных наказаний и иных мер принуждения в условиях идиосинкразической коррупции носит, как правило, не только неправовой (организационный), но и нелегитимный (незаконный) характер.

Выявление признаков потенциальной коррупции, понимание ее причин и планирование мер по ее снижению являются важной управленческой (организационно-правовой) задачей правоохранительной деятельности в условиях исправительных учреждений. Успех подобного рода деятельности зависит от воли, способностей и добросовестности персонала (тюремных администраторов) всех уровней. Однако в условиях, когда лица, контролирующие систему управления пенитенциарными органами и учреждениями, непосредственно руководство органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, допускают возможность совершения либо сами совершают правонарушения коррупционного характера, нижестоящий персонал, а также заключенные рассматривают коррупционное поведение как приемлемое и ожидаемое. Например, если руководитель исправительного учреждения сам предоставляет заключенных в качестве неоплачиваемой работы друзьям или коллегам, это посылает четкий сигнал всему персоналу о том, что эксплуатация заключенных в личных целях допустима. С этих же позиций следует рассматривать и такие формы коррупционных проявлений в пенитенциарной сфере, как систематические поборы с подчиненных, различные формы протекционизма (местничество, торговля должностями, покровительство при совершении правонарушений) и т. п. В связи с чем следует заключить, что системная коррупция в пенитенциарной сфере формируется только в условиях идиосинкразических проявлений противоправного коррупционного поведения высшего звена управленцев пенитенциарных органов и учреждений.

В большинстве случаев риски как системной коррупции, так и ее ядра – идиосинкразической коррупции – зависят от характера (вида режима) исправительного учреждения. Как отмечают И. М. Мацкевич и И. И. Исаков, администрации пенитенциарных учреждений в зарубежных пенитенциарных системах зачастую приобретают статус мини-правительств, в которых руководители обладают значительными полномочиями в области контроля за заключенными [3]. В этих условиях сама администрация исправительных учреждений должна рассматриваться как объект пристального контроля и надзора со стороны органов власти общей и отраслевой компетенции, а также общественности. Такая точка зрения является наиболее распространенной в специальной зарубежной литературе. Так, известный американский специалист в области пенитенциарной коррупции профессор Пенсильванского университета Джон Дж. Дилулио отмечает, что тюремная администрация должна подвергаться мощной системе внутреннего и внешнего контроля своего поведения, включая судебный и законодательный надзор, внимание со стороны средств массовой информации, действие профессиональных норм и этических стандартов, строгий внутренний контроль и инспекции, постоянные внутриведомственные оценки и открытость для внешних исследований [10]. По мнению ученого, внешний надзор за деятельностью администрации исправительных учреждений затруднен ввиду закрытости учреждений и того, что персонал «физически скрыт от посторонних глаз». При этом Джон Дж. Дилулио утверждает, что ключом к улучшению тюрем является высоко дисциплинированное конституционное правительство, которое подразумевает наем тюремных менеджеров, способных контролировать себя, одновременно работая над контролем над заключенными [10].

Непрозрачность процессов исполнения наказания в виде лишения свободы следует также отнести к числу основных условий возникновения и резистентности идиосинкразической пенитенциарной коррупции. В зарубежной литературе выделяется несколько причин такой непрозрачности.

Во-первых, в большинстве пенитенциарных систем имеет большое значение то, что личная информация о заключенных под стражу и осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, носит закрытый характер и не подлежит использованию (обработке, освещению и т. п.) в обычном общегражданском режиме. Негласный для общественности характер оборота какой-либо информации о спецконтингенте (общегражданские персональные данные, а тем более специфическая информация об осужденных в связи с уголовным наказанием и условиями отбывания наказания в конкретном исправительном учреждении) способствует, с одной стороны, ограничению информационного обмена осужденных с криминальными сообществами за пределами исправительного учреждения, а с другой – сокрытию информации о совершаемых правонарушениях внутри исправительного учреждения и нарушениях прав осужденных.

В большинстве зарубежных стран законодательно предусмотрена охрана прав граждан на неприкосновенность частной жизни, что распространяется и на пенитенциарную деятельность, в связи с чем раскрытие личной информации о заключенных суще-

ственным образом ограничено от общественности. Заключенные теряют не только некоторые права на неприкосновенность частной жизни после осуждения, но и права на неприкосновенность и самостоятельное использование персональной информации о своей жизни в зависимости от характера совершенного преступления и вида режима отбывания наказания. В частности, общемировой является практика сокрытия личной информации и персональных данных в отношении лиц, содержащихся под стражей и осужденных за деяния, связанные с организованной преступностью, бандитизмом или терроризмом. В целом, учитывая повышенное внимание со стороны администраций исправительных учреждений в отношении лиц, заключенных под стражу и осужденных в связи с совершением подобных преступлений, информация о методах, процедурах безопасности и отчетах внутренних проверок или расследований крайне неохотно раскрывается либо тщательно скрывается. Как образно отмечает профессор департамента политологии и уголовного правосудия Калифорнийского государственного университета Гвенола Рикардо, в совокупности эти меры предосторожности создают атмосферу, в которой тюремные стены, в дополнение к тому, чтобы держать заключенных внутри, не допускают внешнюю публичность. Контроль жизни людей без прозрачности повышает вероятность коррупции [19].

Во-вторых, непрозрачность информационного обмена характерна и для персонала исправительных учреждений. Персонал учреждений неохотно раскрывает информацию о методах, процедурах обеспечения режима исполнения наказаний, состоянии внутренней безопасности, а также об отчетах о работе по различным направлениям служебной деятельности. Мировая практика свидетельствует, что в большинстве пенитенциарных систем национальных государств предусмотрены прямые административные запреты на разглашение подобной информации, которая носит закрытый служебный характер и не подлежит распространению для широкого круга общественности. Это обстоятельство обусловливает наличие идиосинкразических коррупционных рисков, связанных с вовлечением персонала учреждений в противоправную коррупционную деятельность, присущую отдельному пенитенциарному учреждению (территориальному органу либо целому региону).

В-третьих, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными устанавливают, что применение силы всегда должно быть исключением и использоваться только в качестве крайней меры. Во избежание любых злоупотреблений при применении силы должны соблюдаться принципы законности, необходимости и соразмерности, должны внедряться процедуры мониторинга, а лица, виновные в злоупотреблениях, привлекаться к ответственности [13].

Вместе с тем необходимость применения насилия и негативное отношение осужденных к применению насилия со стороны персонала исправительных учреждений обусловливают широкие коррупционные возможности. Индивидуальные идиосинкразические склонности руководителей к применению неправового насилия (избыточное применение легального дисциплинарного принуждения в отношении осужденных и тем более незаконное применение пыток и издевательств) являются основой сплочения среды осужденных и попыток криминальных лидеров «решать вопросы» с администрацией учреждений соответствующими неправовыми способами.

По мнению зарубежных экспертов, отсутствие необходимой профессиональной подготовки персонала (офицеров тюремной стражи) ставит его в положение повышенной уязвимости со стороны коррупционных рисков [18]. Неквалифицированный персонал, как правило, дезориентирован в правомерности либо неправомерности тех или иных действий в контексте пенитенциарной службы. В специальной справочной литературе для руководителей исправительных учреждений отмечается, что научить персонал применять силу не особенно сложно, но научить персонал основаниям применения силы и ее соразмерности требует большого мастерства и долгой практики [18]. При этом отмечается, что ненадлежащее использование силы, обусловленное полным контролем персонала над заключенными, является постоянной проблемой в следственных изоляторах и тюрьмах, в связи с чем приемлемое поведение персонала должно определяться законами, регламентами и процедурами, институциональными ценностями и кодексами поведения, а также постоянным ознакомлением персонала с их содержанием и порядком применения [18].

В научной литературе обращается внимание и на то обстоятельство, что в условиях, когда тюремная администрация и общественность соглашаются с чрезмерным применением силы в исправительных учреждениях и считают такое насилие оправданным, это способствует принятию коррупции как своего рода средства сдерживания неправомерного насилия [12]. Отсутствие эффективного общественного мониторинга, механизмов внешнего независимого расследования и открытой отчетности о фактах насилия в местах содержания под стражей или исправительных учреждениях создает условия безнаказанности неправомерных действия персонала, что повышает уязвимость пенитенциарных систем к коррупционным практикам.

В-четвертых, распространенности коррупционного поведения способствует и неэффективное управление пенитенциарной деятельностью, а в ряде случаев и полное отсутствие процессуальных решений, определяющих порядок и основания содержания заключенных и обращения с ними. Персонал учреждений не всегда понимает, что целью, например, предварительного заключения является не наказание, а обеспечение содержания обвиняемых до суда. Лица, находящиеся под стражей до суда, по определению не виновны ни в каком преступлении, и с ними следует обращаться как с обычными гражданами в той мере, в какой это позволяют требования внутренней безопасности и целесообразности. Персонал учреждений не всегда понимает юридические, организационные и морально-нравственные ограничения в своей работе. В связи с этим уровень восприятия противоправности поведения у персонала учреждений значительно снижается, и то, что персонал считает уместным в отношении заключенных, фактически

относится к категории неэтичных или коррупционных практик.

В-пятых, в зарубежной литературе обращается внимание на такое условие распространения коррупции, как низкий уровень заработной платы персонала пенитенциарных учреждений [2]. Так, Генеральный секретарь Ассоциации тюремных надзирателей в Великобритании обозначил прямую связь низкой заработной платы персонала пенитенциарных учреждений и уровня коррупции [11]. Например, в штате Джорджия (США) в 2016 г. ФБР было одновременно арестовано свыше 50 тюремных надзирателей, замешанных в коррупции, средняя зарплата у которых составляла всего около 24 тыс. долларов в год (это примерно черта бедности для семьи из четырех человек). В штате Миссисипи (США) начальная зарплата тюремного охранника дает работнику право на получение продуктовых талонов [15]. На прямую связь коррумпированности персонала и низкой заработной платы обращает внимание большинство зарубежных экспертов, их исследования показывают, что повышение заработной платы могло бы помочь уменьшить коррупцию в пенитенциарных системах.

Все названные факторы идиосинкразической коррупции в пенитенциарной сфере связаны и обусловлены избыточной и бесконтрольной властью администрации пенитенциарных учреждений и их руководителей, которые являются, по сути, основными организаторами и вдохновителями коррупционных сетей в пенитенциарной сфере. Административная дискреция, к сожалению, явление постоянное и свойственное любому виду управленческой деятельности, однако именно в пенитенциарной сфере она приобретает наиболее изощренные идиосинкразические формы и требует повышенного внимания со стороны органов публичной власти различных уровней и общественности.

Проанализируем практики противодействия коррупции в пенитенциарной сфере, их парадигмы, стратегии и эффективность.

В последние десятилетия в зарубежных странах все более возрастает осознание актуальности коррупции как скрытого фактора, который оказывает влияние не только на состояние отдельных сфер государственной деятельности, но и на политические, экономические, социальные и иные процессы в масштабах отдельных государств и даже на межгосударственном уровне.

Известный итальянский эксперт, профессор кафедры политических наук Пизанского университета Альберто Ваннуччи различает три основные парадигмы коррупции. В рамках первой, экономической, парадигмы коррупция рассматривается как результат рационального индивидуального выбора, а на ее распространение внутри определенной организации влияют факторы, определяющие структуру ожидаемых затрат и вознаграждений. Вторая, культурная, парадигма основана на различиях в культурных традициях, социальных нормах и интериоризированных[1] ценностях, которые формируют моральные предпочтения индивидов и учитывают их социальную и институциональную роль, что способствует формированию идиосинкразических проявлений коррупции. Третья, неоинституциональная, парадигма связана с использованием механизмов, которые позволяют осуществлять внутреннюю регуляцию социальных взаимодействий (институтов) внутри коррумпированных сетей, и их влиянием на убеждения и предпочтения людей. Альберто Ваннуччи подчеркивает, что современная коррупция является результатом множества индивидуальных и коллективных выборов, которые существенно меняют общественное мнение в отношении коррупции и ее распространения в государстве, на рынках и в гражданском обществе. Однозначного рецепта борьбы с коррупционными проявлениями не существует, так как коррупция – сложное и многогранное явление. Реформы, направленные на ликвидацию системной коррупции, наталкиваются на противодействие скрытых структур управления в коррупционных сетях [21]. В этих условиях возникает порочный круг, в котором необходимость проведения действенной антикоррупционной политики наталкивается на противодействие коррупционеров самого высокого ранга, и чем больше тому или иному обществу необходима действенная антикоррупционная политика, тем менее вероятны ее нормативное закрепление и реализация. Преодоление этого порочного круга возможно только в условиях, когда официальная государственная антикоррупционная политика дополняется деятельностью неформальных общественных институтов, инициативой снизу. Применительно к проблематике коррупции в пенитенциарной сфере представленные парадигмы позволяют определить особенности коррупции, свойственные тому или иному национальному государству, и выработать оптимальные модели и стратегии антикоррупционной политики для отдельных государств.

Системная, институциональная и идиосинкразическая коррупция в настоящее время представляет серьезную угрозу безопасности для пенитенциарных систем и персонала в любом государстве. Изучение зарубежного опыта позволяет сделать вывод о том, что основным препятствием на пути разработки всеобъемлющих общегосударственных (национальных) стратегий борьбы с пенитенциарной коррупцией является отсутствие действенных инструментов оценки их реальной эффективности. Расследования коррупционных преступлений происходят, как правило, постфактум и не могут рассматриваться как действенные правовые инструменты выявления долгосрочных коррупционных рисков в функционировании пенитенциарных систем и тем более противодействия им.

Выводы

Причины и условия пенитенциарной коррупции, которые выявляются в ходе расследований преступлений, не позволяют оценить степень распространенности явлений и масштабы соответствующих рисков, препятствуют выработке долгосрочных программ противодействия пенитенциарной коррупции. В этой связи выработка стратегий противодействия пенитенциарной коррупции в зарубежных государ-

[1] Интериоризация (франц. Interiorisation – переход извне внутрь, от лат. interior – внутренний) – это процесс перехода от внешних действий к внутренним. На нем строится обучение и воспитание человека: сначала взрослые объясняют и показывают, а потом дети, повторяя, переносят необходимые действия во внутренний план [6].

ствах должна основываться на глубоком парадигмальном исследовании причин, условий и факторов коррупции в отдельных государствах и их пенитенциарных системах. При этом во всех случаях эффективность противодействия коррупции в пенитенциарной сфере может быть достигнута только при условии снижения доли административной дискреции в отношении заключенных со стороны администрации пенитенциарных учреждений посредством установления жестких нормативных ограничений и запретов для персонала [4], осуществления постоянного внешнего независимого контроля со стороны органов публичной власти и общественности за деятельностью администрации, проведения широкого комплекса воспитательных и пропагандистских мер, усиления социальной защиты персонала учреждений и мероприятий, направленных на повышение общественного престижа пенитенциарной службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубкова, В. И. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания / В. И. Зубкова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 9. – С. 10–14.
2. Марку, Ж. Борьба против коррупции во Франции / Ж. Марку // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – № 3 (34). – С. 34–38.
3. Мацкевич, И. М. Опыт предотвращения системной и специфической коррупции в исправительных учреждениях за рубежом / И. М. Мацкевич, И. И. Аминов // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2017. – № 4 (13). – С. 54–59. – doi: 10.21777/2587-9472-2017-4-54-59.
4. Нагорных, Р. В. Ограничения и запреты в системе государственной службы в правоохранительных органах / Р. В. Нагорных // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 241–246.
5. Оботурова, Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты / Н. С. Оботурова // Пенитенциарная наука. – 2019. – Том 13, № 4 (48). – С. 456–461. – doi: 10.24411/2686-9764-2019-10001.
6. Пузырей, А. А. Интериоризация / А. А. Пузырей, Д. Г. Подвойский // Большая российская энциклопедия : электронная версия. – URL: https://bigenc.ru/psychology/text/2014359 (дата обращения: 21.08.2022).
7. Anti-corruption measures in prisons // United Nations. Office on Drugs and Crime : site. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/prisons.html (дата обращения: 21.08.2022).
8. Blackburn, K. A theory of organized crime, corruption and economic growth / Keith Blackburn, Kyriakos C. Neanidis,·Maria Paola Rana // Economic Theory Bulletin. – 2017. – No. 5. – Pp. 227–245. – URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s40505-017-0116-5.pdf. – doi: 10.1007/s40505-017-0116-5 (дата обращения: 25.08.2022).
9. Corrupción, el mal quecreció en cárceles con el coronavirus // El Diario : sitio web. – URL: https://www.eldiario.net/portal/2021/08/16/corrupcion-el-mal-que-crecio-en-carceles-con-el-coronavirus/ (дата обращения: 25.08.2022).
10. Dilulio, J. Governing Prisons: A Comparative Study of Correctional Management / John J. Dilulio, Jr. – New York : Free Press, 1987. – 349 p.
11. Global Prison Trends 2016 // Penal Reform International : site. – URL: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2016/05/Global_prison_trends_report_2016.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
12. Handbook on Anti-Corruption Measures in Prisons. – Vienna : United Nations, 2017. – 99 p. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/17-06140_HB_anti-corr_prisons_eBook.pdf (дата обращения: 15.10.2022).
13. Handbook on the Management of Violent Extremist Prisoners and the Prevention of Radicalization to Violence in Prisons. – New York : United Nations, 2016. – 148 p. – URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_VEPs.pdf (дата обращения: 11.09.2022).
14. Hill, G. Corruption risks in the criminal justice chain and tools for assessment. Chapter 5: Detention and corrections / Gary Hill. – Bergen : U4 Anti-Corruption Resource Centre, 2015. – 9 p. – URL: https://www.u4.no/publications/corruption-risks-in-the-criminal-justice-chain-and-tools-for-assessment-chapter-5-detention-and-corrections.pdf (дата обращения: 25.08.2022).
15. How Prisons Corrupt – And What To Do About It // The Global Anticorruption Blog. – URL: https://globalanticorruptionblog.com/2016/12/09/how-prisons-corrupt-and-what-to-do-about-it/ (дата обращения: 15.10.2022).
16. Informe penitenciario. Unamirada al mundo carcelario peruano. – Lima : Comisión episcopal de acción social, 2006. – 82 p. – URL: https://www.corteidh.or.cr/tablas/23775.pdf (дата обращения: 25.08.2022).
17. Introductory Handbook on the Prevention of Recidivism and the Social Reintegration of Offenders. – Vienna : United Nations, 2018. – 129 p. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/18-02303_ebook.pdf (дата обращения: 21.08.2022).
18. Prison Incident Management Handbook // United Nation Peacekeeping : site. – URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/handbook_pim. pdf (дата обращения: 10.09.2022).
19. Ricordeau, G. Between Inside and Outside: Prison Visiting Rooms / Gwenola Ricordeau // Politix. – 2012. – Volume 97, Issue 1. – Pp. 101–123. – URL: https://www.cairn-int.info/article-E_POX_097_0101--between-inside-and-outside-prison.htm - (дата обращения: 10.09.2022).
20. Rosenberg, M. Corrupt, insecure prisons undermine Mexico drug war / Mica Rosenberg // Reuters : site. – URL: https://www.reuters.com/article/us-mexico-jails-idUSTRE67H43A20100818 (дата обращения: 25.08.2022).
21. Vannucci, A. Three paradigms for the analysis of corruption / Alberto Vannucci // Labour & law issues. – 2015. – Volume 1, no. 2. – Pp. 1–31. – URL: http://hdl.handle.net/1814/39343 (дата обращения: 15.10.2022).
22. Zepeda Lecuona, G. Los mitos de la prisión preventiva en México / Guillermo Zepeda Lecuona. – México : Open Society Institute, 2009. – 21 p. – URL: https://www.justiceinitiative.org/uploads/59bf32c6-14cc-498f-b68f-a3f374425885/mitos-mexico-20100801.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

REFERENCES

1. Zubkova V.I. Rehabilitation of social justice as the purpose of criminal punishment and its implementation during deprivation. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 9, pp. 10–14. (In Russ.).
2. Marcou G. Fight against corruption in France. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya=Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2012, no. 3 (34), pp. 34–38. (In Russ.).
3. Matskevich I.M., Aminov I.I. Experience of preventing systemic and specific corruption in correctional institutions abroad. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki=Moscow Witte University Bulletin. Series 2: Legal Science*, 2017, no. 4 (13), pp. 54–59. (In Russ.). doi: 10.21777/2587-9472-2017-4-54-59.
4. Nagornykh R.V. Restrictions and limitations in the system of public service in law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2019, no. 447, pp. 241–246. (In Russ.).
5. Oboturova N.S. Changing the conditions of serving imprisonment in the legislation of the Republic of Belarus: historical aspect. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4 (48), pp. 456–461. (In Russ.). doi: 10.24411/2686-9764-2019-10001.
6. Puzyrei A.A., Podvoiskii D.G. Interiorization. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: elektronnaya versiya* [Big Russian Encyclopedia: electronic version]. Available at: https://bigenc.ru/psychology/text/2014359 (In Russ.). (Accessed August 21, 2022).
7. Anti-corruption measures in prisons. *United Nations. Office on Drugs and Crime: website*. Available at: https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/prisons.html (accessed August 21, 2022).
8. Blackburn K.A, Neanidis K.C.,·Rana M.P. Theory of organized crime, corruption and economic growth. *Economic Theory Bulletin*, 2017, no. 5, pp. 227–245. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s40505-017-0116-5.pdf. (accessed August 25, 2022). doi: 10.1007/s40505-017-0116-5
9. Corrupción, el mal quecreció en cárceles con el coronavirus. *El Diario: website*. Available at: https://www.eldiario.net/portal/2021/08/16/corrupcion-el-mal-que-crecio-en-carceles-con-el-coronavirus/ (accessed August 25, 2022).
10. Dilulio J. *Governing prisons: a comparative study of correctional management*. New York: Free Press, 1987. 349 p.
11. Global Prison Trends 2016. *Penal Reform International: website*. Available at: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2016/05/Global_prison_trends_report_2016.pdf (accessed October 15, 2022).
12. *Handbook on anti-corruption measures in prisons*. Vienna: United Nations, 2017. 99 p. Available at: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/17-06140_HB_anti-corr_prisons_eBook.pdf (accessed October 15, 2022).
13. *Handbook on the management of violent extremist prisoners and the prevention of radicalization to violence in prisons*. New York: United Nations, 2016. 148 p. Available at: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_VEPs.pdf (accessed September 11, 2022).
14. Hill G. *Corruption risks in the criminal justice chain and tools for assessment. Chapter 5: Detention and corrections*. Bergen: U4 Anti-Corruption Resource Centre, 2015. 9 p. Available at: https://www.u4.no/publications/corruption-risks-in-the-criminal-justice-chain-and-tools-for-assessment-chapter-5-detention-and-corrections.pdf (accessed August 25, 2022).
15. How prisons corrupt – and what to do about it. *The Global Anticorruption Blog*. Available at: https://globalanticorruptionblog.com/2016/12/09/how-prisons-corrupt-and-what-to-do-about-it(accessed October 15, 2022).
16. *Informe penitenciario. Unamirada al mundo carcelario peruano*. Lima: Comisión episcopal de acción social, 2006. 82 p. Available at: https://www.corteidh.or.cr/tablas/23775.pdf (accessed August 25, 2022).
17. *Introductory handbook on the prevention of recidivism and the social reintegration of offenders.* Vienna: United Nations, 2018. 129 p. Available at: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/18-02303_ebook.pdf (accessed August 21, 2022).
18. Prison incident management handbook. *United Nation Peacekeeping: website.* Available at: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/handbook_pim. pdf (accessed September 10, 2022).
19. Ricordeau G. Between inside and outside: prison visiting rooms. *Politix*, 2012, vol. 97, no. 1, pp. 101–123. Available at: https://www.cairn-int.info/article-E_POX_097_0101--between-inside-and-outside-prison.htm (accessed September 10, 2022).
20. Rosenberg M. Corrupt, insecure prisons undermine Mexico drug. *Reuters: website*. Available at: https://www.reuters.com/article/us-mexico-jails-idUSTRE67H43A20100818 (accessed August 25, 2022).
21. Vannucci A. Three paradigms for the analysis of corruption. *Labour & Law Issues*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 1–31. Available at: http://hdl.handle.net/1814/39343 (accessed October 15, 2022).
22. Zepeda Lecuona G. *Los mitos de la prisión preventiva en México*. México: Open Society Institute, 2009. 21 p. Available at: https://www.justiceinitiative.org/uploads/59bf32c6-14cc-498f-b68f-a3f374425885/mitos-mexico-20100801.pdf (accessed August 25, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4765-8550

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4765-8550

Статья поступила 18.10.2022

Научная статья
УДК 159.9.07:343
doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.009

Исследование самоактуализации мужчин, впервые оказавшихся под стражей в следственном изоляторе, в связи с другими характеристиками их личности

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА КРОТОВА
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, dnkrotova@yandex.ru,https://orcid.org/0000-0001-6197-6363

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ЦВЕТКОВА
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, TsvetkovaNA@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0967-205X

Реферат

Введение: в статье изложены результаты изучения особенностей самоактуализации мужчин в возрасте от 25 до 50 лет, впервые оказавшихся под стражей в следственном изоляторе в статусе подозреваемых и обвиняемых. Этот механизм изучался в связи с другими характеристиками личности, предположительно обусловливающими его запуск в условиях нахождения в следственном изоляторе. *Цель* заключалась в выявлении характера связей самоактуализации со структурой личности, состоящей из пяти базовых черт (нейротизм, экстраверсия, привязанность, самоконтроль, экспрессивность), смысложизненными ориентациями, виной, рефлексивностью и копингом. *Методы:* психологическое тестирование с помощью следующих методик: тесты «САТ», «Большая пятерка», «СЖО», опросник вины (GuiltInventory), тест рефлексивности (ИМР), копинг-тест (WCQ). *Результаты:* у испытуемых обнаружена возможность подлинной самоактуализации вместо криминальной, однако для этого им требуется помощь психолога (доля мужчин с псевдосамоактуализацией составила 5,6 %; низкий общий уровень самоактуализации имели 20,6 %). Группа имела: в структуре личности высокий уровень нейротизма в сочетании с низким уровнем привязанности; тяготеющий к низкому общегрупповой показатель осмысленности жизни (у 46,7 % мужчин этот показатель низкий); средний уровень вины (преимущественно вины как состояния), при этом половину выборки составили мужчины с низким уровнем моральных норм; довольно высокий уровень рефлексивности (46 % мужчин выделялись высокими показателями); в качестве популярной явилась копинг-стратегия «бегство/избегание» или (реже) «конфронтация», в качестве непопулярной – «самоконтроль». *Выводы:* результаты показали наличие проблемы самоактуализации у данной категории мужчин, но также возможность ее разрешения посредством коррекционно-развивающей работы психологов, нацеленной на оптимизацию личностных характеристик, тесно связанных с самоактуализацией (копинга, осмысленности жизни, нейротизма и привязанности, рефлексивности, вины).

Ключевые слова: содержащиеся в следственных изоляторах мужчины; самоактуализация; смысложизненные ориентации; вина; индивидуальная мера рефлексивности; копинг; связь особенностей самоактуализации с другими личностными характеристиками.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Исследование самоактуализации мужчин, впервые оказавшихся под стражей в следственном изоляторе, в связи с другими характеристиками их личности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 425–433. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.009.

© Кротова Д. Н., Цветкова Н. А., 2022

Original article

Studying Self-Actualization of Men for the First Time Held in a Pre-Trial Detention Center with regard to Other Characteristics of Their Personality

DAR'YA N. KROTOVA
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dnkrotova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6197-6363

NADEZHDA A. TSVETKOVA
Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, TsvetkovaNA@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0967-205X

Abstract
Introduction: the article studies the specifics of self-actualization of men aged 25–50, for the first time held in a pre-trial detention center as the suspected and the accused. This mechanism was studied in connection with other personality characteristics, presumably causing its launch in conditions of imprisonment. The goal was to express the character of self-actualization with a personality structure consisting of five basic traits (neuroticism, extroversion, affection, self-control, expressiveness), life-meaning orientations, guilt, reflexivity and coping. *Methods:* psychological testing with the help of the Personal Orientation Inventory, "Big Five personality traits"; "Life-Meaning Orientations", GuiltInventory, Reflexivity test (IMR), Ways of Coping Questionnaire (WCQ). *Results:* the surveyed can achieve genuine self-actualization instead of criminal, but for this they need the help of a psychologist (the share of men with pseudo-self-actualization amounts to 5.6%; 20.6% has a low overall level of self-actualization). The group is described by the following: a high level of neuroticism in the personality structure combined with a low level of affection; tending to low indicator of meaningfulness of life (46.7% of men have a low indicator); an average level of guilt (mainly guilt as a state), while half of the sample shows a low level of moral norms; a fairly high level of reflexivity (46% of men have high indicators); the coping strategy "escape/avoidance" or (less often) "confrontation" is used by the surveyed, and "self-control" is unpopular among them. *Conclusions:* the results show the presence of the problem of self-actualization in this category of men, but also the possibility of its resolution through the correctional and developmental work of psychologists aimed at optimizing personal characteristics closely related to self-actualization (coping, meaningfulness of life, neuroticism and affection, reflexivity, guilt).

Keywords: men held in pre-trial detention centers; self-actualization; personal characteristics: life-meaning orientations, guilt, individual measure of reflexivity, coping; connection of self-actualization features with other personal characteristics.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Krotova D.N., Tsvetkova N.A. Studying self-actualization of men for the first time held in a pre-trial detention center with regard to other characteristics of their personality. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 425–433. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.009.

Введение

В научных трудах по юридической психологии исследуются негативные факторы содержания под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Позитивный подход к осмыслению феноменов исследовательского поля юридической психологии пока слабо проявляется. Однако, бесспорно, что любая ситуация, даже ситуация содержания под стражей в СИЗО, кроме негативных имеет позитивные аспекты для человека, оказавшегося в ней.

Известно, что статус подозреваемого в совершении преступления, ситуация заключения под стражу в целом и сопряженные с ней социально-психологические факторы являются для подследственного – того, в отношении которого возбуждено уголовное дело, мощным стрессором, способным оказать разрушительное воздействие на его психику [1; 4; 10; 11; 13; 15; 26–30]. Для совладания с ним (в смысле исключения самоубийства) подследственному необходимы некоторые личностные предпосылки, которые одни авторы называют жизнестойкостью [15] или стрессоустойчивостью, другие – копингом (совладающим поведением) [3; 13; 26; 30], а мы, следуя принципам позитивного подхода в психологии, предлагаем определить понятием «самоактуализация» [12], введенным в научный оборот в 1939 г. К. Гольдштейном для определения способности перестройки организма под воздействием травмы [14]. К. Гольдштейн был уверен, что самоактуализация является основным и единственным мотивом организма, служащим предпосылкой для самореализации всего организма, основой развития, самосовершенствования, творческой тенденцией личности [14].

После него проблему самоактуализации основательно проработали психологи экзистенциально-гу-

манистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс, Ш. Бюллер, Э. Шостром и др.). В широком смысле термин понимался ими как стремление человека самореализоваться. Как отмечает Ш. Бюллер, понятие самореализации берет начало у Ф. Ницше и К. Г. Юнга, выступает в различных вариантах у К. Хорни, Э. Фромма, К. Гольдштейна, Ф. Фромм-Райхман, А. Маслоу и других авторов, пытающихся создать всеохватывающие теории конечных жизненных целей [25]. Благодаря А. Маслоу [16], К. Роджерсу [20], В. Франклу [21], Э. Фромму [22] и другим разработчикам этой теории за рубежом [9; 18] и в России [6; 9; 24] стало ясно, что самоактуализация может быть: глубокая (сущностная) и поверхностная; активная и пассивная; гармоничная и проблемная; энергичная и осторожная. Процесс самоактуализации сдерживают враждебность, страхи, отсутствие мотивации, привычка к праздности, социальное давление.

Говоря о самоактуализации мужчин зрелого возраста, впервые оказавшихся под стражей в СИЗО, стоит привести мысль Ш. Бюллер: она, в отличие от других исследователей, считающих самоактуализацию непременным способом самоосуществления человека, заметила, что самоактуализация показана тем, кто промахнулся относительно самого себя, своего предназначения [25]. Если в жизни все идет своим чередом и она приносит удовлетворение, то человеку достаточно самореализации и саморазвития. Эту же мысль разделял и В. Франкл [21].

Историко-критический анализ изучения самоактуализации как движущей силы личностного развития дал Д. А. Леонтьев [14]. Ценность его работы состоит в том, что он отметил уязвимые места в этой теории, однако подчеркнул ее научное значение и показал перспективы развития.

В плане сочетания теории и практики самоактуализации ценность представляют разработки Э. Шострома, который показал, что это понятие является интегративным, включающим целый ряд структурных компонентов. Его методика изучения данного феномена, известная психологам как тест «САТ», позволяет дифференцировать индивидов с подлинной самоактулизацией (предположительно, доля таких людей в обществе составляет 68 %), псевдосамоактуализацией и самоактуализацией, обусловленной болезненными изменениями психики, – больных неврозами, страдающих психическими расстройствами [23]. Этот автор дополнил теорию самоактуализации тем, что обратил внимание на альтернативный вариант самореализации – человека-манипулятора [23].

Эмпирические исследования самоактуализации, выполненные на выборках, состоящих из подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, малочисленны и потому особенно ценны. Д. В. Жмуров и А. Г. Завьялов подняли проблему криминальной самоактуализации и привели результаты собственного эмпирического исследования, выполненного на выборке, состоящей из трех групп: граждане, не имевшие судимости; осужденные, впервые отбывающие наказание; рецидивные преступники. Использовался тест «САТ» Э. Шострома. В рейтинге групп по уровню самоактуализации лидировали правопослушные граждане; за ними следовала группа рецидивных преступников; группа осужденных, впервые отбывающих наказание, замыкала рейтинг (имела самые низкие показатели). Авторы указали несколько причин, почему впервые оказавшиеся под стражей индивиды нередко предпочитают криминальную самоактуализацию [6].

М. А. Желудков и В. Е. Ковалевский задались вопросом: в силу каких причин люди с высоким уровнем самоактуализации совершают корыстные преступления? В итоге они пришли к выводу, что такой причиной является отсутствие возможностей для удовлетворения появившихся у них на очередном этапе жизни индивидуальных потребностей, поэтому самоактуализацию нельзя считать финалом развития личности [5]. Она не цель, а способ возвращения человека к самому себе, своему предназначению для продолжения самореализации (самоосуществления).

Разделяя эту мысль, мы исходим из предположения о том, что заключенные под стражу в СИЗО мужчины не планировали оказаться в этой ситуации, а значит, их цели либо не осознавались ими как фиктивные, либо не соответствовали генеральной линии их личностного развития, то есть были ложными – эти мужчины «промахнулись мимо своего предназначения». В. Н. Волков пишет: «У лиц, впервые попавших в следственный изолятор, апатию вызывает обычно сам факт следствия. Многие из них считают свою жизнь загубленной, а поэтому под влиянием эмоциональных переживаний и постепенно нарастающих психологических нарушений считают содействие следствию и суду ненужным и бесполезным» [2, с. 299]. Контроль над человеком в СИЗО настолько всеобъемлющий, что ведет к размыванию границ личности вплоть до ее деструкции. Это рождает интерес к процессу самоактуализации. Однако самостоятельно встать на путь возрождения подлинного и лучшего «Я» способен далеко не каждый человек, оказавшийся в изоляторе в статусе подозреваемого или обвиняемого. Необходимо неформальное участие пенитенциарного психолога в его жизненной ситуации.

К. В. Ковалева считает, что самоактуализация одновременно является и процессом, и средством, и целью развития личности, и свойством, определяющим ее реализацию, поэтому необходимо восполнить дефицит исследований этого феномена [9]. Психологам уголовно-исполнительной системы, понимающим ключевую роль самоактуализации в процессе ресоциализации лиц, совершивших преступление, нужны не только знания, но и технологии их практического применения. Ресоциализация преступников – цель их деятельности, а самоактуализация – единственный по своей сути способ ее достижения.

Научно-теоретический анализ литературы по данной проблеме позволил разработать модель эмпирического исследования этого механизма у мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в СИЗО [12], в связи с другими характеристиками их личности. При этом брался в расчет тот факт, что исследователи самоактуализации чаще всего обнаруживали ее связь с нормативным развитием личности (целостностью личности) [16; 20; 29; 30], смысложиз-

ненными ориентациями [7; 24], чувством вины [2; 4; 26], индивидуальной мерой рефлексивности [8; 11; 17], копингом [3; 13; 26].

Наша модель реализовывалась на базе одного из следственных изоляторов Москвы. Выборку составили 214 мужчин в возрасте от 25 до 50 лет (в возрастной психологии этот период определяется как «эпоха зрелости»), впервые заключенных под стражу в статусе подозреваемых и обвиняемых (средний возраст мужчин – 37 лет). Из них: к моменту ареста были безработными 69 чел. (32,3 %), руководителями – 39 чел. (18,2 %), рабочими – 79 чел. (36,9 %), служащими – 27 чел. (12,6 %); имели высшее образование 81 чел. (37,9 %), среднее специальное – 83 чел. (38,8), общее среднее – 46 чел. (21,5 %), неполное среднее – 4 чел. (1,9 %); были женаты 32 чел. (15,0 %), сожительствовали 39 чел. (18,2 %), холостыми – 78 чел. (36,4 %), в разводе – 65 чел. (30,4 %); имели детей 110 мужчин (51,4 %). Самую большую долю в выборке составили мужчины, привлеченные к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ – 63 чел. (29,4 %), затем по ст. 228 УК РФ – 59 чел. (27,6 %), ст. 162 УК РФ – 32 чел. (15 %), ст. 158 УК РФ – 15 чел. (7 %), ст. 161 УК РФ – 9 чел. (4,2 %); оставшаяся часть мужчин – 36 чел. (16,8 %) – была привлечена по ст. 105, 111, 163, 264, 128, 134, 165, 172, 186, 226 УК РФ. При отборе эмпирического материала для данной статьи мы руководствовались двумя основными критериями: 1) мужчина впервые заключен под стражу в СИЗО; 2) возраст мужчины от 25 до 50 лет.

Цель эмпирического исследования заключалась в выявлении характера связей самоактуализации с такими личностными характеристиками, как структура личности, состоящая из пяти базовых черт «нормальной» личности (нейротизм, экстраверсия, привязанность, самоконтроль, экспрессивность), смысложизненные ориентации, вина, рефлексивность, копинг у мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в СИЗО.

Методы исследования. Основным методом сбора эмпирических данных стало психологическое тестирование. Использовались шесть методик психодиагностики: 1) тест Э. Шострома для изучения особенностей самоактуализации личности по 14 параметрам и ее общего уровня в адаптации Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, М. В. Загики, М. В. Кроза; 2) пятифакторный личностный опросник (Большая пятерка) Р. МакКрей и П. Коста в адаптации М. В. Бодунова и С. Д. Бирюкова; 3) тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; 4) опросник оценки выраженности чувства вины (GuiltInventory), переведенный и адаптированный И. М. Белик; 5) методика определения индивидуальной меры рефлексивности (ИМР) А. В. Карпова; 6) опросник «Способы совладающего поведения» WCQ в адаптации Т. Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк.

Математико-статистическая обработка данных выполнялась на основе пакета MS OfficeExcel, IBMSPSSStatistics 23, Statistica 10.0 (корреляционный анализ данных выполнен по Пирсону).

Результаты и их обсуждение

1. Результаты исследования особенностей самоактуализации мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в следственный изолятор.

Таблица 1

Показатели самоактуализации

Замеряемые параметры самоактуализации	Уровни						Общегрупповой показатель (в стенах)
	Высокий		Средний		Низкий		
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
1. Ценность самоактуализации	59	27,6	119	55,6	36	16,8	6,1
2. Синергичность	58	27,1	101	47,2	55	25,7	6,1
3. Креативность	46	21,5	113	52,8	55	25,7	6,1
4. Самоуважение	51	23,8	106	49,5	57	26,7	5,9
5. Контактность	57	26,7	106	49,5	51	23,8	5,9
6. Спонтанность	35	16,4	101	47,2	78	36,4	5,7
7. Принятие своей агрессии	31	14,5	123	57,5	60	28	5,6
8. Самоподдержка	48	22,4	105	49,1	61	28,5	5,4
9. Познавательные потребности	47	22	92	43	75	35	5,3
10. Принятие природы человека	19	8,9	136	63,5	59	27,6	5,2
11. Компетентность во времени	27	12,6	102	47,7	85	39,7	5
12. Реактивная чувствительность	24	11,2	103	48,1	87	40,7	5
13. Самопринятие	31	14,5	109	50,9	74	34,6	5
14. Гибкость поведения	27	12,6	99	46,3	88	41,1	4,9
Общий уровень САТ	12	5,6	158	73,8	44	20,6	5,6

Примечание. 10–8 стенов – псевдосамоактуализация; 7–5,5 – самоактуализация; 5,5–4,5 – психическая и статистическая норма; меньше 4 стенов характерно для лиц с психическими нарушениями (неврозы, депрессии, зависимости и т. д.

Анализ эмпирических данных, представленных в табл. 1, позволяет отметить, что общегрупповой показатель самоактуализации обследованных мужчин зрелого возраста, заключенных под стражу в СИЗО (5,6 стена), находится на границе уровней «психическая и статистическая норма» и «самоактуализация». Это, вероятно, означает, что у этих мужчин открыта возможность включения механизма возрождения человека (подлинной самоактуализации), что они на момент обследования находились в точке бифуркации, после чего были возможны несколько вариантов выбора линии поведения: а) криминальная самоактуализация; б) нервный срыв и психическое заболевание; в) самоубийство; г) сущностная самоактуализация. Не исключено, но не типично и другое развитие ситуации.

В структуре общего уровня самоактуализации доминируют три компонента – «ценность самоактуализации», «синергичность» (способность к целостному восприятию мира и людей) и «креативность» (оказавшись в экстремальной ситуации, личность становится творческой). Образно говоря, мужчина, впервые оказавшись в СИЗО, словно активирует процесс самоорганизации, перестраивается для прорыва на новый уровень самореализации. Однако для этого большинству заключенных не хватает гибкости в поведении (этот компонент отстает в развитии по сравнению с 13-ю более развитыми) в силу сформировавшегося догматизма. Доля обследованных мужчин с псевдосамоактуализацией невысока – 5,6 % от всей выборки; при этом псевдосамоактуализация сильнее выражена по таким компонентам, как «ценность самоактуализации», «синергичность» и «контактность». Доля мужчин с низким общим уровнем самоактуализации значительно больше – 20,6 % (самые большие доли наблюдаются по трем компонентам: «гибкость поведения», «реактивность поведения», «компетентность во времени»).

2. Результаты изучения характеристик, предположительно связанных с самоактуализацией и, возможно, выступающих в качестве ее детерминант.

«Сырые» баллы по каждой из пяти методик психологической диагностики переведены в стены и представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сводная таблица показателей личностных характеристик мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в СИЗО

Замеряемые параметры личности	Уровни						Общегрупповой показатель (в стенах)
	Высокий 10–8 стенов		Средний 7–5 стенов		Низкий 4–1 стен		
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8
Структура личности, состоящая из пяти базовых черт «нормальной» личности («Большая пятерка»)							
1. Экстраверсия	4	1,9	95	44,4	115	53,7	4,2
2. Привязанность	9	4,2	71	33,2	134	62,6	3,8
3. Экспрессивность	49	22,9	128	59,8	37	17,3	6,2
4. Самоконтроль	6	2,8	111	51,9	97	45,3	4,3
5. Нейротизм	93	43,5	104	48,6	17	7,9	7,4
Смысложизненные ориентации							
1. Локус контроля – Я. Я хозяин жизни	54	25,2	81	37,9	79	36,9	5,4
2. Цели в жизни	43	20,1	94	43,9	77	36	5,4
3. Результативность жизни, удовлетворенность самореализацией	42	19,6	93	43,5	79	36,9	5,3
4. Процесс жизни, интерес и эмоциональная насыщенность	27	12,6	101	47,2	86	40,2	4,9
5. Локус контроля – жизнь/управляемость жизнью	16	7,5	77	36	121	56,5	4,1
Общий уровень осмысленности жизни	24	11,2	90	42,1	100	46,7	4,9
Мера выраженности чувства вины							
1. Вина – состояние	97	45,3	79	36,9	38	17,8	6,7
2. Вина – черта	22	10,3	143	66,8	49	22,9	5,7
3. Моральные нормы	26	12,1	81	37,9	107	50	4,8
Общий уровень вины	15	7	153	71,5	46	21,5	5,7
Индивидуальная мера рефлексивности							
Рефлексивность	99	46,3	96	44,8	19	8,9	7

1	2	3	4	5	6	7	8
Особенности совладающего поведения							
1. Бегство/избегание	89	41,6	100	46,7	25	11,7	6,7
2. Конфронтация	76	35,5	113	52,8	25	11,7	6,5
3. Позитивная переоценка	62	29	117	54,7	35	16,3	6,1
4. Принятие ответственности	62	29	99	46,3	53	24,7	5,9
5. Планирование решения проблемы	45	21	113	52,8	56	26,2	5,7
6. Дистанцирование	47	22	84	39,2	83	38,8	5,6
7. Поиск социальной поддержки	22	10,3	129	60,3	63	29,4	5,6
8. Самоконтроль	27	12,6	105	49,1	82	38,3	4,8

Комментируя данные табл. 2, обратим внимание на главное:

– в структуре личности «Большая пятерка» наблюдаются: тенденция тятогения общегруппового показателя «нейротизм» к высокому уровню и низкий уровень привязанности, при этом показатели экстраверсии и самоконтроля находятся у нижней границы нормы. Иными словами, личностный профиль обследованных мужчин является акцентуированным, что определяется по пикирующему нейротизму (эмоциональной неустойчивости) в сочетании с низким уровнем развития привязанности (низкий показатель отражает желание держать дистанцию, иметь обособленную позицию, небрежность в выполнении своих обязанностей и обещаний). Этот результат также означает, что более чем 60 % респондентов характерны холод и недопонимание в межличностных отношениях; их больше волнуют собственные проблемы, чем проблемы окружающих; они всегда готовы отстаивать свои интересы в конкурентной борьбе и использовать все доступные им средства;

– показатель общего уровня осмысленности жизни является средним, тяготеющим к низкому. В структуре смысложизненных ориентаций слабее других выражен компонент «локус контроля – жизнь», что означает склонность обследованных к фатализму; убежденность в том, что их жизнь, равно как и других людей, не поддается сознательному контролю; свободы выбора не существует и не имеет смысла планировать будущее; доля мужчин с низким общим уровнем осмысленности жизни составляет 46,7 %;

– общий уровень вины средний, а в его структуре доминирует компонент «вина как состояние»; доля мужчин с высоким уровнем этого состояния значительно больше (около 45 %), чем доля мужчин, имеющих вину как черту характера (около 10 %). В то же время самую большую долю из всей выборки составляют мужчины с низким уровнем моральных норм (таких в выборке оказалось около 50 %);

– для обследованных мужчин характерен довольно высокий уровень рефлексивности, показатель которой находится на границе с областью высоких значений. Доля мужчин с высоким уровнем этого параметра личности составляет около 46 %, то есть почти каждый второй представитель выборки пытается осознать происходящее с ним;

– мужчины предпочитают копинг-стратегию «бегство/избегание», хотя бежать им некуда (6,7 стена), затем – «конфронтацию» (6,5 стена) и реже других стратегий – «самоконтроль» (причем показатель этой стратегии копинга тяготеет к низкому уровню).

Корреляционный анализ данных показал многочисленные связи между исследуемыми переменными. Согласования внутри одной методики закономерны и здесь не приводятся. Ниже представлен анализ согласований на уровне значимости $p \leq 0,01$ общего уровня самоактуализации с исследуемыми нами характеристиками личности (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционные связи самоактуализации с другими личностными характеристиками, обнаруженные в выборке мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в следственный изолятор

Что	С чем	r	p
Самоактуализация (общий уровень)	Осмысленность жизни (смысложизненная ориентация)	0,269	0,000
	Принятие ответственности (копинг)	-0,234	0,001
	Бегство/избегание (копинг)	-0,192	0,005
	Нейротизм (базовая черта личности)	-0,371	0,000
	Привязанность (базовая черта личности)	-0,252	0,000
	Индивидуальная мера рефлексивности	-0,316	0,000
	Вина (общий уровень)	-0,553	0,000

Можно отметить тесные связи общего уровня самоактуализации со всеми изучаемыми нами характеристиками личности. Это смысложизненные ориентации (осмысленность жизни), копинг (принятие ответственности и бегство/избегание), базовые черты «нормальной» личности (нейротизм и привязанность), рефлексивность, вина (общий уровень).

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующее резюме:

1) главной особенностью самоактуализации мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в СИЗО, является тот факт, что ее обобщенный показатель находится на границе уровней «психическая и статистическая норма» и «самоактуализация», то есть у обследованных мужчин зрелого возраста, заключенных под стражу в СИЗО, существует возможность включения в процесс подлинной самоактуализации, однако без помощи психолога реализовать ее большинство из них не сможет, поскольку им не хватает гибкости в поведении по причине догматизма; к тому же обнаружена доля мужчин с псевдосамоактуализацией (5,6 %) и низким общим уровнем самоактуализации (20,6 %), особенно по таким компонентам, как «гибкость поведения», «реактивность поведения», «компетентность во времени»;

2) обследованная группа мужчин характеризуется следующими личностными особенностями: в структуре личности высокий уровень нейротизма сочетается с низким уровнем привязанности (наблюдаются психопатологические тенденции); общегрупповой показатель осмысленности жизни тяготеет к низкому уровню, отмечается склонность обследованных к фатализму; общий уровень вины средний и доминирует «вина как состояние»; половину выборки составляют мужчины с низким уровнем моральных норм, довольно высоким уровнем рефлексивности (доля мужчин с высоким уровнем составляет около 46 %), предпочтением копинг-стратегии «бегство/избегание» или «конфронтация», реже других – «самоконтроль»;

3) обобщенный показатель самоактуализации обследованных мужчин тесно связан с такими характеристиками их личности, как осмысленность жизни, копинг («принятие ответственности» и «бегство/избегание»), нейротизм и привязанность (базовые черты «нормальной» личности), индивидуальная мера рефлексивности, общий уровень вины;

4) практическое значение полученных результатов заключается в том, что они показывают не только наличие проблемы самоактуализации у мужчин зрелого возраста, впервые заключенных под стражу в СИЗО, но и возможности ее решения посредством усиления внимания психологов к уровню развития личностных характеристик у спецконтингента СИЗО, тесно связанных с этим механизмом, что позволит более эффективно осуществлять профилактику криминальной самоактуализации;

5) проблема самоактуализации личности, преступившей закон, остается недостаточно исследованной в пенитенциарной науке (например, для более четкого очерчивания границ исследуемого феномена интересно было бы рассмотреть самоактуализацию подозреваемых, обвиняемых и осужденных в зависимости от вида совершенного ими или вменяемого им преступления: 1 – корыстные преступления; 2 – насильственные преступления). В практической деятельности психологов уголовно-исполнительной системы она пока решается фрагментарно. Самоактуализация и ресоциальзация – взаимосвязанные процессы. Без первой невозможна вторая. Следовательно, в алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного [19] для начала было бы целесообразно включить параметр «самоактуализация».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова, А. С. Психопрофилактика у осужденных мужского пола деструктивных последствий пребывания в следственном изоляторе : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Арапова Анастасия Сергеевна. – Рязань, 2011. – 221 с.

2. Волков, В. Н. Юридическая психология : учебник / В. Н. Волков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 422 с. – ISBN 978-5-238-01537-8. – URL:https://rucont.ru/efd/352837 (дата обращения: 15.07.2022).

3. Дементий, Л. И. Уровень самоактуализации и адаптационный потенциал как копинг-ресурсы личности на этапе самореализации / Л. И. Дементий, А. А. Маленов, А. Ю. Маленова // Сибирский психологический журнал. – 2020. – № 78. – С. 80–98.

4. Дядченко, Е. А. Психологическая помощь подозреваемым и обвиняемым на этапе содержания под стражей (организационно-правовой аспект) / Е. А. Дядченко, Е. А. Тимофеева // Теоретические и практические аспекты развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции, г. Рязань, 28–29 ноября 2018 г. – Рязань : Акад. права и упр., 2018. – С. 840–850. – ISBN: 978-5-7743-0871-2.

5. Желудков, М. А. Критический взгляд на теорию самоактуализации с позиции анализа системных потребностей корыстного преступника / М. А. Желудков, В. Е. Ковалевский // Право: история и современность. 2021. – № 4 (17). – С. 119–127.

6. Жмуров, Д. В. Криминальная самоактуализация / Д. В. Жмуров, А. Г. Завьялов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 66–71.

7. Ильиных, А. Е. Креативность и самоактуализация в контексте смысложизненных ориентаций, эмпатии и самооценки / А. Е. Ильиных, Н. В. Асанова, А. А. Яшанина // Научно-педагогическое обозрение. – 2016. – Вып. 1 (11). – С. 31–37.

8. Карпов, А. В. Специфика взаимосвязи рефлексивности и самоактуализации личности / А. В. Карпов // Ярославский психологический вестник. – 2019. – № 3 (45). – С. 6–11.

9. Ковалева, К. В. Проблема самоактуализации в работах отечественных и зарубежных авторов / К. В. Ковалева // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2019. – № 1 (45). – С. 77–85.

10. Кротова, Д. Н. Проблема самооактуализации личности мужчин в местах содержания под стражей / Д. Н. Кротова // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 8 (89). – С. 28–29.

11. Кротова, Д. Н. Экзистенциальная дилемма рефлексирующего делинквента: самоактуализация или суицид? / Д. Н. Кротова, А. М. Мамченко // Проблемы детерминации и предупреждения преступности : сборник научных статей / под редакцией А. И. Долговой. – Москва : РКА, 2017. – С. 517–522. – ISBN: 978-5-87817-084-0

12. Кротова, Д. Н. Обоснование актуальности изучения самоактуализации мужчин зрелого возраста, содержащихся в следственных изоляторах / Д. Н. Кротова, Н. А. Цветкова // Прикладная юридическая психология. – 2022. – № 2 (59). – С. 6–15.
13. Кряжева, С. Г. Особенности выбора стратегий копинг-поведения осужденными в местах лишения свободы / С. Г. Кряжева // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article /n/osobennosti-vybora-strategiy-koping-povedeniya-osuzhdennymi-v-mestah-lisheniya-svobody (дата обращения: 15.07.2022).
14. Леонтьев, Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ / Д. А. Леонтьев // Современная психология мотивации. – Москва : Смысл, 2002. – С. 13–46.
15. Мамченко, А. М. Научно-теоретические предпосылки социально-психологической профилактики суицида у подследственных, находящихся в СИЗО / А. М. Мамченко, Н. А. Цветкова // Ученые записки РГСУ. – 2016. –Том 15, № 2. – С. 71–79.
16. Маслоу, А. Самоактуализированные люди – исследование психологического здоровья / А. Маслоу // Городское управление. – 2011. – № 1 (174). – С. 93–98.
17. Муравьева, О. В. Самоактуализация у людей зрелого возраста, ее особенности при различном уровне рефлексии / О. В. Муравьева, Е. И. Зиборова // Научный электронный архив. – URL: http://econf.rae.ru/article /7181 (дата обращения: 22.03.2022).
18. Мухтарова, А. Х. Проблема самоактуализации личности в исследованиях зарубежных ученых / А. Х. Мухтарова // Инновационная наука. – 2017. – № 8. – С. 66–67.
19. Овчарова, Е. В. Алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного / Е. В. Овчарова // Прикладная юридическая психология. – 2021. – № 4 (57). – С. 46–52.
20. Роджерс, К. Несколько важных открытий / К. Роджерс // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1990. – № 2. – С. 58–65.
21. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с. – ISBN 5-01-001606-0.
22. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. –Москва : АСТ, 2020. – 736 с. – ISBN 978-5-17-103239-5.
23. Шостром, Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации / Э. Шостром / перевод с англ. – Москва : Апрель-Пресс, 2004. – 190 с. – ISBN 5-89939-109-X.
24. Ященко, Е. Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации : монография / Е. Ф. Ященко. – Челябинск : ЮУрГУ, 2005. – 382 с. – ISBN 5-696-02981-7.
25. Buhler, Ch. TheoreticalObservationsaboutlife'sbasictendencies / Ch. Buhler // American Journal of Psychotherapy. – 1959. – Vol. 13, No. 3. – P. 561–581.
26. Caynak, S. The psychological symptom, probability of suicide and coping ways of a group of convict and detainee / S. Caynak, Y. Kutlu // Anadolu Psikiyatri Dergisi. – 2016. – № 17 (2). – P. 93–98.
27. Dzhansarayeva, R. Y. Problems in prevention of suicidal behavior of prisoners / R. Y. Dzhansarayeva, Y. T. Nurmaganbet, A. K. Zhanibekov, M. Y. Turgumbayev, A. A. Nabiyev // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2016. – № 7 (4). – P. 781–787.
28. Mamchenko, A. M. Suicide risk among suspects and defendants in detention center / A. M. Mamchenko, N. A. Tsvetkova, D. N. Krotova, A. I. Rybakova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. –2018. – № 50. – P. 1226–1231.
29. Pratt, D. Cognitive–behavioural suicide prevention for male prisoners: a pilot randomized controlled trial / D. Pratt, N. Tarrier, G. Dunn, Y. Awenat, J. Shaw, F. Ulph, P. Gooding // Psychological medicine. – 2015. – № 45. – P. 3441–3451.
30. Tees, A-M. Attachment, coping and suicidal behavior in male prisoners / A-M Tees, J. Clarbour, H. Groningen, N. D. T. Durham // Criminal justice and behavior. – 2017. – № 4 (44). – P. 566–588.

REFERENCES

1. Arapova A.S. *Psikhoprofilaktika u osuzhdennykh muzhskogo pola destruktivnykh posledstvii prebyvaniya v sledstvennom izolyatore: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological prevention of destructive consequences of being in a pre-trial detention center for male convicts: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2011. 221 p.
2. Volkov V.N. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik* [Legal psychology: textbook]. Moscow: YuNITI-DANA, 2015. 422 p. ISBN 978-5-238-01537-8. Available at: https://rucont.ru/efd/352837 (accessed July 15, 2022)
3. Dementii L.I., Malenov A.A., Malenova A.Yu. Self-actualization level and adaption potential as personality coping resources at the stage of self-realization. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal=Siberian Journal of Psychology*, 2020, no. 78, pp. 80–98. (In Russ.).
4. Dyadchenko E.A., Timofeeva E.A. Psychological assistance to the suspected and accused at the stage of detention (organizational and legal aspect). In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Ryazan, 28–29 noyabrya 2018 goda* [Theoretical and practical aspects of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the international scientific and practical conference, Ryazan, November 28–29, 2018]. Ryazan: Ak. prava i upravleniya, 2018. Pp. 840–850. ISBN: 978-5-7743-0871-2. (In Russ.).
5. Zheludkov M.A., Kovalevskii V.E. A critical view of the theory of self-actualization through the analysis of basic needs of a self-serving criminal. *Pravo: istoriya i sovremennost'=Law: History and Modernity*, 2021, no. 4(17), pp. 119–127. (In Russ.).
6. Zhmurov D.V., Zav'yalov A.G. Criminal self-actualization. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava=Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 66–71. (In Russ.).

7. Il'inykh A.E., Asanova N.V., Yashanina A.A. Creativity and self-actualization in the context of life orientations, empathy and self-esteem. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie=Pedagogical Review*, 2016, no. 1 (11), pp. 31–37. (In Russ.).
8. Karpov A.V. Specificity of the relationship of reflexivity and self-actualization of personality. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik=Yaroslavl Psychological Bulletin,* 2019, no. 3 (45), pp. 6–11. (In Russ.).
9. Kovaleva K.V. The self-actualization of personality problem in the works of local and foreign authors. *Zhurnal psikhiatrii i meditsinskoi psikhologii=Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 2019, no. 1 (45), pp. 77–85. (In Russ.).
10. Krotova D.N. The problem of self-actualization of the personality of men in places of detention. *Global'nyi nauchnyi potentsial=Global Scientific Potential*, 2018, no. 8 (89), pp. 28–29. (In Russ.).
11. Krotova D.N., Mamchenko A.M. The existential dilemma of the reflecting delinquent: self-actualization or suicide? In: Dolgova A.I. (Ed.). *Problemy determinatsii i preduprezhdeniya prestupnosti: sbornik nauchnykh statei* [Problems of determination and crime prevention: collection of scientific articles]. Moscow: RKA, 2017. Pp. 517–522. (In Russ.).
12. Krotova D.N., Tsvetkova N.A. Substantiation of the relevance of studying the self-actualization of mature men held in pre-trial detention centers. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2022, no. 2 (59), pp. 6–15. (In Russ.).
13. Kryazheva S.G. Features of the choice of coping behavior strategies by convicts in prison. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2020, no. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article /n/osobennosti-vybora-strategiy-koping-povedeniya-osuzhdennymi-v-mestah-lisheniya-svobody (In Russ.). (Accessed July 15, 2022).
14. Leont'ev D.A. Self-actualization as a driving force of personal development: historical and critical analysis. In: *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern Psychology of Motivation]. Moscow: Smysl, 2002. Pp. 13–46. (In Russ.).
15. Mamchenko A.M., Tsvetkova N.A. Scientific and theoretical prerequisites for socio-psychological prevention of suicide in remand prisoners in jail. *Uchenye zapiski RGSU= Scientific Notes of RSSU*, 2016, vol. 15, no. 2, pp.71–79. (In Russ.).
16. Maslow A. Self-actualized people – a study of psychological health. *Gorodskoe upravlenie=City Administration*, 2011, no. 1 (174), pp. 93–98. (In Russ.).
17. Murav'eva O.V., Ziborova E.I. Self-actualization in mature people, its features at different levels of reflection. *Nauchnyi elektronnyi arkhiv=Scientific Electronic Archive*. Available at: http://econf.rae.ru/article/7181 (In Russ.). (Accessed March 22, 2022).
18. Mukhtarova A.Kh. The problem of self-actualization of personality in the research of foreign scientists. *Innovatsionnaya nauka=Innovative Science*, 2017, no. 8, pp. 66–67. (In Russ.).
19.Ovcharova E.V. The algorithm of the psychologist's work to determine the degree of the convicted person correction. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2021, no. 4(57), pp. 46–52. (In Russ.).
20. Rogers C. Several major discoveries. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya=The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 1990, no. 2, pp. 58–65. (In Russ.).
21. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress, 1990. 366 p. ISBN 5-01-001606-0.
22. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST, 2020. 736 p. ISBN 978-5-17-103239-5.
23. Shostrom E. *Chelovek-manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii* [Man the manipulator: the inner journey from manipulation to actualization]. Translated from English. Moscow: Aprel'-Press, 2004. 190 p. ISBN 5-89939-109-X
24. Yashchenko E.F. *Tsennostno-smyslovaya kontseptsiya samoaktualizatsii: monografiya* [Value-semantic concept of self-actualization: monograph]. Chelyabinsk: YuUrGU, 2005. 382 p. ISBN 5-696-02981-7.
25. Buhler Ch. Theoretical observations about life's basic tendencies. *American Journal of Psychotherapy*, 1959, vol. 13, no. 3, pp. 561–581.
26. Caynak S., Kutlu Y. The psychological symptom, probability of suicide and coping ways of a group of convict and detainee. *Anadolu Psikiyatri Dergisi,* 2016, no. 17 (2), pp. 93–98.
27. Dzhansarayeva R.Y., Nurmaganbet Y.T., Zhanibekov A.K., Turgumbayev M.Y. et al. Problems in prevention of suicidal behavior of prisoners. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, no. 7 (4), pp. 781–787.
28. Mamchenko A.M., Tsvetkova N.A., Krotova D.N., Rybakova A.I. Suicide risk among suspects and defendants in detention center. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2018, no. 50, pp. 1,226–1,231.
29. Pratt D., Tarrier N., Dunn G., Awenat Y., et al. Cognitive–behavioural suicide prevention for male prisoners: a pilot randomized controlled trial. *Psychological Medicine*, 2015, no. 45, pp. 3,441–3,451.
30. Tees A-M. Clarbour J., Groningen H., Durham N.D.T. Attachment, coping and suicidal behavior in male prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 2017, no. 4 (44), pp. 566–588.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА КРОТОВА – старший научный сотрудник отдела 3 НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия,dnkrotova@yandex.ru,https://orcid.org/0000-0001-6197-6363

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ЦВЕТКОВА – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела 3 НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, TsvetkovaNA@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0967-205X

DAR'YA N. KROTOVA – Senior Researcher at the Department 3 of the Scientific Research Center – 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dnkrotova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6197-6363

NADEZHDA A. TSVETKOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Chief Researcher at the Department 3 of the Scientific Research Center – 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, Tsvetko-vaNA@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0967-205X

Статья поступила 18.07.2022

Научная статья
УДК 343.82:159.9.07
doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.010

Выстраивание эффективной коммуникации с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, mr.kazberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2233-0230

Реферат
Введение: статья посвящена анализу путей и условий выстраивания эффективной коммуникации с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления. *Цель:* на основе обобщения теоретических материалов, нормативной правовой и организационно-методической литературы и результатов изучения практики взаимодействия пенитенциарных психологов с данной категорией осужденных показать перспективы использования алгоритма выявления основных сдерживающих и провоцирующих факторов деструктивного поведения осужденных за терроризм и экстремизм при определении программы их ресоциализации. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* анализ организационно-правовых аспектов и правоприменительной практики показал, что имеющиеся методы и методики психодиагностической и психокоррекционной работы используются практиками без учета многообразия индивидуально-личностных особенностей данной категории осужденных, эффективная ресоциализация осужденных за экстремистские и террористические преступления с момента их поступления в карантин исправительного учреждения требует от психолога совместного с осужденным построения общего смыслового пространства, его поддержания и преобразования. *Выводы:* для выстраивания эффективной коммуникации с осужденным за преступления террористической и экстремистской направленности с целью проведения психодиагностической и психокоррекционной работы необходимо использование алгоритма выявления сдерживающих и провоцирующих факторов деструктивного поведения с исключением формального отношения, с учетом основных трудностей и типичных ошибок в работе с данной категорией лиц.

Ключевые слова: осужденные; экстремистские и террористические преступления; психолог; пенитенциарная система; психокоррекция; алгоритм; ресоциализация.

5.3.9. Юридическая психология, психологическая безопасность.

Для цитирования: Казберов П. Н. Выстраивание эффективной коммуникации с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 434–440. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.010.

Original article

Building Effective Communication with Persons Convicted of Terrorism and Extremism-Related Crimes

PAVEL N. KAZBEROV
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, mr.kazberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2233-0230

Abstract
Introduction: the article is devoted to the analysis of ways and conditions for building effective communication with persons convicted of terrorism and extremism-related crimes. *Purpose*: based on the generalization of theoretical materials, normative legal and organizational methodological literature and the results of studying the practice of interaction between penitentiary psychologists and this category of convicts, to show the prospects of using an algorithm to identify the main deterrent and provoking factors of destructive behavior of persons convicted for terrorism and extremism when determining their re-socialization program. *Methods*: comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results*: the analysis

© Казберов П. Н., 2022

of organizational and legal aspects and law enforcement practice has shown that the available methods and techniques of psychodiagnostic and psychocorrective work are used by practitioners without taking into account the diversity of individual and personal characteristics of this category of convicts. Effective resocialization of convicts for extremism and terrorism-related crimes from the moment they are quarantined in a correctional institution requires that the psychologist together with the convict construct a common semantic space, maintain and transform it. *Conclusions*: building effective communication with a person convicted of terrorism and extremism-related crimes in order to conduct psychodiagnostic and psychocorrectional work, it is necessary to use an algorithm to identify deterrent and provoking factors of destructive behavior with the exclusion of formal attitudes, taking into account the main difficulties and typical mistakes in working with this category of persons.

Keywords: convicts; extremism and terrorism-related crimes; psychologist; penitentiary system; psychocorrection; algorithm; resocialization.

5.3.9. Legal psychology, psychological security.

For citation: Kazberov P.N. Building effective communication with persons convicted of terrorism and extremism-related crimes. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60). pp. 434–440. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.010.

Введение

В коммуникативной практике пенитенциарного психолога условием эффективного контакта является совместное построение партнерами общего смыслового пространства, его поддержание и преобразование.

Лица, осужденные за экстремистские и террористические преступления, остаются одной из наиболее сложных категорий в местах лишения свободы, работа с которой требует от психологов специфических знаний, умений и навыков [1; 3; 6; 9; 17].

Автору статьи принадлежит значительное количество публикаций, раскрывающих сведения о психологических особенностях и поведении лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления, полученные в результате ряда исследований, проведенных в 2013–2020 гг., а также собственного опыта работы с указанной категорией осужденных [3–7]. В рамках данной статьи обратимся к одному из аспектов указанной темы, а именно к вопросу выстраивания эффективной коммуникации с лицами, осужденным за террористические и экстремистские преступления.

Отметим, что в смысловой картине мира осужденных – сторонников радикальных религиозных идей приоритетными являются религиозные, а не правовые законы и нормы. Психодиагностика, проводимая психологом в карантине на первоначальном этапе, носит ознакомительный характер. Ее цель – максимальный охват всех прибывших. На этом этапе внимание психолога привлекают лица не только с явными психическими аномалиями (низкий интеллектуальный уровень, психопатические проявления, бросающиеся в глаза странности, необычные логические построения в речи, манера разговора и т. д.), но и высказывающие различные экстремистские идеи [11; 12; 14].

При установлении контакта с осужденным в ходе психодиагностической беседы психологу приходится решать ряд последовательных задач:

– снизить напряжение, тревогу осужденного, противостояние при взаимодействии (первом и последующих);

– оценить принадлежность осужденного к традиционным или радикальным религиозным идеям, выявить их содержание;

– зафиксировать суждения осужденного (радикальные по содержанию) для последующей психокоррекционной работы.

Анализ практики психологической работы показывает, что при взаимодействии психолога с данной категорией осужденных возможно возникновение ряда трудностей, причиной которых являются искаженные представления осужденного:

– работа с психологом воспринимается осужденным как то, что существуют сомнения в состоянии его психического здоровья [12];

– осужденный высказывает недоверие (негативное отношение) к психологу (обвиняют психолога в претензиях на знание души). Для смягчения отношения и установления контакта психолог в беседе с осужденным разъясняет роль, задачи и возможности его как специалиста [8; 11].

Вопрос необходимого времени для реализации плана ресоциализации осужденного решается индивидуально и варьируется по ряду факторов, начиная с учета знания осужденным русского языка, его способности к восприятию тестовых заданий (вопросов) и т. д.

Психодиагностическая беседа позволяет выявить личностные особенности осужденного за террористические и экстремистские преступления. Особо следует обратить внимание на излишнюю браваду, высокомерное отношение к сотрудникам исправительного учреждения, особенно со стороны впервые осужденных, явно проявляющееся оппозиционное отношение к представителям государственной власти, выкрики с экстремистским политическим и религиозным содержанием, наличие признаков депрессии или излишнего возбуждения, привычный наркотический сленг или явную имитацию уголовного жаргона (стремление, иногда на подсознательном уровне или по механизму подражания, приобщиться к криминальной субкультуре) и т. д. [2; 4; 5; 13; 16].

Представим алгоритм выявления сдерживающих и провоцирующих факторов деструктивного поведения лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления (далее – алгоритм) (рис.).

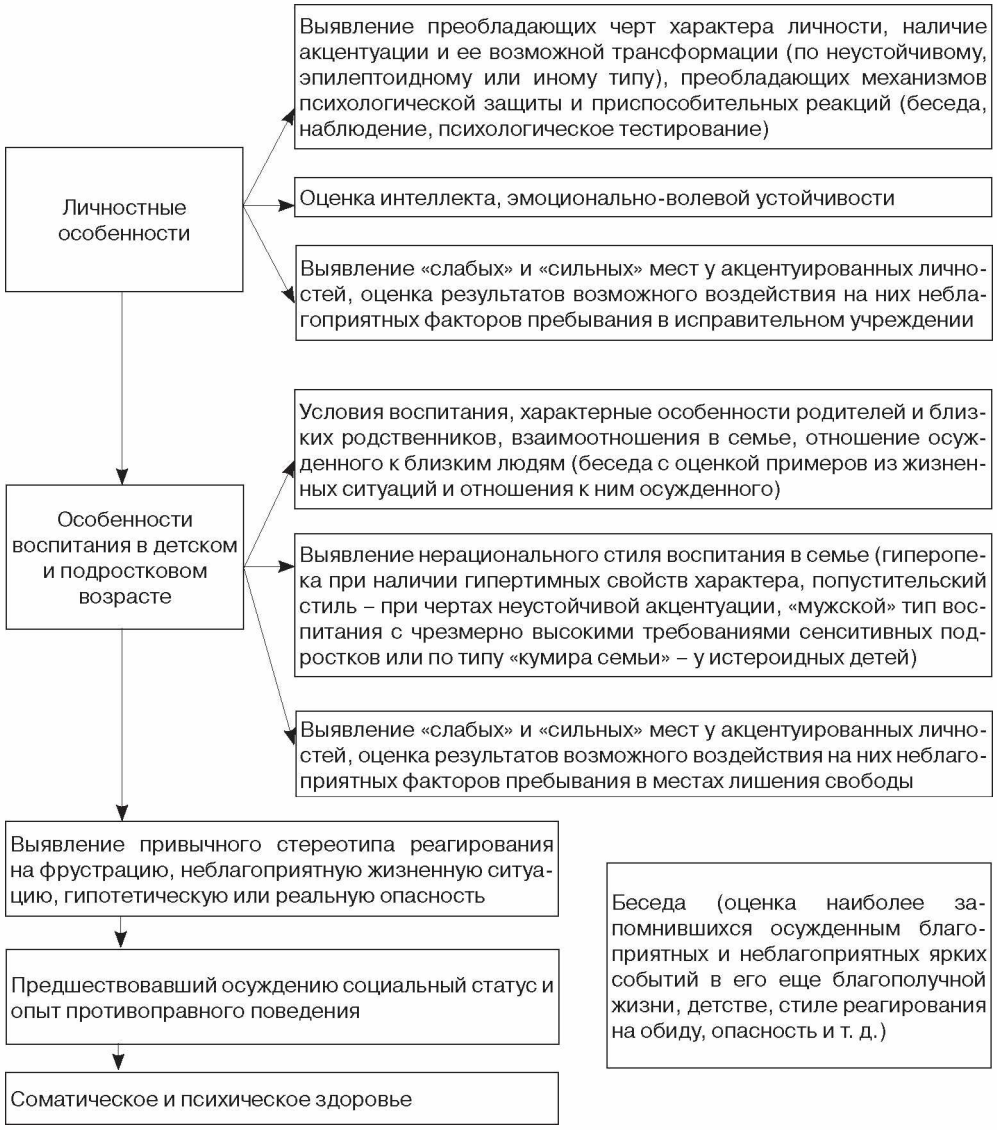

Рис. Алгоритм выявления сдерживающих и провоцирующих факторов деструктивного поведения осужденных, необходимых для оценки степени риска и вероятности их проявления

Использование данного алгоритма в практике работы пенитенциарных психологов позволяет составить общую картину поведенческих особенностей и оценить степень вероятности деструктивного поведения осужденных.

При изучении личных дел учитываются сведения, неформально характеризующие осужденного (членство в экстремистских и террористических организациях, религиозных сектах; повышенная конфликтность, выводы судебно-психиатрической экспертизы, необычные обстоятельства совершения преступления) [4; 6; 8; 10]. Особого внимания заслуживают лица, впервые осужденные, воспитывавшиеся или жившие в благополучных условиях и имевшие хорошие жизненные перспективы (повышенная опасность реактивных состояний, связанная с неожиданным «падением вниз», и проблем в адаптационный период), а также лица, категорически не признающие за собой никакой вины, явно акцентированные на несправедливости, допущенной в отношении их (срывающиеся голосовые интонации при обсуждении болезненной для них темы, слезы, другие ярко окрашенные эмоциональные проявления).

С целью получения максимального объема информации в условиях дефицита времени возможно сочетать групповые (опрос, анкетирование, тестирование, наблюдение за процессом заполнения анкет и стимульного материала анкет с выявлением лиц, отличающихся чем-то от остальных осужденных либо явно старающихся быть как все) и индивидуальные методы диагностической работы (беседа, наблюдение в ходе беседы).

Ознакомление с осужденным во время его пребывания в карантинном отделении важно потому, что человек, только что прошедший этапы ареста, предварительного, досудебного расследования и судебного разбирательства, находившийся под стражей достаточно длительный период и прибывший для отбывания наказания в незнакомое для него исправительное учреждение, как показывает практика

психологической работы, находится в состоянии повышенной тревоги, хронически протекающего стресса, нервного ожидания и неопределенности своего будущего. Исключение, вероятно, составляют лишь те осужденные, для которых пребывание в пенитенциарных учреждениях привычней, чем на свободе, а также криминальные лидеры, заранее ожидающие для себя особых привилегий. Естественно, указанные выше факторы выделены условно и не являются исчерпывающими [1; 11; 12; 15].

Предварительная информация принимается к сведению, уточняется, не определяет отношение специалиста к обследуемому, а тем более не влияет на сделанные им заключения и выводы. Некоторые опытные психологи, хорошо владеющие методом беседы, нередко вообще предпочитают работать с чистого листа, чтобы создать свое, незамутненное представление о человеке, а лишь затем знакомятся с имеющимися в личном деле документами.

Личный опыт работы автора с осужденными рассматриваемой категории, анализ практики деятельности пенитенциарных психологов, а также опыт разработки и внедрения методического обеспечения этой работы подсказывает, что беседу не стоит начинать с вопросов об уголовно-правовой характеристике совершенного преступления. Подобные вопросы лишь приводят к ненужной потере времени и не отвечают целям обследования. Целью первой беседы при проведении психокоррекциионной работы является составление общего впечатления о конкретном человеке, оценка его текущего психоэмоционального состояния, составление прогноза поведения, а также определение того, что относится к сильным и слабым сторонам его характера.

Целесообразнее дать осужденному самому высказаться (если он действительно готов к этому и имеет наболевшую потребность), задать ему вопросы о нем самом, его семье, прежней работе, планах на будущее и т. д. [16, с. 436–440].

Это, во-первых, снимает накопившееся раздражение и реализует потребность исповедоваться (в нерелигиозном смысле), в позитивной коммуникации и желании получить если не одобрение и сочувствие, то хотя бы понимание. Давать оценку рассказанному, тем более морализировать (рассказчик сам может сделать выводы, без принуждения его к озвучиванию их) на данном этапе общения контрпродуктивно. Лучше переспросить осужденного об отдельных моментах, давая ему понять, что его внимательно выслушали.

Во-вторых, дает возможность оценить уровень социализации осужденного до заключения под стражу, выяснить положительные и негативные факты характера взаимоотношений с близкими родственниками, степень и возможности их поддержки в сложный для осужденного момент. Этим достигается актуализация антисуицидальных факторов, внушение осужденному чувства ответственности за значимых для него лиц либо своевременное выявление моментов, способных спровоцировать деструктивное поведение.

В-третьих, сведения о трудовой деятельности (образование, трудовой опыт и навыки, уровень жизни и др.) с высокой степенью достоверности позволяют судить об адаптационных возможностях, уровне конфликтности во взаимоотношениях с окружающими, потенциальном внутреннем ресурсе, возможных проблемах ресоциализации.

В-четвертых, упоминание о планах на будущее, о которых осужденные обычно говорят неохотно, имеет целью активизировать антидеструктивные факторы, стимулирует мысли о будущем уже с первых дней пребывания в исправительном учреждении, отвлекает от мыслей о прошлом, в том числе связанных с психотравмирующими обстоятельствами, и настоящем.

Иными словами, психокоррекционное воздействие начинается уже при первой беседе. В ходе беседы с осужденным также стоит избегать дискуссий на политические и религиозные темы, а тем более вступать в спор и пытаться доказывать свою правоту.

В ходе беседы учитывается интеллектуальный уровень опрашиваемого, уровень владения им русским языком.

Часто имеют место ситуации, когда осужденный категорически не желает общаться с психологом. В этом случае действенным является следующий прием. Психолог наблюдает и описывает текущее состояние осужденного: «Осужденный К. при предварительной беседе заполнять бланки и отвечать на вопросы отказался без высказывания каких-либо мотивов (либо указывается высказанный им мотив). Сидит на стуле, потупив голову, плечи опущенные, взгляд устремлен в одну точку (описывается текущее депрессивное состояние)» либо «Осужденный Б. при предварительной беседе заполнять анкету и отвечать на вопросы отказался, высказав негативное отношение к проводимому обследованию. Поза напряженная, взгляд враждебный, полупрезрительная улыбка (описание оппозиционного отношения)». Скорее всего, видя поведение психолога, осужденный спросит: «Что же такое вы обо мне записываете? Я ничего не говорил». Возможно спокойно зачитать осужденному записанное и спросить, с чем он не согласен, а это уже начало диалога.

Опыт общения с психологами подсказывает, что в процессе работы с осужденными они проявляют стремление уличить последних, найти противоречие в сообщаемых ими фактах с немедленным озвучиванием этих несовпадений. Важно понимать, что психолог не является судьей или следователем. Его цель не в установлении истины, а в оценке трактовки собеседником тех или иных событий, как он стремится себя показать, какими способами этого достигает, как говорит, какие переживания стремится скрыть, меняются ли при этом мимика и иные внешние маркеры (процесс называется «калибровка внутреннего состояния»), зачем это делает и т. д. В беседе с психологом осужденный, как правило, искажает не менее двух третей даваемой информации: стремится показать себя с лучшей стороны, демонстративно оппозиционирует себя, стремится найти самооправдание совершенным поступкам, пытается в свою очередь манипулировать специалистом и даже развлекается [9, с. 585–590]. Это естественно, и не имеет смысла

вступать в дискуссию, нередко искусственно спровоцированную.

При последующих встречах, уже более целенаправленных, уточняются вновь возникшие вопросы, обсуждается индивидуальное участие осужденного в реализации программы психокоррекционной работы (получается его согласие, объясняется ее суть и т. д.), осуществляется процесс фасилитации.

Желательно, чтобы психолог объяснил осужденному, не задавая вопросов о совершенном преступлении, что профессиональные цели его работы связаны в первую очередь со стремлением помочь человеку разобраться с самим собой, найти приемлемые объяснения поступкам и т. д. Подчеркнуть, что психолог не решает за клиента его проблемы, но, пользуясь профессиональными знаниями, может приблизить его к пониманию сложной жизненной ситуации, выявить скрытые в человеке ресурсы, которые помогут ему в жизни. Угрожать за отказ от работы с психологом тем, что будет сделана запись об отказе осужденного участвовать в проводимой с ним воспитательной работе с соответствующими последствиями, непрофессионально и безграмотно.

При работе с лицами, осужденными за экстремистские и террористические преступления, связанные с религиозными причинами, достаточно эффективным является привлечение к совместной работе служителей культа. В то же время психолог должен иметь общее представление о сути религиозного мировоззрения, исповедуемого осужденным, чтобы понять:

– действительно ли религиозен его клиент или религия служит лишь внешним прикрытием для оправдания неблаговидных поступков;

– если религиозный аспект занимает важное значение в жизни осужденного, то можно ли использовать положительные моменты религиозного учения, которые помогут осознать ошибочность прежних представлений.

Целью беседы, касающейся религиозных представлений, не может быть теологический диспут. Психологу важно лишь посеять сомнения в корректности делаемых осужденным выводов в рамках определенного религиозного учения (его радикального варианта толкования), заставить задуматься. Остальное относится к ведению священнослужителя.

Заключение

Психофизиологические ресурсы человеческого организма не безграничны, поэтому длительный период психоэмоционального напряжения всегда завершается периодом истощения, астенизации (отсюда некоторые проблемы адаптационного периода). Именно в таком состоянии человек наиболее полно раскрывает себя, отличается повышенной внушаемостью и ждет моральной поддержки, чем и пользуются неформальные лидеры из числа осужденных. Они, не имея психологического образования, достаточно успешно проводят свою «психологическую» работу, вербуя с первого дня вновь прибывших в учреждение лиц.

Чем раньше человек, попавший в сложные жизненные обстоятельства, получит определенную долю сочувствия и поддержки, необходимую информацию, тем больше он будет испытывать признательность и доверие к психологу. В этом основа психологического воздействия с целью как профилактики нежелательных проявлений, исправления и воспитания, так и манипулятивного подчинения своему влиянию. Это, казалось бы, простое положение далеко не всегда понятно сотрудникам пенитенциарной системы, как показывает практика инспекторских проверок территориальных органов ФСИН России.

Наиболее эффективным вариантом психокоррекционного воздействия является работа, опирающаяся на заранее определенную цель, учитывающую текущую ситуацию, интеллектуальный уровень и психоэмоциональное состояние осужденного, а также использующая предварительную информацию, полученную из различных источников (личного дела, материалов предыдущего обследования, тестирования, анкетирования, отдельных оценочных высказываний об осужденном со стороны других осужденных, сотрудников, реакций самого осужденного на подобные реплики и т. д.).

Цель и задачи выстраивания первичной и последующих встреч с осужденным за преступления экстремистского и террористического характера с учетом его индивидуально-личностных особенностей целесообразно реализовывать с учетом представленного алгоритма. Также в процессе первоначальной психокоррекции важно указать на разницу в психологической, психиатрической и иных видах помощи осужденным. Разъяснить осужденному, что для религиозного человека важно знать, в какой мере психология соответствует нормам религии, показать ему, что цель психологии – помочь людям выбраться из сложных ситуаций и в целом научиться быть мудрее и жить в гармонии с самим собой и окружающим миром, а многие психологические постулаты вытекают из духовных учений.

Личный профессиональный опыт автора публикации, как и опыт взаимодействия с коллегами, определяет, что именно недооценка первой психодиагностической беседы, ее формальное проведение, а также недостаточный учет личностных характеристик лиц, осужденных за терроризм и экстремизм, – это достаточно распространенный случай в практике работы пенитенциарных психологов. Есть все основания полагать, что превенция таких недочетов при коммуникации с рассматриваемой категорией осужденных позволит пенитенциарному психологу успешнее создать общее смысловое пространство с осужденными в рамках первого общения, а также в дальнейшем процессе их исправления и ресоциализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бовин, Б. Г. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам / Б. Г. Бовин, И. Б. Бовина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 227–246.

2. Витюк, В. В. Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) / В. В. Витюк // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология мирных разрешения. – Вып. 4. Терроризм. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – С. 50–55.
3. Казберов, П. Н. Методические особенности психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность / П. Н. Казберов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 3. – С. 19–21.
4. Казберов, П. Н. О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе / П. Н. Казберов // Психология и право. – 2013. – № 2. – С. 110–120.
5. Казберов, П. Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность / П. Н. Казберов // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 61–66.
6. Казберов, П. Н. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера / П. Н. Казберов, Б. А. Спасенников, В. В. Тюньков // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 6. – С. 921–931.
7. Казберов, П. Н. Психологический профиль террориста / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин, А. А. Фасоля // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 141–157.
8. Марьин, М. И. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / М. И. Марьин, Ю. Г. Касперович. – Москва : Академия, 2007. – 208 с.
9. Музычук, Т. Л. Предупреждение противоправных действий сотрудников пенитенциарной системы, работающих с осужденными, содержащимися в запираемых помещениях / Т. Л. Музычук, С. В. Кулакова, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 585–594.
10. Новиков, В. В. Многообразие экстремизма. К вопросу о рамках определений / В. В. Новиков, С. В. Кулакова, Я. Н. Полякова // Религии и экстремизм. Способы и методы противодействия религиозному экстремизму в местах лишения свободы : сборник материалов межведомственного межвузовского круглого стола с международным участием. – Москва : НИИ ФСИН России, 2017. – С. 121–123. – ISBN 978-5-9632-0097-1.
11. Оганесян, С. С. Проблемы противодействия религиозному экстремизму и пути формирования веротерпимости в местах лишения свободы / С. С. Оганесян, А. Ш. Габараев, Ф. И. Ушков, О. Г. Годованец. М. : НИИ ФСИН России, 2017. – 168 с. – ISBN 978-5-9632-0115-2.
12. Сочивко, Д. В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии / Д. В. Сочивко // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 2. – С. 8–18.
13. Хабриев, Р. У. Смертность от внешних причин у лиц группы риска / Р. У. Хабриев, Л. Ф. Пертли, Б. А. Спасенников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 4–8.
14. Doosje, B. Van den Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Unicertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat / B. Doosje, A. Loseman, K. Bos // Journal of Social Issues. – 2013. – Vol. 69, no. 3. – Pp. 586–604.
15. Doosje, B. Terrorism, radicalization, and de-radicalization / B. Doosje, F. M. Moghaddam, A. W. Kruglanski // Current Opinion in Psychology. – 2016. – No. 11. – Pp. 79–84.
16. Hogg, M. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership / M. Hogg, J. Adelman // Journal of Social Issues. – 2013. – Vol. 69, no. 3. – Pp. 436–454.
17. Williams, K. S. Textbook on Criminology / K. S. Williams. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. – 680 p.

REFERENCES

1. Bovin B.G., Bovina I.B. Involvement in terrorist activities in Russia and in the world: from psychological to socio-psychological factors. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika=RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 227–246. (In Russ.).
2. Vityuk V.V. Some problems of terrorism in the aspect of modern conflict situations (considerations of terrorologists). In: *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologiya mirnykh razresheniya. Vyp. 4. Terrorizm* [Social conflicts: expertise, forecasting, technology of peaceful resolution. Issue 4. Terrorism]. Moscow: Editorial URSS, 2003. Pp. 50–55. (In Russ.).
3. Kazberov P.N. Methodical features of psychocorrectional work with prisoners serving sentences for terrorist and extremist activities. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Penal System: Law, Economics, Management*, 2013, no. 3, pp. 19–21. (In Russ.).
4. Kazberov P.N. The need to counter extremist terrorist manifestations in society and in the penal system. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law, 2013, no. 2, pp. 110–120. (In Russ.).
5. Kazberov P.N. Features of psychological work with convicted persons for terrorist and extremist activities. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2013, no. 4, pp. 61–66. (In Russ.).
6. Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyun'kov V.V. Specific personality characteristics of prisoners convicted for terrorism and extremism crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 921–931. (In Russ.).
7. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Terrorist's psychological profile. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. (In Russ.).
8. Mar'in M.I., Kasperovich Yu.G. *Psikhologicheskoe obespechenie antiterroristicheskoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Prevention of illegal actions of employees of the penitentiary system working with convicts living in locked rooms]. Moscow: Akademiya, 2007. 208 p.
9. Muzychuk T.L., Kulakova S.V., Spasennikov B.A Prevention of criminal behavior of prison officers working with convicts held in lockable premises. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 585–594. (In Russ.).

10. Novikov V.V., Kulakova S.V., Polyakova Ya.N. The diversity of extremism. On the question of the framework of definitions. In: *Religii i ekstremizm. Sposoby i metody protivodeistviya religioznomu ekstremizmu v mestakh lisheniya svobody: sbornik materialov mezhvedomstvennogo mezhvuzovskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem* [Religions and extremism. Methods and methods of countering religious extremism in places of detention: collection of materials of the interdepartmental interuniversity round table with international participation]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2017. Pp. 121–123. (In Russ.). ISBN 978-5-9632-0097-1.
11. Oganesyan S.S., Gabaraev A.Sh., Ushkov F.I., Godovanets O.G. *Problemy protivodeistviya religioznomu ekstremizmu i puti formirovaniya veroterpimosti v mestakh lisheniya svobody* [Problems of countering religious extremism and ways of forming religious tolerance in places of deprivation of liberty]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2017. 168 p. ISBN 978-5-9632-0115-2.
12. Sochivko D.V. The problem of methodology of applied (legal) psychology. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2011, no. 2, pp. 8–18. (In Russ.).
13. Khabriev R.U., Pertli L.F., Spasennikov B.A. The mortality from external causes in individuals at risk. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny=The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 4–8. (In Russ.).
14. Doosje B., Loseman A., Bos K. Determinants of radicalization of Islamic youth in the Netherlands: personal uncertainty, perceived injustice, and perceived group threat. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 586–604.
15. Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W. Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016, no. 11, pp. 79–84. (In Russ.).
16. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-identity theory: extreme groups, radical be-havior, and authoritarian leadership. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 436–454.
17. Williams K.S. *Textbook on Criminology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 680 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, mr.kazberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2233-0230

PAVEL N. KAZBEROV – Candidate of Sciences (Psychology), Leading Researcher at the Center for the Study of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, mr.kazberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2233-0230

Статья поступила 04.07.2022

Научная статья
УДК 377:34(479.25+470)
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.011

Некоторые проблемы современного юридического образования в Республике Армении и Российской Федерации

СЕРЖИК СЕРГЕЕВИЧ АВЕТИСЯН
Кассационный суд Республики Армении, Ереван, Республика Армения
Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения
армянское представительство региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», Ереван, Республика Армения
avetisyanserj@mail.ru

АДЕЛИНА АРМЕНОВНА САРГСЯН
Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения, adelina-sargsyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2874-9676

Реферат

Недостатки современной системы высшего образования актуализируют важность обеспечения качественного юридического образования, способного обеспечить подготовку конкурентоспособных и востребованных юристов. Пробельность нормативно-правовой базы, отвечающей современным реалиям, в части правового регулирования юридического образования, частичная несогласованность основных образовательных программ и учебных планов высших учебных заведений, требования федерального государственного стандарта высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция», отсутствие законодательного регулирования вопроса о возможности обучения в магистратуре лиц без базового юридического образования, недостаточная профессиональная подготовка преподавательского состава, превалирование теоретической части подготовки юристов над практической составляющей образуют совокупность факторов, в целом снижающих эффективность подготовки и выпуска профессиональных кадров. *Целью* исследования является выявление совокупности факторов, в том числе законодательных пробелов, отрицательным образом сказывающихся на развитии современного юридического образования в Республике Армении и Российской Федерации, а также определение основных перспектив его развития в соответствии с мировыми стандартами и потребностями потенциальных работодателей. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частно-научные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Выводы:* анализ нормативно-правовых, а также соответствующих локальных актов Российской Федерации, Республики Армении и других стран СНГ свидетельствует об отсутствии в настоящее время в большинстве высших учебных заведений превалирования практической составляющей подготовки юристов над теоретической, что, соответственно, требует скорейшего разрешения. Основные тенденции развития юридического образования в странах СНГ, успешная мировая практика и мировые стандарты высшего юридического образования обусловливают необходимость расширения процессов цифровизации при подготовке юристов, усиления компетентности будущих юристов в вопросах правового обеспечения информационной безопасности. Модернизация современного юридического образования должна носить непрерывный характер, учитывать потребности мирового рынка. Представляется важным развитие национальной стратегии совершенствования юридического образования, разработка локальных актов в высших учебных заведениях, регламентирующих вопросы цифровизации юридического образования. Важное значение приобретает повышение цифровой грамотности и компетентности профессорско-

© Аветисян С. С., Саргсян А. А., 2022

преподавательского состава и обучение этим навыкам будущих юристов в целях достижения их востребованности. Также актуальным выступает вопрос о реализации права осужденных на получение юридического образования.

Ключевые слова: высшее образование; цифровизация; юридическое образование в Российской Федерации и Республике Армении; инновации; образовательный процесс; качество юридического образования.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Аветисян С. С., Саргсян А. А. Некторые проблемы современного юридического образования в Республике Армении и Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 441–449. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.011.

Original article
UDC 377:34(479.25+470)
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.011

Some Problems of Modern Legal Education in the Republic of Armenia and the Russian Federation

SERZHIK S. AVETISYAN
Cassation Court of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia
Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Yerevan, Republic of Armenia
avetis-yanserj@mail.ru

ADELINA A. SARGSYAN
Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2874-9676

Abstract
Shortcomings in the modern higher education system actualize the importance of providing high-quality legal education capable of training competitive and in-demand lawyers. The lack of a regulatory framework that meets modern realities in terms of legal regulation of legal education, partial inconsistency of the main educational programs and curricula of higher educational institutions, requirements of the federal state standard of higher education in the field of training "Jurisprudence", the lack of legislative regulation of the possibility for persons without a basic legal education to take master's courses, insufficient professional training of teaching staff; the predominance of the theoretical part of training of lawyers over the practical component forms a set of factors that generally reduce the effectiveness of the training of professional personnel. The *purpose* of the study is to identify a combination of factors, including legislative gaps, negatively affecting the development of modern legal education in the Republic of Armenia and the Russian Federation, as well as to determine key prospects for its development in accordance with international standards and the needs of potential employers. *Methods*: comparative-legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private-scientific methods: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Conclusions*: the analysis of normative-legal, as well as relevant local acts of the Russian Federation, the Republic of Armenia and other CIS countries indicates that at present in most higher educational institutions the practical component of the training of lawyers prevails over the theoretical one, which, accordingly, requires a speedy resolution. The main trends in the development of legal education in the CIS countries, successful world practice and world standards of higher legal education necessitate the expansion of digitalization processes in the training of lawyers, strengthening the competence of future lawyers in matters of legal information security. The modernization of modern legal education should be continuous, taking into account the needs of the world market. It is crucial to develop a national strategy for improving legal education and elaborate local acts in higher educational institutions regulating the issues of digitalizing legal education. It is of great importance to increase the digital literacy and competence of the teaching staff and train future lawyers in these skills in order to boost demand for them. Realization of convicts' right to receive legal education is also relevant.

Keywords: higher education; digitalization; legal education in the Russian Federation and the Republic of Armenia; innovation; educational process; quality of legal education.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Avetisyan S.S., Sargsyan A.A. Some problems of modern legal education in the Republic of Armenia and the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 441–449. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.011.

Введение

Одним из важнейших конституционных прав граждан, являющимся одновременно залогом развитого государства, выступает право на образование. В контексте надлежащего функционирования правового государства важное значение приобретает вопрос юридического образования граждан и подготовки квалифицированных кадров. Анализ действующего законодательства в области образования Российской Федерации, Республики Армении и других стран СНГ и непосредственно практики свидетельствует о необходимости дальнейших изменений, направленных на совершенствование качества юридического образования, от которого напрямую зависят устойчивое развитие и функционирование государства и общества в условиях глобализации. Именно повышение качества юридического образования выступает предпосылкой развития правового государства.

О значимости юридического образования свидетельствует также Указ Президента Российской Федерации от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации», в котором среди прочих вопросов отмечается необходимость «обеспечения разработки и общественного обсуждения федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) ''Юриспруденция'', предусматривающих увеличение объема практической части основной образовательной программы высшего профессионального образования, а также формирования у обучающихся нетерпимости к коррупционному поведению и уважительного отношения к праву и закону».

Следует также отметить актуальность развития цифровой компетентности юристов. Цифровые компетенции формируют как цифровой, так и социальный цифровой капитал работника [12]. Введение информационно-коммуникационных технологий в различные сферы деятельности человека, по оценке специалистов разных отраслей, становится основой развития цивилизации на современном этапе [3]. В стремительно развивающуюся эпоху цифровизации уместной представляется некоторая оптимизация образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция». Научно-технический прогресс, использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в различных сферах деятельности человека предъявляют новые требования к подготовке будущих специалистов в условиях информатизации образования [2, с. 178]. По мнению Н. И. Рыжовой и Д. А. Соколова, «сегодня в рамках подготовки современного специалиста фактически любого профиля отчетливо просматривается необходимость формирования как информационной, так и правовой компетентности, причем в их тесной взаимосвязи, и поэтому, на наш взгляд, наиболее актуально говорить о формировании информационно-правовой компетентности специалиста» [10].

Основная часть

Цифровые компетенции будущего юриста

Стремительное внедрение информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества, совершенствование возможностей искусственного интеллекта еще более актуализируют вопрос о формировании у выпускников спектра цифровых компетенций. Особенно востребованной в условиях цифровизации экономики является деятельность IT-юристов, специализирующихся на вопросах юридического сопровождения деятельности юридических и физических лиц.

Отдельно следует обратить внимание на формирующуюся профессию юристов-технологов [17]. В числе отдельного направления повышения качества юридического образования необходимо выделить превалирование практической направленности подготовки юристов. Анализ зарубежной практики позволяет заключить, что в большинстве иностранных университетов преобладает практическая часть над теоретической, чего нельзя с уверенностью сказать об отечественной системе юридического образования. К слову, в австралийских юридических школах обычно предполагается, что юридические дисциплины будут преподаваться в практической, ориентированной на студентов активной манере [14]. Отмечается, что повысить уровень подготовки юристов необходимо в области ведения переговоров и собеседования с клиентами. Важно, чтобы студенты-юристы чувствовали себя юристами с самого начала своего юридического образования [18].

Цифровая трансформация образования, в том числе высшего юридического, предполагает поиск наиболее эффективных методик преподавания права и их внедрения в образовательный процесс. На наш взгляд, свою эффективность показал такой прием, как активное использование видеокейсов на семинарских занятиях. Зарубежные авторы также отмечают необходимость широкого интегрирования цифровых учебных материалов в образовательный процесс, в частности просмотра видеозаписей реальных показаний либо процессов судебных заседаний [16].

Несомненно, юридическая профессия нуждается в значительной модернизации, чему, собственно, способствует цифровизация юридического образования. Мировая практика, новейшие мировые стандарты, вызовы цифровизации наталкивают на двойственную мысль: с одной стороны, приходится констатировать консервативность права, с другой – его гибкость, динамичность, в результате чего преподавание права может и должно адаптироваться под нынешние цифровые реалии. Цифровая реальность требует от современного юриста наличия навыков обеспечения информационной безопасности (кибербезопасности), компетентности в области ис-

пользования искусственного интеллекта в различных сферах, владения различными цифровыми криминалистическими технологиями и т. д. Так, например, в правовых отделах Сбербанка является обязательным прохождение обучения по искусственному интеллекту, BigData и digital-навыкам, а некоторые сотрудники правового департамента пошли дальше и уже обучаются программированию на Python [15].

Сотрудничество с ведущими IT-компаниями может быть полезным и с точки зрения привлечения их к процессу по внесению изменений и корректив в учебные планы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры с учетом профессиональных компетенций.

В Республике Армении принято постановление правительства относительно процессов цифровизации, в то же время полагаем целесообразным и принятие отдельного решения (концепции/стратегии) в области цифровизации и конкретного плана действий по внедрению цифровых технологий в систему высшего образования, где в качестве структурного элемента необходимо выделить дорожную карту цифровизации юридического образования в Республике Армении с указанием наиболее востребованных цифровых компетенций современного юриста, а также требований, предъявляемых непосредственно к процессу преподавания с внедрением инновационных методов.

Также следует отметить, что на стадии общественного обсуждения находится представленная Министерством образования, науки, культуры и спорта Армении государственная программа развития сферы образования до 2030 г. (приложение постановления Правительства Республики Армении № 1363-А от 18.08.2021), в которой отмечается, что «развитие национальной системы образования, соответствующей региональным и мировым процессам, является нынешним императивом». Среди одного из основных направлений развития системы образования в контексте цифровизации указывается «стимулирование научных исследований с целью методического содействия преподавателям, оснащения их инновационными знаниями». Отмечается также планируемая дифференциация учебных программ, форм и методов организации образования, что, в частности, затронет и юридический блок.

В анализируемом контексте интересным представляется опыт Республики Беларусь, где успешно реализуется образовательно-просветительская программа «Цифровой куратор», которая помогает преподавателям ориентироваться в технологических и информационных инновациях, а также пользоваться цифровыми инструментами в учебном процессе.

Рассматривая страны постсоветского пространства, необходимо уделить внимание и опыту Республики Казахстан в решении проблемы цифровизации образования.

Так, с 2011 г. в Казахстане реализуется проект «e-Learning», нацеленный на обеспечение школьных и высших образовательных учреждений цифровым образовательным контентом для реализации дистанционного и смешанного видов обучения. Отличительная особенность такого контента состоит в интеграции мультимедийных, инфокоммуникационных и педагогических технологий [13].

Обращаясь к российской нормативно-правовой базе, следует отметить Перечень ключевых компетенций цифровой экономики, утвержденный приказом Минэкономразвития России в январе 2020 г., среди которых, в частности, коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде. Следует отметить положительные изменения в этом направлении, а именно то, что в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования на уровнях бакалавриата внесены цифровые компетенции. Так, например, в ФГОС ВО 3++ бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция закреплены следующие общепрофессиональные компетенции: способен целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности; способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности. Что касается непосредственно профессиональных компетенций, формируемых у студентов, то они определяются организациями самостоятельно, опираясь на соответствующие профессиональные стандарты. В связи с этим считаем необходимым активизировать процесс пересмотра в высших учебных заведениях перечня профессиональных компетенций с учетом их адаптации под условия стремительно развивающейся цифровой реальности и соответствия запросам потенциальных работодателей.

Во многих высших учебных заведениях на бакалавриате имеются курсы «Информационные технологии в юриспруденции», однако полагаем возможным предусмотреть спецкурс относительно непосредственно проблем цифрового (информационного) права.

Как отмечают П. С. Аветисяна и Н. С. Геворгян, «основой трансформации в инновационную образовательную среду являются оцифрование материалов, разработка новых программ и переработка имеющихся в связи с новой экономической картиной, а также включение онлайн-обучения, которое может иметь как смешанные формы обучения (совмещение онлайн лекций и офлайн семинарских занятий в университете), так и форму полноценных онлайн-курсов» [1, с. 498].

Несмотря на активную цифровую трансформацию образования, в том числе юридического, на данный момент не произошло изменений в требованиях, предъявляемых к профессорско-преподавательскому составу. Положения ст. 46 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в этом контексте остаются прежними: «правом на занятие педагогической деятельностью могут обладать лица, имеющие среднее профессиональное или высшее

образование и отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам». Полагаем, что необходимо дополнить действующую редакцию ст. 46 требованиями относительно цифровой компетентности профессорско-преподавательского состава.

В продолжение анализа компетенций, формируемых у выпускников направления подготовки «Юриспруденция», необходимо выделить такую общепрофессиональную компетенцию, предусмотренную федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования, как «Юридическая экспертиза – ОПК-3 – Способен участвовать в экспертной юридической деятельности в рамках поставленной задачи». Однако следует отметить, что преимущественно в учебных планах юридических факультетов различных высших учебных заведений отсутствуют дисциплины, прямо обеспечивающие формирование данной компетенции. Представляется целесообразным введение в учебные планы бакалавриата дисциплины, в рамках которой будут исследоваться вопросы, связанные с осуществлением юридической экспертизы проектов нормативно-правовых актов, договоров и др. Также полагаем необходимым в рамках функционирования при университетах научно-исследовательских центров предусмотреть оказание непосредственно экспертной помощи ведущими юристами-преподавателями при непосредственном вовлечении студентов с целью развития их практических навыков профессиональной деятельности.

К вопросу об обучении в магистратуре лиц без базового юридического образования

Важное значение в подготовке квалифицированных кадров по направлению «Юриспруденция» занимает вопрос о возможности обучения в магистратуре лиц без базового юридического образования. В системе подготовки юридических кадров в условиях повышенной конкурентности решающее значение приобретает оценка качества образования, его соответствия современным международным требованиям к квалификации специалистов [7]. Анализ федерального закона «Об образовании» позволяет констатировать отсутствие каких-либо препятствий для поступления в магистратуру по направлению подготовки «Юриспруденция» в связи со специальностью лица. Часть 3 ст. 69 устанавливает, что «к освоению программ магистратуры допускаются лица, имеющие высшее образование любого уровня». В то же время следует отметить ограничения для лиц, поступающих в ординатуру, что представляется, на наш взгляд, более разумным решением, исходя из необходимости подготовки квалифицированных кадров. Исследуемый вопрос имеет также непосредственно практический характер и является результатом многолетних наблюдений в процессе преподавательской деятельности в Российско-Армянском университете, на юридический факультет которого (программы магистратуры) ежегодно поступают лица без базового юридического образования. В университете проходят обучение по программам магистратуры лица, имеющие степень бакалавра по таким специальностям, как журналистика, психология, стоматология и др. Безусловно, это свидетельствует о востребованности юридической профессии. Сторонники действующего законодательного положения утверждают, что «магистерские программы не преследуют цели подменить собой и изучить с основ базовые курсы гражданского права, административного права, международного частного права, гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права и других правовых дисциплин» [6]. Отсутствие базового образования у лиц, поступивших в магистратуру в Российско-Армянский университет, некоторым образом восполняется наличием курса «Введение в право», который, однако, на наш взгляд, является недостаточным.

Качественное обучение по программам магистратуры требует наличия у студентов устойчивых знаний по базовым дисциплинам, что представляется затруднительным в анализируемом нами контексте. Совершенно верно отмечают Е. В. Дадаян и А. Н. Сторожева, что «степень магистра предусматривает более глубокое освоение теории по выбранному профилю и подготовку студента к научно-исследовательской деятельности по выбранному направлению» [4]. Учебными планами магистратуры юридического факультета Института права и политики Российско-Армянского университета «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право», «Юрист в сфере уголовного судопроизводства» предусмотрены такие дисциплины, как «Прокурорский надзор и судебный контроль за законностью ОРД», «Проблемы судебных гарантий досудебного производства», «Проблемы предварительного расследования», «Проблемы квалификации преступлений против жизни», «Проблемы квалификации преступлений против государственной службы», «Проблемы квалификации преступлений против собственности» и др. Возникает закономерный вопрос: каким образом достигается эффективность усвоения студентами магистратуры вышеотмеченных дисциплин без прохождения такой базовой дисциплины, предусмотренной учебным планом бакалавриата (дисциплина по выбору), как «Научные основы квалификации преступлений», или же обязательных дисциплин «Уголовное право», «Уголовный процесс» и др. Конституция Российской Федерации прямо закрепляет право на получение квалифицированной юридической помощи. Однако возникают сомнения по поводу того, насколько полно будет реализовано данное право в том случае, когда юридическая помощь будет оказываться специалистом без базового юридического образования. В связи с отмеченным полагаем целесообразным внести изменения в действующую редакцию ст. 69 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», установив обязательное требование наличия профильного (юридического) образования для поступления в магистратуру по направлению подготовки «Юриспруденция».

О данной проблеме отмечалось и в указе Президента России «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Феде-

рации», согласно которому новые государственные образовательные стандарты в области юриспруденции должны предусматривать увеличение объема практической части основной образовательной программы высшего профессионального образования. Справедливо отмечает профессор О. А. Зайцев, «что, несмотря на широкое использование юридических клиник в юридическом образовании, остается некая неудовлетворенность работодателей практическими навыками выпускников-юристов или существует дискуссия о такой неудовлетворенности» [5]. Важную роль играет использование возможностей, имеющихся непосредственно в самих университетах. Например, для студентов, специализирующихся в области уголовного и уголовно-процессуального права, полезным будет их вовлечение в деятельность кабинета криминалистики, действующего в университете (при наличии такового) с целью развития их практических навыков. Интересным и полезным представляется систематическое вовлечение наиболее активных студентов в деятельность юридического департамента, а также отдела кадров университета с целью оказания студентами помощи и содействия вузу в юридических вопросах.

Перспективным направлением является использование достижений современной криминалистической науки в образовательном процессе, свидетельством чему является разработка отдельных магистерских программ. В частности, на юридическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова не так давно запущена новая магистерская программа «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса». В то же время в Российско-Армянском университете с сентября 2022 г. реализуется магистерская программа «Криминалистика», материально-технической базой которой служит кабинет криминалистики университета.

В качестве еще одного важнейшего направления прогрессивного развития юридического образования и подготовки квалифицированных кадров необходимо отметить создание и функционирование при юридических факультетах высших учебных заведений научно-образовательных (учебно-исследовательских) центров. По справедливому замечанию Б. Е. Фишмана, «если говорить о научно-образовательных центрах (НОЦ), то считается, что их основное предназначение – быть интегратором научной и образовательной деятельности, готовить кадры в неразрывной связи с процессом исследований по важным научным направлениям. Вместе с тем такой центр может рассматриваться и как один из факторов развития вуза» [11, с. 115]. Научно-образовательный и исследовательский центр, действующий в структуре университета, может включать подразделения в зависимости от профильной направленности, каждое из которых будет иметь своего руководителя, определяющего наиболее приоритетные направления функционирования подразделения.

Образование лиц, осужденных к лишению свободы

Обращаясь к вопросу юридического образования, полагаем целесообразным в связи с возрастанием числа осужденных, желающих получить высшее юридическое образование, обратиться к вопросу о возможности такового с точки зрения как правовых, так и морально-этических норм. В настоящее время уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Республики Армении, а равно конституции отмеченных государств не предусматривают запрета относительно получения высшего образования осужденными. Более того, ст. 108 УИК РФ закрепляет положение, согласно которому «с учетом имеющихся возможностей администрация исправительного учреждения обязана оказывать содействие осужденным в получении высшего образования». В ст. 118 УИК Республики Армения отмечается, что «администрация уголовно-исполнительного учреждения принимает меры по организации формального образования осужденного по общеобразовательным, профессиональным и высшим образовательным программам (дистанционно, с частичной нагрузкой, дистанционно), а также неформального образования в установленном законодательством порядке». Следует отметить, что в Армении несколько лет назад имел место случай получения осужденным, приговоренным за совершение убийства к смертной казни (которая впоследствии была заменена пожизненным лишением свободы), юридического образования. Осужденный обучался по заочной форме в Российско-Армянском университете.

Закон Российской Федерации «Об адвокатуре» закрепляет, что «не вправе претендовать на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности лица:

1) признанные недееспособными или ограниченно дееспособными в установленном законодательством Российской Федерации порядке;

2) имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления».

Полагаем, что получение лицом, совершившим особо тяжкое преступление (тем более убийство), юридического образования повлечет за собой негативные последствия определенного рода, в числе которых, в частности, правовой нигилизм, дискредитация права.

Есть и противоположная точка зрения, согласно которой «ограничение в правах как в пределах срока судимости, так и за его пределами фактически отрицает возможность исправления осужденного, то есть государство признает неэффективность пенитенциарной системы, но вместо ее модернизации решает превратить всю жизнь человека в наказание» [9]. С отмеченным в определенной степени можно согласиться в контексте проведения в исправительных учреждениях ресоциализационных мероприятий, однако они, на наш взгляд, не должны идти вразрез с этическими представлениями и моральными требованиями, предъявляемыми к профессии юриста. Отмеченное отнюдь не стоит рассматривать в качестве проявления дискриминации. Подобная практика имеется, в частности, при ограничении осужденных в избирательных правах. Так, в 2015 г. в Республике Армении была принята новая конституция, одним из нововведений которой явилось изменение подхо-

да в ограничении избирательных прав осужденных. Так, ст. 48, регламентирующая избирательное право и право на участие в референдуме, в ч. 4 содержит следующее положение: «Не имеют права избирать и быть избранными, а также участвовать в референдуме лица, признанные недееспособными вступившим в законную силу решением суда, а также осужденные по вступившему в законную силу приговору суда за умышленные тяжкие преступления и отбывающие наказание».

В Республике Беларусь, например, к адвокатской деятельности не могут быть допущены лица, ограниченные или лишенные дееспособности, ранее совершившие умышленное преступление.

Подобный подход имеет место быть в практике США при рассмотрении кандидатур на допуск к сдаче экзамена на адвоката. «В США бывшему заключенному трудно, но не невозможно, в зависимости от преступления, стать практикующим адвокатом. Проблема заключается не в лишении свободы, а в преступлении, поскольку прием адвокатов осуществляется ассоциациями адвокатов штатов, и каждый из штатов имеет квалификацию в стиле "хорошего морального характера". Большинство преступлений предполагают некоторую степень преднамеренного правонарушения, но конкретная вещь, которую они ищут, – это моральная порочность, что в широком смысле означает быть плохим человеком. Практически любое преступление может быть оформлено как злой умысел и плохое суждение, потому что сам акт нарушения любого закона означает пренебрежение социальными правилами. Тем не менее некоторые обвинительные приговоры представляют большую проблему, чем другие, например, мошенничество и другие преступления, связанные с нечестностью, вымогательством, жестоким обращением с животными, убийством и нарушением фидуциарных или других обязанностей доверия» [8].

Полагаем, что возможность получения осужденными юридического образования следует ставить в зависимость от категории совершенного преступления, и нужно отмеченное положение закрепить на законодательном уровне.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции в развитии современного юридического образования, факторы, снижающие его эффективность, а равно очертить траекторию дальнейшего совершенствования деятельности по подготовке высококвалифицированных юристов наших стран. Автоматизация многих процессов юридической деятельности требует наличия у специалистов соответствующих навыков, формирование которых является на данный момент первостепенной задачей высших учебных заведений в контексте предоставления качественного юридического образования. Учитывая потребности потенциальных работодателей, мировые тренды в области юридического образования, представляется необходимым усиление практической составляющей подготовки юристов в высших учебных заведениях; внедрение новых программ магистратуры, а равно соответствующих специализированных дисциплин в учебные планы бакалавриата с целью развития и повышения цифровой грамотности и осведомленности будущих юристов; создание центров информационных технологий при университетах, занимающихся повышением квалификации преподавателей; сотрудничество университетов с ведущими IT-компаниями, что может оказать положительный эффект в процессе подготовки юристов, специализирующихся в области цифровых технологий. Важным направлением внедрения цифровизации в юридическом образовании является активное использование видеокейсов в образовательном процессе, распространение цифровых учебных материалов (судебные заседания, материалы конкретных уголовных и иных дел и др.), проведение небольших судебных процессов в юридических заведениях.

На законодательном уровне следует конкретизировать право осужденных на получение юридического образования и возможность их последующей деятельности в качестве юриста в правовой системе государства. На законодательном уровне предлагается также урегулировать вопрос относительно категории преступлений, при совершении которых у осужденного сохраняется свобода выбора специальности, в частности получения им юридического образования.

Эти и другие вышеотмеченные рекомендации могут способствовать дальнейшему повышению качества юридического образования и совершенствованию законодательства Республики Армении и Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аветисян, П. С. Свободная образовательная среда – основа человеческого капитала и взаимосвязи основных социальных сфер / П. С. Аветисян, Н. М. Геворгян // Экономика региона. – 2020. – Том 16. – Вып. 2. – С. 494–506.
2. Береснева, Е. В. Дидактические возможности современных информационных технологий в подготовке специалиста-химика / Е. В. Береснева, М. А. Зайцева, Р. В. Селезнев, М. М. Соломонович // Интеграция образования. – 2018. – Том 22, № 1. – С. 177–192.
3. Горбунова, Н. В. Цифровизация как приоритетное направление модернизации российского образования / Н. В. Горбунова. – Саратов : Саратов. соц.-эконом. ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. – 152 с. – ISBN 978-5-4345-0510-9.
4. Дадаян, Е. В. К вопросу о подготовке в магистратуре лиц, не имеющих базового юридического образования / Е. В. Дадаян, А. Н. Сторожева // Успехи современной науки. – 2016. – № 3, Том 1. – С. 33–36.
5. Зайцев, О. А. Направления совершенствования юридического образования / О. А. Зайцев // Государственная служба. – 2020. – Том 22, № 1. – С. 85–91.
6. Курочкин, С. А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство / С. А. Курочкин. – Москва : Инфотропик Медиа, 2013. – 260 с. – ISBN 978-5-9998-0174-6.

7. Матюшева, Т. Н. Повышение качества юридического образования в решении проблемы становления правового государства и гражданского общества / Т. Н. Матюшева // Современное право. – 2015. – № 11. – С. 68–72.
8. О трудовой реабилитации бывших осужденных // Закон.ру – первая социальная сеть для юристов : сайт. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/7/25/o_trudovoj_reabilitacii_byvshih_osuzhdennyh (дата обращения: 08.10.2022).
9. Остракизм в современных реалиях: поражение в правах лиц с погашенной или снятой судимостью. Пожизненный запрет на профессию // Праворуб. Профессиональное сообщество юристов и адвокатов : сайт. – URL: https://user572897.pravorub.ru/personal/80110.html (дата обращения: 08.10.2022).
10. Рыжова, Н. И. Информационно-правовая компетентность как основа для развития правовой культуры современного специалиста в условиях глобальной информатизации / Н. И. Рыжова, Д. А. Соколов // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 2. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=27481 (дата обращения: 08.10.2022).
11. Фишман, Б. Е. Научно-образовательный цент – инструмент развития университета / Б. Е. Фишман // Высшее образование в России. – 2015. – № 3. – С. 113–120.
12. Цифровизация экономических систем: теория и практика : монография / под редакцией А. В. Бабкина. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2020. – 796 с. – ISBN 978-5-7422-6931-1.
13. Электронное обучение : руководство по применению и внедрению в вузе / под редакцией О. Зубиковой и др. – Костанай : Центрум, 2016. – 147 с. – ISBN 978-601-7551-63-6.
14. Burns, K. Active Learning in Law by Flipping the Classroom: An Enquiry into Effectiveness and Engagement / Kylie Burns, Mary Keyes, Therese Wilson, Joanne Stagg-Taylor, Kate Van Doore // Legal Education Review. – 2017. – Vollume 27. – Issle 1. – URL: http://classic.austlii.edu.au/au/journals/LegEdRev/2017/9.pdf (дата обращения: 08.10.2022).
15. LegalTech и юристы будущего / Кондрашов И. и др. // Закон. – 2017. – № 11. – С. 20–36.
16. Legal education in the digital age / ed. by Edward Rubin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. – 253 p. – ISBN 1107012201, 9781107012202.
17. Modernising Legal Education. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 261 p. – ISBN 9781108475754.
18. Turner, J. Reasons why law students should have access to learning law through a skills-based approach / Juliet Turner, Alison Bone, Jeanette Ashton // The Law Teacher. – 2016. – Vollume 52, no. 1. – pp. 1–16.

REFERENCES

1. Avetisyan P.S., Gevorgyan N.M. Free educational environment as the basis of human capital and relationships between social sectors. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 494–506. (In Russ.).
2. Beresneva E.V., Zaitsev M.A., Selezenev R.V., Darovskikh L.V. et al. Didactic potential of modern information technologies in training a chemistry graduate. *Integratsiya obrazovaniya=Integration of Education*, 2018, vol. 22, no. 1. S. 177–192. (In Russ.).
3. Gorbunova N.V. *Tsifrovizatsiya kak prioritetnoe napravlenie moderniza-tsii rossiiskogo obrazovaniya* [Digitalization as a priority direction of modernization of Russian education]. Saratov: Saratov. sots.-ekonom. in-t (fil.) REU im. G.V. Plekhanova, 2019. 152 p. ISBN 978-5-4345-0510-9.
4. Dadayan E.V., Storozheva A.N. On the issue of training in the magistracy of persons who do not have a basic legal education. *Uspekhi sovremennoi nauki=Successes of Modern Science*, 2016, vol. 1., no. 3, pp. 33–36. (In Russ.).
5. Zaitsev O.A. Directions of improving legal education *Gosudarstvennaya sluzhba=Public Administrartion*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 85–91. (In Russ.).
6. Kurochkin S.A. *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh i treteiskoe razbiratel'stvo* [International commercial arbitration and arbitration proceedings]. Moscow: Infotropik Media, 2013. 260 p. ISBN 978-5-9998-0174-6.
7. Matyusheva T.N. Improvement of quality of legal education in solution of problem of lawful state and civil society formation. *Sovremennoe pravo=Modern Law*, 2015, no. 11, pp. 68–72. (In Russ.).
8. On the labor rehabilitation of former convicts. *Zakon.ru – pervaya so-tsial'naya set' dlya yuristov: sait* [Law.ru – the first social network for lawyers: website]. Available at: https://zakon.ru/blog/2021/7/25/o_trudovoj_reabilitacii_byvshih_osuzhdennyh (In Russ.). (Accessed October 8, 2022).
9. Ostracism in modern realities: defeat in the rights of persons with a cancelled or withdrawn criminal record. Lifetime ban on the profession. *Pravorub. Professional'noe soobshchestvo yuristov i advokatov: sait* [The truth-teller. Professional community of lawyers and advocates: website]. Available at: https://user572897.pravorub.ru/personal/80110.html (In Russ.). (Accessed October 8, 2022).
10. Ryzhova N.I., Sokolov D.A. Information and legal competence as a basis for development of the legal culture of the modern specialist in the conditions of global informatization. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*, 2018, no. 2. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=27481 (In Russ.). (Accessed October 8, 2022).
11. Fishman B.E. Research and education center as a mechanism for development of the university. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*, 2015, no. 3, pp. 113–120. (In Russ.).
12. *Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika: monografiya* [Digitalization of economic systems: theory and practice: monograph]. Ed. by Babkin A.V. Saint Petersburg: POLITEKh-PRESS, 2020. 796 p. ISBN 978-5-7422-6931-1.
13. *Elektronnoe obuchenie: rukovodstvo po primeneniyu i vnedreniyu v vuze* [E-learning: guidelines for application and implementation at the university]. Ed. by Zubikova O. et al. Kostanai: TOO "Tsentrum", 2016. 147 p. ISBN 978-601-7551-63-6.
14. Burns K., Keyes M., Wilson Th., Stagg-Taylor J. et al. Active learning in law by flipping the classroom: an enquiry into effectiveness and engagement. *Legal Education Review*, 2017, vol. 27, no. 1. Available at: http://classic.austlii.edu.au/au/journals/LegEdRev/2017/9.pdf (accessed October 8, 2022).
15.Kondrashov I. et al. LegalTech and lawyers of the future. *Zakon=Law*, 2017, no. 11, pp. 20–36. (In Russ.).

16. *Legal education in the digital age*. Ed. by Rubin E. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 253 p. ISBN 1107012201, 9781107012202.
17. *Modernising Legal Education*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 261 p. ISBN 9781108475754.
18. Turner J., Bone A., Ashton J. Reasons why law students should have access to learning law through a skills-based approach. *The Law Teacher*, 2016, vol. 52, no. 1, pp. 1–16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРЖИК СЕРГЕЕВИЧ АВЕТИСЯН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, профессор Российско-Армянского университета, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», Ереван, Республика Армения, avetisyanserj@mail.ru

АДЕЛИНА АРМЕНОВНА САРГСЯН – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, Ереван, Республика Армения, adelina-sargsyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2874-9676

SERZHIK S. AVETISYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, professor at the Russian-Armenian University, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminologists and Criminalists", Yerevan, Republic of Armenia, avetisyanserj@mail.ru

ADELINA A. SARGSYAN – Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2874-9676

Статья поступила 11.10.2022

Научная статья
УДК 316.61
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.012

Коммуникативная культура курсантов – будущих офицеров как основа эстетического отношения к профессиональной деятельности

ИРИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА ЧЕРЕМИСОВА
Академия ФСИН России, Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1085-3715

Реферат

Введение: в статье представлен анализ диссертационных исследований в рамках педагогической науки по проблеме формирования коммуникативной культуры курсантов на этапе высшего образования. *Цель:* на основе анализа диссертационных исследований последних лет в рамках педагогической науки по проблеме формирования коммуникативной культуры курсантов вузов силовых структур, военных вузов дать определение основных подходов к развитию личности будущего специалиста в данном направлении. *Методы:* в исследовании использовались методы теоретического, теоретико-прикладного качественного анализа, обобщения, сравнительный метод. *Результаты:* анализ диссертационных исследований позволил выявить основные педагогические условия развития коммуникативной культуры курсантов. Кроме того, определены наиболее важные и эффективные формы и методы работы с курсантами, теоретические позиции обоснования развивающих программ. *Выводы:* коммуникативная культура будущего офицера, соблюдение норм этики делового общения, принципов диалогического общения, ориентация на высшие общечеловеческие ценности способствуют эффективности профессиональной подготовки. Формирование культуры межнационального общения курсантов происходит на основе развития уважительного отношения ко всем участникам общения и взаимодействия, независимо от их национальной принадлежности. Это отношение должно быть основано на принципах диалогического общения, конструктивного делового взаимодействия, свободного от влияния культурных и этнических стереотипов, с учетом особенностей обычаев и традиций представителей разных национальностей и культур. Оценка будущим специалистом собственной деятельности, своего поведения с учетом эстетических критериев служит основой развития способности выбирать модели поведения, стили профессиональной деятельности, соответствующие лучшим национальным традициям, по законам гармонии и красоты.

Ключевые слова: коммуникативная культура курсантов; компоненты коммуникативной культуры; профессионально-коммуникативная деятельность; активные методы обучения; профессиональная компетентность преподавателя; эстетика профессионального общения; развитие личности курсанта; эффективность профессиональной подготовки; педагогические условия.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Черемисова И. В. Коммуникативная культура курсантов – будущих офицеров как основа эстетического отношения к профессиональной деятельности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 450–458. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.012.

Original article

Communicative Culture of Cadets – Future Officers as the Basis of Aesthetic Attitude to Professional Activity

IRINA V. CHEREMISOVA
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1085-3715

© Черемисова И. В., 2022

Abstract

Introduction: the article analyzes dissertation research on the problem of forming the communicative culture of cadets when receiving higher education. *Purpose:* based on the analysis of recent dissertation research (Pedagogy) on the problem of forming communicative culture of cadets studying at institutions of law enforcement and military orientation, to define key approaches to the development of the personality of a future specialist in this direction. *Methods:* theoretical, theoretical and applied qualitative analysis, generalization, comparative method. *Results:* the analysis of dissertation research reveals key pedagogical conditions for the development of the cadets' communicative culture. In addition, the most important and effective forms and methods of working with cadets, theoretical positions of justification of educational programs are determined. *Conclusions:* the communicative culture of a future officer, compliance with the norms of ethics of business communication, principles of dialogical communication, and orientation to the highest universal values boost effectiveness of professional training. The formation of the interethnic communication culture of cadets presupposes development of a respectful attitude towards all communication and interaction participants, regardless of their nationality. This attitude should be based on the principles of dialogical communication, constructive business interaction, free from the influence of cultural and ethnic stereotypes, taking into account the specifics of customs and traditions of representatives of different nationalities and cultures. The assessment by a future specialist of his/her own activity, his/her behavior, taking into account aesthetic criteria, serves as the basis for the development of the ability to choose behaviors, styles of professional activity that correspond to the best national traditions, according to the laws of harmony and beauty.

Keywords: communicative culture of cadets; components of communicative culture; professional and communicative activity; active teaching methods; professional competence of the teacher; aesthetics of professional communication; personal development of the student; effectiveness of professional training; pedagogical conditions.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Cheremisova I.V. Communicative culture of cadets – future officers as the basis of aesthetic attitude to professional activity. *Penitentiary Science,* 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 450–458. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.012.

Введение

Профессиональная подготовка будущих офицеров должна быть четко спланированной, целенаправленной и обеспечивать эффективное взаимодействие со всеми субъектами профессиональной деятельности в любой ситуации и обстановке. Исследователи отмечают, что кроме профессиональных знаний и умений будущий специалист должен обладать профессиональной культурой, в том числе культурой общения, коммуникативной культурой [1; 3; 6]. Однако на основе анализа практики подготовки будущих военных специалистов, сотрудников силовых структур исследователи утверждают, что формированию культурной личности курсанта с ценностным гуманистическим мировоззрением должного внимания не уделяется [1–4; 6; 12; 15]. Образовательные программы вузов ориентированы прежде всего на формирование коммуникативной компетентности, что, несомненно, является важной частью профессиональной подготовки будущего специалиста. Вместе с тем в работах многих ученых показано, что формирование коммуникативной культуры служит основой развития личности субъектов общения и взаимодействия [1; 6; 11; 16].

Подготовка на этапе высшего образования специалиста, способного выполнять на высоком уровне служебные задачи любой сложности, должна быть ориентирована на целостное развитие гармоничной, одухотворенной личности. Такой специалист сможет выстраивать профессиональное общение и взаимодействие, ориентируясь на эталоны, лучшие проявления этики общения в профессии, быту, общественной деятельности [2; 5; 9]. В современной этике гармония человеческих отношений трактуется как моральная, внутренняя красота.

В контексте данной статьи обращаем особое внимание на эстетический аспект профессионального общения (эстетику профессионального общения, взаимодействия и поведения), который в полной мере отражается в проблеме формирования коммуникативной культуры курсантов. В этой связи подчеркнем, что в сфере общения отражаются проявления эстетического отношения к профессиональной деятельности, при котором эстетические критерии связаны теснейшим образом с нравственными [2; 5; 9]. Красота поведения специалиста отражает проявление доброжелательности, уважение к человеческому достоинству, стремление к сотрудничеству [2; 5]. Эстетическое начало проявляется в культуре межличностного общения, способствует выстраиванию красивых отношений между людьми [5; 9]. Эстетические критерии в профессиональном общении предполагают корректность и функциональную упорядоченность отношений в процессе профессиональной деятельности, благоприятный психологический климат. Эстетичность профессионального общения проявляется в выборе оптимальных средств и способов коммуникации, культуре выражения чувств и эмоциональных состояний, отражении общечеловеческих ценностей и смыслов, способности к самоконтролю [5].

Проблема определения нравственных эталонов общения, отражающих коммуникативную культуру личности, находит воплощение в трудах ученых в рамках философии, психологии, социологии, психолингвистики, этнографии, медицины, педагогики, акмеологии [15].

Материалы исследования и результаты

Основная цель данного исследования – провести анализ диссертаций последних лет в рамках педагогической науки по проблеме формирования коммуникативной культуры курсантов вузов силовых структур, военных вузов для определения основных подходов к развитию личности будущего специалиста в обозначенном направлении. В данной статье обратим внимание на наиболее важные и эффективные, на наш взгляд, формы и методы работы с курсантами, теоретические позиции обоснования развивающих программ.

Коммуникативную культуру курсантов образовательных учреждений МВД России В. С. Романюк определяет как качество личности, которое интегрирует коммуникативные ценности, знания и опыт, проявляющиеся в ситуациях процессуального характера и позволяющие достигнуть взаимопонимания между субъектами правоохранительной деятельности [11]. В модели формирования коммуникативной культуры курсантов особое внимание он обращает на развитие профессионально значимых личностных качеств, важных для успешности профессионально-коммуникативной деятельности. В качестве основных педагогических условий формирования коммуникативной культуры курсантов В. С. Романюк определяет ситуации профессионального общения на различных занятиях, коммуникативные задачи, методы деловой игры, видеодемонстрации, максимально приближенные к реальной обстановке профессиональной деятельности; внеаудиторную работу при организации экскурсий, встреч с практическими работниками, пенсионерами МВД России, представителями СМИ; систему повышения квалификации преподавателей по данному направлению [11].

В свою очередь, Г. А. Анохина определяет следующие педагогические условия эффективного формирования коммуникативной культуры курсантов: оценка опыта коммуникативной деятельности курсантов, основанная на индивидуально-творческом и диалогическом подходе; осознание курсантом необходимости саморазвития коммуникативной культуры, знания о функциях и компонентах коммуникативной культуры специалиста; формирование установки на самоорганизацию, самодисциплину, саморазвитие, самоконтроль, саморегуляцию и соответствующих умений и навыков; формирование культурного компонента коммуникации, который включает систему форм, способов, норм, эталонов поведения при взаимодействии с другими людьми [3].

Коммуникативность Г. А. Анохина характеризует как профессионально значимое личностное качество специалиста органов внутренних дел, которое обнаруживается в профессионально-правовом общении и включает готовность к процессу общения с целью обмена значимой для участников взаимодействия информацией [3].

Коммуникативную культуру она определяет в качестве компонента профессиональной культуры курсанта, который представляет систему регулятивов, включающую общекультурные знания, умения и навыки общения, культуру речи, наличие определенных ценностных установок [3].

Коммуникативная культура, по определению В. С. Чернявской, – интегральное личностное качество, направленное на гуманность отношений [16]. В основе таких отношений лежит ориентация на общечеловеческие ценности, нравственная воспитанность, субъектность, коммуникативные знания, способность к диалогу. Умение выстраивать диалогическую коммуникацию исследователь определяет как характеристику наиболее высокого уровня коммуникативной культуры, а отражением высшего смысла коммуникации считает глубинность общения. Такое общение, по мнению В. С. Чернявской, демонстрирует ответственность будущего офицера, ориентацию на эмоциональный фактор, открытость позиции, принятие каждого человека как уникальности, ценности [16].

На занятиях по специальной образовательной программе с использованием активных методов обучения В. С. Чернявская рекомендует создавать развивающую атмосферу, которая характеризуется открытостью позиции педагога и направленностью на фасилитацию обучения. Для этого педагог в содержание обучения отбирает проблемы, значимые для курсантов, выстраивает субъект-субъектные отношения, демонстрирует конгруэнтность с обучающимися, положительное отношение к ним, эмпатию. Особое значение в работе по данному направлению исследователь придает профессиональной компетентности преподавателя [16].

Высокий уровень коммуникативной культуры, творческое отношение к своей работе педагога Е. В. Тимофеева считает основным условием формирования коммуникативной культуры курсантов средствами иностранного языка [15]. Исследователь отмечает, что во второй половине XX в. изменился характер общения людей, развернутые формы домашнего общения, домашние литературные чтения, через которые проходило развитие искусства общения, практически исчезли [15].

Проблема коммуникативной культуры офицера связана с происходящей в обществе переоценкой ценностей. Е. В. Тимофеева подчеркивает, что передовыми представителями военно-педагогической науки и общественности ценность личности выдвигается на передний план. Кроме того, она утверждает, что критерием развития человеческого в человеке может быть культура, определяющая его отношение к другим людям, нравственным и духовным ценностям, нормам поведения в труде, быту, межличностных отношениях. Е. В. Тимофеева выделяет два аспекта коммуникативной культуры: речевой (культура речи) и психологический (культура межличностных отношений) [15] .

В процессе формирования коммуникативной культуры курсантов она обращает внимание на практические задания, которые направлены на формирование режиссерских навыков организации процесса общения, техники убеждающего воздействия, развитие способности к внутреннему контролю, самообразованию [15].

С позиции В. Е. Акинтьевой коммуникативная культура представляется совокупностью коммуникативных умений и навыков, характеризующей степень ов-

ладения курсантом теорией и мастерством общения с личным составом, знанием правил и норм профессионального общения, умением управлять педагогической ситуацией, предотвращать конфликтную ситуацию и управлять ею [1]. Она выделяет компоненты коммуникативной культуры военного специалиста: мотивационно-ценностный (мотивация общения; мотивация овладения коммуникативными навыками и умениями; отношение к другим людям, товарищам, коллективу; потребность в общении); когнитивный (знания о роли коммуникативных качеств в профессиональной самореализации; знание стратегий и тактик взаимодействия, этикета; конфликтологические, речевые и языковые знания; знания индивидуальных особенностей личности); деятельностный (владение средствами вербального и невербального общения; умение моделировать ситуацию общения, вести переговоры; навыки самопрезентации) [1].

Коммуникативная культура будущего офицера, как считает В. Е. Акинтьева, является составляющей базовой культуры личности наряду с профессиональной, информационной, гуманитарной, эстетической культурой [1].

Культуру общения будущих офицеров В. Н. Жешко определяет как важнейший показатель социально-профессионального статуса военного специалиста [4]. В своем исследовании автор раскрывает потенциал образовательной, военно-служебной и культурно-досуговой деятельности для развития культуры общения. Взаимодействие в образовательной и военно-служебной деятельности В. Н. Жешко характеризует как профессиональное, ролевое общение в системе отношений «преподаватель (офицер) – курсант» и «курсант – курсант». Взаимодействие в культурно-досуговой деятельности определяется интересами, потребностями, склонностями, симпатиями курсантов, которое он обозначает внепрофессиональным. В каждом виде деятельности В. Н. Жешко раскрывает содержательный компонент (отбор и структурирование культурологического материала), процессуальный компонент (технология общения), дидактический компонент (инструментарий коммуникации «преподаватель (офицер) – курсант» и «курсант – курсант») [4].

Соответственно этим видам деятельности исследователь предлагает использовать различные формы работы с курсантами: тематические лекции, кинолектории, тематические вечера, диспуты, деловые игры, встречи с деятелями культуры, искусства, науки [4].

Культуру профессионального общения курсантов Е. Ю. Симоненко рассматривает в единстве внутреннего содержания и его внешнего проявления, в связи со структурой личности в целом [12].

В содержание культуры профессионального общения она включает совокупность ценностных эталонов коммуникативных качеств, способов общения и моделей поведения, способствующих установлению конструктивных взаимоотношений (с подчиненными, людьми равными по статусу, начальниками, населением); методов управления коллективом в различных условиях для выполнения учебных и служебных задач [12].

Основными компонентами культуры профессионального общения Е. Ю. Симоненко определяет мотивационный, личностный, когнитивный, инструментальный [12].

В контексте данной статьи особо отметим актуальность и значимость проблемы формирования культуры межнационального общения курсантов, которая обусловлена поликультурностью среды курсантских подразделений. Одним из основных принципов подготовки будущих офицеров является воспитание в соответствии с нормами общей морали и интересами воинской службы, межнациональной толерантности, уважения к представителям разных национальностей. Вместе с тем исследователи отмечают, что необходимо учитывать специфические национальные традиции, культурные особенности для преодоления негативных явлений на межнациональной почве [10; 13; 14].

Анализ современных исследований межнациональных отношений в рамках культурологии с позиций разных областей научного знания представлен в исследовании В. Н. Срибного [13]. Он отмечает, что проблематика межнациональных отношений в коллективе военных находится на пересечении разных предметных областей культурологии, философии, этнологии, социологии, психологии и педагогики. Прежде всего В. Н. Срибный обращается к исследованиям этнопсихологической ситуации в нашей стране, проблем этнопсихологии культуры и межэтнической толерантности, исследованиям особенностей межнациональных отношений в молодежных группах, воинских коллективах, а также к исследованиям в рамках социологической науки и т. д. [13].

Интерес вызывает проведенное им эмпирическое исследование культуры межнациональных отношений, этнокультурных стереотипов среди курсантов Саратовского военного института внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации (554 чел.). В данной выборке были представители всех основных групп народов нашей страны по религиозным, географическим и этнокультурным признакам. Анализ ответов курсантов на вопросы анкеты позволил В. Н. Срибному сделать вывод, что для оптимизации межнациональных отношений необходимо одинаковое отношение к представителям любой национальности со стороны преподавателей, командиров и начальников, недопустима безнаказанность по отношению к кому-либо. При этом, по мнению курсантов, по возможности важно учитывать национально-религиозные особенности при распределении обязанностей [13].

Необходимость командирам подразделений учитывать особенности национального характера курсантов, их национальные традиции и обычаи подчеркивает в своем исследовании О. Б. Суханов. Профессиональная компетентность командиров военных вузов, по его мнению, должна непременно включать знания особенностей различных национальных культур, умение формировать уважительные доброжелательные отношения в многонациональном курсантском коллективе [14].

Профессиональную компетентность командиров О. Б. Суханов определяет важнейшим фактором формирования культуры межнационального общения курсантов. В содержание профессиональной компетентности он включает психолого-педагогическую (знания особенностей становления национального самосознания, владение методами формирования межнациональной толерантности, потребность командиров включаться в решение задач, обусловленных культурой межнационального общения) и этнокультурную компетентность (знание особенностей различных национальных культур, интерес к освоению этих знаний, готовность к позитивному диалоговому общению, потребность в организации конструктивного взаимодействия курсантов различных национальностей). Межнациональную толерантность курсантов вузов МВД России О. Б. Суханов определяет как интегративное личностное образование, включающее общие мировоззренческие и мотивационные основания взаимодействия представителей различных этносов, проявляющееся в достижении подлинного взаимопонимания, принятии и уважении другого этнического субъекта, отношении к нему как к равноправному партнеру по общению [14].

Исследователь подчеркивает, что в системе военного образования проблема развития культуры межнационального общения является актуальной и значимой. Следовательно, организация воспитательного процесса с учетом поликультурной среды в курсантских подразделениях должная быть одной из важнейших задач. Это обусловлено тем, что в подразделениях МВД России проходят службу представители 30–45 национальностей. Развитие гражданской ответственности, формирование диалоговой культуры в курсантских коллективах, развитие доброжелательного отношения курсантов разных национальностей друг к другу и командиров к подчиненным служат надежной основой единства и сплоченности коллектива, укрепления дисциплины, сохранения боеспособности в экстремальной ситуации [14].

В результате исследования О. Б. Суханов конкретизировал этнокультурные особенности военного вуза, которые заключаются в поликультурности образовательной среды, многонациональности контингента курсантов, возможности и необходимости переноса межэтнических отношений в систему военно-социальных отношений [14].

Особенности формирования опыта межкультурного взаимодействия курсантов выделила Е. В. Лигновская [10]. Она отмечает, что жизнедеятельность курсантов отражает отношения реального социума и в то же время определяется жестким регламентом и режимом, формализованной и иерархизированной системой отношений. Межкультурное взаимодействие Е. В. Лигновская определяет как разновидность социального взаимодействия, которое ставит акцент на коммуникативной стороне контактов представителей различных культур. В этом процессе изменение субъектов не только взаимосвязано, но и взаимообусловлено. При этом эффективное межкультурное взаимодействие выстраивается на основе общечеловеческих ценностей в соответствии с совместно выработанными правилами и нормами. Оно является осознанным его субъектами, целенаправленным, организованным, структурированным [10].

В своем исследовании Е. В. Лигновская представляет опыт межкультурного взаимодействия как составную часть социального опыта человека, связанную со сформированностью мотивационно-ценностного отношения к представителям иных культур, собственной культуре, с полнотой знаний о способах участия в межкультурных контактах, сформированностью навыков и умений эффективного осуществления подобных контактов, с интенсивностью деятельности в инокультурной среде [10].

Формирование у курсантов опыта межкультурного взаимодействия она представляет несколькими этапами. Первый этап направлен на осознание наличия проблемы и предполагает переживание межкультурного непонимания. Е. В. Лигновская отмечает, что подавляющее большинство курсантов имеют незначительный опыт общения с представителями других национальностей, потому опасаются таких контактов в профессиональной деятельности из-за существующих стереотипов по отношению к людям других национальностей. Второй этап обозначается как информационный. Здесь курсанты получают необходимый объем знаний об особенностях межкультурного взаимодействия в разных сферах общественной жизни и профессиональной деятельности. На третьем этапе курсанты выполняют упражнения, направленные на формирование поведенческих коммуникативных умений на основе полученных знаний. Заключительный этап – аналитический. Он направлен на развитие рефлексии курсантов, способности к оценке собственной деятельности и планированию саморазвития в данном направлении [10].

Критериями сформированности у курсантов опыта межкультурного взаимодействия Е. В. Лигновская определяет мотивационный (гордость за свою Родину, чувствительность к культурным различиям, толерантное отношение к другой культуре, готовность к профессиональной деятельности в иноязычной среде), когнитивный (знания о родной культуре, культуре народов своей страны, других стран, знания об актуальных межкультурных и межэтнических конфликтах, ориентация в современной геополитической ситуации), конативный (наличие опыта, навыков общения и конструктивного взаимодействия с представителями других национальностей и культур). Этот критерий является внешним проявлением сформированности мотивационного и когнитивного критериев [10].

Для оценки уровня развития делового взаимодействия курсантов Е. В. Коваленко предлагает учитывать мотивационный, креативно-личностный и компетентностный критерии [7]. Мотивационный критерий включает направленность личности будущего специалиста, степень заинтересованности деловым взаимодействием, отношение к нему, устойчивость мотивации к деловому взаимодействию. Показателями по данному критерию могут быть: наличие установки на сотрудничество, взаимопомощь, взаимопонимание и сотворчество, интерес к научным основам делового

взаимодействия. Креативно-личностный критерий отражает индивидуальные особенности делового взаимодействия будущего специалиста. Показателями по этому критерию могут быть стиль делового взаимодействия, коммуникабельность, толерантность в деловом поведении. Характеристики компетентностного критерия включают опыт будущего специалиста и степень готовности к реализации делового взаимодействия в профессиональной, социальной деятельности. В качестве показателей в соответствии с компетентностным критерием выступают: готовность к регуляции совместных действий, умение достигать взаимопонимания с людьми, владение приемами и способами согласования идей, целей, планов, действий с партнерами по общению [7].

На основе анализа результатов эмпирического исследования с учетом выделенных критериев Е. В. Коваленко предложила различать уровни развития культуры делового взаимодействия. Она представила характеристики когнитивно-установочного уровня (осведомленность о культуре делового взаимодействия), процессуально-потребностного (стремление овладения культурой делового взаимодействия), адаптивно-технологического (готовность к проявлению культуры делового взаимодействия в практической деятельности), креативно-развивающего (готовность к саморазвитию) [7].

Кроме того, Е. В. Коваленко представила классификацию видов делового взаимодействия (соперничество, сотрудничество), типов поведения субъектов делового взаимодействия (кооперация, диалоговое общение, содействие, сотворчество, соревнование, противодействие, конфронтация, противоборство, взаимоконтроль, взаимообучение, компромисс, уклонение, приспособление) [7].

В качестве педагогических условий формирования культуры делового взаимодействия курсантов исследователь определила интенсификацию творческой активности курсантов при выполнении совместной деятельности; формирование смысловой установки на взаимопомощь, сотрудничество, сотворчество; самостоятельный поиск курсантами оптимальной модели поведения в совместной деятельности с ориентацией на гуманистические ценности, идеалы, нормативно-правовые акты; групповую и индивидуальную рефлексию результатов и процесса совместной деятельности [7].

Развивающий характер деловому взаимодействию, по мнению Е. В. Коваленко, обеспечивает использование в работе с курсантами различных видов поисковых действий: диспозиционных (направлены на согласование своих намерений, позиций с партнерами, самоопределение в выборе целей, технологий делового взаимодействия); мобилизационных (направлены на реализацию своих возможностей для достижения поставленных целей, активизацию ресурсов партнеров); операциональных (включают поиск наиболее рационального способа выполнения совместного дела, содействие в выполнении работы партнером); координационно-коррекционных (направлены на поиск действий и отношений, требующих коррекции и координации усилий, осознание опыта делового взаимодействия и закрепление позитивного опыта) [7].

Основной отличительной особенностью разработанной Е. В. Коваленко образовательной технологии является наличие инвариантного компонента (общий для всех специальностей) и вариативных компонентов (учитывают особенности определенной специальности) [7].

В своем исследовании автор отмечает, что формирование культуры делового взаимодействия будущего специалиста является частью подготовки к решению профессиональных задач, а также к достойному выполнению гражданских и семейных функций [7].

В контексте данной статьи обратимся к исследованию Т. И. Коваль, которая указывает на необходимость формирования культуры диалога в профессиональной подготовке будущего военного специалиста, что является важным профессионально-личностным качеством [8]. На основе диалога, подчеркивает исследователь, будущий офицер сможет выстроить открытые, духовно-ценностные отношения с окружающими [8].

В результате анализа философских, лингвистических, психологических, педагогических научных трудов Т. И. Коваль сформулировала вывод о функциях диалога: самопознание и самооценка в ходе диалогического общения. Она отмечает, что, всматриваясь в другого человека, человек развивает способность к рефлексивному отражению чувств и мыслей партнера по общению, формирует собственную позицию [8].

В своем исследовании Т. И. Коваль представляет культуру диалога в качестве интегративного, духовно-психологического образования личности, включающего ориентационно-ценностный компонент (связан с мотивационно-потребностными установками и ценностным отношением будущего офицера к другому человеку, профессиональной деятельности, окружающей действительности), содержательно-смысловой компонент (знания и представления о функциях, сущности, способах диалогического взаимодействия), коммуникативно-деятельностный компонент (отражает наличие диалогических умений, готовность их использования в различных направлениях профессиональной деятельности) [8].

Педагогическими условиями эффективности формирования культуры диалога курсантов исследователь определяет: осознание курсантами ценностно-смыслового значения культуры диалога для успешности профессиональной деятельности; освоение знаний о сущности диалогического взаимодействия и способ их применения в профессиональном общении; ориентацию педагогической работы в данном направлении на основе принципов гуманистической направленности, ценностно-смыслового диалогического взаимодействия, личностно-творческой активности; использование форм и методов организации образовательного процесса на основе диалога и диалогического взаимодействия (полемика, дискуссия, диспут, спор, солилоквиум) [8].

В заключение отметим, что в данной статье отражен анализ основных подходов исследователей в рамках педагогической науки к проблеме развития

коммуникативной культуры курсантов образовательных организаций силовых структур, военных вузов в пространстве высшего профессионального образования. В представленных исследованиях проблема развития коммуникативной культуры курсантов как составляющая профессиональной и общей культуры будущего специалиста включает в себя несколько аспектов: развитие профессионально-этической культуры, культуры профессионального общения, культуры делового взаимодействия, культуры диалога, культуры межнационального общения; формирование опыта межкультурного взаимодействия; эстетическое воспитание курсантов.

Выводы

Таким образом, анализ в рамках педагогической науки диссертационных исследований по проблеме формирования коммуникативной культуры, культуры общения курсантов показал, что эта проблема имеет большое значение для подготовки будущего офицера, высокопрофессионального специалиста. Такой специалист ориентируется в своей профессиональной деятельности на этические нормы и правила, эталоны профессионального общения и поведения, общечеловеческие ценности, способен выстраивать диалогическое общение.

Можно констатировать, что авторы всех представленных в данной статье исследований уделяют внимание определению педагогических условий формирования коммуникативной культуры курсантов. В качестве основных педагогических условий для работы в данном направлении отметим следующие: профессиональную коммуникативную и этнокультурную компетентность и высокий уровень коммуникативной культуры преподавателей, командиров; ориентацию педагогической работы в данном направлении на гуманистические принципы, ценностно-смысловое диалогическое взаимодействие, нормативно-правовые акты; интенсификацию поисковой и творческой активности курсантов в образовательной, служебной и культурно-досуговой деятельности; использование различных форм образовательной работы, активных методов обучения, максимально приближенных к реальной обстановке профессиональной деятельности.

Анализ исследований по проблеме формирования культуры межнационального общения курсантов позволил сделать вывод, что работа в данном направлении предполагает формирование уважительного отношения ко всем участникам общения и взаимодействия, независимо от их национальной принадлежности. Это отношение должно быть основано на принципах диалогического общения, конструктивного делового взаимодействия, свободного от влияния культурных и этнических стереотипов, с учетом особенностей обычаев и традиций представителей разных национальностей и культур.

Эффективность профессиональной подготовки курсантов – будущих офицеров обеспечивает ориентация образовательного процесса на гуманистические идеалы, высокие нравственные общечеловеческие ценности равноправия, справедливости, конструктивного сотрудничества представителей различных народов и культур.

От уровня коммуникативной культуры курсанта зависят успешность его будущей профессиональной деятельности, эмоционально-ценностное и эстетическое отношение к ней. Эстетическое отношение к профессиональной деятельности характеризуется свободой, гармоничностью и является способом самовыражения личности молодого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинтьева, В. Е. Формирование коммуникативной культуры будущего специалиста в образовательном пространстве военного вуза : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Акинтьева Виктория Евгеньевна. – Ставрополь, 2008. – 212 с.
2. Андреев, Г. И. Формирование профессионально-этической культуры курсантов образовательных учреждений МВД РФ : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Андреев Геннадий Иванович. – Чебоксары, 2002. – 251 с.
3. Анохина, Г. А. Педагогические условия формирования коммуникативной культуры личности курсанта образовательных учреждений МВД России : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Анохина Галина Алексеевна. – Воронеж, 2007. – 200 с.
4. Жешко, В. Н. Формирование культуры общения курсантов в системе военно-профессиональной подготовки : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Жешко Валерий Николаевич. – Казань, 2003. – 186 с.
5. Каграманян, К. А. Эстетическое воспитание курсантов в процессе обучения иностранному языку в вузе МВД России : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Каграманян Каринэ Армаисовна. – Санкт-Петербург, 2007. – 181 с.
6. Кикоть, В. Я. Формирование культуры профессионального общения у курсантов училищ МВД РФ : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Кикоть Владимир Яковлевич. – Санкт-Петербург, 1994. – 186 с.
7. Коваленко, Е. В. Формирование культуры делового взаимодействия будущих специалистов: на материале вузов МВД России : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Коваленко Елена Викторовна. – Белгород, 2008. – 192 с.
8. Коваль, Т. И. Формирование культуры диалога у курсантов в процессе вузовского профессионального обучения : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Коваль Татьяна Ивановна. – Краснодар, 2006. – 187 с.
9. Лапшов, В. А. Формирование профессиональной культуры офицера российской армии: основы социологического исследования : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Лапшов Валерий Александрович. – Москва, 1999. – 643 с.

10. Лигновская, Е. В. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у курсантов военного вуза : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Лигновская Екатерина Владимировна. – Кострома, 2005. – 206 с.
11. Романюк, В. С. Формирование коммуникативной культуры курсантов образовательных учреждений МВД : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Романюк Владимир Станиславович. – Казань, 2008. – 194 с.
12. Симоненко, Е. Ю. Развитие культуры профессионального общения у курсантов специальной средней школы милиции : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Симоненко Елена Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 135 с.
13. Срибный, В. Н. Факторы формирования культуры межнационального общения у будущих офицеров : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Срибный Василий Николаевич. – Саратов, 2012. – 160 с.
14. Суханов, О. Б. Профессиональная компетентность командиров военных вузов как фактор развития культуры межнационального общения курсантов : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Суханов Олег Борисович. – Москва, 2013. – 198 с.
15. Тимофеева, Е. В. Динамика формирования коммуникативной культуры личности обучаемого средствами иностранного языка: на материале работы с курсантами вузов : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Тимофеева Елена Владимировна. – Рязань, 1998. – 157 с.
16. Чернявская, В. С. Формирование коммуникативной культуры в структуре профессионального образования курсантов морского вуза : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Чернявская Валентина Станиславовна. – Владивосток, 1999. – 187 с.

REFERENCES

1. Akint'eva V.E. *Formirovanie kommunikativnoi kul'tury budushchego spetsialista v obrazovatel'nom prostranstve voennogo vuza: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh* [Formation of the communicative culture of a future specialist in the educational space of a military university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Stavropol, 2008. 212 p.
2. Andreev G.I. *Formirovanie professional'no-eticheskoi kul'tury kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of professional and ethical culture of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Cheboksary, 2002. 251 p.
3. Anokhina G.A. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya kommunikativnoi kul'tury lichnosti kursanta obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions for the formation of a communicative culture of the personality of a cadet of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2007. 200 p.
4. Zheshko V.N. *Formirovanie kul'tury obshcheniya kursantov v sisteme voenno-professional'noi podgotovki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of the culture of communication of cadets in the system of military vocational training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kazan, 2003. 186 p.
5. Kagramanyan K.A. *Esteticheskoe vospitanie kursantov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v vuze MVD Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Aesthetic education of cadets in the process of teaching a foreign language at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg, 2007. 181 p.
6. Kikot' V.Ya. *Formirovanie kul'tury professional'nogo obshcheniya u kursantov uchilishch MVD RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of the culture of professional communication of cadets of colleges of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg,1994. 186 p.
7. Kovalenko E.V. *Formirovanie kul'tury delovogo vzaimodeistviya budushchikh spetsialistov: na materiale vuzov MVD Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of a culture of business interaction of future specialists: case study of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Belgorod, 2008. 192 p.
8. Koval' T.I. *Formirovanie kul'tury dialoga u kursantov v protsesse vuzovskogo professional'nogo obucheniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of a dialogue culture in cadets in the process of university vocational training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Krasnodar, 2006. 187 p.
9. Lapshov V.A. *Formirovanie professional'noi kul'tury ofitsera rossiiskoi armii: osnovy sotsiologicheskogo issledovaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk* [Formation of professional culture of the Russian army officer: fundamentals of sociological research: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 1999. 643 p.
10. Lignovskaya E.V. *Formirovanie opyta mezhkul'turnogo vzaimodeistviya u kursantov voennogo vuza: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of experience of intercultural interaction of cadets of a military university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kostroma, 2005. 206 p.
11. Romanyuk V.S. *Formirovanie kommunikativnoi kul'tury kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of communicative culture of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kazan, 2008. 194 p.
12. Simonenko E.Yu. *Razvitie kul'tury professional'nogo obshcheniya u kursantov spetsial'noi srednei shkoly militsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Development of the culture of professional communication among cadets of the police special secondary school: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 135 p.

13. Sribnyi V.N. *Faktory formirovaniya kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya u budushchikh ofitserov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii* [Factors of formation of culture of inter-national communication among future officers: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saratov, 2012. 160 p.
14. Sukhanov O.B. *Professional'naya kompetentnost' komandirov voennykh vuzov kak faktor razvitiya kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya kursantov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Professional competence of commanders of military universities as a factor in the development of culture of interethnic communication of cadets: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2013. 198 p.
15. Timofeeva E.V. *Dinamika formirovaniya kommunikativnoi kul'tury lichnosti obuchaemogo sredstvami inostrannogo yazyka: na materiale raboty s kursantami vuzov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Dynamics of the formation of the communicative culture of the student's personality by means of a foreign language: on the basis of work with university cadets: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Ryazan, 1998. 157 p.
16. Chernyavskaya V.S. *Formirovanie kommunikativnoi kul'tury v strukture professional'nogo obrazovaniya kursantov morskogo vuza: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of communicative culture in the structure of vocational education of cadets of a maritime university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Vladivostok, 1999. 187 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА ЧЕРЕМИСОВА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Академии ФСИН России, Рязань, Россия, irinarusa@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1085-3715

IRINA V. CHEREMISOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1085-3715

Статья поступила 01.10.2022

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)
Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)
РИНЦ: да
Ядро РИНЦ: нет
Перечень ВАК: да
CrossRef: да
East View Information Services: да
Система ГАРАНТ: да
RSCI: нет
Web of Science: нет
Scopus: нет
EBSCO: да
WorldCat: да
CyberLeninka: да
DOAJ: да

https://jurnauka-vipe.ru

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2022, volume 16, no. 4 (60)

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.
Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka"

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher. Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgenii L. Khar'kovskii – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Professor at the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professorof the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;
Igor' M. Matskevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);
Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;
Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;
Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;
Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);
Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);
Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University.

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia;
Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the printing office: 39, Dzerzhinskiy street, p. 8, Ivanovo, 153025, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru

Website: https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open

© VIPE FSIN Russia

Date of publication: December 16, 2022

Circulation: 1000 copies

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;
Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia;
Valentina I. Zubkova – Professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University;
Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);
Lyubov' V. Kovtunenko – Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of Voronezh State University, Doctor of Sciences (Pedagogy) , Associate Professor;
Nodar Sh. Kozaev – Deputy Head of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;
Ivan Ya.Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;
Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;
Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;
Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);
Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;
Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;
Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;
Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Aleksandr S. Shatalov – Professor at the Department of Criminal Process at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;
Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences);5.3.9. Legal psychology and psychological security (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education(pedagogical sciences).

CONTENT

EDITORIAL **348**

JURISPRUDENCE **350**

BELYAEVA L.I.
Science and Life (to the 100th Anniversary of the Birth of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov) 350

ALEKSANDROVA V.V.
Optimal Sanction of the Criminal Law Norm: Stating the Problem 359

DVORYANSKOV I.V., SIKA A.M.
Criminal Subculture Influence on Criminal Behavior of Those Sentenced to Forced Labor 372

LAPSHIN V.F.
The Content and Interpretation of the Philosophical Category "Measure" in Criminal Law 380

GAVRILOV B.Ya.
Criminal Law Sanctions for Corruption-Related Crimes: an Opinion of the Scientific Community and a View of the Law Enforcement Officer 388

YAKOVETS E.N., BRAZHNIKOV D.A.
Implementing Operational Investigative Measures to Prevent Crimes: Problematic Issues of Legislation and Key Directions of Implementation 397

YUROVA Yu.V.
Interaction between Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to Prevent Recidivism among Those Sentenced to Punishment without Isolation from Society. 407

NAGORNYKH R.V.
Systemic, Institutional and Idiosyncratic Factors of Corruption in Foreign Penitentiary Systems: Experience in Countering Administrative Discretion 417

PSYCHOLOGY **425**

KROTOVA D.N., TSVETKOVA N.A.
Studying Self-Actualization of Men for the First Time Held in a Pre-Trial Detention Center with regard to Other Characteristics of Their Personality 425

KAZBEROV P.N.
Building Effective Communication with Persons Convicted of Terrorism and Extremism-Related Crimes 434

PEDAGOGY **441**

AVETISYAN S.S., SARGSYAN A.A.
Some Problems of Modern Legal Education in the Republic of Armenia and the Russian Federation 441

CHEREMISOVA I.V.
Communicative Culture of Cadets – Future Officers as the Basis of Aesthetic Attitude to Professional Activity 450

EDITORIAL

In October 2022, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia hosted an international scientific and practical conference "The penitentiary system of Russia in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and resocialization". The idea of preserving academic scientific traditions and discussing topical issues of penitentiary science and practice was its leitmotif.

The conference was attended by more than 200 highly qualified specialists, leading scientists of scientific and educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Education and Science of Russia, employees of territorial bodies of the penal system, internal affairs bodies, courts and prosecutors, as well as representatives of educational institutions of the Republics of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, the Republic of Côte d'Ivoire, public organizations. Problems of the modern penitentiary system of Russia were comprehensively analyzed.

During the plenary session and round tables, a wide range of problems of criminal and penal policy were discussed, including issues of interaction between penal institutions and bodies and civil society organizations, implementation of criminal and penal legislation, scientific support of educational, social and psychological work with convicts, employment and resocialization of convicts, professional training of employees of the penal system.

During the plenary session the audience enjoyed informative presentations of professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.I. Belyaeva "Educational work with convicts: yesterday and tomorrow", professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.I. Seliverstov "Scientific support for the improvement of penal policy and penal legislation", Head of the Department of Penal Law and Criminology of the Law Institute of the Tomsk State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation V.A. Utkin "Penal policy in the context of modern political realities", etc.

The speakers believe that the development of modern science of criminal and penal law is unthinkable without studying fundamental works of Honored Scientists of the RSFSR, Doctors of Sciences (Law) Aleksandr I. Zubkov and Nikolai A. Struchkov – outstanding scientists whose merits are recognized in Russia and abroad. The study of their works today triggers scientific search and initiative in solving topical issues related to the execution of criminal penalties, research in the field of criminal and penal policy, criminal and penal law, and criminology.

For the first time, one of the co-founders of the event was the Interregional Non-Governmental Organization "Penitentiary Science Club" – a voluntary, non-profit association, an informal platform for thematic meetings of leading penitentiary scientists, exchange of experience and knowledge, discussion of topical problems of penitentiary science and practice, created on the basis of common professional and vital interests.

Consolidation of the joint efforts of our long-standing and new partners on the most important, fundamental issues of the penitentiary system development allows us to enhance prestige of service in institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation in society; assist in the implementation of the Concept for the Development of the penitentiary system of the Russian Federation up to 2030; preserve historical memory and form an active life position in the young generation; promote intolerance to illegal behavior, corruption, violence; popularize strict observance of the rule of law and norms of official ethics, impeccable performance of official duty; work out legislative initiatives, proposals to the legislator; interact with executive authorities, public, spiritual and educational organizations in the framework of achieving the above goals; study and disseminate positive experience of penitentiary institutions; develop penitentiary scientific schools. We stand in solidarity, take a common position, defend traditional, unshakable values, such as sovereignty and security of the country, historical truth, vital interests of people, and take pains to strengthen civil society and its key institutions.

Holding scientific and practical conferences in this format is one of the most important directions of our development, an opportunity to discuss scientific ideas at the interregional level. It is also an opportunity for teachers, students, and interested people to communicate, united by one idea, one goal to develop penitentiary science. Establishing a continuous dialogue of professionals in their field, informing the public and all interested parties about the development of penitentiary science and practice, taking into account their legal, psychological and pedagogical aspects, is one of the urgent tasks.

As a periodical, we promptly respond to innovations taking place in the field of scientific knowledge, try to be an effective means of self-education of scientific and pedagogical personnel. Topical topics are discussed on pages of our journal, the experience of the penitentiary system is reviewed, scientific research is tested and critically assessed by the scientific community. Realizing this task, the journals of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia provide consolidated scientific communication and support to researchers from various regions of Russia in the course of their scientific research and implementation of solutions to relevant problems of criminal liability, execution of punishments, crime prevention, legal psychology and pedagogy, development of the penal system and law enforcement agencies.

New things are very rarely born outside of discussion. The Editorial Board of the journal "Penitentiary Science" aims to continue publishing new, bright works, where a thoughtful academic analysis of research in the field of penitentiary science will be given and achievements in the field of practice will be presented.

Journal Editor-in-Chief
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
E.L. Khar'kovskii

Original article
UDC 343.8
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.001

Science and Life (to the 100th Anniversary of the Brth of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov)

LARISA I. BELYAEVA
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, beliaeva_055@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8245-2435

Abstract

Introduction: the article is devoted to the 100th anniversary of the birth of a prominent scientist, specialist in the field of penal (correctional labor) law, Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov. The article describes his life path, including participation in the Great Patriotic War. Formation of Nikolai Struchkov as a scientist and specialist in the field of penal (correctional labor) law is shown. General characteristics of his scientific and pedagogical activity are given and the most significant scientific works are analyzed. The role of N.A. Struchkov in the development of domestic penal legislation and law enforcement practice is evaluated. Attention is paid to the professor's participation in international cooperation. *Methods*: the study is based on the axiological approach. The research problem is solved with the help of general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition: systematic, formal legal, sociological, etc. *Results*: Professor N.A. Struchkov is one of the founders of the theory of criminal policy, correctional labor policy, and penal law. He worked on problems of the theory, legislation and law enforcement most relevant in the second half of the twentieth century. In addition, the professor's research interests included issues of criminal law and criminology. Several anniversary articles are devoted to the scientific activity of Nikolai Struchkov. The centennial anniversary is an occasion to dwell on the ideas expressed by scientists more than half a century ago, but not lost relevance. Nikolai Struchkov prepared monographs, textbooks, and articles. His activity is highly appreciated by the state. However, to date there is no detailed bio-graphic essay. In this regard, it seems important to identify from axiological positions what is significant for modern law-making and law enforcement practice, which can stimulate scientific search and initiation in solving topical issues related to the execution of criminal penalties, research in the field of criminal and penal policy, criminal and penal law, criminology.

© *Belyaeva L.I. , 2022*

Keywords: criminal policy; criminal law; correctional labor policy; correctional labor law; penal law; activity of a correctional labor institution; humanism; legality; science; theory; criminology; pedagogy; pedagogical impact; punishment; execution of punishment.

5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences).

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Belyaeva L.I. Science and life (to the 100th anniversary of the birth of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor Nikolai A. Struchkov. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 350–358. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.001.

Everybody who has ever come across penal (correctional labor) law seems to know Professor Nikolai Struchkov. However, the materials of his family archive testify that at the beginning of his life's journey nothing predicted his future involvement in science and practice of the execution of criminal penalties. Nevertheless, became an outstanding specialist in this field.

The analysis of N. Struchkov's life, his official and scientific activities is carried out on the basis of his numerous scientific works, as well as departmental and family archival materials.

The range of sources used in the course of the study is quite diverse: scientific works, monographs, textbooks, articles by N.A. Struchkov, official materials (departmental orders and instructions, reports on the results of scientific research stored in the archives of the Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Museum of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia), materials of the family archive.

The research materials are analyzed on the basis of well-known principles of scientific historical knowledge.

The study is based on the axiological approach. The research problem is solved with the help of general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition: systematic, formal legal, sociological, etc.

Nikolai Struchkov was born on February 13, 1922 in Moscow, in the family of a Red Army officer. The documents preserved in the family, such as commendation sheets, certificates of honor, reveal that Nicholai succeeded at school.

His father passed away early, Nikolai was 15 years old at the time. The boy saw himself as a military man. After graduating from school in 1940, he entered the military communications school of the Red Army Air Force, where his father had previously served. The training ended ahead of schedule, the Great Patriotic War began. Nikolai Struchkov was destined to travel a long way to Berlin and be among the winners in this bloody and difficult battle.

In August 1941, he joined the assault aviation regiment and arrived at the Northwestern Front. He served as an aircraft mechanic for the aircraft electrical equipment. Nikolai Struchkov studied geography of his country, first moving to the east, and then to the west. He took part in the early battles for the defense of Kalinin (Tver).

In May 1942, he participated in the battles on the Southwestern Front in the Balakleya area. After the reformation, he was sent to the Donetsk Front. Here young N.A. Struchkov became a participant in the defense of Stalingrad and the encirclement of the German fascist group.

The further front-line path led to the Kursk Bulge, where he became a participant in the grandiose battle for liberation. As the front-line soldiers noted, large losses of personnel led to the fact that there were often not enough shooters in the crews. In such cases, they turned to volunteers. Great courage and heroism were required to perform such tasks [3, pp. 28–29]. Nikolai Struchkov was always among such volunteers.

He crossed Ukraine, Eastern Belarus and participated in the battles for Chernigov, Gomel, walked through Poland, crossed the Vistula, liberated Warsaw and reached Berlin. During the war, he received two severe head wounds, in particular, in 1943 near Rechitsa (Belarus) and in 1945 in Germany.

During the battles on the Kursk Bulge, N.A. Struchkov was a Komsomol member of the regiment, and in January 1945 he became an Assistant to the Head for Work with Komsomol Members and the Youth of the Political Department of the 11th Guards Assault Chernihiv-Rechitsa Red Banner Order of Kutuzov Aviation Division.

The long front-line path was marked by the Orders of the Patriotic War of the first and second classes, two Orders of the Red Star, and numerous medals.

The war for the senior technician Lieutenant N.A. Struchkov ended in Berlin. There was a new life ahead... He wanted to continue serving in the army and submitted documents to the Military Law Academy. Contemporaries of Nikolai Struchkov testified that it was not an easy task: all the candidates were front-line soldiers, order bearers. The competition was 20 people per place [2]. Nevertheless, in 1946 N.A. Struchkov entered the Military Law Academy. He liked studying. Being a student, he drew attention to himself as a beginner researcher. The family archive has an interesting document of that period: a review of the work of a fourth-year student of the Military Law Academy the Captain of Guards N.A. Struchkov "On the issue of the group representative monarchy in Russia and on the organization of its armed forces". The review notes that according to its scientific merits, high research techniques and the enormous work conducted by the author, the work, if not fully can be called a candidate's thesis, then, in any case, it is approaching it". The first work of a beginner researcher was published in 1948 [12].

The training at the Academy ended with a diploma with honors and a recommendation to postgraduate studies at the Criminal Law Department. Nikolai Struchkov always had an interest and creative attitude to everything new, this helped succeed in postgraduate studies. He had a good school. His scientific supervisor was Professor V.D. Menshagin. In 1954, he successfully defended his Candidate of Sciences dissertation on the topic "Combating bribery in Soviet criminal law" [4]. The official opponents were Professor A.A. Piontkovskii and Associate Professor N.N. Zagorodnikov, while the unofficial ones– the Head of the Academy, the Chairman of the Council G. Pugovkin and the Major of Justice Candidate of Sciences (Law) V.N. Kudryavtsev. After defending his dissertation, the newly-baked Candidate of Sciences started a teaching career at the Criminal Law Department.

Having become a teacher, Nikolai Struchkov studied the specifics and methods of teaching criminal law, the content of the subject taught, reflected it in his creative works [15].

In connection with the transformations in the Ministry of Defense, Nikolai Struchkov started service in the internal affairs bodies since May 1956. He worked as the Senior Lecturer, Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Law Department at the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Here he turned his attention to the issues of criminal penalty execution. The monograph "Imposition of punishment for a combination of crimes" was published in 1957 [9] and the work "Educational significance of punishment associated with sending a serviceman to a disciplined battalion" – in 1958 [5].

N.A. Struchkov became one of the organizers of the Department of Correctional Labor Law created for the first time in the country at the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR and headed it from 1958 to 1967. He had a creative team and a search atmosphere at the department. Such scientific directions as correctional labor pedagogy, correctional labor psychology, organization of correctional labor institutions, etc. were formed and developed there.

The analysis of the content of N. Struchkov's research activities and his scientific works testifies to the role and importance of this person for the development of science.

The scientist's scientific works are original, extensive, deep and recognizable. Problems are comprehensively considered even in his first works. In this sense, in our opinion, one of the first works "Forms of co-participation and responsibility of accomplices under Soviet criminal law" is very indicative [19]. The article reveals features of the author's approach to scientific research. The article is voluminous and deep, with more than 50 sources being used, including textbooks, monographs, sci-

entific articles, and materials of dissertation research. The author dwells on theoretical questions and considers existing scientific views on criminal law and materials of judicial practice. The article presents data from rulings of courts of various instances and materials of criminal cases. The researcher draws attention to the importance of correct understanding of the complicity institution. His comprehensive approach to the study is disclosed in the analysis of legislation provisions and existing points of view and the determination of the essence of differences in views and opinions. From our point of view, the analysis of views on the formation of the complicity forms classification does not lose its scientific value. The author of the article manages to show a variety of grounds to classify complicity according to its forms. Here Nikolai Struchkov relies on the works of famous researchers, such as A.A. Herzenzon, A.N. Trainin, G.A. Krieger, P.F. Grishanin, M.A. Schneider, etc. Notably, the scientist does not reduce this to describing content of the works, but gives them a critical analysis and makes his own conclusion.

The author shows how relevant it is for practical work to correctly determine the grounds for classifying forms of complicity and attributing specific situations to one of them. He emphasizes that the theoretical problem of classifying forms of complicity is of practical importance. At the same time, attention is drawn to the importance and necessity of a clear understanding of the very concept of complicity. According to this logic, the author himself analyzes this concept based on criminal legislation. His conclusions about the nature and features of complicity, which inadvertently led to socially dangerous consequences, are valuable for science and practice [19, pp. 133–137].

The critical analysis of those points of view that Nikolai Struchkov considers erroneous is indicative. Instead of simply refusing them, he conducts a detailed analysis of key positions on the basis of the legislation, stable theoretical provisions, and law enforcement practice [19, pp. 130–131, 137–138]. At the same time, it is particularly worth emphasizing the high pedagogical significance of such criticism, since N.A. Struchkov is an example of the manifestation of scientific and service ethics. Critically comprehending someone's work, Nikolai Struchkov highlights advantages and value for science and practice that the analyzed work has. Only after that vulnerable positions or personal disagreement with someone's view are noted. This shows his benevolence, interest in colleagues' work, and desire to help and support.

N. Struchkov's conclusion does not lose its relevance that consideration of the issue of complicity forms should be based on the law requirements, while it is necessary to take into account not only the norm that establishes the institution of complicity, but to analyze all legislation, since the studies conducted only in accordance with provisions of one article taken in isolation lead to unilateral conclusions [19, p. 143]. This statement seems very important and valuable, because it is methodological in nature, which allows us to extrapolate it to research on criminal law in general.

It should be admitted that the conclusions of Candidate of Sciences (Law) N.A. Struchkov still lead to many reflections. In particular, his judgments on special forms of complicity characteristic of the commission of certain crimes. According to the legislation of that time, he considered an organized group or gang as such. He did not know and could not know what kind of character they would acquire over time. But he assumed that this would happen. This is evidenced by his remark that it is possible to admit the existence of organized groups in the commission of crimes other than theft, because they have their own features that relate specifically to the method of joint participation in the crime [19, p. 147]. The characteristic of the criminal community given in the article is worth mentioning.

The paper provides a brief but fairly clear analysis of complex complicity. Attention is drawn to the fact that extensive law enforcement practice, mainly judicial, is analyzed. At the same time, in some cases it is used as illustrative material, and in others it is used to argue conclusions. Types of accomplices were also disclosed [19, pp. 158–172].

The article demonstrates a special style of research and presentation of scientific material. This style is characterized by deep

penetration into the problem, retrospective and comparative analysis and the axiological approach to research. All this makes N.A. Struchkov's works on well-developed issues fresh and original. This is an evidence of the researcher's solid methodological knowledge and a pattern to follow for modern researchers.

In 1963, N.A. Struchkov defended his Doctor of Sciences dissertation on the topic "Legal regulation of the execution of punishment (crucial problems of Soviet correctional labor law)" [13]. Studying problems of correctional labor law, he substantiated independence of the branch of correctional labor law, analyzed the system of correctional labor relations, considered the legal status of those sentenced to punishments related to the legal labor impact, and key means of correcting convicts. Later, theoretical provisions of the dissertation were developed in the monographs of the author.

In 1964, N.A. Struchkov was awarded the academic title of Professor.

In 1967, he became the Deputy Head for Scientific Work of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Working as a Deputy Head of the School, he promoted modern scientific research, created appropriate research teams, and developed new courses.

Development of the science of correctional labor law is inextricably linked with his name. He worked out and theoretically substantiated the structure of correctional labor law, analyzed its main institutions, described the legal status of convicts and legal regulation of the execution of punishments of various types, studied the system of legal relations arising during the execution of punishments [11].

Nikolai Struchkov is the founder of correctional labor, and then penal law as a branch of law, legal science and academic discipline [11]. More than 300 of his works laid the foundation of the science of labor law and are known far beyond the borders of our state. A number of works are translated and published in foreign languages [20–22]. It is worth noting that the researcher himself spoke several foreign languages. On foreign business trips, he could give lectures and conduct conversations on his own. According to the data available, in 1960–1980, Professor N.A. Struchkov made annual working visits abroad to study the experience of law-making and law enforcement in the field of execution of punishments. He visited Bulgaria, Great Britain, GDR, Cuba, Mongolia, Poland, Portugal, Romania, Czechoslovakia, and Japan.

It is fair to note how significant the role of Professor N.A. Struchkov is in the formation and development of the criminal policy doctrine. He scientifically substantiates the place and role of criminal policy in the life of the state and society and forms the concept of criminal policy. The scientist notes that criminal policy is changeable, explaining this by its dependence on socio-economic and socio-political conditions of life and development of the state in specific historical periods. In his works, Nikolai Struchkov emphasizes that the state always implements one policy, based on a single socio-economic basis. But policy manifests itself in different spheres of public life, and this, in turn, is associated with various forms and methods of influencing public relations in all spheres of life, which allows us to talk about specific subjects and directions. At the same time, the areas of manifestation of criminal policy are closely related to each other [7, p. 6].

N. Struchkov's conclusion that criminal policy is part of social policy is important for understanding its essence.

It is worth emphasizing that Nikolai Struchkov seems to be one of the first to show the role of politics, law and morality in public life and prove their inseparable connection. He argues that policy faces the question of the expediency of certain measures of influence on an offender, morality – the question of the fairness of these measures, and law – the question of their legality. At the same time, both law and morality have a formative effect on policy. The law is one of the policy implementation means [16, pp. 31–33].

The researcher draws attention to the fact that criminal policy has its own boundaries and content, which is to combat crime. According to N.A. Struchkov, negative phenomena, such as vagrancy, drug addiction, prostitution, etc., are not referred to the sphere of criminal policy, but they are still connected

with it, since they often trigger criminal behavior [7, p. 11].

N.A. Struchkov believes that criminal policy determines key directions of the fight against crime, forms the content of the activities of state and non-state bodies involved in this, their tasks and forms of activity. The purpose of criminal policy is to determine the content of legislation on criminal liability, criminalization, differentiation and individualization of responsibility, the system of penalties and their types. Criminal policy reflects the society's objective needs in the search and development of the most appropriate and socially valuable means and measures to combat crime.

Criminal liability is one of the most important issues of criminal policy. It is studied by the professor comprehensively. The scientist concludes about the beginning and end of criminal liability, varieties and differentiation of legal relations arising in connection with it, reveals the content of punishment, the system of punishments, their types, etc. [18, pp. 96–253].

Nikolai Struchkov is one of the first to draw attention to the fact that criminal policy is a management activity related to decision-making and measures implementation in the field of combating crime.

He takes pains to study the works devoted to criminal policy issues. Paying due respect to all engaged in the problem consideration, he shows what contribution one or another researcher has made to the criminal policy doctrine development, both in the modern period and before 1917.

Speaking about punishment, Professor N.A. Struchkov emphasizes that it is carried out within the framework of correctional labor policy, which is closely related to criminal. Nikolai Struchkov is the first to develop the theory of correctional labor policy. He determines a concept of correctional labor policy, defined its content, tasks, formulated and disclosed principles, as well as the specifics of the activities of state bodies and non-governmental organizations in the field of execution of punishments [16].

To date, N. Struchkov's conclusion that the implementation of correctional labor policy is closely related to pedagogy and the personality doctrine developed in sociology and special psychology is still relevant [6].

According to the researcher, the specifics of the impact exerted on convicts is that it is carried out within and on the basis of law, although the content of such an impact is determined by pedagogy and psychology. The implementation of correctional labor policy is associated with the participation of a large number of specialists of different profiles. Hence, joint activity functions and areas should be defined and differentiated. According to the professor, the implementation of the labor policy is part of the process of social management [10].

N.A. Struchkov pays much attention to the issue of humanizing criminal policy in general and penal enforcement in particular. He addresses this issue repeatedly, emphasizing the importance of this principle for combating crime [7; 16; 17].

The scientist states that humanism is not charity, permissiveness or forgiveness. The essence of humanism is that punishment is applied to the guilty in the interests of ensuring the society's safety. The fact of isolation inevitably entails suffering of convicts, they are of a moral nature and are not an end in themselves. Deprivation and restrictions are means of impact on the convicted, which are applied within the limits of the law.

Nikolai Struchkov made a well-known contribution to the development of the science of criminology. He was interested in the doctrine of the causes of crime, especially the personality of a perpetrator, prediction of individual criminal behavior and criminality as such [8; 14]. He was one of the first to draw attention to the criminological study of crime in places of detention. According to contemporaries, Nikolai Struchkov prepared a course of lectures on criminology, published at the Higher Political School of the Ministry of Internal Affairs [2, pp. 156–157].

The professor successfully combined his scientific work with pedagogical activity, taught courses in criminal law, correctional labor law, criminology. Nikolai Struchkov was an active and versatile person. He combined pedagogical activity with extensive social work. Since 1964 he had been a member of the Scientific Advisory Council of the Su-

preme Court of the RSFSR. He was a member of the academic councils of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, the Law Faculty of the Moscow State University, the F.E. Dzerzhinsky Higher School, the Law Faculty of the V.I. Lenin Military-Political Academy. For more than six years he was a member of the Expert Commission of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher and Secondary Special Education of the USSR.

Nikolay Struchkov had active public work: he was the Chairman of the Section on Problems of Correctional Labor Law of the Scientific Council of the Laws of State Development, Management and Law of the USSR Academy of Sciences, a Consultant to the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on Issues of Correctional Labor Law, a Member of the Methodological Council for the Publication of Legal Literature of the Publishing House "Legal Literature".

In 1975, Professor N.A. Struchkov was appointed the Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. New opportunities for promoting and enhancing science and practice opened up here. As the documentary evidence shows, N.A. Struchkov himself, as well as the Institute under his leadership, took an active part in the legislation development. In 1976–1977, the Institute carried out research work on the topic "Improvement of criminal, criminal procedure and correctional labor legislation", during which specific proposals in this direction were developed. It is noteworthy that the study was conducted with the involvement of practical bodies, in particular, the Lenin Military-Political Academy, Main Directorate of Forest Correctional Labor Institutions, Criminal Investigation Division, Main Directorate for Public Order Maintenance, Headquarters (the 1977 archive of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Case O-477. Vol. 1. Pp. 13–15; Vol. 2. P. 4).

Nikolai Struchkov was directly involved in the preparation of legislative acts regulating punishment execution. So, in 1969, he participated in the development of the Fundamentals of correctional labor legislation of the USSR and the Union Republics, as well as correctional labor codes of the Union republics. The conducted work resulted in "Problems of the science of correctional labor law in the light of the new correctional labor legislation" [15].

Being the Head of the Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, N.A. Struchkov engaged in the project development and led the team of authors who elaborated amendments and additions to the "Fundamentals of correctional labor legislation of the USSR and the Union Republics" to bring the document into compliance with the Constitution of the USSR. The report on the research results included the draft Fundamentals with amendments and additions and extensive tools used in the study (the 1979 archive of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Case 0-458. Pp. 25–92).

It should be noted that the reports on the research implementation due to their depth, scientific and practical level, nature of conclusions and proposals, features of the prepared drafts of official documents are of scientific and methodological interest.

The Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR under the leadership of N.A. Struchkov had a steady interest in issues of correctional labor, later penal law. Despite the well-known closeness of this field, the professor found it important to study foreign experience. The research direction "Study of the current legislation on the execution of punishments in socialist countries" was implemented independently at the Institute. The Institute worked on the research topics related to the study of foreign legislation in the field of execution of punishments and the practice of its application, supervised by N.A. Struchkov (the 1982 archive of the Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Case 0-823. Report on the research topic "Studying the implementation of criminal penalties not associated with imprisonment in the Hungarian People's Republic"; the 1983 archive of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Case 0-688. Report on the research topic "Execution of imprisonment in the Socialist Republic of Romania").

At the initiative of Nikolai Struchkov, the Coordinating Bureau on Correctional Labor Law Problems was established at the Insti-

tute. Symposiums held twice a year were attended by a wide range of people interested in improving activities of the institutions and bodies executing sentences, as well as the legislation regulating this activity.

He actively promoted legal knowledge, being the author or consulting editor of many articles in legal dictionaries, the Great Soviet Encyclopedia, and also a member of the Union of Journalists.

The contribution of Professor N.A. Struchkov to the development of Russian science was duly appreciated. He was awarded the Order of the Red Banner of Labor, a large number of domestic and foreign orders and medals, the Honorary badge "Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs". He was awarded the title of "Honored Scientist of the RSFSR".

In the last years of his life, N.A. Struchkov was a professor at the Department of Management of Bodies Executing Punishments of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia).

The works and ideas of Professor N.A. Struchkov have not lost their methodological and general theoretical significance at the present time, although the theory of criminal, penal policy, and other sciences of the criminal cycle have gone far ahead. As Professor N.N. Zagorodnikov quite correctly notes, N. Struchkov's works are the foundation for further study and scientific comprehension of criminal policy to rely on [1].

No matter how detailed the biography of this remarkable man would be, it is impossible to describe such a historical personality as Professor Nikolai Struchkov more correctly and more voluminously than with the words of Hero of the Soviet Union Yu. M. Tkachevskii, "A great man he was" [3, p. 29].

REFERENCES

1. Zagorodnikov N.N. General in science, General in the ranks (Nikolai A. Struchkov: memories of the present). In: *Pravovye i organizatsionnye osnovy ispolneniya nakazanii: trudy Akademii MVD SSSR* [Legal and organizational foundations of the execution of punishments: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Akad. MVD SSSR, 1991. Pp. 4–16. (In Russ.).

2. Pobegailo E.F. In memory of a teacher and a friend (to the 85th anniversary of the birth of N.A. Struchkov). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2007, no. 1, pp. 154–158. (In Russ.).

3. *Problemy teorii nakazaniya i ego ispolneniya v novom Ugolovnom i Ugolovno-ispolnitel'nom kodeksakh Rossii (k 75-letiyu N.A. Struchkova): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (fevral' 1997 g.)* [Problems of the theory of punishment and its execution in the new Criminal and Penal Codes of Russia (to the 75th anniversary of N.A. Struchkov): proceedings of the scientific and practical conference (February 1997)]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow: Izd-vo VNII MVD Rossii, 1997. 172 p.

4. Struchkov N.A. *Bor'ba so vzyatochnichestvom po sovetskomu ugolovnomu pravu: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Combating bribery in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1954. 19 p.

5. Struchkov N.A. *Vospitatel'noe znachenie nakazaniya, svyazannogo s naprav-leniem voennosluzhashchego v distsiplinarnyi batal'on* [Educational significance of punishment associated with sending a serviceman to a disciplined battalion]. Moscow: [without printing office], 1958. 64 p.

6. Struchkov N.A. Correctional labor law and pedagogy. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo=Soviet State and Law*, 1964, no. 5, pp. 70–78. (In Russ.).

7. Struchkov N.A. *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Obshchei chasti* [Course of correctional labor law. Problems of the General part]. Moscow: Yurid. lit., 1984. 240 p.

8. Struchkov N.A. Personality of a criminal. In: *Metodologiche-skie problemy ucheniya o lichnosti prestupnika: tezisy vystuplenii* [Methodological problems of the doctrine of the personality of a criminal: summaries of speeches]. Gorky: Gor'k. VSh MVD SSSR, 1976. Pp. 7–9. (In Russ.).

9. Struchkov N.A. *Naznachenie nakazaniya pri sovokupnosti prestuplenii* [Imposition of punishment for a combination of crimes]. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 144 p.
10. Struchkov N.A. A new concept for execution of punishment is needed. In: *Pravovye i organizatsionnye osnovy ispolneniya nakazanii: trudy Akademii MVD SSSR* [Legal and organizational foundations of the execution of punishments: proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1991. Pp. 17–36. (In Russ.).
11. Struchkov N.A. On the subject and system of the course of Soviet correctional labor law. In: *Trudy Vysshei shkoly MVD SSSR. Vypusk 4* [Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Issue 4]. Moscow: NIiRIO, 1959. Pp. 57–71. (In Russ.).
12. Struchkov N.A. The concept and history of Soviet autonomy. In: *Tezisy dokladov na vtoroi nauchnoi konferentsii slushatelei* [Abstracts of reports at the second scientific conference of listeners]. Moscow: RIO VYuA, 1948. Pp. 3–8.
13. Struchkov N.A. *Pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazaniya (Osnovnye problemy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the execution of punishment (Key problems of Soviet correctional labor law): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1963. 36 p.
14. Struchkov N.A. *Prestupnost' kak sotsial'noe yavlenie. Lektsii po kriminologii* [Crime as a social phenomenon. Lectures on criminology]. Leningrad: Vyssh. polit. uchilishche im. 60-letiya VLKSM MVD SSSR, 1979. 120 p.
15. Struchkov N.A. *Problemy nauki ispravitel'no-trudovogo prava v svete novogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Problems of the science of correctional labor law in the light of the new correctional labor legislation]. Moscow: Vyssh. shkola MVD SSSR, 1972. 197 p.
16. Struchkov N.A. *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu* [Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1970. 271 p.
17. Struchkov N.A. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: kurs lektsii* [Soviet correctional labor law: course of lectures]. Moscow: Vyssh. shkola MOOP RSFSR, 1963. 224 p.
18. Struchkov N.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 288 p.
19. Struchkov N.A. Forms of complicity and responsibility of accomplices in Soviet criminal law. In: *Uchenye zapiski. Vypusk 12* [Scientific notes. Issue 12]. Moscow: Vsesoyuz. in-t yurid. nauk, 1961. Pp. 126–175. (In Russ.).
20. Struchkov N. *Correction of the convicted: Law, Theory, Practice*. Moscow: Progress Publishers, 1982. 186 p.
21. Struchkov N. *La educacion del penado: leu, teoria, y practica*. Moscu: Editorial Progreso, 1985. 221 p. (In Spanish).
22. Strutchkov N. *Reeducation du condamve: Loi, Teorie, Pratique*. Moscou: Edition du Progres, 1982. 192 p. (In French).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LARISA I. BELYAEVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, beliaeva_055@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8245-2435

Received October 26, 2022

Original article
UDC 343.01
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002

Optimal Sanction of the Criminal Law Norm: Stating the Problem

VIKTORIYA V. ALEKSANDROVA
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, domna80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3611-3301

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of designing a sanction of the criminal law norm. The author shows imperfection of the current system of sanctions and proposes a concept of optimal sanctions, combining requirements of criminological validity, fairness, effectiveness and consistency. *Purpose*: to optimize scientific ideas about the criteria for designing a sanction to find an optimal sanction. *Methods*: historical, empirical, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods, such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms. *Results*: the author comes to the conclusion about the content and criteria of the requirements of criminological validity, fairness, effectiveness and consistency. Their interdependence is shown. At the same time, criminological validity is understood as the sanction focus on preventing and reducing crime as a phenomenon; the sanction fairness requirement presupposes that it corresponds to the public danger of the crime. The sanction effectiveness requirement means a sufficient degree of conformity of the result obtained and the goals set before the sanction. General prevention of crime commission, as well as contribution to punishment goals achievement are considered as goals. The sanction consistency requirement means the need for consistency of sanctions with each other, both within the framework of one article and in general within the boundaries of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: sanction of the criminal law norm; optimal sanction; designing a criminal law sanction; mechanism to design a sanction; criminological validity of a sanction; fairness of the criminal law sanction; sanction effectiveness; sanction consistency requirement.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Aleksandrova V.V. Optimal sanction of the criminal law norm: stating the problem. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 359–371. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.002.

Introduction

Nowadays, criminal law science seeks to solve one of the generally recognized problems of designing a sanction of a criminal law norm. Researchers unanimously assert that neither theory nor practice has a clear scientifically based system for designing criminal sanctions, and the approaches to their design are the result of author's ideas [10, p. 138]. E.F. Pobegailo's statement has become a common expression that the problem of designing sanctions is the Achilles' Heel of the Criminal Code of the Russian Federation [36, p. 61].

Indeed, there is an urgent need to develop a single universal mechanism for building

© *Aleksandrova V. V.. , 2022*

sanctions – the choice of types and sizes of criminal penalties for each crime. The existence of such a mechanism would allow both to define new sanctions and to bring to uniformity the already working system, which shortcomings are disclosed in works of many specialists. Currently, according to A.I. Korobeev, the legislator establishes sanctions "on the basis of already existing sanctions on other compositions and subjective opinions of the participants in the development of proposals" [39, p. 123]. We could not find justifications for the proposed sanctions in explanatory notes to the recent draft laws amending the current criminal legislation. If in the explanatory note to the draft law No. 464757-7 there is at least a mention that the newly introduced crime should be classified as moderate [15], then in the explanatory note to the draft law No. 536-8, despite the detailed argumentation about the need to introduce Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code, nothing is said about why the legislator proposes particularly this set of criminal penalties [16].

Data on actual punishability of crimes reveal imperfection of the current system of sanctions. Corresponding studies of crimes against the management order were conducted by P.A. Filippov [52, 53]. In particular, it was found that the courts use the stipulated amounts of penalties by no more than half. According to the author, the judicial system's assessment of crimes, including the degree of public danger and compliance with the prescribed amount of punishment, does not coincide with the established criminal law [53, p. 228].

Despite the fact that all scientists agree with the existence of the very problem of building sanctions, this is where the unity of opinions ends. Different authors focus on various requirements for criminal sanctions, and these requirements overlap only partially. The purpose of this study is to optimize scientific ideas regarding the criteria for designing a sanction in order to find an "optimal" sanction. At the same time, the term "optimal" (from Lat. optimus" – the best) is understood as the "most appropriate to certain conditions and tasks" [33]. Therefore, we will consider an optimal sanction as the one that provides a necessary balance between various key requirements for its design. An optimal sanction should combine requirements of criminological validity, fairness, effectiveness and consistency.

Criminological validity of a sanction.

A fairly large group of authors draws attention to the need for criminological validity of sanctions of criminal law norms (in the legal literature, the terms "criminological validity" and "criminological conditionality" are often used as synonyms) of sanctions of criminal law norms. M.T. Valeev writes that one of the important tasks of criminology is to provide the legislator with a certain "algorithm for selecting" punishments to include in the sanction, since a "criminologically valid sanction leads to unjustified public expectations, impossibility of achieving punishment goals, distortions in criminal policy, disproportionality of punishment in sanctions for homogeneous (similar) crimes, non-applicability and inapplicability of the established penalty, and ineffectiveness of punishment, decrease in respect for the law, and recurrence of crimes" [6, p. 5].

The problem of criminological validity of sanctions in criminal law is part of a more general problem of criminological validity of the criminal legislation, originated in the second half of the 19th – early 20th century. In Soviet times, the works of A.A. Herzenzon [9], E.F. Pobegailo [37; 38], V.D. Filimonov [51], L.I. Spiridonov [43], S.F. Milyukov [29] and others were widely known. According to D.V. Shebanov, the state of security of an individual, society and the state should be the main criterion for criminological validity of criminal law and practice of its application [55, p. 8].

The semantic analysis of the term "valid" is quite fully presented in the work of S.S. Boskholov and B.B. Badmaev [3], as a result of which it can be concluded that valid means reasoned, feasible, proven, and motivated. Criminologically valid means, respectively, reasoned and justified from the point of view of criminology. In this aspect, a criminologically valid sanction of the criminal law norm is a sanction, the set of penalties in which is justified in terms of criminology.

Supporting this idea, M.T. Valeev emphasizes that the philosophical definition of vali-

dation implies a "way of rational argumentation". At the same time, M.T. Valeev divides lawmaking into primary and secondary. In primary lawmaking, a criminologically valid sanction takes into account the danger of the act claiming to be among criminal, the identity of an alleged offender, and determinants of the crime, as well as contributes to crime prevention. In secondary lawmaking, entailing the change in the already existing sanction of the criminal law norm, one can mention the frequency of real penalty application and recidivism rates after the imposition of a penalty from the previously fixed sanction [6, pp. 7–10]. We partially agree with M.T. Valeev's opinion. To begin with, it seems inappropriate to differentiate criminological validity criteria for primary and secondary lawmaking. The criteria should be the same regardless of whether the sanction is re-introduced, or modified or amended. Besides, dwelling on criminological validity criteria for secondary lawmaking, the author rather implies sanction effectiveness criteria.

A criminologically valid sanction is the one that takes into account not only the public danger of crime, but also crime rates in general. This is important, as understanding crime as the totality of all crimes committed over a certain period of time in a certain territory, we predict the impact of a new sanction not only on crimes of a specific type, but also other crimes in the crime system. Thus, one can provide a notorious example of the unjustified introduction of the death penalty for rape in Soviet times by the Law of the RSFSR of July 25, 1962 "On amendments and additions to the Criminal Code of the RSFSR". As a result, criminals began to kill victims, since the death penalty was imposed both for rape with murder and for rape without murder, and the probability of identifying the culprit in the murder of the victim was significantly reduced [20; 22, p. 641; 35]. Of course, the problem of forecasting corruption risks seems to be important in this aspect. Thus, sanctions containing unreasonably wide ranges of imprisonment terms and a large number of alternative punishments are considered by many experts as corrupt [24, pp. 292–293].

A significant component of criminological validity is the data on the criminal's personality, which should be considered when designing a sanction. So, according to N.F. Kuznetsova, in crimes whose public danger of personality allows for variability, sanctions should be formulated alternatively with a wide range in the size of punishments. For example, excluding the norm on a particularly dangerous recidivist from the Criminal Code of the Russian Federation, and, accordingly, signs of a recidivist from sanctions of the current Criminal Code of the Russian Federation is not criminologically valid [39, p. 742].

Thus, the requirement of criminological validity is quite voluminous. In the most general formulation, we would agree with N.F. Kuznetsova that law that is criminologically valid is the one "aimed at reducing crime based on its level, dynamics, structure and forecast" [23, p.74]. Therefore, the sanction, which is criminologically valid, entails, in particular, a public danger of the act, public danger of the alleged offender's identity, data on the crime in general, determinants of the crime, and is aimed at preventing and reducing crime. According to A.I. Dolgovaya, penalization-related issues should be the subject of criminological expertise, understood as criminologists' assessment of the document compliance (for example, draft legal acts) with scientifically sound requirements for combating crime, possibilities of its adoption, amendment or implementation in terms of possible impact on crime, its determining circumstances, and the state of the fight with crime [40].

Fairness of sanctions

An equally large group of authors discusses fairness of sanctions, presupposing that punishment corresponds to the public danger of the crime. It is unanimously stated that a sanction must correspond to the nature and degree of public danger of the crime. Indeed, when penalizing, it is important not only to declare some act socially dangerous, but also to design an appropriate fair set of punishments for this act. However, to assess what kind of punishment is adequate to the public danger of a particular crime is rather difficult. To date, there is no algorithm to determine a set of punishments (by type and size) corresponding to a specific combination of the nature and degree of public danger of the

crime. Moreover, in science, "cost" indicators of the public danger of crimes themselves are not fixed yet [39, p.131], i.e. it is unclear how to unambiguously determine the quality and quantity of public danger of the crime. It is worth mentioning that when designing a sanction, it is necessary to consider types and sizes of punishments included in it, an optimal number of punishments in the alternative sanction, presence or absence of additional punishments, and a range of lower and higher limits of punishments. Thus, clear algorithms, linking alternativeness of sanctions with the public danger of the crime, should be established. Many experts argue that the higher the public danger of an act, the less alternative the sanction, and, conversely, the lower the public danger of the act, the more variable the sanction [41]. However, this general rule also needs clarification and further development.

Undoubtedly, the history of criminal law research knows many attempts to solve the problem of determining the nature and degree of public danger. It is known that the nature of public danger refers to its qualitative characteristics, and the degree – to the quantitative. The first is determined by a combination of signs of the encroachment object, socially dangerous consequences (physical, economic, organizational, etc.), the form of guilt (intentional or careless) and the method of committing a crime (violent, deceptive, group, etc.); the second depends on the amount of damage caused, the degree of guilt severity (premeditation, sudden intent, negligence), the danger of a specific encroachment method (violence dangerous to life and health, violence not dangerous to life and health) [13, 47].

However, a slightly different approach has been formulated in judicial practice. So, Paragraph 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" stipulates that the nature of public danger is determined, first of all, by the focus of the act on the object protected by criminal law, while the degree of public danger – the nature and size of crime consequences, method of committing the crime, defendant's role in the crime committed in complicity, type of intent (direct or indirect) or negligence (thoughtlessness or negligence), and circumstances mitigating or aggravating the punishment. This approach, demonstrating the dependence of the nature of public danger exclusively (or predominantly) on the object of criminal law protection, is shared by many researchers [7, pp. 89–90; 45, p.18]. There are attempts to establish correlation between the social danger of the crime and the punitive content of punishment. E.V. Gustova suggests focusing on the object of encroachment and the severity of consequences that have occurred – the more significant the social relations and the heavier the consequences, the more severe the sanctions [10, p. 25; 11, pp. 207–208].

Indeed, crime object elements and its consequences are key elements to determine the public danger of the crime. When working out the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator relies on a hierarchical value of objects. However, it should be borne in mind that the nature of public danger as a qualitative characteristic of the crime determines its essence, distinctive features, and specifics. Meanwhile, the degree of public danger determines the amount of danger contained in the act. Therefore, it should be recognized that other elements of the corpus delicti (except for the object and consequences) also affect the nature of public danger. For instance, while the size of a stolen object determines the degree of public danger of the act, the method of encroachment, such as secret, open, violent, deceptive, – both the degree of public danger and its nature. The use of a helpless state, as well as violent methods as part of rape, determines the essence, qualitative side of the public danger, representing important encroachment features. M.A. Atal'yants comes to the conclusion that the method of committing a crime is included in the article disposition in the case when it has a significant impact on the nature and degree of public danger of the crime: the "method by its properties ensures qualitative originality of the execution of a criminal act that causes or can cause the greatest, significant harm to public relations" [1, p.126]. Similar arguments can be

given for other elements of the corpus delicti. We cannot but agree with N.F. Kuznetsova that "crimes encroaching on the same object may differ in nature due to the difference in the form of guilt" [21, p. 437]. The researcher argues that the "qualitative characteristic of each crime comprises the content of mandatory elements of the composition of the corresponding crime" [21, p. 437].

However, if the nature of public danger is understood as a combination of a number of objective and subjective elements of the corpus delicti, then it becomes even more difficult to work out an algorithm linking the nature of public danger and punishment types. In other words, in order to substantiate the connection of restrictions that make up the content of punishment with the nature of public danger of the crime, in addition to encroachment object values, it is important to set scales of methods, motives, goals, as well as evaluate their various combinations, and study this set of features for further uniform assessment. This may be the reason of V.N. Kudryavtsev's conclusion that "there is no direct correlation between types of punishment and the nature of the crime" [6, p. 7].

Effectiveness of sanctions

Another important requirement to a sanction of the criminal law norm is its effectiveness. This issue is, in turn, part of a more general problem of the legal regulation effectiveness. According to A.S. Pashkov and D.M. Chechot, "effectiveness of legal regulation is its efficiency, i.e. the ability to influence public relations in a certain direction useful for society" [34, p. 3]. M.D. Shargorodskii writes that effectiveness is an abstract concept meaning only the ability of the applied means to contribute to achievement of the desired goal, and the effectiveness of a legal norm is determined by how much its application contributes to achievement of the goals set for legal regulation of relevant public relations [54, pp. 287–288]. According to S.Yu. Bytko, the essence of effectiveness of criminal punishment is expressed in the ability to achieve its goals [4, p. 24]. In the middle of the last century G.A. Zlobin was the first to suggest determining effectiveness of punishments through realization of their goals [49, p. 583]. Researchers back this understanding of the effectiveness of criminal law punishment to one degree or another, although in modern research the effectiveness of punishment is increasingly understood not as an actual result, but as a measured degree of conformity of received and expected results.

It is also worth paying attention to the fact that sanction and punishment, although interrelated concepts, are still not identical. The sanction is a part of the criminal law norm, defines the model of criminal punishment provided for a specific crime [10, p. 26]. How are the effectiveness of punishment and the effectiveness of sanctions related? First, the effectiveness of punishment is understood by researchers in three different aspects – effectiveness of sanctions, effectiveness of sentencing, and effectiveness of punishment execution. For example, V.A. Utkin writes that the "effectiveness of punishment as a whole consists of effectiveness of the law and effectiveness of the law enforcement practice" [50, p. 127]. Therefore, when assessing the effectiveness of a sanction, we assume that the work of law enforcement agencies remains at an unchanged (constant) high-quality level and abstract from activities of the judicial and penal systems, unlike when evaluating the effectiveness of punishment. Second, we believe that the sanction is designed to ensure punishment goals achievement, however, due to its specifics, it also has its own goals. The idea of distinguishing the purpose of punishment and the purpose of sanction is shared by D.A. Garbatovich [8, p. 35]. According to O.E. Leist, the crucial task of sanctions is to prevent offenses; in case the offense is committed, the application of sanctions is aimed at implementing tasks of general and private prevention, correcting the offender, restoring law and order in all possible cases [25, p. 7]. Other authors also agree with general preventive effect of sanctions [19, p. 26]. Thus, it can be concluded that the effectiveness of the sanction is determined by gaining the purpose of general prevention of crimes, as well as by contributing to the achievement of goals of criminal punishment. At the same time, the difference between general prevention as the sanction purpose and general prevention as the punishment purpose is that the first is realized by the fact of the existence of

a sanction with a certain set of punishments, and the second is the fact of punishment execution.

A great number of works are devoted to the study of the problem of achieving punishment goals as one of the most difficult problems to determine the effectiveness of sanctions. The goal of punishment is usually understood as a "final, conceivably anticipated result that the state seeks to get by using punishment" [46, p. 340]. According to M.D. Shargorodskii, all punishment goals, except for crime commission prevention, are either achieved by the very fact of punishment application (restoration of justice), or in general their effectiveness cannot be measured by any specific criteria (correction) [54, p. 291]. We will consider issues of achieving goals in the aspect of evaluating sanctions effectiveness.

1. General prevention as a goal of sanction and punishment. According to E.V. Fomenko, the start of the mechanism for achieving general prevention is rather debatable [49, p. 606]. We back the stance that general prevention as a purpose of punishment is by punishing the convicted person to prevent the commission of crimes by others [30, p. 347; 48, p. 272]. This understanding has historical roots, for example, Article 6 of Chapter 22 of the 1649 Cathedral Code fixes the "death penalty without any mercy, so that looking at it, others would not do such a lawless and bad deed" [39, p. 745]. However, if we are talking about general prevention, as a purpose of the criminal law norm sanction, then the considered mechanism begins to operate from the moment the corresponding criminal law norm acquires legal force. The threat of punishment contained in the sanction affects consciousness of citizens (unstable persons), forcing them to refrain from committing a crime.

There arises a natural question about the criterion showing general prevention effectiveness? The use of crime dynamics proposed by M.D. Shargorodskii is the most acceptable one [54, p. 291]. This criterion in one form or another is supported by modern authors. So, S.Yu. Bytko agrees with it in general, however, rightly draws attention to the fact that crime is influenced by many factors, and therefore it is necessary to make sure that the increase (decrease) in the total number of crimes is associated with the ineffectiveness (or vice versa, effectiveness) of criminal punishment, and not determined by other circumstances. As a solution to this problem, the author suggests comparing the crime rate in different social groups, which, in his opinion, should exclude the effect of other social determinants, since they usually do not affect all groups simultaneously [5].

Crime is a complex socio-legal phenomenon that depends on a number of objective and subjective factors. In particular, changes in legislation, economic processes, political situation, epidemiological situation, migration processes, crime prevention measures, etc. can affect the state of crime. Nowadays, criminology has neither an exact list of factors determining crime, nor results of assessing the nature and degree of their independent impact on crime rates. Hence, with regard to the above-mentioned reasons, we can agree with the proposed criterion only in the most general sense.

2. Special prevention as a punishment goal. The purpose of special prevention is usually considered in its relationship with the purpose of correction. Some authors consider these goals as identical, since both goals strive to ensure that the convicted person does not commit crimes in the future. Other authors, recognizing their interrelation, see the difference in the fact that correction is rather a moral category, meaning re-education of the convicted person and changes in his/her personality; special prevention presupposes that a person does not commit new crimes (regardless of his/her moral values and beliefs) [49, pp. 612–621]. We will assume that special prevention means that a person does not commit a new crime in the future, regardless of the reasons – his/her correction, fear of punishment, inability to commit a new crime (in particular, due to his/her isolation), etc. When evaluating the effectiveness of special prevention, the question arises about the period of time during which a person should refrain from committing a new crime. Is it possible to talk about the failure to achieve the special prevention goal if a person commits a new crime while serving a sentence, immediately after serving a sentence, after removal or repayment of a crimi-

nal record, 50 years after serving a sentence? As E.V. Zhidkov rightly notes, over time, after serving the sentence, the convicted person is subject to various factors, and the influence of special prevention weakens [14, p.51]. Some scientists propose to limit such terms to the full expiration of a criminal record, i.e. special prevention should be considered successful if a convicted person has not committed a new crime during the sentence execution and before the repayment or removal of a criminal record [26, p. 64; 44, p. 104]. An argument in favor of the above position, in addition to weakening of the special prevention influence over time, can be the rule that the repayment or removal of a criminal record cancels all legal consequences associated with it. Therefore, when committing a new crime after the repayment or removal of a criminal record, a person will be considered to have committed a crime for the first time.

M.D. Shargorodskii considers the dynamics of recidivism as the criterion to evaluate special prevention effectiveness. However, as S.Y. Bytko correctly notes, "choosing recidivism dynamics as the criterion to assess special prevention effectiveness excludes from the field of view of researchers a huge layer of negligent crimes, the repetition of which does not form this type of multiplicity, the combination in different sequences of intentional and negligent crimes, as well as intentional crimes, convictions for which in accordance with paragraph "b" of Part 4 of Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation are not taken into account in case of recidivism of crimes" [5]. Thus, it makes sense to consider not recidivism dynamics, but rates of growth or decrease (dynamics) in the number of crimes committed by persons previously convicted of crimes as the special prevention effectiveness criterion. Data on such persons are reflected in the official statistics of the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, where the person previously convicted of the crime is understood to be a person who was convicted in accordance with the procedure established by law, and at the time of the new crime commission the criminal record has not been removed or repaid. Nevertheless, the choice of such a criterion does not exclude other significant shortcomings in the assessment, caused by a high latency level of certain types of crimes, criminality of places of deprivation of liberty, close attention of law enforcement agencies to previously convicted persons, etc. [5].

3. Correction of the convicted person as a punishment goal. As it was shown earlier, the purpose of convicts' correction is understood ambiguously in the literature. There is a position on the unconditional support of legislator, who included correction in the goals of criminal punishment and the goals of penal legislation [42]. Representatives of a different position do not find it appropriate to preserve this goal in the norms of criminal and penal legislation [12]. The authors' views supporting this goal range from understanding correction as re-education of the convicted person to identifying it with special prevention. If we understand correction of a convicted person as non-commission of new crimes, then the dynamics in the number of persons previously convicted of this crime will also serve as an effectiveness criterion. In other cases, it is necessary to agree with the majority of specialists who write about the inability to assess a degree of correction of the convicted person. So, A.A. Herzenzon wonders, "Where are legislative and practical criteria when we can say, "yes, a person who is characterized by such and such features can be considered corrected, but a person who does not have these features cannot be considered as such". I shall take the liberty to assert that there are no such clear criteria in the science of correctional labor law or in practice" [28, pp. 87–88]. I.S. Noah also argues that "science cannot recommend any formal criterion, the presence of which in each particular case could indicate moral correction of the convicted person" [32, p. 45].

4. Restoration of social justice as a punishment goal. There are many definitions of the social justice concept in the philosophical and legal literature. The definition proposed by G.V. Mal'tsev is worth mentioning: "in the most general sense, justice means accepted by the society or ruling class as a morally justified and correct scale for measuring actions of the subject in favor (or to the detriment) of

society and other persons with the retaliatory actions of the latter" [27, p. 54]. The term "restoration of social justice" fixed in the law causes heated discussion in science. Despite the variety of scientific approaches, the essence of definitions, as a rule, is reduced to retribution, payment for the crime committed by transforming the harm caused by the offender into deprivation or restriction of his/her rights and freedoms through punishment [49, pp. 621–638]. B.S. Nikiforov describes social justice restoration as follows: punishment leads to the restoration of a normal psychological climate in society, since the crime is repaid by punishment both in social reality and public consciousness [31, p. 69]. Some authors include compensation for material and moral damage to the victim in the content of this goal [18, p. 29]. Opponents of this approach argue that criminal punishment is not of a restorative nature, and restoration of the violated right is possible within the framework of civil legal relations. So, according to M.D. Shargorodskii, punishment is not aimed at restoring the violated right — this is the task that the civil law faces [54, p. 256]. There is also no consensus on the question at what point in time social justice is considered restored. Some authors believe that social justice is considered restored from the moment of sentencing by the court, others argue that this goal cannot be achieved without the sentence execution [49, pp. 631–632]. Without dwelling in detail on all debatable points of restoring social justice, we will note only those that are important for solving the sanction effectiveness problem.

If we are talking about restoration of social justice as a punishment goal, then, indeed, this goal is achieved not only by passing a fair sentence, but also by its execution. It is another matter if we are talking about the sanction effectiveness, i.e. its ability to ensure achievement of the goal to restore social justice. Since the sanction effectiveness is only a punishment effectiveness component, the sanction should be appropriately constructed, i.e. contain a set of penalties ensuring imposition of a fair punishment and providing necessary opportunities for punishment individualization. As noted earlier, the sanction effectiveness is not affected by the quality of law enforcement activities.

Some authors believe that the goal of restoring social justice (as a goal of punishment) is realized as soon as the punishment is imposed (executed). At the same time, they do not reveal what exactly this punishment should be in order for social justice to be restored, do not indicate at all or link the content of the punishment with compliance with criminal law norms. For instance, I.D. Badamshin and V.B. Poezzhalov emphasize that in the criminal law justice is restored when the act provided for by the disposition will be followed by the punishment stipulated by the appropriate sanction, i.e. social justice is related to the exact fulfillment of the prescriptions of criminal law norms [2, p. 95]. However, it is of fundamental importance to identify what kind of punishment in its punitive content will restore social justice. When designing a sanction, it is enough to state its validity, i.e. compliance of the set of punishments with the nature and degree of public danger of the act. In this sense, special criteria indicating the sanction effectiveness are not required. If the sanction meets the previously considered requirement of justice, then it is effective, i.e. it contributes to the achievement of such a punishment goal as restoration of social justice.

Consistency of the sanction

In the scientific literature, formal and logical requirements for designing a sanction of the criminal law norm are quite common. The sanction consistency requirement is one of the most important in this aspect. Sanctions should be consistent both within the framework of an article, chapter, section, and the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation in general [10, p. 114; 17, p. 121]. G.L. Krieger dwells on an important condition to designing sanctions, such as observance of their internal unity and consistency, i.e. selection of punishment types for each crime category that would reflect the nature and relative social danger of some crimes compared with others [10, p.114].

There are many examples of mismatched sanctions in the current Criminal Code of the Russian Federation. Thus, the sanctions provided for in Part 1 of Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation differ significantly, the norms of which relate to each other as general and

special. Thus, for obstructing lawful entrepreneurial activity (Part 1 of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation), an official cannot be sentenced to imprisonment, since the most severe type of punishment provided for in the sanction is mandatory work. Meanwhile, other official abuse of power (Part 1 of Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation) may entail imprisonment for up to 4 years.

Correlation of sanctions provided for the theft of items of special value (Part 1 of Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation) and kidnapping (Part 1 of Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation) draws our attention. Imprisonment for up to 10 years can be imposed for the theft of items of special value and up to 5 years for kidnapping.

There are many relevant examples in the literature. So, E.V. Gustova contemplates on punishment for torturing a minor. For the torture of a minor without causing serious harm to health (Paragraph "g" of Part 2 of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation), the minimum term of imprisonment is 3 years, with serious harm – 2 months of imprisonment (Paragraph "b" of Part 2 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation) [10, p. 129].

Thus, it can be concluded that it is necessary to embed a new sanction into the system of existing sanctions so that it corresponds to the public danger of the crime itself, and the sanctions already fixed in the Criminal Code of the Russian Federation. At first glance, it may seem that the first requirement ensures the fulfillment of the second. If all sanctions are designed adequately to the nature and degree of public danger of the crime, then there should be no internal contradictions in the sanctions system. However, this is not quite true. First, the legislator assesses the public danger of crimes at different times; the public danger of some crimes could change, and legislative amendments to the sanction were not made. Second, shortcomings in the design of sanctions may appear, when the legislator does not or partly consider one of the signs that determine the nature and degree of public danger of the act. Moreover, this is true at the stage when it is not possible to unambiguously determine the sanction compliance with the nature and degree of public danger of the crime.

Conclusion

So, the optimal sanction must meet requirements of criminological validity, fairness, effectiveness and consistency, which can be attributed to the key ones.

The criminological validity requirement is voluminous and multidimensional. The sanction that is criminologically valid should be aimed at preventing and reducing crime as a phenomenon, meet scientifically based requirements of the fight against crime, take into account the public danger of the act and the alleged offender's personality, data on the crime in general, its determinants, etc.

The sanction fairness requirement means that the sanction corresponds to the public danger of the crime. It is necessary to develop an algorithm that helps establish a one-to-one correspondence between the nature and degree of public danger of the crime and parameters of the sanction (types and sizes of penalties, alternativeness of the sanction, presence of additional penalties, etc.).

The sanction effectiveness requirement means a sufficient degree of conformity of the result obtained and the goals set before the sanction. General prevention of crime commission and contribution to punishment goals achievement are considered as its tasks. The sanction effectiveness should be assessed with the assumption that the work of law enforcement agencies remains at the same (constant) quality level. As for effectiveness criteria in the most general form, they are dynamics of crime and dynamics of the number of crimes committed by persons previously convicted of crimes. However, they have certain flaws and therefore need more careful elaboration.

The consistency requirement presupposes the need for consistency of sanctions with each other, both within the framework of one article and the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation as a whole.

All key requirements are interrelated and complementary. Thus, the requirement of criminological validity is closely related to

the one of the sanction fairness in terms of determining the nature and degree of public danger of the act; the sanction fairness requirement is linked with the consistency requirement. The demand for effectiveness is connected with the demand for justice in the sense of achieving the goal of restoring social justice, etc.

REFERENCES

1. Atal'yants M.A. The method of committing a crime: criminal and legal significance. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo=The Moscow University Herald. Series 11. Law*, 2008, no. 4, pp. 119–128. (In Russ.).
2. Badamshin I.D., Poezzhalov V.B. The restoration of social justice as the purpose. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian legislation*, 2013, no. 2, pp. 94–96. (In Russ.).
3. Boskholov S.S., Badmaeva B.B. On the concept and criteria of criminological substantiation of humanizing criminal policy. *Kriminologicheskii zhurnal OGUEP=Criminology Journal of ONUEL*. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-kriteriyah-kriminologicheskoy-obosnovannosti-gumanizatsii-ugolovnoy-politiki (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
4. Bytko S.Yu. *Effektivnost' preduprediteľnogo vozdeistviya ugolovnogo nakazaniya: monografiya* [Effectiveness of preventive impact of criminal punishment: monograph]. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2014. 135 p. ISBN 978-5-89172-891-2
5. Bytko S.Yu. *Effektivnost' preduprediteľnogo vozdeistviya ugolovnogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskii i prikladnoi aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Effectiveness of the preventive effect of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspect: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2018. 471 p.
6. Valeev M.T. Criminological substantiation of penal sanctions of the special part of the criminal code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya=Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 5–12. (In Russ.).
7. Voronin V.N. The influence of public danger of crime on the measure of punishment. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina=Bulletin of the O.E. Kutafin University*, 2015, no. 7, pp. 88–103. (In Russ.).
8. Garbatovich D.A. Criminal punishment: aspects of "effectiveness". *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo=Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, 2014, vol. 14, no. 4, pp. 32–37. (In Russ.).
9. Herzenzon A.A. *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya. Problemy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnoi politiki* [Criminal law and sociology. Problems of sociology of criminal law and criminal policy]. Moscow: Yurid. lit., 1970. 286 p.
10. Gustova E.V. *Postroenie sanktsii v ugolovnom prave Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskii aspekt: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Designing sanctions in the criminal law of the Russian Federation: theoretical aspect: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Voronezh, 2015. 204 p.
11. Gustova E.V. Theoretical foundations of the construction of criminal sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo=Bulletin of the VSU. Series: Pravo*, 2015, no. 2, pp. 206–216. (In Russ.).
12. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
13. Epifanova E.V. *Obshchestvennaya opasnost' kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel'naya definitsiya: istoriya i sovremennost': monografiya* [Public danger as a scientific category, legislative definition: history and modernity: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2012. 146 p. ISBN 978-5-43960-049-6.
14. Zhidkov E.V. *Chastnoe preduprezhdenie prestuplenii kak tsel' primeneniya ugolovnogo nakazaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Private crime prevention as the purpose of criminal punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2004. 290 p.

15. Draft Law No. 464757-7 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (regarding establishment of criminal liability for actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation). *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti: ofitsial'nyi sait* [System of ensuring legislative activities: official website]. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7 (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
16. Draft Law No. 536-8 "On amendments to Article 116-1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (in terms of clarifying responsibility for fighting). *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti: ofitsial'nyi sait* [System of ensuring legislative activities: official website]. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/536-8 (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
17. Ivanchenko E.A. Constructing criminal-legal sanctions taking into account the latest criminal policy of the state. In: Lopashenko N.A. (Ed.). *Ugolovno-pravovoi zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoi prestupnost'yu: sbornik nauchnykh trudov* [Criminal-legal prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: collection of scientific papers]. Saratov: Satellit, 2008. Pp. 120–122. (In Russ.).
18. Istomin A.F. Goals of punishment. In: Alekseev A.I., Zhevlakov E.N., Ustinova T.D. (Eds.). *Problemy teorii i praktiki primeneniya ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of theory and practice of application of criminal and criminal procedure legislation: collection of scientific papers]. Moscow, 2004. Pp. 26–38. (In Russ.).
19. Kozlov A.P. *Mekhanizm postroeniya ugolovno-pravovykh sanktsii: monografiya* [Mechanism of construction of criminal law sanctions: monograph]. Krasnoyarsk: Izdat. tsentr Krasnoyar. gos. un-ta, 1998. 406 p.
20. Kozlov S.I. The expediency of applying such a penalty as the death penalty. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo=Science. Society. State*, 2017, vol. 5, no. 4 (20). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tselesoobraznost-primeneniya-takogo-vida-nakazaniya-kak-smertnaya-kazn (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
21. Kuznetsova N.F. *Izbrannye trudy: sbornik* [Selected works: collection]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2003. 832 p. ISBN 5-94201-205-9.
22. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast' osobennaya. Tom 3* [Course of Soviet criminal law. Special Part. Volume 3]. Ed. by Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1973. 836 p.
23. *Kurs ugolovnogo prava. V 5-ti tomakh. Tom 1: Obshchaya chast'. Uchenie o prestuplenii* [Course of criminal law. In 5 volumes. Volume 1: General part. Doctrine of crime]. Ed. by Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 611 p. ISBN 5-94373-034-6.
24. Lapunin M.M. Analytical reference on the study of sanctions of criminal law norms placed in Section VII of the Criminal Code of the Russian Federation. In: Lopashenko N.A. (Ed.). *Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyi zakon: sbornik nauchnykh trudov* [Crime, criminal policy, criminal law: collection of scientific papers]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yur. akad., 2013. Pp. 285–300. (In Russ.).
25. Leist O.E. *Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu: (Teoreticheskie problemy)* [Sanctions and responsibility under Soviet law. Theoretical problems]. Moscow: Izd-vo MGU, 1981. 239 p.
26. Lopashenko N.A. Concept, criteria and indicators of the effectiveness of criminal punishment. In: *Gruntov I.O. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya i mekhanizmov funktsionirovaniya sistemy protivodeistviya prestupnosti: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Minsk, 18–19 oktyabrya 2013 g.)* [Improvement of legal regulation and mechanisms of functioning of the crime prevention system: materials of the International scientific and practical conference (Minsk, October 18–19, 2013)]. Minsk: Izd. tsentr BGU, 2013. Pp. 64–66. ISBN 978-985-553-143-3. (In Russ.).

27. Mal'tsev G.V. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social justice and law]. Moscow: Mysl', 1977. 255 p.
28. *Materialy teoreticheskoi konferentsii po voprosam sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava (mai 1957 g.)* [Materials of the theoretical conference on Soviet correctional labor law (May 1957)]. Ed. by Studenikin S.S. Moscow: Izd-vo VSh MVD SSSR, 1957. 228 p.
29. Milyukov S.F. *Problemy kriminologicheskoi obosnovannosti rossiiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Problems of criminological validity of Russian criminal legislation: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2000. 422 p.
30. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs lektsii. V 2-kh tomakh. Tom 1. Obshchaya chast'* [Russian criminal law: course of lectures. In 2 volumes. Volume 1. General part]. Moscow: Yurid. lit. 2004, 496 p.
31. Nikiforov B.S. Punishment and its goals. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo=The Soviet State and Law*, 1981, no. 9, pp. 63–71. (In Russ.).
32. Noah I.S. *Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugolovnom prave* [Issues of the punishment theory in Soviet criminal law]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1962. 156 p.
33. Optimal. *Akademik: sait* [Academician: website]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/40963/optimal'nyi (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
34. Pashkov A.S, Chechot D.M. Effectiveness of legal regulation and methods of its detection. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo=The Soviet State and Law*, 1965, no. 8, pp. 3–11. (In Russ.).
35. Petrukhin I.L. Once again about the death penalty. *Yuridicheskii mir=Legal World*, 2002, no. 4, pp. 4–11. (In Russ.).
36. Pobegailo E.F. The concept of combating crime and problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation. In: *Pyat' let deistviya UK RF: itogi i perspektivy: materialy 11 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, sostoyavsheisya na yuridicheskom fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 30–31 maya 2002 g.* [Five years of the Criminal Code of the Russian Federation: results and prospects: materials of the 11th international scientific and practical conference held at the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University on May 30–31, 2002]. Moscow: LeksEst, 2003. Pp. 57–62. (In Russ.).
37. Pobegailo E.F. On the criminological validity of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. In: Kropachev N.M., Volzhenkin B.V. (Eds.). *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: traditsii, sovremennost', budushchee: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora M.D. Shargorodskogo (k stoletiyu so dnya rozhdeniya), 1–2 iyulya 2004 g., Sankt-Peterburg* [Russian criminal law: traditions, modernity, future: materials of the scientific conference dedicated to the memory of Professor M.D. Shargorodskii (to the centenary of his birth), July 1–2, 2004, Saint Petersburg]. Saint Petersburg: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. Pp. 54–63. (In Russ.).
38. Pobegailo E.F. *Umyshlennye ubiistva i bor'ba s nimi. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Premeditated murders and the fight against them. Criminal law and criminological research]. Ed. by Trufanov V.V. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1965. 206 p.
39. *Polnyi kurs ugolovnogo prava: prestuplenie i nakazanie. V 5-ti tomakh. Tom 1. Prestuplenie i nakazanie* [Full course of criminal law: crime and punishment. In 5 volumes. Volume 1. Crime and punishment]. Ed. by Korobeev A.I. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press. 2008. 1,133 p. ISBN 978-5-94201-542-8.
40. Draft Federal Law "On criminological expertise". *Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya imeni Azalii Ivanovny Dolgovoi: sait* [Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova: website]. Available at: http://crimas.ru/?p=1685 (In Russ.). (Accessed August 18, 2022).
41. Pudovochkin Yu.E., Andrianov V.K. Structural regulatories and rules for constructing sanctions of criminal-legal norms. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Law Journal*, 2018, no. 5, pp. 71–84 (In Russ.).

42. Seliverstov V.I Correctional doctrine and its impact on the status of an induvidual exonerated from serving their sentences. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta=Juridical Journal of Samara University*, 2018, no. 2, pp. 65–73. (In Russ.).
43. Spiridonov L.I. *Sotsiologiya ugolovnogo prava* [Sociology of criminal law]. Moscow: Yurid. lit., 1986. 237 p.
44. Tagiev M.N. *Ugolovnoe nakazanie v sisteme mer vozdeistviya na prestupnost'* [Criminal punishment in the system of measures of influence on crime]. Baku: In-t filosofii i prava AN AzSSR, 1989. 123 p.
45. Ter-Akopov A.A. *Prestuplenie i problemy nefizicheskoi prichinnosti v ugolovnom prave* [Crime and problems of non-physical causality in criminal law]. Moscow: Yurkniga, 2003. 478 p. ISBN 5958900048.
46. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal law of Russia. General Part: textbook for bachelors]. Moscow: Prospekt, 2013. 563 p. ISBN 978-5-392-09354-0.
47. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov* [Criminal law of Russia. General Part: textbook for universities]. Ed. by Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. Moscow: Statut, 2012. 879 p. ISBN 978-5-8354-0856-6.
48. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal law. General part: textbook for bachelors]. Ed. by Chuchaev A.I. Moscow: Prospekt, 2013. 442 p. ISBN 978-5-392-07543-0.
49. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs v 10 tomakh. Tom 1. Ponyatie, tseli ugolovnogo nakazaniya. Sistema ugolovnogo nakazaniya. Kniga 2. Tseli, sistema i effektivnost' ugolovnogo nakazaniya* [Criminal law. General part. Punishment. Academic course in 10 volumes. Volume 1. Concept and goals of criminal punishment. System of criminal punishment. Book 2. Goals, system and effectiveness of criminal punishment]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow: Yurlitinform, 2021. 760 p. ISBN 978-5-4396-2161-3.
50. Utkin V.A. *Problemy teorii ugolovnykh nakazanii: kurs lektsii* [Problems of the theory of criminal penalties: course of lectures]. Tomsk: Izdat. dom Tom. gos. un-ta, 2018. 239 p. ISBN 978-5-94621-680-7.
51. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava* [Criminological foundations of criminal law]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 213 p.
52. Filippov P.A. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya v otechestvennom ugolovnom prave: monografiya* [Crimes against the order of management in domestic criminal law: monograph]. Moscow: Prospekt, 2020. 872 p. ISBN 978-5-392-31456-0.
53. Filippov P.A. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: teoretiko-prikladnye problemy i doktrinal'naya model' ugolovnogo zakona: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Crimes against the order of management: theoretical and applied problems and the doctrinal model of criminal law: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2017. 621 p.
54. Shargorodskii M.D. *Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu* [Selected works on criminal law]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2003. 434 p.
55. Shebanov D.V. *Kriminologicheskaya obosnovannost' ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya v sfere okhrany sobstvennosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminological validity of criminal legislation and its application in the field of property protection: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2017. 21 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VIKTORIYA V. ALEKSANDROVA – Candidate of Sciences (Law), Assistant at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, domna80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3611-3301

Received August 28, 2022

Original article
UDC 343.85
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.003

Criminal Subculture Influence on Criminal Behavior of Those Sentenced to Forced Labor

IVAN V. DVORYANSKOV
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, Vologda Institute of Law and Economics, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0542-5254

ANDREI M. SIKA
Novosibirsk Psychiatric Hospital of the Specialized Type of Intensive Observation of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk Oblast, Novosibirsk, Russia, vibesam@gmail.com

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of an important scientific problem – the influence of criminal subculture on criminal behavior of those sentenced to forced labor. The modern state of criminality among the specified category of persons and problems of its prevention are considered. A criminal (prison) subculture as an essential criminogenic factor is studied. *Purpose*: to study the use of criminal punishment in the form of forced labor for identifying organizational problems, including with prevention of crimes of persons sentenced to this punishment. *Methods*: the research is based on the dialectical approach to the study of social processes and phenomena. The following methods, traditional for penal law and criminology sciences, are used: analysis and synthesis; comparative legal; formal legal; sociological. *Results*: commission of crimes by those sentenced to forced labor is largely due, on the one hand, to insufficiently established legal and organizational mechanisms of preventive work with such a contingent. On the other hand, it is necessary to take into account the specifics of its composition: a significant part of the special contingent registered with the correctional center consists of persons transferred from correctional institutions of various regime types, including for committing grave and especially grave crimes, under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation (commutation of punishment). It is this category of convicts who disseminate a criminal (prison) subculture that they got into in places of imprisonment. According to results of the sociological research, crimes in correctional centers are mainly committed by such convicts. *Conclusions*: the authors come to a number of conclusions. Criminological aspects of the criminal (prison) subculture influence on the criminality of those sentenced to forced labor, both on the territory of correctional centers (areas of correctional centers, areas functioning as correctional centers) and beyond, their causes and related factors are analyzed. Forms and methods of countering the spread of the criminal (prison) subculture, preventive work with convicts to forced labor, are studied. Theoretical approaches and specific preventive measures are developed. Proposals of a theoretical, practical and legislative nature with scientific novelty are formulated, aimed at improving prevention of crimes committed by those sentenced to forced labor.

Keywords: forced labor; correctional centers; isolated areas functioning as correctional centers; convicts; criminal (prison) subculture, crime prevention; preventive activities.

5.1.4. Criminal law sciences.

© *Dvoryanskov I.V., Sika A.M., 2022*

For citation: Dvoryanskov I.V., Sika A.M. Criminal subculture influence on criminal behavior of those sentenced to forced labor. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 372–379. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.003.

Introduction

At the present stage, the criminal (prison) subculture is an immanent feature of most convicts' mentality. It is characterized by specific manifestations, such as traditions and attributes of the criminal world, conceptual and semantic basis of relations both within and outside the community, in particular, with employees of the penal system and other law enforcement agencies. There are other terms in the literature, for example, criminal ideology, penitentiary subculture. We use the definition "criminal (prison) subculture", since we believe and have every reason to believe that it originates in places of deprivation of liberty, all other manifestations (in particular, those prohibited in the Russian Federation) are derived from it.

Numerous studies confirm the direct influence of the criminal subculture on criminal behavior of convicts [1–3; 5–10; 12–19].

General characteristics of the problem

Relations in the criminal environment are characterized the struggle for dominance. As a result, stronger ("authoritative") representatives of the community impose norms of behavior ("concepts") for the main mass of convicts.

Though principles of "equality" and "justice" are postulated, in fact, these norms establish a rigid hierarchy, in particular, the minority at the top dictates its rules to the majority, putting it in an unequal and often humiliating position. There is a segregation of the social environment of convicts into groups with different status in the community.

We will consider some attributes of the criminal (prison) subculture.

1. Jargon. A special thieves' slang (jargon, argot, thug fenya) emerged in the beginning of the 18th century. This metalanguage performed the function of a certain encoding of values, interests, concepts, making conversation between the initiates incomprehensible to others. Of course, knowledge of jargon is a kind of (initial) pass (password) to communication.

Therefore, thieves' Latin, fenya has always been studied in special scientific and educational literature, as well as training of operatives, correctional officers, etc.

It is obvious that criminal jargon is not a frozen semantic system. Like any language, it develops under the influence of general cultural environment, historical, political and other factors. In this regard, it is important for a member of the criminal community or a person seeking to join it not only to speak in criminals' argot, but also to constantly monitor its changes and use the current version. Otherwise, at best he will be expelled from this environment, at worst he will be subjected to certain sanctions.

2. Nicknames (monikers, monekeers). Nicknames (monikers, monekeers) play a special role in convict environment. A nickname is defined as a conspiratorial or humorous, or mocking name. Among convicts, nicknames are assigned for almost any reason. Usually they reflect bright distinctive features of their bearer (physical disabilities or virtues), character, elements of biography, etc. In addition, nicknames are sometimes derived from the name or surname of a person.

3. Tattoos as an iconic symbol reflect one of the ways of social communication. They refer to non-verbal means of convicts' criminal communication. At the same time, it is necessary to distinguish prison tattoos from others. Their specifics consists in high information content, encrypted information about the status, criminal profession, biography, inclinations and views of the carrier. One cannot make a prison tattoo for no reason. In case the one has no right to wear such a tattoo, he has to removed it or he is subjected to the already mentioned prison sanctions.

4. Suits, groups, castes. There is a rigid hierarchy among convicts, determined by very archaic and sometimes discriminatory signs, depending on criminal specialization, thievish' record, authority in the criminal environment, nationality, and religious views. It is characteristic that there is no clearly defined system of social elevators in the criminal environment. This is expressed in the fact that not everyone can reach the highest level in the criminal hierarchy, and not only because

of personal data, but also according to a priori inherent personality traits. So, a woman cannot reach the highest hierarchy (although there have been exceptions in history, for example, Sonya Golden Pen).

In the punishment execution conditions, there are specific gradations applicable only to this particular community. Depending on the socio-moral orientation, there are groups of positive and negative orientation.

Unfortunately, the criminal subculture is highly contagious, including in relation to persons who are not its representatives. Thus, according to employees of penal institutions, they often use the terminology of informal division in their work, and sometimes characterize, evaluate and study convicts from these positions. Informal division of convicts into groups is provoked by various relations between convicts, based on customs and traditions of the criminal world, established and rooted so long ago that they have their own history.

The stated above substantiates the need to study characteristic features of the criminal (prison) subculture in order to more effectively search for measures aimed at countering its strengthening as a factor affecting not only penitentiary crime, but also activities of penal institutions.

To date, a serious factor provoking crime in institutions executing forced labor, such as correctional centers (CC), areas of correctional centers (CC), areas of correctional institutions functioning as correctional centers (AFCC), convicts whose imprisonment was commuted to forced labor under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. The modern version of this article allows substitution in respect of persons convicted of crimes of any gravity, including particularly serious ones.

According to practitioners, persons released from correctional institutions of various types of regime in which they have served sentences for committing serious and especially serious crimes comprise a significant part of the special contingent registered with the CC (ACC). It is representatives of this category of convicts who most often commit crimes and other offenses. At the same time, it is these convicts who spread the criminal (prison) subculture that they got into in correctional institutions.

Another serious criminogenic factor is that repeatedly convicted persons are held in the CC (ACC) together with those who have no previous convictions. Repeat offenders can exert a negative influence on the latter and encourage them to join the criminal subculture.

The criminal subculture influence problem is solved by means of collective and individual educational work. Thus, CC (ACC, AFC) employees note such convicts' unwillingness to work in a team together with women from the civilian staff of the enterprise, especially when women manager convicts' activities (forewoman, etc.).

There are cases of differentiation of convicts' informal status, violations of the rights of those who have a low status in the criminal environment.

During the period of serving forced labor, convicts may resort to actions of a demonstrative blackmail nature, mainly in order to attract attention to themselves (in order to earn authority in the team, make the administration ease internal regulations or get some other indulgencies). To date, the CC administration has no other adequate measures than conducting educational work.

According to CC (ACC, AFC) employees, convicts who has permanently resided in the region before sentencing are more likely to commit offenses, since they retain social ties, including those of an antisocial and criminal nature, which contributes to their unlawful behavior. At the same time, convicts who have arrived from other regions demonstrate generally more law-abiding behavior, overwhelmingly do not violate not only internal regulations, but also labor discipline at the enterprise where they work, express a desire to stay there after serving their sentence.

Thus, the main reason for the increase in the number of convicts committing illegal acts (including crimes) in correctional centers, in our opinion, is that the courts are currently actively applying this penalty, especially in relation to convicts released from prison in connection with the commutation.

Our survey of CC (ACC, AFC) employees in a number of Russian regions (Belgorod, Vladimir, Volgograd, Voronezh, Kirov, Moscow, Novgorod, and Omsk oblasts, Perm, Primorsky and Stavropol krais) showed that the most common manifestations of criminal subculture among convicts are:

– tattoos – 93.33 % of the surveyed employees;

– belonging to other antisocial communities/groups (social networks, youth criminal groups, etc.) that cause antisocial, aggressive behavior – 20% of the surveyed employees;

– without explanation – 6.67% of the surveyed employees.

Attributes in clothing, belonging to the AUE were not noted by respondents as a common manifestation of subculture

The most significant criminogenic factors affecting those sentenced to forced labor are:

– the use of alcohol/drugs/psychotropic substances – 86.67% of the surveyed employees;

– impact of the environment, social circle of the convict, criminal subculture – 46.67 % of the surveyed employees;

– organizational problems – 13.33 % of the surveyed employees;

– gaps in legislation – 13.33 % of the surveyed employees;

Other criminogenic factors are not specified.

The study identified the most characteristic features of the personality of those sentenced to forced labor, prone to committing crimes and other offenses:

– propensity to use alcoholic beverages, narcotic, psychotropic substances; lack of socially significant connections – 40% of the surveyed employees;

– repeated convictions in the past, aggression, unwillingness to work, waywardness – 13.33% of the surveyed employees;

– criminal needs and motivation, emotional and volitional deformation, negative social interests, poor socialization, low control of behavior, established lifestyle – 13.34% of the surveyed employees;

– aggression, low educational level – 6.67% of the surveyed employees;

– emotional instability, excitability, tension, pessimistic attitude to the future – 6.67 % of the surveyed employees;

– individuals with aggressive, antisocial selfish orientation, persons with mental self-regulation defects – 6.67% of the surveyed employees;

– impulsiveness, bitterness – 6.67 % of the surveyed employees;

– low level of legal awareness – 6.67% of the surveyed employees.

The number of those who committed repeated crimes while serving a sentence in the form of forced labor in the surveyed regions in 2021 amounts to 44 persons (0.68%), of whom:

– 12 people (27.27%) committed a crime within the first three months after arriving at the CC (AFCC);

– 5 people (11.36%) committed a crime on the territory of the IC (AFCC);

– 39 (88.64%) committed a crime outside the territory of the IC (AFCC);

– 7 (15.91%) committed a crime while intoxicated;

– nobody committed a crime under the influence of narcotic, psychotropic substances and their analogues;

– nobody committed violent crimes against convicts;

– 3 persons (6.82%) committed violent crimes against IC (AFCC) employees;

– nobody committed violent crimes against representatives of the administration of the enterprise where they were employed;

– 1 person (2.27%) committed mercenary crimes against convicts' property;

– nobody committed mercenary crimes against the property of the IC (AFCC);

– 1 person (2.27%) committed mercenary crimes against the property of the enterprise where they were employed;

– 14 persons (31.82%) committed mercenary crimes against other citizens' property;

– 6 persons (13.64%) committed crimes against property;

– 10 (22.73%) committed crimes in the field of illicit drug trafficking;

– nobody committed crimes against public or management;

– 6 persons (13.64%) committed other crimes.

Separately, we should focus on differences in criminal behavior of those convicted for the first time and those previously convicted. It is known that the maximum increase accounts for persons to whom forced labor is commuted under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. In 2019 it amounted to 46% (first-time convicted), 63% (previously convicted), in 2020 51% and 69%, respectively.

Almost every fourth convict committed malicious violations of the order and conditions of serving a sentence in the form of forced labor, including:

– use of alcoholic beverages;
– petty hooliganism, disobedience to the administration representatives;
– refusal to work;
– unauthorized abandonment of the CC (AFCC, ACC) territory without valid reasons;
– untimely return to the place of serving the sentence;
– manufacture, storage or transfer of prohibited items and substances.

It should be noted that in 2021, 72% of 2,871 violators accounted for convicted men, whose sentence was commuted to forced labor under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The data obtained confirm the existing opinion on the need to supplement current organizational and legal measures ensuring the order and conditions of serving a sentence in the form of forced labor at the place of work and stay, including of operational-investigative nature.

The most common crimes committed by those sentenced to forced labor are the acts provided for in Articles 105 of the Criminal Code of the Russian Federation; 109 of the Criminal Code of the Russian Federation; 111 of the Criminal Code of the Russian Federation; 115 of the Criminal Code of the Russian Federation; 158 of the Criminal Code of the Russian Federation; 159 of the Criminal Code of the Russian Federation; 161 of the Criminal Code of the Russian Federation; 162 of the Criminal Code of the Russian Federation; 228 of the Criminal Code of the Russian Federation; 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; and 318 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Thus, the structure of crime of those sentenced to forced labor is dominated by mercenary and mercenary-violent crimes (theft, fraud, robbery, robbery). A significant number are so-called drug-related crimes (Articles 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The share of crimes against the person, in particular, such dangerous as murder, causing serious harm to health, etc. is also rather considerable.

The data obtained in the course of our own sociological research proves the previously stated assumption that persons to whom forced labor is imposed to commute the punishment under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation and who arrive at the CC (AFCC) from correctional institutions are more likely to commit crimes.

For comparison, the share of crime committed by convicts of the considered sociological sample (7,190 people), to whom forced labor was initially imposed, amounts to 0.37%, of which 20% within the first three months after arrival at the CC (AFCC). In the studied group the persons convicted of serious crimes make up 15.02%.

At the same time, convicts whose sentence was commuted to forced labor under Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation committed crimes while serving their sentence in 0.88% of cases, of which 47.5% of cases were committed during the first three months after the arrival at the CC (AFCC). In the studied group of persons convicted of serious crimes account for 68.21%.

The survey was analyzed according to the following structure of crimes of those sentenced to forced labor: commission of a crime within and outside the territory of the CC (AFCC); a crime under the influence of alcohol, narcotic, psychotropic substances; violent crimes against representatives of the administration of the enterprise where they are employed; mercenary crimes against the property of convicts and the correctional center (AFCC, ACC); mercenary crimes against the property of other citizens; crimes against property in the sphere of illicit drug trafficking; against public order or the order of management and other crimes.

The category of convicts who have committed crimes outside CC (AFCC, ACC) territory is given special attention, since 80–90% of the total number of those who have violated law belong to this category. In addition, every fourth convict committed a new offense while intoxicated.

Conclusions

The conducted research allows us to draw several conclusions.

First, we cannot but agree with researchers' stance that the Criminal Code of the Russian Federation and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015 "On the practice of imposing criminal punishment by the Russian courts" lack clear criteria for courts to decide on commutation of incarceration to forced labor [11]. So, courts refer

to circumstances of the crime committed, identity of the perpetrator, conformity of the imposed penalty to the justice principle. It is possible to identify special criteria that the court may take into account when considering the issue of imposing a criminal penalty in the form of forced labor.

So, for example, with extreme caution, forced labor should be imposed to men aged 20–30 without a family, with incomplete general education, convicted of beatings, threatening to kill or causing serious harm to health, non-payment of funds for the maintenance of children, intentional infliction of minor harm to health, violation of domicile, insulting a representative of the authorities, etc.

Second, Part 4 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented with the following circumstances, which the court takes into account when replacing the unserved part of imprisonment with forced labor. It seems that the court, along with other information characterizing the convicted person and his behavior during the period of serving imprisonment, should evaluate data indicating the presence or absence of the convicted person's education, specialty, family, socially significant diseases, as well as guarantees of his/her employment.

Third, the number and nature of convicts' violations of the order and conditions of serving a sentence in the form of forced labor: manufacture, storage or transfer of prohibited items and substances, including the use of alcoholic beverages, narcotic drugs, psychotropic and new potentially dangerous psychoactive substances; petty hooliganism; disobedience to representatives of the CC (AFCC, ACC) administration, their insult; unauthorized abandonment of the CC territory (AFCC, ACC) without valid reasons; untimely return to the place of serving the sentence indicates the need to increase staffing of correctional centers (AFCC, ACC), including by introducing various categories of positions, inter alia, of operations officers.

Yu.A. Kashuba substantiates the legislative possibility to transfer convicts sentenced to imprisonment before their release on parole to correctional centers [4].

The spread of criminal subculture among convicts, as well as the concentration of convicts in dormitories of the CC (AFCC, AC), on the one hand, and free movement within the enterprise and its location, on the other, indicates the need for operational investigative work with such convicts. However, at present, the staffing table of the CC (AFCC, AC) does not provide for the positions of an operations officer and an employee responsible for the secret nomenclature of cases.

When developing preventive work plans and its implementation in the CI (AFCC, AC), it is necessary to consider the followings:

1) identification of persons encouraging persons sentenced to forced labor to commit crimes or antisocial actions;

2) elaboration of crime prevention instructions for those sentenced to forced labor;

3) high-quality supervision conducted by the CC administration, consisting in monitoring and controlling behavior of those sentenced to forced labor in the correctional center, at work and in other places of their stay. It should include:

– control over convicts' compliance with the Internal Regulations of the CC (AFCC, ACC);

– ensuring the access regime on the territory, checking the presence of convicts of the established sample of documents certifying their identity;

– conducting checks on the presence of convicts in the CC (AFCC, ACC) and at work;

– ensuring the established procedure and conditions for serving sentences by convicts placed in premises for violators.

– use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control.

As mentioned earlier, convicts who have permanently resided before sentencing in the territory of the region where they are serving their sentence are more likely to commit offenses, since they retain social ties, including criminal ones, which contributes to their delinquent behavior. At the same time, convicts who arrived from other regions demonstrate generally more law-abiding behavior, overwhelmingly do not violate not only internal regulations, but also labor discipline at the enterprise where they work, express a desire to stay there after serving their sentence. In this regard, it seems inappropriate to apply the general rule contained in Part 1 of Article 60.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which "those sentenced to forced labor serve their sentences in special institutions – correctional centers located

on the territory of the RF subject, where they lived or were convicted". We believe that when choosing a place for a convicted person to serve a sentence in the form of forced labor, it is necessary to take into account features of the convict's personality, including a tendency to socially dangerous behavior, presence of criminal ties, etc.

In most cases, repeat offenders whose deprivation of liberty is commuted to a milder type of punishment more often commit malicious violations of the internal regulations and repeat crimes, which subsequently entails substitution of punishment for imprisonment; thereby the repeated replacement of deprivation of liberty with a milder type of punishment does not encourage convicts to correct. Consequently, the repeated replacement of deprivation of liberty with a milder type of punishment does not form a proper motivation for convicts to reform, they feel the relief provided to them. So, mitigation of punishment by a milder type seems unreasonable, since it does not ensure resocialization of convicts and achievement of one of the penal legislation goals to correct convicts.

Besides, as practice shows, those convicted of particularly serious crimes and crimes against sexual integrity of minors hardly ever realize seriousness of the criminal act. When incarceration is commuted to forced labor for them, they are more prone to illegal actions than others.

In this regard, it is proposed to:

– supplement Part 1 of Article 80 of the Criminal Code with the word "for the first time", stating it in the following wording: "1. A person serving detention in a disciplinary military unit, forced labor or imprisonment for the first time, who has compensated for the damage (in whole or in part) caused by the crime, the court, taking into account his behavior during the entire period of serving the sentence, may commute the unserved part to a milder type of punishment, except for cases of substitution of imprisonment with forced labor under Part 2 of this article. Concurrently, a person may be fully or partially released from serving an additional type of punishment";

– exclude the following paragraphs from Part 2 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation:

"especially serious crimes – at least two-thirds of the sentence or at least half of the sentence when commuting incarceration to forced labor;

crimes against sexual integrity of minors and crimes provided for in Article 210 of this Code – at least three-quarters of the sentence;

crimes against sexual integrity of minors under the age of fourteen - at least four-fifths of the sentence".

REFERENCES

1. Barabanov N.P. Criminological and psychological aspects of the criminal ideology and way of life in the criminal subculture of convicts. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 177–182. (In Russ.).

2. Dvoryanskov I.V. Criminal subculture of minors as a deviant factor. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Kriminal'nye realii, reagirovanie na nikh i zakon* [Criminal realities, response to them and the law]. Moscow, 2018. Pp. 225–233. (In Russ.). ISBN 978-5-87817-085-7.

3. Zlokazov K.V. Impact of criminal subculture on social interaction of juvenile offenders. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 97–106. (In Russ.).

4. Kashuba Yu.A. The possibility of creation of correctional centers system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26 (1–4), no. 1, pp. 11–15. (In Russ.).

5. Kudryashov M.A. Subculture and after it: a history of a fundamental concept in the youth studies. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*, 2014, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.).

6. Matskevich I.M. Criminal subculture. *Rossiiskoe pravo v Internete=Russian Law on the Internet*, 2005, no. 1, p. 5. Available at: https:// www.twirpx.com/file/742088 (In Russ.). (Accessed September 7, 2022).

7. Nepomnyashchaya T.V. Problems of imposition of forced labor. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2018, no. 3 (56), pp. 148–152. (In Russ.).

8. *Osnovy konfliktologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of conflictology: study guide]. Ed. by Pleshchitsa S.G. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2012. 207 p. ISBN 978-5-7310-2774-8.

9. Social portrait of crime: legal statistics portal. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website]. Available at: http://crimestat.ru/ social_portrait (In Russ.). (Accessed November 3, 2021).
10. Sochivko D.V., Polyanin N.A. *Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdeniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Youth of Russia: educational systems, subcultures, correctional institutions: educational and methodological manual]. Moscow: MPSI, 2009. 264 p. ISBN 978-5-9770-0513-5.
11. Stepashin V.M. Problems of forced labor. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 4 (45), pp. 156–161. (In Russ.).
12. Fedoseeva A.A. *Kriminal'naya subkul'tura kak agent sotsializatsii molodezhi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Criminal subculture as a youth socialization agent: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Maikop, 2012. 28 p.
13. Shpak S.V. *Kriminal'naya subkul'tura molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: tendentsii formirovaniya i rasprostraneniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Criminal subculture of youth in modern Russian society: trends in formation and dissemination: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Krasnodar, 2012. 31 p.
14. Shchedrina E.V. A significant circle of communication and the basics of its experimental identification. In: *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva: sbornik trudov* [Socio-psychological problems of personality formation and educational team: collection of works]. Moscow: MGPI, 1975. Pp. 61–70. (In Russ.).
15. Bartlett R., Holditch-Davis D., Belyea M. Clusters of problem behaviors in adolescents. *Journal of Pediatric Nursing*, 2007, no. 33 (1), pp. 13–18. DOI: 10.1002/nur.20078.
16. Bichler G., Malm A., Coope T. Drug supply networks: a systematic review of the organizational structure of illicit drug trade. *Crime Science*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 1–23. DOI: 10.1186/s40163-017-0063-3.
17. Brookmeyer K. A., Fanti K.A., Henrich C.C. Schools, parents, and youth violence: a multilevel, ecological analysis. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2006, vol. 35, no. 4, pp. 504–514. DOI:10.1207/s15374424jccp3504_2.
18. Burk W.J., Laursen B. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment. *International Journal of Behavioral Development*, 2005, vol. 29, no. 2, pp. 156–164. DOI: 10.1080/01650250444000342.
19. Clark J. L., Algoe S.B., Green M.C. Social network sites and well-being: the role of social connection. *Current Directions in Psychological Science*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 32–37. DOI: 10.1177/0963721417730833.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department of Development of Methodologies for the Execution of Criminal Penalties without Deprivation of Liberty of the Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activities of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0542-5254

ANDREI M. SIKA – Deputy Assistant on Duty to the Head of the Department of the Novosibirsk Psychiatric Hospital of the Specialized Type of Intensive Observation of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novosibirsk Oblast, Novosibirsk, Russia, vibesam@gmail.com

Received September 8, 2022

Original article
UDC 343.2/.7
doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.004

The Content and Interpretation of the Philosophical Category "Measure" in Criminal Law

VALERII F. LAPSHIN
Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

Abstract

Introduction: the article studies approaches to the definition of the essence of the philosophical term "measure" and features of its criminal interpretation in the categories of "punishment", "liability", "impact", etc. *Purpose*: to identify the possibility of using criminal punishment (type of the measure and its quantity in the form of size/term) as a universal means of determining the scale of the public danger of each crime. *Methods*: dialectical, formal-logical, observation, analysis, synthesis, classification, system-structural. *Results*: the analysis of general philosophical and legal approaches to understanding the essence of measure shows that this category has many meanings: from an absolute digital value to a variable assessment made by a person depending on his/her development level and environment characteristics. Understanding the essence of measure as something exceptionally constant is a misconception. *Conclusions*: the concept "measure" in the criminal legal meaning represents, first of all, the limit of permissible behavior. In this context, all criminal law should be recognized as the measure, the prescriptions of which make it possible to distinguish between criminal and non-criminal forms of behavior. Punishment cannot be considered as a constant value by which the social danger of each crime is determined. The assessment of the social danger of crime varies significantly depending on social values, the types and meaning of which are subjectively determined (formed, changed, rejected) only by a person.

Keywords: measure; state coercion; punishment; liability; criminal legal impact; public danger of crime; justice; retribution.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

For citation: Lapshin V.F. The content and interpretation of the philosophical category "measure" in criminal law. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 380–387. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.004.

Introduction

Representatives of the criminal law doctrine identify the "measure" primarily with punishment, or rather with its type and temporary features of implementation. This is not surprising, since the legislator defines criminal punishment as nothing else than the "measure of state necessity", consisting in the deprivation or restriction of the rights and freedoms of a convicted person (Part 1 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation).

But even a superficial comparison of the essence of any punishment will cast doubt on the possibility of accurate *correlation* of the harm caused by the crime with the deprivation and legal restrictions that a perpetrator undergoes in the execution of the punishment imposed on him/her. For instance, for causing death by negligence, a person may be imposed correctional labor for up to two years. The same punishment may be imposed on a person who has made a deliberately false denunciation of the crime commission (Part 1 of

© Lapshin V.F., 2022

Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation), and the material and moral harm from the act may be minimal or generally undetectable. There is a certain number of such examples in the current criminal law. It is often difficult to give an unconditionally positive answer about the fairness of punishment, which is provided for by the sanction of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation for the corresponding socially dangerous act. Hence, the identification of a type of specific punishment and a coercive measure, the essence of which has not yet been definitively determined by penitentiary scientists [16, pp. 254–260, 282–289], requires deep consideration. In addition, the word "measure" has several lexical meanings that do not intersect with each other [13, p. 338], many of which, with a certain abstraction, can claim to be a characteristic of punishment as a criminal category.

The main part

The content of the category "measure" remains a subject of philosophical research, originated in ancient times. The analysis of the philosophical treatises currently available confirms that at all times the category "measure", along with fundamental categories and ideas of human existence, has aroused interest of thinkers. Perceiving this category as a means of fixation or generalization, used when comparing various objects, their properties and other material and immaterial characteristics, researchers define it differently. The definition and subsequent justification of the measure as a fundamental metaphysical category is given in the works of representatives of classical German philosophy [2, p. 277], however, even representatives of ancient philosophy had different opinions about the possible content of the measure. Subsequently, the semantic meaning of the measure remained mostly unchanged, although it was provided with rather capacious comments or suggestions related to the practical application of existing knowledge about the measure.

Thus, Pythagoras, understanding the world as a "magnificent order", believed that this order is provided by a strict numerical value. Therefore, every object or phenomenon existing in the world had to have a universal measure of evaluation – a number, and the evaluation system in the world is formed on the basis of the laws of integers [6, pp. 316–319].

The measure in Solon's philosophy is a category that characterizes the maximum permissible value. Going beyond the measure meant violating some good, causing evil. In this sense, the good was considered as a synonym for the measure [15, p. 156]. The search for the measure in public relations, establishment of state institutions and definition of their powers is caused by the desire for happiness for representatives of all social groups. On the contrary, the rejection of a sense of measure and proclamation of permissiveness lead to tyranny, an increase in the number of the annoyed and other negative prerequisites generating socio-political catastrophes.

Another method of determining the essence of measure was proposed by Protagoras. Unlike his contemporaries, he demonstrated a subjective approach to defining the essence of measure, stating that "Of all things the measure is Man, of the things that are, that they are, and of the things that are not, that they are not" [2, p. 283]. Based on this postulate, it is possible to develop the idea that the measure cannot have any constancy at all, it is determined only by a person depending on his/her level of intelligence, ideas about the world, needs and other factors affecting the assessment of surrounding objects and phenomena.

Plato did not specifically single out the category of measure, using it in his writings without specifying the philosophical content. Contemplating on the spiritual good, he noted that proportionality (moderation) was one of the components of the good. In his opinion, the measure can be used as a means of measuring objects of the material world, as well as in the quality of a certain average value between excess and deficiency [14, p. 199, 621], that is, categories that cannot be evaluated in numerical values.

Aristotle drew attention to the presence of a certain set in the definition of the essence of measure. It was considered as a means to cognize quantity, defined through a single and indivisible, having a numerical expression. The measure is a kind of a standard to establish the conformity/non-conformity of homogeneous objects compared in quantity and quality [1, pp. 159, 160, 244]. Besides, it

has a deeper philosophical meaning, since it helps determine the category of quantity. In this part, the measure is a median value between two opposites that are not subject to numerical expression, and is used to assess state policy and public relations that take place in management activities of government institutions [1, pp. 468–469].

Subsequently, representatives of German classical philosophy proved that measure is one of the fundamental scientific categories [2, p. 277]. Obviously, this was caused by the need for a universal understanding of the measure in all kinds of sciences, as well as the increased practical need to solve the problem of the essence of measure and the possibility of objectively establishing reference values.

I. Kant considered the measure as a unit value, but the measure itself, in his opinion, also should be evaluated: "when assessing the value, it is not only about a set (number), but also about a unit value (measure), and the unit value... always requires something else as a measure, with which it could be compared ... any definition of the value of phenomena, of course, cannot give an absolute concept of value, but always gives only a comparative concept" [8, p. 254]. With regard to this circumstance, I. Kant, dwelling on the question of determining the measure, drew attention to the great importance of the one who evaluated the object under study, thereby indicating subjectivity of such a decision, as well as dependence of the interpretation of the content of measure on cognizer's abilities [7, pp. 120–121].

Hegel G.W.F., defining the measure as a unity of quantitative and qualitative, distinguished three varieties: specified quantity, specific measure and real measure. He noted that the first variety had the simplest and most widespread content, reduced to combining a numerical value with a reality subject. The specified quantity should be real, that is, the numerical expression of the declared items should really exist in nature.

A specific measure characterizes the internal relationship between quantitative and qualitative characteristics of one object. This is a more complex and higher level of the content of measure, which extends to one subject, while simultaneously characterizing a certain set of its individual components. For example, thirty members of the armed forces (a specified number) represent one army subdivision – a platoon (a specific measure); a certain number of residential buildings and other buildings on a certain territory form an urban neighborhood, etc. If the specified quantity completely depends on characteristics of a person's perception, then the specific measure no longer has such a dependence and is an objectively existing fact.

The real measure is an absolutely indistinguishable characteristic of the studied subject or phenomenon, which is formed by the specific measures already described, composed of specified quantities. The real measure does not and cannot have a quantitative expression, since it is represented by the only kind in the world – the real measure of the existence of the object of interest. Taking into account these features, the real measure can be equated to the immensity or infinity of the measure, since the measures combined in it become a single whole [4, pp. 422–442]. Space, society, etc. can be recognized as manifestations of the real measure.

The Hegel's three-tier evaluation of the measure is clearly traced in the Marxist teaching, when initially a strictly defined object receives a value of "gold", that is, in monetary terms (a specific quantity), then a general value expression is formed for various groups of heterogeneous objects (a specific measure), and finally, the real measure is expressed in the universal form of value that enjoys universal recognition (a scale of prices) [12, pp. 51–54]. Solving the problem of subjectivity of determining the universal value (the real measure, according to Hegel), K. Marx proposed "abstract-universal work devoid of individuality" that could not be quantified, stating that "universal abstract working time receives an imaginary being in their price, in which they are a homogeneous and only quantitatively different materialization of the same substance of value" [12, pp. 53–54].

The listed approaches to determining the essence of measure formed the basis for the formation of categories of freedom [5, p. 99; 11, p. 96–97], equality [10, p. 263–264], justice, legal awareness and law and order [3, p. 79; 9, p. 50; 17, p. 200], proposed in the sources of the philosophy of law. The overwhelming majority of researchers point out that every person having complete freedom in choosing behavior is doomed to be killed by the one of

his/her kind. Therefore, the guarantee of the creation of a civilized society that provides everyone with both security and comfortable existence is mutual limitation in the rights and freedoms of everyone just as much as it is required to achieve these goals. Such a state of reasonable restriction of the rights and freedoms of each individual is characterized as equality, and relations between people on the basis of mutual respect and observance of the rights, freedoms and legitimate interests represent justice. It is equality and justice that form the general idea of measure implemented in the law of any civilized society.

The essence of measure gained practical significance through the legislative consolidation of the basic categories of criminal law, one of which is criminal punishment (Part 1 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation). However, understanding all the semantic versatility of the measure, it is impossible to reduce its essence to a specific type of impact, which is regulated by criminal law norms. All possible interpretations of the measure in the general philosophical doctrine, as well as in the philosophy of law, are embodied in the content of modern criminal law.

The simplest expression of the essence of measure is the size or term of criminal punishment. Most penalty types fixed in Article 44 of the Criminal Code of the Russian Federation are determined by the term, calculated, according to a general rule, in years and months. Counting up the time of detention, the term of this punishment can be calculated in days and hours. For example, one day of detention is equivalent to one and a half days, that is 36 hours, of detention in a disciplinary military unit, serving a sentence in a juvenile educational facility or a correctional facility of general regime (Part 3, Paragraph "b" of Part 3.1 of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Punishment can also be determined by the amount of money recovered or withheld from a convicted person. This is carried out in the execution of such types of punishments as fines, correctional labor, restriction on military service and forced labor. It should also be noted here that the Criminal Code of the Russian Federation does not contain an absolutely definite term or amount of punishment, setting its minimum and maximum limits in the corresponding norm of the General Part. The numerical specification of the term or size is fixed as a result of the completion of the criminal liability individualization process, that is, establishment of the type of punishment and its exact size (term) in the sentence.

Thus, the measure in criminal law as a quantity expressed in the exact numerical value is specified in terms of time or monetary units in which the corresponding types of criminal penalties are calculated.

The most common understanding of the measure in criminal law is its identification with a means of impact for committing socially dangerous acts. Thus, in accordance with Part 2 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the corresponding Part 1 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, punishment is the main measure in criminal legislation. As the measure, punishment determines types and scope of the rights, freedoms and legitimate interests in which the perpetrator of the crime is restricted or completely deprived. It also shows strict interdependence of crime and punishment. Since the separation of branches having a specific subject of legal regulation and protection, it has become axiomatic to assert that a crime has the greatest social danger (harmfulness) in comparison with any other types of offenses, the commission of which does not entail criminal liability.

The high public danger of a crime determines the content of criminal punishment – the rights, freedoms and legitimate interests in which the convicted person is at least limited in the exercise of criminal liability. All of them have increased significance for a person, thus they are provided with constitutional guarantees by the state. First, the content of certain types of criminal penalties includes deprivation of the right of ownership of certain property guaranteed by Article 35 of the Constitution of the Russian Federation. As a rule, this is expressed in a fixed amount of money withdrawn from the convicted person, for example, when a fine is imposed. Also, this amount can be set in proportion to the size of the convicted person's salary, the cost of the crime subject, etc. Such deprivations are included in the content of fines, correctional labor, restrictions on military service and forced labor.

Second, a significant number of punishments provided for in Article 44 of the Crimi-

nal Code of the Russian Federation restricts or deprives the convicted person of the right to free labor guaranteed by Article 37 of the Constitution of the Russian Federation. For certain punishments, this deprivation comprises their essence, because it is directly indicated as a substantive element: deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, mandatory labor, correctional labor, etc. Some types of punishments, although they do not provide for the restriction of this right, but actually deprive the convicted person of the freedom to choose a type of work (detention in a disciplinary military unit, life imprisonment, etc.).

Third, certain punishments, the execution of which involves the isolation of the convicted person from society, significantly restrict the rights of free movement, choice of place of stay and residence guaranteed by Article 27 of the Constitution of the Russian Federation. This is ensured by the mandatory presence of the convicted person on the territory of the relevant institution implementing criminal punishment in the form of deprivation of liberty. In addition, when executing a sentence in the form of forced labor, the convicted person's right to freedom of movement, choice of place of stay and residence is also significantly restricted, since this punishment is carried out in correctional centers, beyond which the convicted person is allowed in exceptional cases.

Finally, the possibility of depriving a criminal of life by imposing a death penalty is legally preserved. The norms providing for the highest measure of criminal liability (paragraph "n" of Article 44, Article 59 of the Criminal Code of the Russian Federation) have not undergone any changes since the entry into force of the criminal law. In this regard, we can admit that the modern Russian criminal law establishes a punishment, in the application of which the convicted person is deprived of the right to life guaranteed by Part 1 of Article 20 of the Constitution of the Russian Federation.

The analysis of all the listed rights, freedoms and legitimate interests that constitute the essence of criminal punishment allows us to recognize the following fact: one of the functions of criminal punishment is a unified assessment of the severity (nature and typical degree of public danger) of all types of crimes provided for by the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. This is expressed in the fact that socially dangerous acts that are fundamentally different from each other in terms of legal characteristics (type of object, qualitative and quantitative indicators of the harm caused or other negative consequences, features of guilt, etc.) in accordance with the sanctions of criminal legal norms are provided in most cases by the same types of punishments. The highest degree of universality, undoubtedly, has a punishment in the form of imprisonment for a certain period (paragraph "l" of Article 44 of the Criminal Code of the Russian Federation). It can be appointed for almost any act prohibited by criminal law. (Ideally, this statement should have no exceptions and reservations. Otherwise, when the legislator does not establish the possibility of imposing deprivation of liberty for any crime (Part 1 of Article 169, Article 185.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.), it becomes impossible to separate such a crime from other offenses that do not form the basis for criminal prosecution, but entail, for example, disciplinary liability).

We believe that imprisonment for a certain period of time is a universal measure in modern Russian criminal law. Despite the criminal legislation humanization policy that has been carried out for quite a long period of time, focused on the search for alternatives to deprivation of liberty, the latter is still officially presumed as a reference measure used in determining both the severity of the crime committed and the severity of most punishments. The first of these statements is confirmed in Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes the rules for assigning the type of crime to the appropriate category. Thus, the category of the act provided for by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation depends, among other things, on the maximum possible term of imprisonment imposed for this crime.

The universality of one day of imprisonment as a means of measuring the severity of many types of punishment relative to each other is also confirmed by the comparison rules provided for in Articles 71, 72 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this part, it should be noted that each punishment in

its content is intended to provide restriction/deprivation of rights and freedoms, the actual comparison of which is impossible in principle because of their heterogeneity. This becomes obvious when carrying out a comparative analysis of the content of criminal punishments: the right to ownership in forced labor – freedom of choice of work in compulsory labor – the right to free movement in restriction of freedom, etc. The problem is solved by the legal establishment of one day of imprisonment as a reference measure that ensures "bringing to a single denominator" all terms of heterogeneous types of criminal penalties. The same technique makes it possible to understand the severity of the punishment imposed, if it can be correlated with imprisonment calculated in days, but these comparison rules are not universal, since they do not apply to penalties in the form of a fine, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, deprivation of a special, military or honorary title, class rank or state awards, as well as life imprisonment and the death penalty.

However, the criminal law category "measure" is applicable not only to criminal penalties. It seems that it would not be a mistake to point out the presence in the current criminal law of "secondary measures", also included in the criminal liability. Similar to criminal punishment, they are applied to a person found guilty of committing a crime, and in general are aimed at achieving the same goals that are set before criminal punishment (Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Criminal liability measures can be differentiated from criminal punishment primarily on formal grounds: they are not included in the system of criminal penalties listed in Article 44 of the Criminal Code of the Russian Federation. On substantive grounds, that is, according to types of the rights, freedoms and legitimate interests that a criminal is deprived of or restricted, it is more difficult to differentiate them due to the possible identity of limited benefits of a perpetrator. For example, the right to freedom of choice of the work activity type is limited both by the punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, and by the criminal record of the person in respect of whom the imposed punishment has been executed. At the same time, the obligation not to visit, for example, places of entertainment, the obligation to undergo a course of treatment, as well as the performance of other duties that contribute to correction of a convicted person, are included in the content of the conditional sentence of a criminal, but are not officially represented by the content of any criminal punishment.

Finally, it is impossible to ignore the criminal law institution of other measures applied to persons who, on the grounds fixed in the current legislation, are not subject to criminal liability for the socially dangerous act committed. Such measures currently include compulsory measures of a medical nature and compulsory measures of educational influence.

Despite the terminological identity, criminal liability measures and other listed measures do not have an essential uniformity. The measure of criminal liability is formed on the basis of the principles of equality and justice, since it is designed to provide proportionate compensation for the harm that a criminal caused to the injured person, society and (or) the state. In this case, punitive capacities of the criminal liability measure are realized in the amount corresponding to the severity of the crime committed.

Compassion and mercy principles are the basis for the formation of other measures of a criminal legal nature. Their application is also associated with the deprivation and restrictions of similar rights, freedoms and legitimate interests, which characterize the essence of many measures applied in the criminal liability implementation process. They are appointed solely by the decision of the court in connection with the commission of an act prohibited by criminal law. However, when they are applied, the balance in public relations, disturbed by the commission of a socially dangerous act, is restored without punishment and compensation for the harm actually caused. On the contrary, this restoration is provided by means of medical or educational (moral) influence, which implies that a person can assess social values adequately. Therefore, other measures should be considered as the ones of social support and assistance to the individual, the application of which excludes punitive influence of the state and society.

At a higher generalization level, it is stated that the measure in the criminal law is expressed by general boundaries of the permissible impact on a person, as well as definition of the grounds for such an impact. Taking into account the assessment of permissible behavior of any individual, society and tools of state coercion, the limits of this behavior are determined, which may entail significant negative consequences. Going beyond these limits is socially dangerous and, as a result, criminally punishable. Therefore, criminal law as a whole can be determined as a measure by which the maximum permissible behavior of a person in society is established. These hypothetical boundaries find their concretization in the form of requests for specific actions provided for by the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

The whole set of measures stipulated by the criminal law, which apply to persons who have committed socially dangerous acts, can also be recognized as a general measure of criminal legal impact. This part determines how much modern criminal law influences the status of a perpetrator. The earlier assessment of the content of both criminal punishment and other measures of criminal liability shows a wide, almost unlimited (immeasurable) range of negative impact on a criminal.

The minimum limits are currently reduced to the fulfillment of a number of conditions stipulated by law, which can ensure the decision to abandon criminal prosecution and termination of criminal liability (Articles 75, 76, 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.). The upper limit of the criminal legal impact presupposes the possibility of a convicted person's life as a result of execution of the death penalty. De facto, the modern state can influence a criminal to the limit of his/her indefinite detention in isolation from society, that is, life imprisonment.

The problem of preserving or excluding the death penalty in criminal law remains unresolved. There are quite a lot of arguments both for and against it, the validity of which is quite difficult to challenge. However, from the standpoint of assessing the measure of possible response to a criminal act, it can be concluded that the preservation of this type of punishment in the criminal law is necessary. As long as murders are committed, society has the right to demand a fair measure of retribution. In this case, we are no longer talking about the excessive cruelty of the legal response, but about the equality of citizens and justice. These categories simultaneously act as both principles of criminal law and fundamental philosophical ideas that form the content of criminal law and limits of criminal law retribution.

The ideological equality of citizens presupposes not only the inadmissibility of harming one's neighbor (Kant's categorical imperative), but also a similar retribution to the criminal for the harm caused. Lowering the upper limit of the possible criminal legal impact on a killer detracts from the idea of justice, and therefore may be unclaimed and not recognized as a legitimate solution. In this regard, taking into account the postulates of the "golden rule", which are recognized in any society, regardless of the degree of civilizational development, we consider it necessary to preserve the limits of criminal legal impact stated in the current Criminal Code of the Russian Federation without any reservations and (or) actual restrictions currently in force.

Conclusion

Summing up the study of the meaning of the philosophical category "measure" for criminal law, we consider it necessary to return to the statement of the ancient philosopher Protagoras that it is man who is the measure of everything in the world. Its validity can be proved even by analyzing the amendments and additions to the current criminal law. Thus, we have witnessed not only particular editorial changes of concerned certain criminal law norms, but also cardinal changes related, for example, to the rules for categorizing crimes, determining priorities in the choice of types of punishments with the invariability of the assessment of the public danger of many crimes, etc.

All this, if not confirms, then at least makes one think about how possible it really is to talk about a measure in general and in criminal law in particular, since it is understood as an unchangeable, objectively existing constant value, the state of which does not depend in any way on the consciousness and will of a person. Even seemingly time-tested ideas about the limits of acceptable behavior in society are periodically accompanied by adjustments and clarifications, that is, they also

experience the processes of rethinking and reassessment, taking into account the development of ideas about justice, equality and humanism.

Therefore, it cannot be excluded that modern limits of the criminal law measure in its broadest sense will change more or less. This, in turn, will ensure the continuity of the process of searching for that "golden mean" when a person grows aware of proper provision of his/her own security, achieved by the least amount of deprivation and legal restrictions.

REFERENCES

1. Aristotle. *Sochineniya: v 4 tomakh. Tom 4* [Essays: in 4 volumes. Volume 4]. Ed. by Dovatur A.I., Kessidi F. Kh. Moscow: Mysl'. 1983. 830 p.
2. Balashov L.E. *Novaya metafizika. (Kategorial'naya kartina mira ili Osnovy kategorial'noi logiki)* [New metaphysics. (Categorical picture of the world or the Foundations of categorical logic)]. Moscow: ACADEMIA, 2016. 1,026p.
3. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Comp. and ed. by O.A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2012. 624 p. ISBN 978-5-4261-0012-1.
4. Hegel G.W.F. *Nauka logiki: v 3 tomakh. Tom 1* [Science of logic: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow: Mysl'. 1970. 501 p.
5. Hobbes T. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Essays: in 2 volumes. Volume 2]. Comp. by Sokolov V.V. Moscow: Mysl'. 1991. 735 p. ISBN 5-244-00460-3.
6. Zhmud' L.Ya. *Nauka, filosofiya i religiya v rannem pifagoreizme* [Science, philosophy and religion in early Pythagoreanism]. Saint Petersburg: Izd-vo VGK: Aleteiya, 1994. 376 p.
7. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Moscow: Iskusstvo, 1994. 367. ISBN 5-210-02324-9.
8. Kant I. *Sochineniya: v 6 tomakh. Tom 5* [Works: in 6 volumes. Volume 5]. Ed. by Asmus V.F. Moscow: Mysl'. 1966. 562 p.
9. Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Transl. by Antonov M.V., Lezova S.V. Saint Petersburg: Alef-Press, cop. 2015. 540 p. ISBN 978-5-905966-54-5.
10. Locke J. *Sochineniya: v 3 tomakh. Tom 3* [Essays: in 3 volumes. Volume 3]. Ed. and comp. by Subbotin A.L. Moscow: Mysl'. 1988. 668 p. ISBN 5-244-00084-5.
11. Malinova I.P. *Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika: monografiya* [Philosophy of law and legal hermeneutics: monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. yurid. un-t, 2017. 199 p. ISBN 978-5-7845-0482-1.
12. Marx K., F. Engels A contribution to the critique of political economy. In: *Sochineniya: v 30 tomakh. Tom 13* [Essays: in 30 volumes. Volume 13]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 804 p.
13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: okolo 53,000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 53,000 words]. Ed. by Skvortsov L.I. Moscow: Oniks 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2005. 894 p. ISBN 5-329-01352-6.
14. Plato. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 4* [Collected works: in 4 volumes. Volume 4]. Transl. by Egunov A.N. et al. Moscow: Mysl', 1994. 830. ISBN 5-244-00633-9.
15. Solov'eva A.S. Solon's philosophy: the development of personality and the concept of "measure" *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriya filosofa=The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 148–159. (In Russ.).
16. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs: v 10 tomakh. Tom 1. Ponyatie, tseli ugolovnogo nakazaniya. Sistema ugolovnogo nakazaniya. Kniga 1. Ponyatie ugolovnogo nakazaniya* [Criminal law. General part. Punishment. Academic course: in 10 volumes. Volume 1. The concept and goals of criminal punishment. The system of criminal punishment. Book 1. The concept of criminal punishment]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow: Yurlitinform, 2020. 680 p. ISBN 978-5-4396-1994-8.
17. Hart H. L. A. *Ponyatie prava* [The concept of law]. Ed. by Afonasin E.V., Moiseev S.V. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 300 p. ISBN 978-5-288-04211-9

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Vice-Rector for Research at Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

Received August 24, 2022

Original article
UDC 343.3
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.005

Criminal Law Sanctions for Corruption-Related Crimes: an Opinion of the Scientific Community and a View of the Law Enforcement Officer

BORIS Ya. GAVRILOV
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, profgavrilov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2529-491X

Abstract

Introduction: the article analyzes fundamental provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of criminal law sanctions for corruption-related crimes and their impact on the effectiveness of measures implemented by the law enforcement and judicial authorities to ensure fairness of punishment. *Purpose*: on the basis of the study of criminal legislation norms and their amendments made over the past two decades and the analysis of statistical data on criminal penalties imposed by the court for certain most common types of corruption-related crimes, to outline criminal legislation shortcomings in this sphere noted by representatives of the scientific community and law enforcement officers; to propose measures for improving criminal sanctions, capable, along with the state's focus on the criminal liability liberalization, to lower corruption risks, thus ensuring the state security, primarily in the sphere of its economic activity. *Methods*: historical; comparative legal and empirical methods; theoretical methods of formal and dialectical logic, private scientific methods; legal and technical methods and the method of interpretation of specific legal norms. *Results*: on the basis of the analysis of the current state of criminal legislation and the amendments introduced into it since 2003 regarding liberalization of criminal law sanctions and the emerging judicial practice of imposing criminal penalties in the form of imprisonment and a fine are generally negatively assessed and the need for their improvement is justified in order to comply with realities of the fight against corruption-related crime and thereby ensure legality, justice and equality of citizens before the law and at the same time humanism in the criminal law norms implementation. *Conclusions*: in order to ensure these criminal law principles in relation to modern realities (new types of crimes, including their commission using information and telecommunication technologies, a significant increase in the amount of material damage caused by crimes to both the state and other economic entities and citizens), it is necessary for the legislator to take appropriate measures to improve criminal legislation and, in particular, adjust lower limits of such specific criminal law sanctions as imprisonment and a fine, the size of which today undermines effectiveness of the fight against corruption-related crimes, including those belonging to the category of not only serious, but also especially serious criminal acts.

Keywords: criminal law; corruption-related crimes; legality; justice; equality of citizens' rights before the law; humanism; court; sentence; imprisonment; fine; judicial statistics.

© Gavrilov B.Ya., 2022

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Gavrilov B.Ya. Criminal law sanctions for corruption-related crimes: an opinion of the scientific community and a view of the law enforcement officer. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 388–396. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.005.

Analyzing problems of combating corruption-related crime and the legislator's role in optimizing the state criminal law policy in the field of ensuring economic security of the country shows that Russia has created the necessary legislative framework in the fight against corruption, including most dangerous types of crimes, such as giving, receiving bribes, commercial bribery and mediation in their commission, other types of receiving illegal remuneration. The author pays special attention to the fact that criminal law norms are designed to counter corruption both by establishing universally condemned illegal behavior entailing criminal liability and a sufficiently severe punishment imposed by the court, including long-term imprisonment, by determining appropriate boundaries of criminal law sanctions with regard to the degree of public danger of the criminal act for the country's economy, the damage caused to the state and citizens. In presenting this problem, the author takes into account that the existing problems of law enforcement and judicial authorities in this area, both earlier and now, are subject to constant research.

In this regard, it should be noted that in the Russian Federation, the legal basis for countering economic and corruption-related crimes is the Constitution of the Russian Federation, generally recognized principles and norms of international law, international treaties of the Russian Federation. The state policy also has a direct impact on combating corruption. It is reflected in the provisions of the Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On combating corruption", the Decree of the President of the Russian Federation No. 478 of August 16, 2021 "On the national anti-corruption plan for 2021–2024" and directly in norms of the Criminal Code of the Russian Federation.

The implementation of effective measures to prevent and eradicate corruption should also be facilitated by normative legal documents developed by the international community, such as the United Nations Convention Against Corruption of October 31, 2003, the Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption of January 27, 1999, the Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions of November 21, 1997.

At the same time, considering the state of the fight against corruption-related crimes as negative and at the same time searching for the most effective measures to counteract it, we will refer to the stance of both representatives of the scientific community and practicing lawyers. It is also important in this matter to understand the causes and other factors contributing to the commission of this type of crime, as well as the mechanisms of their functioning and transformation.

In our opinion, one of the reasons for such a negative assessment is the proclaimed course towards liberalization of criminal punishment, which has taken a radically liberal character during the reform of criminal legislation. The significant reduction and for a number of crimes exclusion of lower limits of criminal sanctions, primarily in the form of imprisonment for committing serious and especially serious crimes is negatively perceived both by prominent Russian criminologists (A.I. Alekseev, V.S. Ovchinskii and E.F. Pobegailo) [1, pp. 40–59] and practitioners [3, pp. 110–116].

Thus, it is reasonable to mention publications about the criminal legal impact on persons accused of committing corruption-related crimes, as well as measures taken by the state to counteract them. Among them are well-known Russian criminologists A.I. Dolgova [6], V.V. Luneev [8, p. 20], P.S. Yani [10, p. 58], who criticize "liberalism of judges and call for strengthening criminal sanctions for crimes of this type".

In general, the measures to reform criminal legislation in terms of corruption-related

crimes, which have been mainly radical and liberal in nature over the past two decades, are also criticized [4].

Along with these points of view, scientists argue that "repressive measures against corrupt officials, primarily from among civil servants, should be mentioned last in the fight against corruption" [7, p. 5]. A prominent Russian researcher G.A. Satarov, without denying requirements of a "forceful" war against this type of crime, points to the need to develop and implement a comprehensive or mixed strategy to combat corruption, bearing in mind the use of criminal repression [2, p. 212], which today, from the standpoint of effective fight against corruption, is hardly possible to recognize as sufficient.

At the same time, the author refers to the point of view of S.V. Maksimov [9, p. 77], suggesting a transition from the preferential use of alternative relatively defined sanctions in the construction of legal norms, providing, for example, the appointment of a criminal penalty in the form of imprisonment from 2 months to 15 years (Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation) or a fine of 5 up to 1.5 million rubles (Part 3 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation), to the preferential use of alternative absolutely defined sanctions (for example, two-year imprisonment or one-year correctional labor). It would be possible to adopt the position expressed by this author, however, this approach may lead, on the one hand, to limiting differentiation of criminal sanctions, and, on the other, to narrowing the possibilities of judicial discretion within reasonable limits, which the legislator in cases of sentencing by the court provided for in specific norms of criminal law.

Expressing our own position, we refer, first of all, to specific amendments of the criminal law norms regulating liability for the most common types of corruption-related crimes. They have led to ambiguous judicial practice of courts' imposition of criminal penalties for these types of crimes, the size of which is quite comparable to punishments, for example, for theft and similar crimes. Analyzing the amendments made by the legislator, we note that the beginning of this negative process (pseudo-liberalization of criminal legislation) was laid by the adoption of the Federal Law No. 162-FZ of December 8, 2003 "On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation", which excluded lower limits of criminal sanctions in the form of imprisonment from a significant number of crimes of small and medium severity. At that time these measures should be recognized as well-founded due to the policy of humanization of criminal liability announced by the state.

However, in subsequent years, in the Federal law No. 280-FZ of December 28, 2008 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the ratification of the United Nations Convention against Corruption of October 31, 2003 and the Criminal Law Convention on Corruption of January 27, 1999 and the Federal law "On combating corruption" the legislator's position on criminal liability liberalization was extended to the categories of grave and especially grave crimes, including such most dangerous types of criminally punishable acts as bribery in its various manifestations.

In this regard, we should mention the Federal law No. 26-FZ of March 7, 2011 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation", which excluded lower limits of criminal sanctions in the form of imprisonment and a fine from 68 compositions of grave and especially grave crimes, which today constitute two months of imprisonment, respectively, (Part 2 of Article 56 of the Criminal Code of the Russian Federation) and 5 thousand rubles of a fine (Part 2 of Article 46 of the Criminal Code of the Russian Federation), which are quite correlated, for example, with punishments under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (petty theft), stipulating a penalty of up to 1 year of imprisonment or a fine of up to 40 thousand rubles.

The amendments to the Criminal Code of the Russian Federation made by the federal laws listed above actually unbalanced the judicial practice of sentencing and at the same time unreasonably expanded boundaries of Russian judges' powers, turning, in some cases, the possibilities of judicial discretion in the imposition of criminal punishment into

judicial arbitrariness, examples of which are quite common in practice [5].

The above is clearly confirmed by the analysis of specific criminal sanctions for certain types of corruption-related crimes, as well as statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the penalties imposed by the courts for their commission, referring primarily to such types of corruption acts as giving and receiving bribes, commercial bribery and mediation in their commission, etc.

Thus, the criminal legal sanction provided for in Part 3 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation in the form of a fine for illegally obtaining and disclosing information constituting a commercial, tax or banking secret is very characteristic in this regard. We back the increase in the amount of a fine (from 200 thousand to 1.5 million rubles), stipulated by the Federal Law No. 193-FZ of June 29, 2015 "On amendments to Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation". At the same time, the legislator does not indicate its lower limit; it does not contribute to the formation of a unified judicial practice and in fact often leads to impunity for crimes of this type. So, the citizen K. was imposed a fine of 150 thousand rubles by the verdict of the Kuibyshevskii District Court of the city of Omsk for committing 20 episodes of criminal activity against the bank's clients, each qualified under Part 3 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, he was imposed a fine of 100 thousand rubles for each episode of criminal activity. Thus, the court made a significant deviation from the rule of sentencing established in Part 2 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation for a combination of crimes, providing for their addition in the amount not exceeding one and a half times the size of the punishment for the most serious crime. Proceeding from the sanction laid down in this criminal law norm and by virtue of the indicated principle of cumulative sentence, the fine of up to 2 million 250 thousand rubles could be imposed, which clearly does not correlate with the inflicted penalty of 150 thousand rubles.

At the same time, the sanction of Part 3 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for imprisonment of up to five years without specifying the lower limit, which also generates heterogeneous judicial practice. Thus, according to the verdict of the Krasnoarmeyskii District Court of the city of Volgograd, the citizen M. was convicted under Part 3 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation to 1 year and 6 months of imprisonment and received a conditional sentence under Article 73 of the Criminal Code of the Russian. According to the verdict of the Oktyabrskii District Court of the city of Saint Petersburg, the citizen Sinitsyn was also conditionally sentenced to 6 months of imprisonment for committing a crime of a similar qualification. The situation is similar with the criminal law sanction stipulated by Part 4 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation. Though we might agree with the reduction in the term of imprisonment from ten to seven years, defined by the Federal Law of December 7, 2011 No. 420, its lower limit, as in a number of other criminal law sanctions, is not specified by the legislator.

As a consequence of such judicial practice, out of 79 convicted in the period from 2018 to the first half of 2021, according to the statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, no one was convicted of these crimes, although the sanction under Part 3 of Article 183 of the Criminal Code provides for imprisonment of up to 5 years, and according to Part 4 of this article – up to 7 years of imprisonment. In turn, approximately every third person was sentenced to a fine in 2018–2019, every second in 2020 and every fifth in the first half of 2021 (Table 1).

Table 1

Data on the number of the convicted under parts 3 and 4 of Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation[1]

	2018		2019		2020		first half of 2021	
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*
Article	Part 3 of Art. 183	Part 4 of Art. 183	Part 3 of Art. 183	Part 4 of Art. 183	Part 3 of Art. 183	Part 4 of Art. 183	Part 3 of Art. 183	Part 4 of Art. 183

[1] Statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation are given here and further in the text.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Sentenced (total)	13	2	32	–	22	–	10	0
of them to imprisonment	0	0	0	–	0	–	0	0
a fine	4	0	9	–	11	–	2	0

Besides, it is worth mentioning that the introduction of Article 200.5 in the Criminal Code of the Russian Federation by the Federal Law No. 99-FZ of April 23, 2018 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation", establishing liability for bribery of a contract service employee, contract manager, member of the procurement commission, in general should be assessed as a real measure of the legislator to combat corruption. However, the statistics on the number of convicts shows that it cannot really affect perpetrators of crimes of this type, and, accordingly, prevent these crimes, although they cause significant damage to the state's economic activity.

Table 2

Data on the number of the convicted under Article 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation

	2019	2020			1 half of 2021	
Article	Part 2 of Art. 200.5	Part 1 of Art. 200.5	Part 5 of Art. 200.5	Part 6 of Art. 200.5	Part 5 of Art. 200.5	Part 6 of Art. 200.5
Sentenced (total)	1	1	2	1	2	1
of them to imprisonment	0	0	0	0	0	0
a fine	1	1	0	0	0	0

At the same time, we would emphasize that the legislator accepted critical statements and set sufficiently high fines for certain corruption-related crimes and identified lower limits of the penalty. Thus, Part 1 of Article 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation stipulates a fine in the amount of 300 to 500 thousand rubles, Part 2 – from 500 thousand to 1 million rubles, in Part 3 – from 1 to 2 million rubles, etc.

Or, for example, reacting to criticism regarding radical liberal policy on the issue of criminal sanctions for corruption-related crimes, the legislator, having enacted the Federal Law No. 324-FZ of July 3, 2016 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation", established an imprisonment term of 3–7 years in Part 3 of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, in 2020 under Part 3 of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation only one person of the 33 defendants was sentenced to real imprisonment. As for 97 persons convicted under parts 4, 7 and 8 of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, belonging to the category of grave and especially grave crimes with the lower limits of 4, 5 and 7 years of imprisonment, respectively, 18 people were sentenced to real imprisonment (Table 3).

Table 3

Data on the number of persons convicted in 2020 for commercial bribery committed in the presence of qualifying factors

	Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation			
	Part 3	Part 4	Part 7	Part 8
Sentenced (total)	33	5	80	12
Of them to imprisonment	1	1	13	4
A fine	12	1	25	4
In %	36.3	20.0	31.2	33.3

Table 4

Data on the number of persons convicted of commercial bribery committed in the presence of qualifying factors (January–June 2021)

	Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation							
	Part 1	Part 2	Part 3	Part 4	Part 5	Part 6	Part 7	Part 8
Sentenced (total)	3	11	28	1	1	13	36	14
Of them to imprisonment	0	0	2	0	0	1	6	4
A fine	2	6	13	1	1	5	6	2
In %	66.7	54.5	46.4	100.0	100.0	38.5	16.7	14.3

The above statistics (Table 4) demonstrates that in the first half of 2021, out of 50 persons convicted under parts 7 and 8 of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, only one in five was sentenced to real imprisonment, although the lower limits of criminal sanctions for these types of crimes presuppose 5 and 7 years of imprisonment.

At the same time, in relation to a significant part of those convicted under parts 3, 4, 7 and 8 of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, the main punishment was imposed in the form of a fine. At the same time, although its size is very significant (under Part 3– up to 1.5 million, Part 4 – from 1 to 2 million, Part 7 – from 1 to 3 million and Part 8 – from 2 to 5 million rubles), the penalties imposed by the courts, as a rule, are many times lower specified sanctions.

Thus, according to the verdict of the Levoberezhnii District Court of the city of Lipetsk of October 13, 2017, for the commission of 9 crimes, each qualified under paragraph "v" of Part 7 of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, the citizen S. was sentenced a fine of 420 thousand rubles for each of them with a sanction from 1 to 3 million rubles. The final punishment with the application of Part 3 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation was imposed in the form of a fine of 500 thousand rubles, although it could have comprised 3 million 780 thousand rubles.

Significant damage to the prestige of the Russian criminal law is caused by the abovementioned situation with criminal sanctions for crimes related to giving and receiving bribes and mediation in bribery. One of the main reasons for the current situation is, according to the author of the publication, both due to the absence of lower limits of penalties in the form of imprisonment and a fine in a number of criminal law norms, and due to the wide range of these types of punishments.

The Judicial Department's statistics on the imposition of punishment for bribery negatively characterize the situation with the imposition of punishment for bribery, which causes a negative resonance in Russian society (Table 5).

Table 5

Data on those convicted of taking a bribe, committed in the presence of qualifying factors (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation)

	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Sentenced (total)	1,088	949	1,197	1,017	1,041	447	459	462	373	269	1,423	1,428
Of them to imprisonment	436	364	538	446	454	254	242	230	122	69	234	385
In %	40.1	38.4	44.9	43.8	43.6	56.8	52.7	49.8	32.7	26.5	16.4	27.0
A fine	241	224	271	262	285	129	132	157	178	125	–	–
In %	22.2	23.6	22.6	25.7	27.4	28.9	28.6	34.0	47.7	46.5	–	–

So, up to 2012, no more than a quarter of the number of convicts was sentenced to real imprisonment annually for bribe-taking, belonging to the category of grave and especially grave crimes.

The fine for bribe-taking calculated in the amount of 30 to 100 times the value of the object or amount of the bribe (depending on qualifying signs of this crime), introduced by the Federal Law No. 97-FZ of May 4, 2011

"On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of combating corruption", caused an 47–48% increase in the number of people sentenced to this penalty in 2012–2013. However, since 2015, due to actual discrediting of the appointment of a multiple fine for receiving a bribe (the actual recoverability does not exceed 15%), the use of this type of punishment significantly decreased, amounting to only 22–25% in 2018–2021. At the same time, the number of people sentenced to real imprisonment for this type of crime increased to 56.8% in 2016, but in 2020–2021 their share decreased again, amounting to 38.4% and 40.1%, respectively.

The negative situation, according to the author, has developed with the imposition of punishment for bribery in the form of imprisonment, even if there are qualifying signs that increase the public danger of a crime to the category of grave or especially grave (Table 6).

Table 6

Data on those convicted of bribery committed in the presence of qualifying factors (Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation)

	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Sentenced (total)	1,658	1,409	1,343	1,151	997	3,266	4,907	4,302	2,539	1,467	1,587	2,907
Of them to imprisonment	217	191	225	241	237	469	513	478	227	-	191	294
In %	13.1	13.6	16.8	20.9	23.8	14.4	10.5	11.1	8.9	-	12.0	10.1
A fine	756	540	615	512	457	2,439	3,902	3,513	2,093	387	622	1,032
In %	46.6	38.3	45.8	44.4	45.8	74.7	79.5	81.6	82.4	82.7	38.9	35.5

The analysis of statistical data testifies to the heterogeneous judicial practice of applying criminal law measures for bribery. With the introduction of the multiplicity of fines in 2011, this measure of punishment was imposed by the courts in relation to 74.7–82.4% of convicts in 2012–2016 and, accordingly, the number of those sentenced to real imprisonment was only 9–11% in 2013–2015.

However, since 2017, due to actual discrediting of the appointment of a multiple fine for bribe-taking, the use of this type of punishment for bribe-giving significantly declined, amounting to 38–46% in 2017–2021. At the same time, the number of people sentenced to real imprisonment for this type of crime increased to 23.8% in 2017, but their share began to decline again in subsequent years, amounting in 2020–2021 to 13.6% and 13.1%, respectively.

The verdict of the Fokinskii District Court of the city of Bryansk (No. 1-123/2020 of April 29, 2020 in case No. 1-123/2020) is a good example. The citizen B. was found guilty of committing a crime under Part 3 of Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation for bribing an official to commit knowingly illegal actions, and sentenced a fine of one 150 thousand rubles with the sanction of one to two million rubles.

The analysis of statistical data on the number of those convicted of mediation in bribery under qualifying circumstances for actual imprisonment indicates that it (27% in 2020 and 22.6% in 2021) is more than twice the number of those convicted of bribe-giving (13.6% in 2020 and 10.6% in 2021), which hardly reflects, in our opinion, the real public danger of these acts and may indicate some "distortion" of judicial practice (Table 7).

Table 7

Data on those convicted of mediation in bribery committed in the presence of qualifying factors (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
Sentenced (total)	291	215	253	257	213	165	127	119	108	48
Of them to imprisonment	66	58	87	73	78	47	49	32	8	1
In %	22.6	27.0	34.4	28.4	36.6	28.5	38.6	26.9	7.4	2.0
A fine	73	55	69	86	56	67	43	48	68	38
In %	25.0	25.6	27.3	33.4	26.3	40.6	33.9	40.3	63.0	79.2

The statistical analysis shows that in the first years of the operation of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, a fine was applied quite often: against 79.2% of the convicted in 2012 and 63.0% in 2013. However, in subsequent years, this indicator significantly decreased, amounting to 25.6% and 25.0% of the total number of the convicted for this type of criminal activity in 2020–2021, respectively.

The situation is almost similar when sentencing for mediation in commercial bribery provided for in Article 204.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (as amended by the Federal Law No. 324-FZ of July 3, 2016).

The above statistics show that the commission of this crime is mainly punished by a fine, in particular more than half (20 citizens) of 37 persons were convicted by the courts in the period 2018 – 1st half of 2021. At the same time, only two or 5% of all the defendants were sentenced to real imprisonment under Part 3 of Article 204.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, although the legislator in the sanctions of the criminal law norm established a penalty of imprisonment in Part 1 – up to 2 years, Part 2 – up to 5 years, Part 3 – 3–7 years and Part 4 – up to 4 years (Table 8).

Table 8

Data on those convicted of mediation in commercial bribery (Article 204.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

	2018			2019			2020			1 half of 2021		
Part of Article 204.1	1	2	3	2	3	4	1	2	3	1	2	3
Convicted (total)	2	6	4	8	3	2	1	3	2	1	2	3
Of them to imprisonment	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
A fine	1	3	2	6	1	1	0	1	2	0	1	2

Thus, based on the presented data, it is possible to come to a conclusion about the unreasonably wide application of a suspended sentence for such types of crimes as giving and receiving bribes and other types of illegal remuneration, which is often perceived not as one of the forms of paying tribute to corrupt officials, but as an opportunity to avoid actual and often very long imprisonment, and the above examples strengthen such confidence. Punitive capacities of sanctions for the commission of these types of illegal acts are not realized in full, although the situation has changed somewhat in recent years. In this regard, examples from judicial practice are indicative, reflecting the decisions taken on criminal cases initiated against heads of Russian regions.

Thus, the former governor of the Sakhalin Oblast A. Khoroshavin was found guilty under Part 6 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and sentenced to a 13-year imprisonment and a fine. The former governor of the Kirov Oblast N. Belykh was convicted under Part 6 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation to 8 years of imprisonment and a fine. The former head of the Udmurt Republic A. Solov'ev was convicted under Part 6 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation for two episodes of receiving bribes totaling 139 million rubles and sentenced to 9 years in prison and a fine. In relation to the heads of law enforcement agencies, sentences are also imposed with the appointment of real terms of imprisonment for committing corruption crimes.

Taking into account the factors listed in this publication, which play a very negative role in countering corruption by the state and its law enforcement and judicial authorities, including its most dangerous manifestations in such forms as bribery, commercial bribery and mediation in their commission, as well as other types of illegal remuneration, the author's position is that that limits of criminal law sanctions and rules for their application by the court should be scientifically sound and quite visible both for specialists in the criminal law sphere, citizens and, accordingly, Russian society. A suspended sentence to imprisonment for corruption-related crimes, including particularly serious crimes, is unacceptable, since this violates the criminal law principles of justice, legality and equality of citizens before the law and the court. At the same time, the phenomenon described in this publica-

tion with a high degree of evidence carries the corruption component of the criminal law itself, one of the tasks of which is to combat corruption manifestations.

Another conclusion is that the amendments introduced by the legislator to the criminal law should be scientifically and criminologically substantiated and take into account the state of law enforcement practice. They should focus on manifesting humanism towards persons who have committed a criminally punishable act for a number of reasons and thereby reducing the level of criminal repression on the part of the state, as repeatedly stated by the President of the Russian Federation V.V. Putin and proposed to implement through the draft federal law prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation regarding decriminalization of certain criminal law norms providing for liability for a number of crimes related to the conduct of entrepreneurial activity, as well as raising threshold values of the amount of damage caused by the crime.

REFERENCES

1. Alekseev A.I., Ovchinskii V.S., Pobegailo E.F. *Rossiiskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow: Norma, 2006. 114 p. ISBN 5-468-00027-X.
2. *Antikorruptsionnaya politika: uchebnoe posobie dlya studentov fakul'tetov gosudarstvennogo upravleniya* [Anti-corruption policy: textbook for students of the faculties of public administration]. Ed. by Satarov G.A. Moscow: SPAS, 2004. 367 p. ISBN 5-902204-04-6.
3. Gavrilov B.Ya. *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty:* monografiya [Modern criminal policy of Russia: figures and facts: monograph]. Moscow: Prospekt, 2008. 208 p. ISBN 978-5-482-01964-1.
4. Gavrilov B.Ya. Criminal-judicial policy of sentencing: position of the legislator and realities of judicial discretion. In: Lopashenko N.A. (Ed.). *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti: sbornik statei po materialam 3 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Saratov, Marta 29–30, 2018) [Criminal-legal impact and its role in crime prevention: collection of articles based on the materials of the 3d All-Russian scientific and practical conference (Saratov, March 29–30, 2018)]. Saratov: Saratov. gos. yurid. akad., 2018. Pp. 51–64. (In Russ.).
5. Gavrilov B.Ya. Russian legislation of criminal and legal complex: modern condition and ways of development. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii=Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 3, pp. 74–82. (In Russ.).
6. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Crime, its organization and criminal society]. Moscow: Ros. kriminol. assots., 2003. 572 p. ISBN 5-87817-036-1.
7. Kurakin A.V. *Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya i presecheniya korruptsii v sisteme gosudarstvennoi sluzhby zarubezhnykh gosudarstv: monografiya* [Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the public service system of foreign states: monograph]. Ed. by Kostenkov M.V. Domodedovo: Vseros. in-t povysheniya kvalifikatsii sotr. MVD Rossii, 2007. 119 p. ISBN 5-9552-0220-X.
8. Luneev V.V. Corruption in Russia. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 2007, no. 11, pp. 20–27. (In Russ.).
9. Maksimov S.V. *Korruptsiya, zakon, otvetstvennost'* [Corruption, law, liability]. Moscow: In-t gosudarstva i prava Ros. akad. nauk, 2017, 287 p. ISBN 978-5-98020-191-3.
10. Yani P.S. In the fight against corruption, only repression is effective. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2001, no. 7, pp. 58–59. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

BORIS Ya. GAVRILOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, profgavrilov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2529-491X

Received August 14, 2022

Original article
UDC 343.9
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.006

Implementing Operational Investigative Measures to Prevent Crimes: Problematic Issues of Legislation and Key Directions of Implementation

EVGENII N. YAKOVETS
Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8386-4247

DMITRII A. BRAZHNIKOV
Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, Dbrazh@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2641-2113

Abstract

Introduction: crime prevention and solution are crucial tasks of operational units of all subjects conducting law enforcement intelligence operations. At the same time, the study of the regulatory legal framework and scientific literature shows that its legal regulation is characterized by certain shortcomings and significant gaps. So, for example, there is no unambiguous understanding of the relationship between concepts of crime prevention and crime deterrence, the legislation does not provide for the ability to carry out operational investigative measures to solve the problem of crime prevention, etc. *Purpose*: based on the analysis of legislation and available scientific publications, to formulate proposals for improving the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" in terms of the legal regulation of crime prevention, consider relationship of the concepts "crime prevention" and "crime deterrence", as well as briefly characterize key directions and the content of crime prevention. *Methods*: comparative legal, theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: empirical, legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results*: the article outlines crucial legal problems of crime prevention, formulates proposals for their resolution in the form of draft amendments to relevant articles of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations". The article presents interpretations of the concepts "crime prevention" and "crime deterrence" and concludes about their non-identity – crime deterrence is part of crime prevention. The content of general and individual deterrence is considered, and the reader's attention is drawn to the active use of operational search forces, means and methods in the work on their implementation. The author argues that the root cause of any crime commission is the microsocial conflict of a person and society, which arose as a result of socio-psychological maladaptation of a person. *Conclusions*: crime deterrence is part of crime prevention and is implemented in the direction of general and individual deterrence by determining and eliminating causes and conditions that contribute to the commission of crimes, as well as identifying persons whose lifestyle and behavior demonstrate possible commission of crimes. It is emphasized that, although crime prevention is fixed as a task of law enforcement intelligence operations in the operational-investigative legislation, the law does not contain the means to solve this problem in the form of grounds for conducting operational search measures. So, there is a gap in the legal regulation of the established socially useful law enforcement

© Yakovets E.N., Brazhnikov D.A., 2022

practice. In order to eliminate this shortcoming, it is necessary to amend Article 1 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations", supplementing the existing possibility to carry out law enforcement intelligence operations "by carrying out operational investigative measures" with the phrase "and other actions". It also seems appropriate to supplement Article 7 with the basis for conducting operational investigative measures in order to "obtain information for identification, prevention, suppression or solution of the illegal act being prepared, being committed or having been committed, as well as about the persons who are plotting, preparing, committing or have committed it".

Keywords: law enforcement intelligence operations; operational search measures; tasks; grounds; prevention, deterrence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N., Brazhnikov D.A. Implementing operational investigative measures to prevent crimes: problematic issues of legislation and key directions of implementation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60). pp. 397–406. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.006.

Introduction. Crime prevention is one of the tasks of law enforcement intelligence operations declared in Article 2 of the Federal Law No. 144-FZ of 12.08.1995 "On law enforcement intelligence operations": the tasks of law enforcement intelligence operations are ... prevention ... of crimes, as well as determination and identification of persons preparing them". At the same time, it should be noted that other aspects of operational investigative prevention of crimes are not fixed in the law. The legislator mentions prevention twice more: when regulating conditions of an operational experiment and the possibility of using results of law enforcement intelligence operations. At the same time, the analysis of this normative act allows us to identify a number of problematic points in relation to the stated topic.

First of all, it is necessary to focus on Article 7, which regulates the grounds for conducting operational investigative measures. With regard to the problem under consideration, Part 1 of Article 7 provides for the possibility of carrying out operational investigative measures if the bodies conducting law enforcement intelligence operations "become aware about elements of the criminal act being prepared, as well as persons preparing it". However, the legal mechanism for it remains unclear. No doubt, citizens can proactively inform operational units about upcoming crimes, but in modern realities these are rather isolated facts than a real possibility. Thus, the main source of information about the crimes being prepared and the persons involved in it are people assisting operational units, as well as operations officers personally searching for primary operational information (the so-called operational search).

At the same time, extracting information, they carry out operational search measures, which require grounds that are not currently fixed in the law. Thus, the operational search legislation does stipulate the possibility of preliminary actions of an intelligence-search nature in order to collect primary information about the preparation of crimes, although the organization and control over the implementation of a set of measures related to operational search prevention of crimes, information about which is received during the identification of primary operational search data, refers to the priority areas of activity of heads of organizations that have the right to carry out law enforcement intelligence operations.

At the same time, the norms of Article 7 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" contain a number of grounds for conducting operational search measures in relation to various categories of persons: having access to information constituting a state secret and work related to operation of facilities that pose an increased danger to human life and health, as well as environment; permitted to participate in law enforcement intelligence operations, etc. Such foundations do not correlate with any task of law enforcement intelligence opera-

tions. However, if we consider them from the perspective of crime prevention, it is possible to identify some (albeit indirect) connections.

An important problem also exists in the sphere of solving the private task of law enforcement intelligence operations fixed in Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation for correctional facilities, i.e. prevention of crimes being prepared in correctional institutions and violations of the established procedure for serving sentences. On the one hand, as noted in Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation, law enforcement intelligence operations in correctional institutions are carried out in accordance with Russian legislation, which does not provide grounds for conducting operational investigative measures, except for data "about elements of the illegal act being prepared ..., as well as about the persons plotting it ...". At the same time, according to the ruling No. 86-O of July 14, 1998 of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" determines only a criminally punishable act, that is, a crime, as illegal. Therefore, crime prevention should be understood as a solution of this task. The same is proposed by S.A. Bazhanov, K.K. Goryainov and A.P. Isichenko: "these violations ... carry a very dangerous criminogenic potential, which, in conditions of extremely high concentration of the most criminally affected part of convicts in a limited area, can lead to penitentiary conflicts, often escalating into criminally punishable acts" [1, p. 9]. On the other hand, Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation differentiates prevention of crimes and prevention of offenses; therefore, they are different in their legal nature. Thus, it is not possible to interpret the solution of this task as prevention of crimes.

The Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 "On the fundamentals of the offense prevention system in the Russian Federation" is a significant regulatory legal act regulating operational and investigative prevention of crimes. Paragraph 9 of Part 2 of Article 6 of this document provides for possible "application of special measures for deterring offenses in accordance with Russian legislation ... that are of an operational investigative nature in order to prevent violations of the law". Considering the phrase "in accordance with Russian legislation", that is, in accordance with the Federal Law "On law enforcement intelligence operations", we can state that the legislator implies operational investigative measures carried out in order to prevent crimes.

It should be emphasized that this law defines crime deterrence as a set of social, legal, organizational, informational and other measures aimed at identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to the commission of offenses, as well as providing educational influence on individuals in order to prevent offense commission or antisocial behavior. This leads to another issue that has repeatedly become the topic of scientific discussion, in particular, the relationship between concepts of crime prevention and crime deterrence.

Nowadays there is no uniform stance on this issue in the theory of law enforcement intelligence operations. For example, V.Yu. Volkov and P.A. Makaida believe that "the basis of their differentiation lies in the entities carrying out activities. Thus, the concept of deterrence is broader than prevention, since deterrence can be implemented by both official state authorities and entities that do not have mandatory rights and special powers" [4, p. 299]. A similar opinion is shared by I.A. Naumov [6, p. 76], R.A. Semenyuk [8, p. 106], M.A. Shakhmatova [12, p. 44], considering these concepts synonyms. The position of M.V. Seregin and A.G. Teteryuk is close to ours: "the preventive activity of internal affairs bodies ... should be carried out by means of preventive measures to eliminate causes and conditions of these criminally punishable acts, determine persons prone to crime commission, and exert preventive influence on these persons, as well as operational investigative measures to identify crimes being plotted and prepared, suppress them and bring to justice those responsible for their commission" [9, p. 23]. Still, we find it important to specify the following: operational-investigative prevention of crimes is the activity of subjects conducting law enforcement intelligence operations to disclose and eliminate causes and conditions conducive to crime commission; identify persons prone

to or capable of committing crimes; prevent planned and prepared crimes. At the same time, the analysis of the norms of the Federal Law "On the fundamentals of the offense prevention system in the Russian Federation" shows that the first and second of the listed areas should be attributed to operational search deterrence of crimes; hence, deterrence is part of prevention. A similar position is expressed by S.I. Vinokurov [3]. It should be emphasized that, though being developed by the theory of law enforcement intelligence operations and repeatedly tested by long-term law enforcement practice, these directions do not have a legislative basis. There are no grounds for carrying out operational investigative measures when searching for primary information, preventing crimes being plotted, etc. Thus, the conduct of operational investigative measures to identify and eliminate the causes and conditions conducive to crime commission, as well as the provision of educational influence on persons should be recognized as illegitimate. At the same time, these actions are socially useful, have a positive effect on the state of crime and are often used by operational units in practice, which makes their legislative consolidation relevant.

Crime prevention measures are very diverse. They can be objective (designed to influence objective circumstances) and subjective (connected with upbringing of people) and be differentiated by levels. General social crime prevention measures are determined by society development patterns and associated with the regulatory impact on prevailing social relations. Any human society address certain contradictions in its development. If these contradictions remain without proper impact, they can build up and take crisis forms.

In addition to general social measures, special criminological measures are of great importance in crime prevention. They are applied by state bodies, including those carrying out law enforcement intelligence operations, and public organizations and are aimed at preventing and suppressing crimes. It is the special purpose and focus on combating crime that distinguishes these measures from general social prevention. They should be interconnected and complement each other, thus creating the basis for their effective impact.

Crime prevention measures vary in the scope of their application. They can be national, regional and local in nature. Social conditions have a significant impact on territorial differences in crime. Preventive measures vary significantly among themselves and in the scope of their application. They can be applied not only on the scale of the whole society (prevention of certain types of crimes), but also in relation to individual social groups, in spheres of public life, in certain territorial zones, etc. Moreover, the most important of them are measures to create appropriate living conditions and educate socially vulnerable groups, primarily minors.

Since it is very difficult to cover all areas of operational investigative crime prevention in one article, we will consider only preventive measures, taking into account the specifics of modern crime. Prevention can be more effective in case of timely detection and averting of criminogenic situations. Another direction is to work out inter-sectoral legislative acts, unified for the Eurasian Economic Union, for preventing certain, the most dangerous types of crimes related to manifestations of organized crime, corruption, money laundering, illegal arms and drug trafficking, illegal migration, and terrorism [10].

It should be recalled once again that in accordance with the current legislation, deterrence of offenses is considered as a combination of social, legal, organizational, informational and other measures (in this case, operational search measures are also assumed) aimed at identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to the commission of offenses, as well as providing educational influence on individuals in order to prevent the commission of offenses or antisocial behavior. The offense prevention system, according to Paragraph 2.3 of Article 2 of the Federal Law "On the fundamentals of the offense prevention system in the Russian Federation", forms a "set of offense deterrence subjects, persons involved in offense deterrence, and measures taken to prevent offenses, as well as fundamentals for activity coordination and monitoring in the field of offense prevention".

Reasoning about objects of deterrence activity, it is necessary to determine the order of their consideration. First, it is advisable to consider objects of general deterrence. These can be phenomena that have an impact on crime in general, dynamics of its quantitative indicators (state and level) and structure; individual groups of crimes and categories of criminals (classified or typological groups); specific crimes and the identity of a criminal. The objects of individual deterrence, in turn, are persons whose lifestyle and behavior indicate possible commission of crimes.

All general preventive measures in relation to the sphere of combating crimes are designed to help identify and eliminate causes of the latter, as well as conditions conducive to their commission. These measures should be implemented under close attention of their managers. These measures, in particular, are designed to contribute to solving the following tasks: identifying persons who encourage law-abiding citizens to committing offenses and places of probable crime commission (if we are talking about the border area), as well as places of concentration or hiding of persons inclined to commit crimes.

Let us focus on determining and eliminating causes and conditions that contribute to crime commission in more detail. S.V. Obraztsov states that "the main reason contributing to the commission of crimes against life and health in places of deprivation of liberty is the social and psychological maladaptation of an individual in the conditions of the microsocial conflict experienced" [7, p. 177]. Sharing this point of view, we propose to develop it and include the majority of causes contributing to crime commission into this concept. In fact, regardless of the type and conditions (an object of customs control, production facility, housing, correctional institution, etc.) of the crime, and its subject (marginal strata of society, middle class, successful entrepreneurs, representatives of government branches, etc.) the main reason for crime commission will be the microsocial conflict of a person and the society arisen due to the socio-psychological de-adaptation of a person, i.e. his/her unwillingness to live in society according to the established laws, their denial, his/her opposition to social rules. At the same time, the specific reasons for crime commission may be a person's desire to improve his/her financial situation with minimal labor costs, take revenge, restore justice, etc.

Conditions for committing crimes, as well as measures to prevent crime, can be objective (arising as a result of objective circumstances) and subjective (depending on persons' activities). Objective ones include various natural disasters, as well as, with some reservations, military actions and man-made disasters. In such conditions, it is impossible to ensure full protection of public order, which leads to increased crime. As for subjective conditions, we can mention here shortcomings in activities of a wide range of subjects, one way or another contributing to crime commission. These may be non-working lighting and lack of patrolling in places of possible robberies, omissions in educational work with minors who have previously been convicted, but first of all a lack of operational work in terms of crime prevention.

Within the framework of the functions assigned, for example, to the customs authorities, according to Paragraph 6 of Part 2 of Article 254 of the Federal Law No. 289-FZ of August 3, 2018 "On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation", the latter, along with the identification, suppression and disclosure of crimes attributed to their competence, are entitled to carry out their prevention, and since deterrence, as noted above, is an integral part of prevention, they are competent to deal with deterrence of crimes.

According to A.Yu. Kozlovskii, operational units of the customs authorities in the fight against crimes fulfil the task to obtain proactive information about the plotted or committed crime and the persons who are preparing, committing and (or) have committed it. The researcher finds it important to develop a system of preventive measures, contributing to timely averting of customs crimes. It is assumed that this system of measures should be based on strict control at all stages of declaring and transferring goods; regularity and systematic character of information and analytical work, coverage of all information sources and cross-cutting comparative

analysis of available data in order to identify trends related to the dynamics, structure, ways of committing crimes; reliable, well-developed scheme of reception, recording, registration and exchange of information between all divisions of customs authorities and the customs system as a whole according to elements of crimes; stable interaction and regular exchange of operational information about plotted and committed illegal acts with other law enforcement agencies and special services; implementation of joint measures to detection and prevention of offenses; timeliness of operational search measures to verify information about elements of detected crimes [5, pp. 110–125].

To implement these requirements, operations officers should be skilled at operational recognition of material objects, illegal turnover of which entails criminal liability. Special attention should be paid to weapons, ammunition, explosive devices; substances, including explosive, narcotic, psychotropic (and their precursors), potent, poisonous, toxic, radioactive, chemical; strategic raw materials and other items of operational interest.

To identify these objects, persons with special knowledge in the relevant fields of science, art and craft (forensic experts, chemists, nuclear physicists, toxicologists, bacteriologists, etc.) should be involved as specialists. In addition, it is necessary to use modern technical special means – search devices designed to detect hidden objects of operational interest, such as metal detectors, gas analyzers, kits for chemical express analysis of narcotic substances, explosives, thermal imagers, endoscopes, X-ray introscopes, nonlinearity locators for detecting hidden electronic devices, etc. [11, pp. 175–181].

They should be discussed in more detail. For example, for detecting explosive devices, hand-held detectors can be used to detect the odor trace of TNT. Various types of plastic explosives ("Samtex", "S-4", "Deta", "Plastit", etc.) with practically no smell have been recently used for manufacture of explosive devices. The most effective way to detect them, in addition to marking, is to search other components, such as batteries, detonators, wiring, striking elements, etc. with the help of special devices. When checking the contents of luggage (bags, suitcases, etc.), it is advisable to use X-ray and fluoroscopic devices. A mail scanner controlled by a microprocessor is very effective, allowing automatic detection of metal components of "mail" bombs, as well as other contraband items hidden in mail correspondence. In the USA, in addition, early detection systems for potentially dangerous objects (weapons and bombs), based on radar scanning, 3D modeling and artificial intelligence, are used for inspection activities. The "HexWave" technology developed by "Liberty Defense" remotely determines whether a person carries a potential threat or not. It detects metallic and non-metallic objects in real time, using automated information systems associated with artificial intelligence to analyze the generated 3D models. The "HexWave" uses low-power radar scanning from panels mounted at the entrance to customs or border control points. Radio signals are reflected from metallic and non-metallic hidden objects, and three-dimensional images are generated based on the reflected signals received. Three-dimensionality makes it possible to obtain comprehensive information (size, shape, volume) about any materially defined object. The image is generated and recognized by special software based on artificial intelligence algorithms. Threat libraries are also stored in the knowledge base of systems deployed in the field, as well as on cloud servers. Similar technologies from another developer "Synapse Technology" currently replace a large number of employees involved in the baggage check at the Kansai International Airport (Osaka, Japan).

British researchers from Nottingham Trent University and Loughborough University retrofitted smartphones with an infrared scanner and a software platform based on artificial intelligence for remote detection of knives and pistols hidden under clothing [2].

All the above-mentioned tools are aimed at identifying and eliminating conditions for committing crimes, i.e. presence of weapons, explosives, and other items that can serve as tools for committing crimes. At the same time, another equally important preventive activity direction of operational units is to identify persons whose lifestyle and behavior indicate their possible commission of crimes, ensure

direct operational control over them and provide preventive influence on them aimed at preventing the formation of criminal intent, with the help of operational search forces, means and methods. This activity in the theory of law enforcement intelligence operations is called individual deterrence.

Identification of this category of persons is possible in various ways, depending primarily on operational search conditions. Thus, in activities of internal affairs bodies, the search is carried out among persons leading an antisocial lifestyle who are regularly brought to administrative liability; operational units of correctional facilities – among convicts brought to disciplinary liability; customs authorities – among persons that have certain ties in a certain area or at facilities. Operational search involves direct examination of documents or sending requests, including in information systems. So, during the operational search measure, such as making inquiries, confidential assistance to operational units is provided, contact or contactless analyzers of a person's emotional state (polygraphs) are used. They help establish with a certain certainty the degree of frankness of a person when answering questions and his/her psychological state.

Having identified a person prone to committing crimes, it is necessary to ensure operational control over him/her, that is, to carry out surveillance activities. There is no other way of conducting operational control, since it is part of law enforcement intelligence operations, which under Article 1 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" is carried out with the help of operational search measures. Here it should be emphasized once again that there are no grounds for carrying out operational search measures for the purposes of operational control provided for in Article 7, that is, heads and employees of operational units carrying out operational control act in accordance with Paragraph 9 of Part 2 of Article 6 of the Federal Law "On the fundamentals of the offense prevention system in the Russian Federation", Article 2 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations", but in contradiction with Article 7 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations".

At the same time, the operational search measure, such as surveillance, cannot have a preventive effect on a person that can hinder the formation of his/her criminal intent. An operations officer should organize it with the help of operational search forces, means and methods in three main directions: exerting a positive influence on the object, eliminating the source of negative influence, as well as creating conditions that eliminate the possibility of committing a crime. Considering the first indicated method, we note that the purpose of providing a positive impact is to change a person's opinion about the necessity or expediency of committing a crime. In this case, the source of the impact, as it seems to us, can be a conversation, viewing photos, videos, printed products (preferably with comments from the person having a positive impact), as well as other ways of communicating the necessary information. Conversation is the most primitive and straightforward method that has both advantages, such as direct contact of a subject and an object of individual deterrence, possibility of correcting the impact degree depending on the object's reaction, and disadvantages, such as relatively low effectiveness. At the same time, there arises the question about the legal nature of the conducted measure. It is not an operational search measure "survey", since it is not aimed at obtaining operational information, however, it cannot be anything else, since law enforcement intelligence operations are carried out exclusively through operational search measures. Thus, we once again come to the conclusion about the imperfection of operational investigative legislation.

The main condition determining, in our opinion, the degree of effectiveness of preventive conversations is the level of authority of the source of impact in the eyes of the person being treated. The specified level, depending on a specific situation and moral values of a person, may be determined by age, official position or other (for example, religious) status, degree of proximity to the person being treated, nationality, etc. Choosing the source of impact and organizing preventing impact are a private task of the operational staff, arising from the general task

of crime prevention. It is worth emphasizing once again that, in our opinion, this activity carried out with the use of operational search forces and means is law enforcement intelligence operations; however, in accordance with the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" it does not relate to such.

The same problem exists when implementing another direction of individual deterrence, i.e. eliminating the source of negative influence. It is usually organized by an operational officer also with the help of forces and means of law enforcement intelligence operations in conjunction with other organizational actions and often in interaction with other departments and organizations. This may be attraction of a person (for example, a minor) to socially useful activities or activation of family or religious values, etc., which will result in the reduction in the time of communication with persons exerting a negative impact (or, for instance, propagandizing the ideology of the AUE international social movement recognized as extremist). It is also possible to organize spatial movements of the subject – creating prerequisites for moving to another area or region, long absences (business trip, change of place of work), etc.

The third direction of preventive impact is to create conditions to deter crime commission. Though it is implemented by operational units, including in interaction with other departments and organizations, in order to solve the task of law enforcement intelligence operations to prevent crimes, it is not fixed in the current operational investigative legislation. So, it is organization of spatial or temporal restrictions for contacts between potential perpetrators and a victim, establishment of public or tacit control over a person, reduction in the vulnerability of a potential crime object (for example, equipping the customs control point with modern equipment described above). The implementation of these organizational actions is also carried out by operational units using, if necessary, their specific capabilities.

Thus, concluding the consideration of key directions of prevention, we emphasize the need to improve the operational search law. The condition specified in Article 1 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" that law enforcement intelligence operations are carried out through operational search measures does not currently correspond to actual law enforcement and socially useful practice.

Conclusions. Summing up some results, we should once again pay attention to the key points.

Crime prevention is fixed in Article 2 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations" as a task of law enforcement intelligence operations, however, the law does not contain any means of solving this task in the form of grounds for conducting operational investigative measures. Thus, there appears a situation when operations officers, solving the specified task with the help of operational search forces, means and methods, act in accordance with Paragraph 9 of Part 2 of Article 6 of the Federal Law "On the fundamentals of the offense prevention system in the Russian Federation", Article 2 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations", but in contradiction with Article 7 of the latter. Crime deterrence, in our opinion, is part of crime prevention and is implemented in the direction of general and individual deterrence by identifying and eliminating the causes and conditions that contribute to crime commission, as well as determining persons whose lifestyle and behavior indicate the possibility of committing crimes.

It is reasonable to improve the operational search legislation by making amendments to Article 1 of the Federal Law "On law enforcement intelligence operations", which provides for the condition that law enforcement intelligence operations are carried out through the conduct of operational search measures. Taking into account modern legal practice, we propose the following wording "law enforcement intelligence operations are carried out through operational search measures and other actions". As for the basis for conducting law enforcement intelligence operations fixed in Article 7 as follows "information that has become known to the bodies carrying out law enforcement intelligence operations about elements of the illegal act being prepared, being committed or having been committed, as well as about the persons who

are preparing, committing or have committed it, if there is not sufficient data to resolve the issue of initiating a criminal case", we suggest the following wording: "the need to obtain information for identification, prevention, suppression or solution of the crime being prepared, being committed or had been committed, as well as about the persons who are plotting, preparing, committing or have committed it".

REFERENCES

1. Bazhanov S.A., Goryainov K.K., Isichenko A.P. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: rasshirennyi kommentarii k stat'e 84 UIK RF* [Law enforcement intelligence operations in the penal system: extended commentary on Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2011. 54 p.
2. The USA is introducing a new AI technology for remote detection of weapons. *Umnaya bezopasnost': internet-blog* [Smart Security: Internet blog]. Available at: https://zen.yandex.ru/media/id/5c88926728941b00b4b27d1 a/v-ssha-vnedriaiut-novuiu-iitehnologiiu-distancionnogo-obnarujeniia-orujiia-5ce63b00ef774e00b332788f (In Russ.). (Accessed September 10, 2022).
3. Vinokurov S.I. Scientific foundations of countering crime: a system of concepts. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya=Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2022, no. 2 (36), pp. 51–57. (In Russ.).
4. Volkov V.Yu., Makaida P.A. Prevention of administrative offenses and crimes. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 297–303. (In Russ.).
5. Kozlovskii A.Yu. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' tamozhennykh organov Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye aspekty: monografiya* [Operational search activity of customs authorities of the Russian Federation: theoretical, legal and organizational aspects: monograph]. Moscow: Izd-vo Ros. tamozh. akad., 2015. 210 p. ISBN 978-5-9590-0843-7.
6. Naumov I.A. Correlation of the concepts of "prevention of human rights violations" and "prevention of crimes" in Russian law. *Dialog=Dialogue*, 2020, no. 1 (15), pp. 72–77. (In Russ.).
7. Obraztsov S.V. Causes and conditions conducive to the commission of crimes against life and health in correctional colonies. *E-Scio*, 2019, no. 9 (36), pp. 175–180. (In Russ.).
8. Semenyuk R.A. Role of criminal investigation apparatus in prevention (deterrence) of crimes. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2007, no. 12, pp. 106–108. (In Russ.).
9. Seregin M.V., Teteryuk A.G. Selected aspects of prevention and prevention of crimes against ownership in passenger trains. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti=Problems of Law Enforcement Activity*, 2019, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.).
10. Suturina M.N., Zhukova A.S. Criminological characteristics of customs crime in the conditions of improving customs and corner legislation. *Predprinimatel'stvo i pravo: informatsionno-analiticheskii portal* [Entrepreneurship and law: information and analytical portal]. Available at: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=7359 (In Russ.). (Accessed July 30, 2022).
11. Khalikov A.N., Yakovets E.N., Zhuravlenko N.I. *Yuridicheskoe, tekhnicheskoe i informatsionno-analiticheskoe obespechenie operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie* [Legal, technical and information-analytical support of operational-investigative activities: textbook]. Moscow: Yur-litinform, 2010. 470 p. ISBN 978-5-93295-578-9.
12. Shakhmatova M.A. Offenses among police officers (militia): concept, types, warning. *Mir yuridicheskoi nauki=World of Legal Science*, 2010, no. 8, pp. 35–52. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8386-4247

DMITRII A. BRAZHNIKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, Dbrazh@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2641-2113

Received October 7, 2022

Original article
UDC 343.851
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.007

Interaction between Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to Prevent Recidivism among Those Sentenced to Punishment without Isolation from Society

YULIYA V. YUROVA
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia
yurovayulua@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4495-213X

Abstract

Introduction: the article reveals legal and practical aspects of organizing interaction between employees of penal inspections and territorial divisions of internal affairs bodies. *Purpose*: to develop proposals for amending joint decrees on the organization of interaction between employees of penal inspections and territorial divisions of the department of internal affairs in order to boost effectiveness of preventing recidivism among persons registered with penal inspections. *Methods*: analysis of the results of theoretical research on the topic, content analysis, interpretation of legal norms, comparative law, analysis of statistical data. Based on the *results* of the analysis, the author proposes amendments and additions to regional joint decrees on the interaction between employees of penal inspections and internal affairs bodies in the field of organizing work with juvenile affairs units, district police officers, as well as on searching for persons who have escaped from employees of penal inspections. *Conclusions*: the organization of interaction between employees of penal inspections and internal affairs bodies plays an important role in the prevention of recidivism among those sentenced to punishment without isolation of society. Currently, in the Russian Federation the joint Decree of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 190/912 of October 4, 2012 "On approval of the Rules of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention of crimes and other offenses committed by persons registered with penal inspections" (hereinafter: Interaction Rules) is in force. In addition, a number of territorial bodies have regional decrees on the organization of interaction of the above-mentioned structural units at the district level. The most effective practices on the prevention of recidivism among persons sentenced to punishment without isolation from society should be studied, implemented and used.

Keywords: interaction; penal inspection; internal affairs bodies; prevention; thwarting; recidivism.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Yurova Yu.V. Interaction between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to prevent recidivism among those sentenced to punishment without isolation from society. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 407–416. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.007.

© *Yurova Yu.V., 2022*

Introduction

One of crucial goals of the Russian penal legislation is to prevent the commission of new crimes by both convicted and other persons [9]. The implementation of this goal is entrusted to employees of institutions and bodies of the Russian penal system, including penal inspections (PI).

When executing criminal punishments, criminal-legal and preventive measures, inspection officers regularly interact with employees of internal affairs bodies, whose main activities also include prevention and suppression of crimes and administrative offenses in accordance with Paragraph 2 of Part 1 of Article 2 of the Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On the police" [7].

In order to organize this interaction on the territory of the Russian Federation, a joint decree of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 190/912 of October 4, 2012 "On approval of the Rules of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention of crimes and other offenses committed by persons registered with penal inspections" is in effect [8], which is the main one in the prevention of recidivism among convicts registered with penal inspections.

This topic has been little studied by representatives of criminal law sciences. In the course of the study, the works of D.A. Brazhnikov, A.V. Bogdanov, A.Sh. Gabaraev, E.V. Emelyanova, A.I. Zakharova, E.D. Zykova, I.I. Il'inskii, P.N. Kobets, S.I. Shaimanova, E.N. Khazov are considered. The researchers believe that a low recidivism rate can be achieved only with mutually beneficial interaction of prevention subjects [1–6]. Conducting a retrospective analysis of the development of interaction between the Police department and the department of internal affairs, D.E. Zykova comes to the conclusion that the detailed legal regulation of forms of interaction between law enforcement agencies is necessary for effective prevention of recidivism [6, p. 26]. Researchers A.I. Zakharova and S.I. Shaimanova study issues to prevent crimes of female minors and emphasize the importance of joint work in the organization of moral and ethical, family, sexual, and physical education [5, p. 77]. Formation and improvement of the system of legal, cultural, military-patriotic, spiritual-moral, and civil-patriotic education of minors are discussed in the works of A.V. Bogdanov, I.I. Il'inskii, E. N. Khazov [1, p. 31]. Prevention of female recidivism is considered by P.N. Kobets and D.A. Brazhnikov. Scientists prove that systematic elimination of the causes and conditions that contribute to the recurrence of female crime is one of the priorities of the department of internal affairs [2, p. 83]. E.V. Emelyanova writes about the expediency to clearly formulate key provisions of the unified state crime prevention system and determine its development prospects [4, p. 29].

According to A.Sh. Gabaraev, the absence of consistency in the legal regulation of interaction between units of penal inspections and departments of internal affairs is a serious drawback [3, p. 8]. Within the framework of this article, a number of amendments will be proposed to current legislation norms on the recidivism prevention among convicts registered with penal inspections.

Statistical analysis. In 2021, 933,087 people were registered with penal inspections (the previous year's figure – 941,961 people), of which 12,217 minors (the previous year's figure – 13,415 people). The recidivism rate among persons registered with penal inspections was 2.17% (the previous year's figure – 2.12%). Thus, there is a slight increase in recidivism (data provided by the Federal Penitentiary Service of Russia, not published officially).

In the Far Eastern Federal District, the recidivism rate in 2021 was 2.4% (the previous year's figure – 2.31%). This indicator increased compared to the same period previous year and exceeded the national average. In the Far Eastern Federal District, the highest recidivism rate (3.16%) was observed in Khabarovsk Krai (the previous year's figure – 2.57%). In Khabarovsk Krai, the recidivism rate went up by 22.82% compared to the previous year's figure. The lowest recidivism rate (1.37%) was in the Sakhalin Oblast (the previous year's figure – 1.29%).

In the Volga Federal District, the recidivism rate was 2.15%. This indicator was lower than the national average, but higher than in 2020 (2.05%). The highest recidivism rate (3.71%) was recorded in the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Penza Oblast (the previous year's figure – 3.62%). At the same time, the lowest recidivism rate amounted to 1.09% in the Orenburg Oblast (the previous year's figure – 1.2%).

In the Northwestern Federal District, the recidivism rate amounted to 1.77% at the end

of 2021 (the previous year's figure – 1.75%). This indicator was less than the national average, but higher than the previous year's figure. The lowest recidivism rate (0.32%) in the Northwestern Federal District was observed in the Novgorod Oblast (the previous year's figure – 0.8%).

In the Ural Federal District, the recidivism rate was 2.77% at the end of 2021 (the previous year's figure – 2.64%). The highest recidivism rate (3.63%) was recorded in the Tyumen Oblast (the previous year's figure – 3.66%), the lowest (1.38%) – in the Kurgan Oblast (the previous year's figure – 1.24%) and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (the previous year's figure – 1.50%).

In the Central Federal District, the decrease in the recidivism rate accounted for more than 30% (1.61% vs 2.43% of the previous year). The highest recidivism rate (2.77%) was recorded in the Ivanovo Oblast (the previous year's figure – 2.47%). The lowest recidivism rate (0.86%) was observed in the city of Moscow (the previous year's figure – 0.93%).

The recidivism rate in the Southern Federal District was 2.05% (the previous year's figure – 2.04%). In 2021, the highest rate of recidivism (2.30%) was observed on the territory of the Republic of Crimea (the previous year's figure – 2.26%), and the lowest (1.56%) in the Republic of Adygea (the previous year's figure – 1.70%).

In the Siberian Federal District, the recidivism rate in 2021 was 2.43% (the previous year's figure – 2.38%). It exceeded the national average significantly. The highest recidivism rate (3.72%) was observed in the Omsk Oblast (the previous year's figure – 3.41%), the lowest (1.17%) in the Republic of Tuva (the previous year's figure – 1.53%).

In the North Caucasian Federal District, the recidivism rate was 1.62% at the end of 2021 (the previous year's figure – 1.53%). This indicator was lower than the average Russian level, but higher than in 2020. The highest recidivism rate (2.89%) was observed in Stavropol Krai (the previous year's figure – 2.37%). The lowest recidivism rate (0.42%) was recorded on the territory of the Republic of North Ossetia – Alania (the previous year's figure – 1.1%).

Thus, in a number of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, the recidivism rate exceeded the national average significantly. So, in the (Main) Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Penza Oblast, it was 3.71% (the previous year's figure – 3.62%), the Omsk Oblast – 3.71% (the previous year's figure – 3.41%), the Tyumen Oblast – 3.63% (the previous year's figure – 3.66%), the Altai Republic – 3.60% (the previous year's figure – 2.72%).

Among minors convicted without isolation from society, there was also a decrease in the level of recidivism, which at the end of 2021 amounted to 2.78% (the previous year's figure – 3.32%, the decline by 16.1%). At the same time, the highest recidivism rate among juvenile convicts (10%) was recorded in the (Main) Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in Kamchatka Krai (the previous year's figure – 5.36%). The lowest rate (0%) was recorded in the Republic of Adygea and the Smolensk Oblast (the previous year's figure – 0%)

A wide range of the recidivism rate in different territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia is caused by various subjective and objective reasons, such as a complex criminogenic composition of persons registered with penal inspections (previously convicted, unwilling to work and study, prone to the use of alcoholic beverages and narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues), lack of personnel and their large workload, which entails a reduction in the requirements for organization of control and supervision of registered persons.

Thus, the analysis of official statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia demonstrates the following:

1) the national average rate of recidivism among persons registered with penal inspections in 2021 increased by 0.05% compared to the same period of the previous year;

2) the recidivism rate among persons registered with penal inspections is higher than the average Russian recorded in the Far Eastern, Ural, and Siberian federal districts;

3) the recidivism rate among persons registered with penal inspections, close to the average national, is recorded in the Volga, and Southern federal districts;

4) the recidivism rate among persons registered with penal inspections, lower than the national average, is recorded in the Northwestern, Central and North Caucasian federal districts.

Let us analyze norms of the Decree of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 190/912 of October 4, 2012 "On approval of the Rules of interaction between the Federal Penitentiary

Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention of crimes and other offenses committed by persons registered with penal inspections" and regional decrees on interaction.

The last amendments to the Interaction Rules were made on January 20, 2017. It is important to note that since the beginning of 2017, activities of the inspection staff have changed significantly. Their duties have included control over suspected and accused persons sentenced to a ban on certain actions and bail, as well as control over those released on parole.

These circumstances indicate the need to amend the Interaction Rules to expand the circle of persons to whom the decree applies, and to fix in it all those registered with penal inspections.

In addition, when analyzing current norms of the Interaction Rules, we identified several more problematic issues.

According to Sub-Paragraph 7 of Paragraph 6 of the Interaction Rules, on the day of receipt of a copy of the court's decision (ruling) on the replacement of the unserved sentence by another type of punishment, extension of the probation period, assignment of additional duties and restrictions to convicts, or on the refusal of the court to satisfy the penal inspection submission on the replacement of punishment, the relevant units of the department of internal affairs are informed. At the same time, it is doubtful whether these reports are relevant for them. When executing punishments without isolation from society, it is virtually impossible to determine in advance the date of convicts' removal from the register, it is only possible to calculate an end date of the probation period, but it can also be extended. Thus, if information is sent to employees of the department of internal affairs about registration of a convicted person and his/her removal from the register, which involves organization or termination of work with him/her, the information about the probation period extension does not play a role for an employee of the department of internal affairs. A similar question arises when sending information about the court's refusal to satisfy the penal inspection's submission on the replacement of punishment. This information does not actually matter to employees of the department of internal affairs. At the same time, information on the assignment of additional duties to conditionally convicted persons or on the imposition of additional restrictions on those sentenced to restriction of freedom must be sent to departments of internal affairs, since their employees can assist in organizing control over the newly assigned duties and restrictions. Information about the replacement of a sentence or the cancellation of a suspended sentence is similar to information about the removal of a convicted person from the register. Thus, we propose to set out Sub-Paragraph 7.6 of the Interaction Rules in the following wording: "On the day of receipt of a copy of the court's decision (ruling) on the replacement of an unserved sentence by another type of punishment, the imposition of additional duties and restrictions on convicts, relevant units of the department of internal affairs are informed".

At the same time, the presented proposals should not be taken into account, in case it is an employee of the department of internal affairs who files a petition about the application of preventive measures to a convict. In this case it is required to provide an employee of the department of internal affairs with the petition consideration results.

Based on the above, Sub-Paragraph 8 of Paragraph 6 of the Interaction Rules should be excluded. It is not possible to accurately determine the date of removal from the register of those sentenced to restriction of freedom and deprivation of the right to hold a certain position or engage in a certain activity. It can only be calculated approximately.

According to Sub-Paragraph 9 of Paragraph 6 of the Interaction Rules, employees of penal inspections must send lists of juvenile convicts to the department of internal affairs monthly. At the same time, in accordance with Sub-Paragraph 5 of Paragraph 6 of the Interaction Rules, the inspection staff is obliged to inform the department of internal affairs about registration of convicts, and in relation to juvenile convicts – about their registration with a copy of the verdict (ruling, resolution) of the court. Thus, monthly provision of the department of internal affairs with this information is rather disputable. Based on the above, it is proposed to replace the monthly period with a quarterly one.

It is noteworthy that the Interaction Rules do not fix specific deadlines for carrying out preventive measures. As part of the solution of these problems, most territorial bodies have approved decrees for the interaction of employees between penal inspections and

departments of internal affairs at the level of Russian subjects.

Within the framework of the study, 54 joint decrees on the interaction between penal inspections and departments of internal affairs were studied (the decrees were provided by territorial bodies, not officially published), of which:

– 4 decrees have been in effect since 2012 (Novgorod, Rostov, and Kaliningrad oblasts, Perm Krai);

– 12 decrees – since 2013 (republics of Adygea, Ingushetia, Dagestan, and Chuvashia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Bryansk, Vologda, Ivanovo, Kirov, Orel, Saratov, and Yaroslavl oblasts);

– 7 decrees – since 2014 (republics of Tuva and Crimea, Altai and Zabaykalsky krais, Smolensk, Tambov, and Sakhalin oblasts);

– 3 decrees – since 2015 (Krasnoyarsk Krai, Vladimir and Moscow oblasts);

– 3 decrees – since 2016 (Amur and Belgorod oblasts, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug);

– 11 decrees – since 2017 (Krasnodar Krai, republics of Bashkortostan and Khakassia, Chechen Republic, Nizhny Novgorod, Kurgan, Penza, Samara Leningrad, Tyumen, and Ulyanovsk oblasts, city of Saint Petersburg);

– 6 decrees – since 2018 (Kabardino-Balkarian and Karachay-Cherkess Republics, Republic of North Ossetia–Alania, Lipetsk, Murmansk, and Tula oblasts);

– 2 decrees – since 2019 (Irkutsk Oblast, Republic of Buryatia);

– 4 decrees – since 2020 (Republic of Kalmykia, Orenburg, Chelyabinsk, and Omsk oblasts);

– 2 decrees – since 2021 (Komi Republic, Republic of Tatarstan).

The data were provided by territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the latest amendments made to the decrees on the interaction between employees of penal inspections and departments of internal affairs. Thus, in most territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, there are joint decrees on the organization of interaction between employees of these structural units with regard to regional specifics.

However, there are no joint regional decrees in some territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the city of Moscow, Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in Khabarovsk Krai, Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in Primorsky Krai, etc.). Employees of penal inspections and departments of internal affairs rely only on the Interaction Rules, when organizing joint work.

The analysis of the decrees stated above demonstrates the following:

1) the decrees provisions largely duplicate norms of the Interaction Rules, as well as other regulatory legal acts regulating activities of penal inspections;

2) the decrees requirements increase and complicate the workload of penal inspection employees, obliging them to conduct additional checks, requests, etc.;

3) some decrees contain norms that do not relate to the issues of interaction between employees of penal inspections and departments of internal affairs.

At the same time, a number of decrees do contain norms necessary for the organization of high-quality interaction between employees of these structural units. We believe that the presence of such joint orders is crucial. At the same time, it is important to identify, analyze and summarize the effective norms contained in separate decrees on the interaction.

Let us consider general provisions on the organization of interaction between penal inspections and departments of internal affairs

Interaction of any structural units depends on its organization. In most territorial bodies, this function is assigned to the head of the penal inspection of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia and the deputy head of Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs in the relevant field of activity. The current Interaction Rules establish that "territorial bodies are obliged to visit subordinate structural units, approve semi-annual joint work plans, analyze and summarize results of the activities of the penal inspection and the department of internal affairs at least once a half-year, make proposals for improving the work" [8]. At the same time, most joint decrees contain norms fixing measures to organize regional interdepartmental operations at least once every 6 months. This measure should be fixed in regional interaction orders, but it is advisable to increase the frequency of their conduct from 2 to 4 times a year.

According to Sub-Paragraph 4 of Paragraph 7 of the Interaction Rules, "when a convicted person commits an administrative offense or crime, or facts of non-fulfillment

of assigned duties and established restrictions are revealed, within three working days after consideration of an administrative offense case, initiation of a criminal case and reviewing of a report by the senior staff of the department of internal affairs or receiving information from another department of internal affairs or other law enforcement agency about bringing a convicted person to administrative liability, initiation of a criminal case against him/her, the department of internal affairs sends information about these facts to the penal inspection" [8].

This provision is present in every regional joint decree, and in part of them – informing the penal inspection about bringing a person to administrative and criminal liability is separated from informing on the facts of violation by convicts of the duties and restrictions imposed by the court. This provision plays an important role in the prevention of repeated crimes among those sentenced to punishment without isolation from society. At the same time, this paragraph of the Interaction Rules is often not executed, and penal inspection employees receive information about bringing a person to administrative and criminal liability at the end of the quarter submitting inquires. A.Sh. Gabaraev has a similar point of view.

Thus, in accordance with Sub-Paragraph 4 of Paragraph 6 of the Interaction Rules, "penal inspection employees are to send inquires (requirements) at least once a quarter to relevant divisions of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level to check the availability of information on bringing convicts to administrative or criminal liability on the basis of automated records of correctional centers of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level, and in relation to those sentenced to compulsory labor – at least once during the term of punishment". In order to prevent recidivisms among probationers, convicts sentenced to restriction of liberty, and convicts released on parole, it is proposed to check imposition of administrative sanctions on them at least once a month and fix this provision in regional interaction decrees. This proposal is effective precisely in relation to these categories of convicts, since the following preventive measures can be applied to them for committing administrative offenses on their part: issuing a warning (official warning), filing a submission with the court about extending the probation period, imposing additional duties (restrictions), canceling a suspended sentence, probation release, replacement of punishment. In relation to other categories of convicts who have committed administrative offenses, the use of effective preventive measures is not provided for by the penal legislation.

In the decree of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Komi Republic and the Ministry of Internal Affairs in the Komi Republic No. 4/2 of January 12, 2021 "On approval of the Instruction on the procedure for interaction between the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Komi Republic and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Komi Republic and territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level in the Komi Republic to work with persons sentenced to punishments and measures of a criminal nature without isolation from society, as well as the accused (suspects), to whom the court has imposed a preventive measure in the form of house arrest, bail or prohibition of certain actions" much attention is paid to convicts who undergo treatment for drug addiction. A whole section of the decree is devoted to the interaction between drugs control divisions of the Ministry of Internal Affairs and penal inspections. Special attention should be paid to Paragraph 32 "in case of establishing facts of evasion from passing diagnostics, preventive measures, treatment for drug addiction and (or) medical and (or) social rehabilitation by persons who, in accordance with Article 72.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, are imposed by the court to undergo a course of treatment for drug addiction and (or) medical and (or) social rehabilitation in connection with the consumption of narcotic drugs or psychotropic substances without a doctor's appointment or new potentially dangerous psychoactive substances, within 5 working days inspection staff sends relevant information (with copies of documents attached) to territorial drugs control divisions of the Ministry of Internal Affairs in the Komi Republic to make a decision on bringing these persons to administrative liability under Article 6.9.1 of the Administrative Code of the Russian Federation". It is also advisable to include this provision in regional cooperation decrees.

Let us consider interaction between penal inspection employees and the division of district police officers.

Paragraph 7 of the Interaction Rules reflects duties of the department of internal affairs employees to prevent recidivism among those sentenced to punishment without isolation from society.

At the same time, the Interaction Regulations do not reflect organization of the work of penal inspections and district police officers, given the fact that the latter is the main division, penal inspection employees interact with.

The analysis of joint regional orders on interaction shows that in most of them separate sections are devoted to this interaction s.

So, according to the decree of the Russian MIA Administration for the Omsk Oblast and the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Omsk Oblast No. 221/248 of March 26, 2014 "On approval of the Instructions on the organization of interaction between employees of the Russian MIA Administration for the Omsk Oblast and the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Omsk Oblast for monitoring behavior of persons sentenced to non-custodial penalties", in the first month from the moment of receiving a notification of the convicted person registration, district police officers together with penal inspection employees conduct measures to control convicts' behavior through checks at the place of residence and in public places, as well as preventive conversations. They organize submission of notes and other materials based on the conducted activities results to penal inspections for inclusion in the personal file of the convicted person. At the same time, according to the Decree of the Main Directorate of Russia in Perm Krai and the Russian MIA General Administration for Perm Krai No. 362/918 of August 20, 2012 "On the procedure for cooperation in the prevention of crimes and offenses among persons sentenced to punishments and other measures of a criminal nature without isolation from society", the term of these joint initial measures is reduced from 30 up to 10 days.

The study of current regional decrees on interaction indicates that it is advisable to include the following key responsibilities of district police officers in territorial joint orders on interaction with penal inspections at the district level:

1. At least once a quarter, together with the penal inspection, carrying out measures to control convicts' behavior, through their checks at the place of residence and in public places, preventive conversations. In relation to persons newly registered with the penal inspection, these measures should be carried out within 30 days from the registration date, then quarterly.

2. Quarterly, before the 25th day of the last month of the quarter, submission of notes on the results of preventive work carried out with the convicted person to the penal inspection. The note indicates dates of inspections at the place of residence, information about preventive conversations conducted, information about lifestyle and everyday behavior, information about facts of criminal and administrative liability for the reporting period.

3. Assistance to the penal inspection in establishing location of convicted persons without isolation from society, including minors who have escaped from serving their sentence or control, immediate informing of the search initiator and participation in detention of the convicted person, if necessary.

4. When identifying convicted persons who evade execution of criminal penalties or measures of a criminal-legal nature, providing the penal inspection with the relevant information (petition, report) in order to take preventive measures against them.

Let us consider interaction between penal inspection and juvenile affairs unit employees.

Paragraph 8 of the Interaction Rules stipulates the procedure for the work of penal inspections and juvenile affairs units in relation to juvenile convicts. In fact, it is the only division of the department of internal affairs whose powers are clearly defined by the Interaction Rules. This fact is primarily due to the fact that juvenile convicts are included in the "risk group" as persons prone to committing illegal actions and in need of increased attention.

Currently, the Interaction Regulations provide for 8 provisions regulating activities of juvenile affairs unit employees. At the same time, a number of regional decrees on interaction expand their powers.

Thus, according to 7.1.10 Sub-Paragraph of the joint Decree of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Tuva and the Russian MIA Administration for the Republic of Tuva No. 66/63 of February 10, 2014 "On approval of the instructions on the procedure for interaction of the federal state-financed institution "Penal Inspection of the Directorate of the Federal Penitentiary Service in the Republic of Tuva"

and territorial bodies of the Russian MIA Administration for the Republic of Tuva on the organization of preventive work with convicts registered with penal inspections, as well as on the organization of control over suspects or the accused, in respect of whom the court has chosen a preventive measure in the form of house arrest", juvenile affairs unit employees, when registering a minor convict, provide the penal inspection with the information that characterizes the convict's personality, behavior, lifestyle, upbringing conditions, and attitude to study (work). This is an important aspect that can help inspection employees to determine the vector of the organization of educational work with a minor.

In addition, Sub-Paragraph 7.1. of the Decree of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novgorod Oblast and the Russian MIA Administration for the Novgorod Oblast No. 1027/533 of December 25, 2012 "On approval of the instructions on interaction of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novgorod Oblast and the Russian MIA Administration for the Novgorod Oblast" reduces the period of registration of juvenile convicts from 5 (according to the Regulations Rules) up to 3 days, juvenile affairs unit employees are charged with the duty of informing other prevention subjects about the registration of a minor.

Reducing the period of registration of a minor from 5 to 3 days would be an effective measure, but for its application it is necessary to amend Sub-Paragraph 1 of Paragraph 8 of the Interaction Rules.

It is also worth mentioning that in terms of joint regional decrees the organization of interaction between employees of the penal inspection and the juvenile affairs unit affects not only juvenile convicts.

For example, according to Sub-Paragraph 8.2.2. of the Decree of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Rostov Oblast and the Russian MIA Administration for the Rostov Oblast No. 760/802 of October 5, 2012 "On approval of the instructions on the interaction procedure of the Russian MIA Administration for the Rostov Oblast in monitoring behavior of convicts sentenced to punishment and measures of criminal legal nature not related to isolation from society", on the day of registration of a convict received a deferred sentence and having children (child) under the age of 14, penal inspection employees send a report to the juvenile affairs unit of the Russian MIA Administration for the Rostov Oblast about registration of this person and request information, whether he/she is registered with the juvenile affairs unit as a dysfunctional parent, administrative and public pressure measures are applied to him/her. Then, juvenile affairs unit employees examine convict's housing and family living conditions within three days in order to identify grounds for registration with the juvenile affairs unit as a parent who does not perform or improperly performs duties to bring up, educate and (or) support his/her children, mistreat them, and (or) whose behavior has a negative influence on them. Based on the survey results, the decision is made on the expediency of taking this convict under control of this structural unit. A generalizing note and a copy of the family and living conditions examination act are sent to the penal inspection. The decree determines further activities of employees of these units on the exchange of information about these persons and the conduct of semi-annual inspections at the place of residence.

The analysis of the stated above show that regional joint decrees stipulate activities not only with juvenile convicts, but also with convicts received a deferred sentence under Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Let us analyze interaction between employees of penal inspections and departments of internal affairs during the initial measures to track convicts who have escaped from control.

The Interaction Rules are aimed at preventing commission of crimes and other offenses by convicts received a non-custodial or suspended sentence and registered with the penal inspection (Paragraph 1 of the Interaction Rules).

Conducting initial measures to track convicts hiding from the control of inspection officers is an important aspect in the execution of criminal penalties and measures of a criminal legal nature. At the same time, Sub-Paragraph 11 of Paragraph 6 of the Interaction Rules stipulates that information about the fact of the convicted person's evasion from the control of a penal inspection is sent to the department of internal affairs. In this regard, a significant part of regional orders on interaction pays much attention to convicts who have escaped from the control of a penal inspection.

For example, according to the joint Decree of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novgorod Oblast and the Russian MIA Administration for the Novgorod Oblast No. 1027/533 of December 25, 2012 "On approval of the instructions on interaction between the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Novgorod Oblast and the Russian MIA Administration for the Novgorod Oblast", when lacking information about location of convicted persons, inspection employees must contact the police department to clarify the possibility of their detention for committing an administrative offense or a crime. This must be done before launching initial measures. In addition, some territorial bodies have proposed various options for all points bulletins sent to criminal investigation units of the internal affairs department to assist in tracking a fugitive. It is important to note that most regional decrees on the organization of interaction stipulate that similar all points bulletins should be sent to the Police Patrol and Checkpoint Service to control the convicted who have restrictions or obligations not to leave their place of residence at night from 22:00 to 6:00, or the suspected and the accused, in relation to whom the court has chosen house arrest as a preventive measure.

Also, in order to establish location of the convicts in respect of whom initial measures are conducted, within 30 days, employees of the penal inspection and the department of internal affairs need to conduct a joint raid to check possible places of their stay. This set of measures can boost effectiveness of initial measures to track fugitives.

We also should mention a complex of measures conducted after a wanted person detention.

A significant part of the decrees indicate that detained convicts are placed in the detention room by police officers (regardless of who carried out the detention), and police officers take measures to organize control over them until arrival of the search initiator, but not for more than 48 hours. This rule is very important, since the Criminal Code of the Russian Federation does not provide premises for the detention of these persons. Without this rule, police officers can refuse penal inspection employees to keep the convicted person if he/she was detained, for example, by an employee of the penitentiary service. The next important point to pay attention to is the issue of delivering a detained convict to a court hearing for extending the period of detention from 48 hours to 30 days. About half of all penal inspection employees are women who will not be able to resist a convict trying to escape, since he knows that the issue of his detention will be resolved in the near future.

The analysis of the above indicates that it is advisable to include the following provisions in regional joint interaction orders:

1. Before launching initial measures to track a fugitive, the penal inspection clarifies the information in the internal affairs department about his/her presence in the detention room.

2. During the initial search measures, the penal inspection sends all points bulletins to the criminal investigation department of the internal affairs department to assist in locating a fugitive and patrol and the post service to control convicts who have restrictions or obligations not to leave their place of residence at night from 22:00 to 6:00, or in relation to the suspected and accused, who has chosen a preventive measure in the form of house arrest.

3. Detained convicts are placed in the detention room of the internal affairs department.

4. Delivery of detained convicts to the court for extending the period of detention from 48 hours to 30 days is carried out by the internal affairs department.

Conclusion

Thus, the author proposes to make a number of changes to the current legislation regulating the interaction between employees of bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Internal Affairs Department (the Interaction Rules, joint regional orders). Specific regulation of the interaction between employees (penal inspections, district police officers, juvenile affairs units) and proper performance of official duties will increase the effectiveness of law enforcement agencies in preventing repeat crime among persons registered with penal inspections. In addition, within the framework of the study, special attention is paid to the search for persons who have escaped from the control of penal inspection employees. The search for persons dangerous to society and out of control is very important. Timely establishment of their location can prevent repeated crimes on their part, which is the main purpose of criminal and penal legislation.

REFERENCES

1. Bogdanov A.V., Il'inskii I. I., Khazov E.N. Interaction on the prevention of crimes among minors between operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Organizatsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: teoreticheskie i prikladnye aspekty: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora A.I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki, Ryazan', 06 fevralya 2018 goda* [Organizational and legal regulation of penal system activities: theoretical and applied aspects: Materials of the inter-university scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science, Ryazan, February 06, 2018]. Ryazan: Akad. prava i upr. Feder. sluzhby ispolneniya nakazanii Rossii, 2018. Pp. 28–33. (In Russ.).
2. Brazhnikov D.A., Kobets P.N. Women's recidivism: some issues of its prevention by the internal affairs bodies. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika=Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 3(45), pp. 75–86. (In Russ.).
3. Gabaraev A.Sh. Questions of interaction of the ministry of internal affairs and federal penitentiary service of Russia on the prevention of commission by the persons which are on the account of criminal executive inspections, crimes and other offenses. *Colloquium-journal*, 2019, no. 19–7 (43), pp. 1–9. (In Russ.).
4. Emel'yanova E.V. Cooperation of the ministry of internal affairs and the federal system of execution of punishment in the sphere of the prevention of infringements of laws: problems and prospects. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2014, no. 3 (32), pp. 26–29. (In Russ.).
5. Zakharova A.I., Shaimanova S.I. Interaction of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia with the Ministry of Internal Affairs of Russia in the prevention of crime of female minors. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Legal science and practice: almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Samara: Samar. Yurid. In-t Feder. sluzhby ispolneniya nakazanii, 2020. Pp. 75–78. (In Russ.).
6. Zykova E.D. Retrospective analysis of forms of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on crime prevention. In: Ivashko N.N. (Ed.). *Sbornik materialov kursantskikh (studencheskikh) nauchno-prakticheskikh meropriyatii: materialy pyati mezhvuzovskikh nauchno-prakticheskikh konferentsii (Novokuznetsk, 17 dekabrya 2019 goda – 18 2020 goda)* [Collection of materials of cadet (student) scientific and practical events: materials of five interuniversity scientific and practical conferences (Novokuznetsk, December 17, 2019 – December 18, 2020)]. Novokuznetsk: Kuzbass. In-t Feder. sluzhby ispolneniya nakazanii, 2020. Pp. 25–27. (In Russ.).
7. On the Police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 adopted by the State Duma on January 28, 2011. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2011. No. 7. Art. 900. (In Russ.).
8. On approval of the Rules of interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the prevention of crimes and other offenses committed by persons registered with penal inspections: Decree of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 190/912 of October 4, 2012. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2012, no. 248. (In Russ.).
9. Penal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1997. No. 2. Art. 198.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YULIYA V. YUROVA – Postgraduate Student at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, Senior Lecturer at the Department of Penal Law of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, yurovayulua@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4495-213X

Received August 11, 2022

Original article
UDC 342.95
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008

Systemic, Institutional and Idiosyncratic Factors of Corruption in Foreign Penitentiary Systems: Experience in Countering Administrative Discretion

ROMAN V. NAGORNYKH
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4765-8550

Abstract

Introduction: the article analyzes issues of improving legislation and organizational and managerial (administrative) activities in the field of combating corruption in foreign penitentiary systems. P*urpose*: to study problems of combating corruption in the penitentiary sphere with the help of administrative and legal means in foreign countries. The article notes that detention and punishment in the form of deprivation of liberty contribute to the emergence of threats of hypertrophied application of administrative discretion in relation to convicts by the administration of penitentiary institutions. Systemic and institutional corruption in the penitentiary sphere is formed only in idiosyncratic conditions of manifestations of illegal corrupt behavior of senior management of penitentiary bodies and institutions. The *methodological basis* of the work consists of general scientific and private scientific (logical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions*: the fight against corruption in the penitentiary sphere can be effective only if the share of administrative discretion in relation to prisoners is reduced by the administration of penitentiary institutions through establishment of strict regulatory restrictions and prohibitions in the field of administrative activities, implementation of constant external independent control by state bodies and the public over correctional facility activities, conduct of various educational and promotional activities, strengthening of social protection of the staff of institutions and carrying out of measures aimed at increasing public prestige of the penitentiary service. The *scientific and practical significance* of the work lies in the substantiation of practical proposals on the possibility of using foreign experience in combating corruption in the penitentiary sphere in the domestic practice of state-legal construction.

Keywords: penitentiary sphere; idiosyncratic corruption; administrative control; administrative discretion.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V. Systemic, institutional and idiosyncratic factors of corruption in foreign penitentiary systems: experience in countering administrative discretion. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 417–424. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.

Introduction

Execution of criminal penalties is the most important law enforcement function of any modern democratic state, the implementation of which is primarily associated with social justice restoration [1]. Social justice itself

© Nagornykh R.V., 2022

is a multidimensional phenomenon. Being a philosophical and socio-legal category in a civilizational context, it is considered in conjunction with basic legal values, such as human and citizen rights, expressing in the legal consciousness and activity of people the general conditions for realization of legal, moral and other socio-cultural imperatives of the proper state of the individual and society in specific historical conditions [5]. In this regard, global requirements for the quality of execution of criminal penalties are significantly increasing, especially in terms of its social effectiveness as the most important legal and organizational means of establishing social justice. A significant obstacle to achieving a necessary level of social efficiency of modern penitentiary practices is a high corruption level in the sphere of execution of criminal penalties, which necessitates the conduct of relevant scientific research, as well as a wide range of international (supranational) and domestic measures in the field of combating corruption.

Discussions

Corruption in the sphere of execution of criminal penalties should be considered as a global problem with deep social, political, economic, historical, legal and organizational reasons. Worldwide prevalence of this phenomenon is connected with the systemic nature of crime in the penitentiary sphere, maximum possible concentration and organization of criminal communities in penitentiary institutions, constant increased risks of involvement of the personnel of penal bodies and institutions in illegal activities. According to foreign researchers, in a number of countries (USA, Great Britain, Brazil, Colombia, Philippines, etc.), the scale of penitentiary corruption is staggering [15]. Investigative bodies of these countries established numerous facts of merging of criminal syndicates and prison administrations in order to commit various crimes both inside and outside institutions in exchange for improved conditions of detention – the so-called "luxury behind bars". This led to the emergence and development of institutional penitentiary corruption, with penitentiary crime being its integral part, the structural basis (basis) of activities of not only the correctional system, but higher-level state systems, such as law enforcement, judicial, parliamentary, etc.

Penitentiary activities in closed-type correctional institutions are characterized by a special vulnerability of personnel to corruption manifestations due to the specifics of the regime of punishment execution in the form of imprisonment, due to the closed nature of penitentiary activity and associated risks of insufficient state and public control. In these conditions, detention and punishment in the form of deprivation of liberty mean not only a serious restriction of the personal freedom of persons in custody and sentenced to imprisonment, but also possible hypertrophied application of administrative in relation to these persons on the part of the penitentiary institution administration. In closed-type penitentiary facilities, there are always threats and risks of situations of a kind of imbalance of internal administrative power in the direction of strengthening administrative discretion and administrative arbitrariness. On the other hand, criminal communities themselves actively seek to gain power and control over the institution administration by recruiting, provoking and blackmailing staff and their family members [7]. These circumstances make it necessary to increase the requirements for the activities of personnel, vigilance and prudence on the part of the administration of institutions, control over personnel at all stages of the process of criminal punishment execution.

Let us consider types of corruption risks in correctional institutions, factors of administrative discretion and conditions of their occurrence.

In foreign studies, attention is drawn to the fact that the subordinate position of prisoners, freedom and uncontrolled actions of correctional personnel, increased anxiety and concern of relatives and friends about prisoners' fate contribute to the creation of conditions for the use of excessive administrative control (administrative discretion) on the part of the administration and corruption risks [17]. These risks cause the emergence of systemic (institutional) corruption, which implies constant interaction between the personnel and criminal community leaders, who, in turn, often assume the functions

of intermediaries in solving the most complex problems of prisoners. At the same time, the most severe forms of systemic (institutional) corruption arise in the conditions of constant cooperation of high-ranking heads of correctional institutions and their management bodies with leaders of criminal communities serving sentences in the form of imprisonment and the ones who are at large.

In conditions of systemic corruption, correctional facility employees may allow prisoners to conduct criminal activities or even manage criminal organizations within institutions in exchange for bribes, sexual services, the share of illegal profits, etc. In foreign practice, there are facts of the use of prisoners as cheap labor at various enterprises outside correctional institutions in order to obtain illegal profits [7].

According to the Reuters news agency, "in Mexico, more than 40,000 prisoners accused of crimes are locked up in state prisons every year, where cartel killers are often held together with petty thieves, juvenile prisoners or those awaiting trial" [20]. There are numerous facts of detention in prisons without trial and investigation. According to the Mexican expert Guillermo Zepeda, "the proportion of such persons in Mexican prisons is about half of the total contingent, and prisoners in pre-trial detention pay about 539 million pesos (43 million US dollars) a year in bribes for everything from a place in the cell to air conditioners" [22]. Numerous facts of arbitrary delaying of trials have been noted in Peru, thus "more than 70% of all detainees in correctional institutions do not have a sentence" [16]. In Bolivia, correctional administrations actively cooperate with prisoners and drug cartels in the production and distribution of cocaine [9], etc.

In foreign studies, it is noted that corruption in national penal systems differs significantly from corruption phenomena in other public administration systems, it has pronounced specific features, in particular:

1) correctional facility staff controls every aspect of prisoners' daily lives, including their access to basic necessities, and in certain cases their luxury goods, illegal goods, services and activities. This objectively creates a "market situation" with the availability of appropriate demand and supply for the commission of corruption offenses;

2) national states, being the exclusive power subjects in the field of control and supervision in the penitentiary sphere, legislatively establish a high degree of inequality in the relations between the prison administration (prison bureaucracy) and convicts;

3) the closed nature of prisons and the fact that they are largely hidden from the public eye and excluded from political discourse limit the possibilities for transparency and accessibility of public control;

4) against the general background of poor internal management and ineffective leadership on the part of correctional administrations, organized crime is intensifying, which has a devastating impact on the overall work of the penitentiary system [14].

These and similar phenomena in foreign literature are described as the grounds or factors for the emergence of idiosyncratic corruption [8], that is, specific corruption that occurs only under certain conditions and in a special social environment, which certainly includes the environment of convicts who are in prison institutions of a closed type. At the same time, idiosyncratic corruption itself is not homogeneous in essence. It is conditioned by many factors, both system-wide, i.e. inherent in global and national penitentiary practices, and purely subjective, depending on individual personality characteristics of leaders of criminal communities and corrupt heads of correctional institutions. In this regard, idiosyncratic corruption in the penitentiary sphere should be studied in broad and narrow senses, considering personal subjective corruption preferences and inclinations of managers and staff of correctional institutions, as well as features of their official position (official opportunities for corrupt behavior), as specific idiosyncratic features of penitentiary corruption.

The main factor in the emergence and resistance of idiosyncratic corruption risks in the penitentiary sphere is the presence of large, uncontrolled and often excessive administrative power of correctional personnel. It is implemented with the help of persuasion and coercion, within which various means of encouragement and punishment are used. At the

same time, the system of extrajudicial disciplinary punishments and other coercive measures in conditions of idiosyncratic corruption is, as a rule, not only nonlegal (organizational), but also illegitimate (illegal) in nature.

Identifying elements of potential corruption, understanding its causes and planning measures to reduce it is an important managerial (organizational and legal) task of law enforcement in correctional institutions. The success of this kind of activity depends on the will, abilities and integrity of the staff ("prison administrators") at all levels. However, in conditions when persons controlling the management system of penitentiary bodies and institutions and authorities of bodies and institutions executing criminal penalties allow the possibility of committing or commit corruption offenses themselves, subordinate staff, as well as inmates, consider corrupt behavior as acceptable and expected. For example, if a correctional institution head lets friends or colleagues attract prisoners to unpaid work, this sends a clear signal to employees that the exploitation of prisoners for personal purposes is permissible. Besides, there are other forms of corruption in the penitentiary sphere, such as systematic informal fees for the staff, various forms of protectionism (localism, trade in positions, patronage in the commission of offenses), etc. In this connection, it should be concluded that systemic corruption in the penitentiary sphere is formed only in conditions of idiosyncratic manifestations of illegal corrupt behavior of senior managers of penitentiary bodies and institutions.

In most cases, the risks of both systemic and its core, i.e. idiosyncratic, corruption depend on the nature (type of regime) of a correctional institution. As noted by I.M. Matskevich and I.I. Isakov, administrations of penitentiary institutions in foreign penitentiary systems often acquire the status of mini-governments, in which the leaders have significant powers in the field of control over prisoners [3]. In these conditions, the administration of correctional institutions itself should be considered as an object of the closest control and supervision on the part of authorities of general and sectoral competence, as well as the public. This point of view is the most common in special foreign literature. For example, a well-known American expert in the field of penitentiary corruption, Professor at the University of Pennsylvania John J. Dilulio notes that "... the prison administration should be subject to a powerful system of internal and external control of its behavior, including judicial and legislative supervision, media attention, operation of professional norms and ethical standards, strict internal control and inspections, constant internal evaluations and openness to external research" [10]. According to the scientist, external supervision of activities of the correctional institution administration is difficult due to the closeness of institutions and the fact that the staff is "physically hidden from prying eyes". At the same time, John J. Dilulio argues that the "key to improving prisons is a highly disciplined constitutional government, which involves hiring prison managers who are able to control themselves while simultaneously working to control prisoners" [10].

Non-transparency of the processes of execution of a sentence in the form of imprisonment should also be attributed to crucial conditions for the emergence and resistance of idiosyncratic penitentiary corruption. Foreign literature presents several reasons for such opacity.

To begin with, in most penitentiary systems personal information about prisoners in custody and convicts in correctional institutions is of a closed nature and is not subject to use (processing, lighting, etc.). The unspoken nature of the circulation of any information about the special agent (general civil personal data, and even more so specific information about convicts in connection with criminal punishment and conditions of serving a sentence in a particular correctional institution), on the one hand, hinders the information exchange between convicts and criminal communities outside the correctional institution and, on the other, contributes to concealment of information about committed offenses inside the correctional institution and violations of convicts' rights.

In most foreign countries, legislation protects citizens' rights to privacy, including in the penitentiary sphere; therefore, the disclosure of personal information about prisoners is significantly restricted from the public. Prisoners lose not only certain rights to pri-

vacy after conviction, but also the right to inviolability and independent use of personal information about their lives, depending on the nature of the crime committed and the type of punishment regime. In particular, the practice of concealing personal information and personal data in relation to persons detained and convicted of acts related to organized crime, banditry or terrorism is worldwide. In general, taking into account the increased attention paid by administrations of correctional institutions to persons detained and convicted in connection with the commission of such crimes, information about methods, security procedures and reports of internal audits or investigations is extremely reluctant to be disclosed or carefully concealed. According to Gwenola Ricordeau, professor at the Department of Political Science and Criminal Justice at California State University, figuratively notes that taken in totality these precautions create an atmosphere in which prison walls, in addition to keeping prisoners inside, do not allow external publicity. Controlling people's lives without transparency increases the likelihood of corruption [19].

Second, the lack of transparency of information exchange is also characteristic of correctional facility personnel. The staff of institutions are reluctant to disclose information about methods, procedures for ensuring the regime of execution of sentences, the state of internal security, as well as reports on work in various areas of official activity. World practice shows that in most penitentiary systems of national states there are direct administrative prohibitions on the disclosure of such information, which is of a closed official nature and is not subject to dissemination to a wide range of the public. This circumstance determines the presence of idiosyncratic corruption risks associated with the involvement of the staff of institutions in illegal corruption activities inherent in a separate penitentiary institution (territorial body or the whole region).

Third, the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners establish that the use of force should always be an exception and used only as a last resort. In order to avoid any abuses in the use of force, the principles of legality, necessity and proportionality should be respected; monitoring procedures should be implemented, and those responsible for abuses should be brought to justice [13].

At the same time, the need for the use of violence and the negative attitude of convicts to the use of violence by the staff of correctional institutions leads to the emergence of wide corruption opportunities. Individual idiosyncratic tendency of managers to use unlawful violence (excessive use of legal disciplinary coercion against convicts, and even more so illegal use of torture and bullying) are the basis for rallying the environment of convicts and attempts by criminal leaders to "solve issues" with the administration of institutions by appropriate illegal means.

According to foreign experts, insufficient professional training of staff (prison guard officers) puts them in the position of increased vulnerability from corruption risks [18]. Unskilled personnel, as a rule, are not sure about legality or illegality of certain actions in the context of the penitentiary service. Special reference literature for correctional institution heads notes that it is not particularly difficult to teach staff to use force, but teaching personnel the grounds for using force and its adequacy requires great skill and long practice [18]. At the same time, it is noted that the improper use of force, due to the full control of staff over prisoners, is a constant problem in pre-trial detention facilities and prisons ... in connection with which acceptable behavior of the staff should be determined by laws, regulations and procedures, institutional values and codes of conduct, as well as constant familiarization of staff with their content and order of application [18].

The literature also draws attention to the fact that in conditions when the prison administration and the public agree with the excessive use of force in correctional institutions and consider such violence justified, this contributes to the acceptance of corruption as a kind of deterrent to unlawful violence [12]. The lack of effective public monitoring, mechanisms for external independent investigation and open reporting on the facts of violence in places of detention or correctional institutions create conditions for impunity for unlawful actions of staff, which increases vulnerability of penitentiary systems to corrupt practices.

Fourth, the prevalence of corrupt behavior is also promoted by inefficient management of penitentiary activities, and in some cases by complete absence of procedural decisions determining the procedure and grounds for the detention of prisoners and their treatment. The staff of institutions does not always understand that the purpose, for example, of pre-trial detention is not punishment, but keeping the accused before trial. Persons in pre-trial detention are, by definition, not guilty of any crime and should be treated as normal citizens to the extent that the requirements of internal security and expediency permit. The personnel of institutions does not always understand legal, organizational and moral limitations in their work. In this regard, the level of perception of the illegality of behavior among the staff of institutions is significantly reduced and what the staff considers appropriate in relation to prisoners actually belongs to the category of unethical or corrupt practices.

Fifth, foreign literature also draws attention to a low salary level of the prison staff as one of the conditions for spreading corruption [2]. Thus, the Secretary General of the Association of Prison Guards in the UK has identified a direct link between low wages of the prison staff and corruption level [11]. For example, in the state of Georgia (USA) in 2016, the FBI simultaneously arrested over 50 prison guards involved in corruption, whose average salary was only about 24 thousand dollars a year; this sum approaches the poverty line for a family of four. In the state of Mississippi (USA), the initial salary of a prison guard entitles an employee to receive food stamps [15]. Most foreign experts pay attention to the direct link between staff corruption and low wages, their research shows that an increase in wages could help reduce corruption in penitentiary systems.

All these factors of idiosyncratic corruption in the penitentiary sphere are connected and caused by excessive and uncontrolled administrative power of the administration of penitentiary institutions and their leaders, who are, in fact, key organizers and inspirers of corruption networks in the penitentiary sphere. Administrative discretion, unfortunately, is a permanent phenomenon and, in principle, characteristic of any kind of managerial activity, but in the penitentiary sphere it acquires the most sophisticated idiosyncratic forms and requires increased attention of state authorities and the public.

We will analyze anti-corruption practices in the penitentiary sphere, their paradigms, strategies and effectiveness.

Foreign researchers have recently considered corruption as a hidden factor that affects not only the state of individual spheres of public activities, but also political, economic, social and other processes on a country scale and even at the interstate level.

A well-known Italian expert, professor at the Department of Political Sciences at the University of Pisa Alberto Vannucci distinguishes three main paradigms of corruption. Within the framework of the economic paradigm, corruption is considered as the result of rational individual choice, and its spread within a certain organization is influenced by factors that determine the structure of expected costs and rewards. The cultural paradigm is based on differences in cultural traditions, social norms and internalized[1] values that shape moral preferences of individuals and take into account their social and institutional role, which contributes to the formation of idiosyncratic manifestations of corruption. The neo-institutional paradigm is associated with the use of mechanisms that allow for the internal regulation of social interactions (institutions) within corrupt networks, and their influence on people's beliefs and preferences. A. Vannucci emphasizes that modern corruption is the result of many individual and collective choices that significantly change public opinion regarding corruption and its spread in the state, markets and civil society. There is no unambiguous recipe for combating corruption manifestations, since corruption is a complex and multifaceted phenomenon. Reforms aimed at eliminating systemic corruption encounter counteraction of hidden management structures in corruption networks [21]. So, a vicious circle arises: the conduct of an effective anti-corruption policy is hindered by corrupt high-ranking officials,

[1] Interiorization (In French Interiorisation – transition from outside to inside, from Lat. interior – internal) is the process of transition from external actions to internal ones. Human education and upbringing is based on it: first adults explain and show, and then children, repeating, transfer necessary actions to the internal plan [6].

and the more an effective anti-corruption policy is needed by a particular society, the less likely it can be consolidated in law and implemented. Overcoming this vicious circle is possible only in conditions when the official state anti-corruption policy is complemented by activities of informal public institutions, an initiative from below. With regard to corruption problems in the penitentiary sphere, the presented paradigms allow us to determine corruption features in a certain national state and work out optimal models and strategies of anti-corruption policy for individual states.

Systemic, institutional and idiosyncratic corruption currently poses a serious security threat to penitentiary systems and personnel in any country. The study of foreign experience allows us to conclude that the crucial obstacle to the development of comprehensive nationwide (national) strategies for combatting penitentiary corruption is the lack of effective tools to assess their real effectiveness. Corruption-related crimes are, as a rule, investigated post factum and cannot be considered as effective legal tools for identifying long-term corruption risks in the functioning of penitentiary systems and, moreover, countering them.

Conclusions

The causes and conditions of penitentiary corruption, revealed during investigation of crimes, hinder assessment of the degree of phenomena prevalence and the scale of corresponding risks and elaboration of long-term programs to counteract penitentiary corruption. In this regard, the development of strategies to counteract penitentiary corruption in foreign countries should be based on a deep paradigmatic study of causes, conditions and factors of corruption in individual states and their penitentiary systems. At the same time, in all cases, the effectiveness of combating corruption in the penitentiary sphere can be achieved only if the share of administrative discretion in relation to prisoners is reduced by the administration of penitentiary institutions through the establishment of strict regulatory restrictions and prohibitions for staff [4], implementation of constant external independent control by state authorities and the public over administration's activities, conduct of educational and propaganda measures, strengthening of social protection of the institution personnel and measures aimed at increasing the public prestige of the penitentiary service.

REFERENCES

1. Zubkova V.I. Rehabilitation of social justice as the purpose of criminal punishment and its implementation during deprivation. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 9, pp. 10–14. (In Russ.).
2. Marcou G. Fight against corruption in France. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya=Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2012, no. 3 (34), pp. 34–38. (In Russ.).
3. Matskevich I.M., Aminov I.I. Experience of preventing systemic and specific corruption in correctional institutions abroad. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki=Moscow Witte University Bulletin. Series 2: Legal Science*, 2017, no. 4 (13), pp. 54–59. (In Russ.). doi: 10.21777/2587-9472-2017-4-54-59.
4. Nagornykh R.V. Restrictions and limitations in the system of public service in law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2019, no. 447, pp. 241–246. (In Russ.).
5. Oboturova N.S. Changing the conditions of serving imprisonment in the legislation of the Republic of Belarus: historical aspect. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4 (48), pp. 456–461. (In Russ.). doi: 10.24411/2686-9764-2019-10001.
6. Puzyrei A.A., Podvoiskii D.G. Interiorization. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: elektronnaya versiya* [Big Russian Encyclopedia: electronic version]. Available at: https://bigenc.ru/psychology/text/2014359 (In Russ.). (Accessed August 21, 2022).
7. Anti-corruption measures in prisons. *United Nations. Office on Drugs and Crime: website*. Available at: https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/prisons.html (accessed August 21, 2022).
8. Blackburn K.A, Neanidis K.C.,·Rana M.P. Theory of organized crime, corruption and economic growth. *Economic Theory Bulletin*, 2017, no. 5, pp. 227–245. Available at:

https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s40505-017-0116-5.pdf. (accessed August 25, 2022). doi: 10.1007/s40505-017-0116-5
9. Corrupción, el mal quecreció en cárceles con el coronavirus. *El Diario: website*. Available at: https://www.eldiario.net/portal/2021/08/16/corrupcion-el-mal-que-crecio-en-carceles-con-el-coronavirus/ (accessed August 25, 2022).
10. Dilulio J. *Governing prisons: a comparative study of correctional management*. New York: Free Press, 1987. 349 p.
11. Global Prison Trends 2016. *Penal Reform International: website*. Available at: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2016/05/Global_prison_trends_report_2016.pdf (accessed October 15, 2022).
12. *Handbook on anti-corruption measures in prisons*. Vienna: United Nations, 2017. 99 p. Available at: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/17-06140_HB_anti-corr_prisons_eBook.pdf (accessed October 15, 2022).
13. *Handbook on the management of violent extremist prisoners and the prevention of radicalization to violence in prisons*. New York: United Nations, 2016. 148 p. Available at: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_VEPs.pdf (accessed September 11, 2022).
14. Hill G. *Corruption risks in the criminal justice chain and tools for assessment. Chapter 5: Detention and corrections*. Bergen: U4 Anti-Corruption Resource Centre, 2015. 9 p. Available at: https://www.u4.no/publications/corruption-risks-in-the-criminal-justice-chain-and-tools-for-assessment-chapter-5-detention-and-corrections.pdf (accessed August 25, 2022).
15. How prisons corrupt – and what to do about it. *The Global Anticorruption Blog*. Available at: https://globalanticorruptionblog.com/2016/12/09/how-prisons-corrupt-and-what-to-do-about-it(accessed October 15, 2022).
16. *Informe penitenciario. Unamirada al mundo carcelario peruano*. Lima: Comisión episcopal de acción social, 2006. 82 p. Available at: https://www.corteidh.or.cr/tablas/23775.pdf (accessed August 25, 2022).
17. *Introductory handbook on the prevention of recidivism and the social reintegration of offenders.* Vienna: United Nations, 2018. 129 p. Available at: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/18-02303_ebook.pdf (accessed August 21, 2022).
18. Prison incident management handbook. *United Nation Peacekeeping: website.* Available at: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/handbook_pim. pdf (accessed September 10, 2022).
19. Ricordeau G. Between inside and outside: prison visiting rooms. *Politix*, 2012, vol. 97, no. 1, pp. 101–123. Available at: https://www.cairn-int.info/article-E_POX_097_0101--between-inside-and-outside-prison.htm (accessed September 10, 2022).
20. Rosenberg M. Corrupt, insecure prisons undermine Mexico drug. *Reuters: website*. Available at: https://www.reuters.com/article/us-mexico-jails-idUSTRE67H43A20100818 (accessed August 25, 2022).
21. Vannucci A. Three paradigms for the analysis of corruption. *Labour & Law Issues*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 1–31. Available at: http://hdl.handle.net/1814/39343 (accessed October 15, 2022).
22. Zepeda Lecuona G. *Los mitos de la prisión preventiva en México*. México: Open Society Institute, 2009. 21 p. Available at: https://www.justiceinitiative.org/uploads/59bf32c6-14cc-498f-b68f-a3f374425885/mitos-mexico-20100801.pdf (accessed August 25, 2022).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4765-8550

Received October 18, 2022

Original article
UDC 159.9.07
doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.009

Studying Self-Actualization of Men for the First Time Held in a Pre-Trial Detention Center with regard to Other Characteristics of Their Personality

DAR'YA N. KROTOVA
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dnkrotova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6197-6363

NADEZHDA A. TSVETKOVA
Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, TsvetkovaNA@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0967-205X

Abstract

Introduction: the article studies the specifics of self-actualization of men aged 25–50, for the first time held in a pre-trial detention center as the suspected and the accused. This mechanism was studied in connection with other personality characteristics, presumably causing its launch in conditions of imprisonment. The goal was to express the character of self-actualization with a personality structure consisting of five basic traits (neuroticism, extroversion, affection, self-control, expressiveness), life-meaning orientations, guilt, reflexivity and coping. *Methods:* psychological testing with the help of the Personal Orientation Inventory, "Big Five personality traits"; "Life-Meaning Orientations", GuiltInventory, Reflexivity test (IMR), Ways of Coping Questionnaire (WCQ). *Results:* the surveyed can achieve genuine self-actualization instead of criminal, but for this they need the help of a psychologist (the share of men with pseudo-self-actualization amounts to 5.6%; 20.6% has a low overall level of self-actualization). The group is described by the following: a high level of neuroticism in the personality structure combined with a low level of affection; tending to low indicator of meaningfulness of life (46.7% of men have a low indicator); an average level of guilt (mainly guilt as a state), while half of the sample shows a low level of moral norms; a fairly high level of reflexivity (46% of men have high indicators); the coping strategy "escape/avoidance" or (less often) "confrontation" is used by the surveyed, and "self-control" is unpopular among them. *Conclusions:* the results show the presence of the problem of self-actualization in this category of men, but also the possibility of its resolution through the correctional and developmental work of psychologists aimed at optimizing personal characteristics closely related to self-actualization (coping, meaningfulness of life, neuroticism and affection, reflexivity, guilt).

Keywords: men held in pre-trial detention centers; self-actualization; personal characteristics: life-meaning orientations, guilt, individual measure of

© Krotova D.N., Tsvetkova N.A., 2022

reflexivity, coping; connection of self-actualization features with other personal characteristics.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Krotova D.N., Tsvetkova N.A. Studying self-actualization of men for the first time held in a pre-trial detention center with regard to other characteristics of their personality. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 425–433. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.009.

Introduction. The scientific works devoted to legal psychology consider negative factors of the situation of detention in pre-trial detention centers of the penitentiary system. A positive approach to understanding the phenomena of the research field of legal psychology is still poorly manifested. However, it is indisputable that any situation, even the situation of detention in a pre-trial detention center, in addition to negative, has its positive aspects for the person who finds himself in it.

It is known that the status of a crime suspect, the situation of detention in general and the socio-psychological factors associated with it are a powerful stressor for a defendant, i.e. the one against whom a criminal case is initiated, capable of having a devastating effect on his psyche [1; 4; 10; 11; 13; 15; 26–30]. To cope with it (to exclude suicide), the defendant needs some personal prerequisites, which some authors call resilience [15] or stress resistance, others – coping (coping behavior) [3; 13; 26; 30]. Following principles of the positive approach in psychology, we propose to define the concept of "self-actualization" [12], introduced into scientific circulation in 1939 by K. Goldstein to determine the "ability to rebuild the body under the influence of trauma" [14]. K. Goldstein was sure that "self-actualization is the main and only motive of the organism serving as a prerequisite for self-realization of the whole organism, the basis for development and self-improvement, creative tendency of the individual" [14].

Further the problem of self-actualization was thoroughly worked out by psychologists of the existential-humanistic direction (A. Maslow, C. Rogers, Ch. Buhler, E. Shostrom, etc.). In a broad sense, the term was understood by them as a person's desire to self-actualize and constantly develop. As Ch. Buhler, the "concept of self-realization originates from F. Nietzsche and C.G. Jung, appears in various versions of works of K. Horney, E. Fromm, K. Goldstein, F. Fromm-Reichman, A. Maslow and other authors who try to create all-encompassing theories of ultimate life goals" [25]. A. Maslow [16], C. Rogers [20], V. Frankl [21], E. Fromm [22] and other foreign [9; 18] and domestic [6; 9; 24] researchers clarify that self-actualization can be deep (essential) and superficial; active and passive; harmonious and problematic; energetic and cautious. Hostility, fears, lack of motivation, habit of idleness, and social pressure hinder the process of self-actualization.

Speaking about self-actualization of mature men held for the first time in a pre-trial detention center, the work of Ch. Buhler is worth mentioning. Unlike other researchers who consider self-actualization as an indispensable way of self-realization of a person, she notices that those who have lost themselves, their purpose need self-actualization [25]. If everything goes on as usual in life, and it brings satisfaction, then self-realization and self-development are enough for a person. The same idea is shared by V. Frankl [21].

A historical and critical analysis of the study of self-actualization as a driving force of personal development was presented by D.A. Leont'ev [14]. The value of his work lies in the fact that he noted vulnerabilities in this theory, but emphasized its scientific significance and showed prospects for development.

In terms of combining the theory and practice of self-actualization, the developments of E. Shostrom are valuable. According to the scientist, this concept is integrative, including a number of structural components. His method of studying this phenomenon, known to psychologists as the Personal Orientation Inventory, allows differentiating individuals with genuine self-actualization (presumably, the share of such people in society is 68%), pseudo-self-actualization and self-actualization due to painful mental changes – patients

with neuroses suffering from mental disorders [23]. This author supplemented the theory of self-actualization by drawing attention to an alternative version of self-realization – a person-manipulator [23].

There is an insignificant number of empirical studies of self-actualization carried out on samples consisting of suspected, accused and convicted persons held in places of deprivation of liberty. Therefore, they are especially valuable. D.V. Zhmurov and A.G. Zav'yalov raise the problem of criminal self-actualization and present results of their own empirical research. The surveyed are divided into 3 groups – citizens who do not have criminal records; convicts serving their sentences for the first time; repeat offenders. The results of the Personal Orientation Inventory by E. Shostrom shows that by the level of self-actualization law-abiding citizens are in the lead; they are followed by a group of repeat offenders; the group of convicts serving their sentences for the first time closes the rating (has the lowest indicators). The authors point out several reasons why individuals detained for the first time often prefer criminal self-actualization [6].

M.A. Zheludkov and V.E. Kovalevskii wonder, for what reasons people with a high level of self-actualization commit mercenary crimes? As a result, they come to the conclusion that it is the lack of opportunities to meet individual needs that appeared at the next stage of their life, ... therefore, self-actualization cannot be considered the end of personality development [5]. It is not a goal, but a way for a person to return to his destiny and continue self-realization (self-fulfillment).

Sharing this thought, we proceed from the assumption that the men detained in the pre-trial detention center did not expect to be in this situation, which means that their goals either were not realized by them as fictitious, or did not correspond to the general line of their personal development, that is, they were false – these men "missed their purpose". V.N. Volkov writes, "The very fact of the investigation usually causes apathy among people held in the pre-trial detention center for the first time. Many of them consider their lives ruined, and therefore, under the influence of emotional experiences and gradually increasing psychological disorders, they consider assistance to the investigation and the court unnecessary and useless" [2, p. 299]. The control over a person in a pre-trial detention center is so comprehensive that it leads to the blurring of the boundaries of personality up to its destruction. This provokes interest in the process of self-actualization. However, not every person who finds himself in this penal institution in the status of the suspected or accused is able to independently embark on the path of reviving a genuine and better "I". The informal participation of a penitentiary psychologist in his life situation is necessary.

K.V. Kovaleva believes that self-actualization is both a process, means, goal of personal development, and a property that determines its implementation, therefore it is necessary to fill the deficit of research on this phenomenon [9]. Psychologists who understand the key role of self-actualization in the process of re-socialization of persons who have committed a crime need not only knowledge, but also technologies for their practical application. Re-socialization of criminals is the goal of their activity, and self-actualization is the only way to achieve it.

Having conducted scientific and theoretical analysis of the literature on this problem, we worked out a model of empirical research of this mechanism in mature men first detained in a pre-trial detention center [12], in connection with other characteristics of their personality. At the same time, it was taken into account that researchers in self-actualization most often associated it with the normative development of personality (integrity of personality) [16; 20; 29; 30], life-meaning orientations [7; 24], guilt [2; 4; 26], individual measure of reflexivity [8; 11; 17], and coping [3; 13; 26].

Our model was implemented at the Moscow City Detention Center. The sample consisted of 214 men aged 25–50 (in age psychology, this period is defined as the "age of maturity") first detained in a pre-trial detention center in the status of the suspected and accused (the average age of men is 37 years). Of them at the time of arrest, 69 people were unemployed (32.3%); 39 people – managers (18.2%); 79 people – workers (36.9%); 27 people – employees (12.6%); 81 people had higher education (37.9%), 83 people – specialized secondary (38.8%), 46 people – total average (21.5%), 4 people – incomplete average (1.9%); 32 people were mar-

ried (15.0%), 39 people cohabited (18.2%), 78 people were single (36.4%), 65 people were divorced (30.4%); 110 men had children (51.4%). The largest share in the sample was made up of men brought to criminal liability under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation – 63 people (29.4%), followed by those convicted under Article 228 of the Criminal Code – 59 people (27.6%), Article 162 – 32 people (15.0%), Article 158 – 15 people (7.0%), Article 161 – 9 people (4.2%). The rest, 36 people (16.8%), were convicted under articles 105, 111, 163, 264, 128, 134, 165, 172, 186, 226 of the Criminal Code of the Russian Federation. When selecting empirical material for this article, we were guided by two main criteria: 1) a man is detained in a pre-trial detention center for the first time; 2) the man's age is from 25 to 50 years.

The *purpose* of the empirical study was to identify the character of the relationship between self-actualization and personal characteristics, such as the personality structure, consisting of 5 basic features of a "normal" personality (neuroticism, extraversion, attachment, self-control, expressiveness); life-meaning orientations, guilt, reflexivity, coping of mature men, first held in a pre-trial detention center.

Research methods. The main method of collecting empirical data was the psychological testing. Six reliable and valid methods of psychodiagnostics were used, such as 1) E. Shostrom's test to study features of personality self-actualization by 14 parameters and its general level in adaptation by Yu.E. Aleshin, L.Ya. Gozman, M.V. Zagiki, M.V. Kroza; 2) the five-factor personality questionnaire ("Big Five personality traits") by R. McCray and P. Costa adapted by M.V. Bodunov and S.D. Biryukov; 3) the "Life-Meaning Orientations" test by D.A. Leont'ev; 4) the questionnaire for assessing the severity of guilt (GuiltInventory), translated and adapted by I.M. Belik; 5) the methodology for determining an individual measure of reflexivity (IMR) by A.V. Karpov; 6) "Ways of Coping Questionnaire" (WCQ) adapted by T.L. Kryukova and E.V. Kuftyak.

Mathematical and statistical data processing was performed on the basis of the Msofficeexcel package, IBMSPSSStatistics 23, Statistica 10.0 (correlation analysis of data was performed according to Pearson).

Results and their discussion

1. The results of the study of the features of self-actualization of mature men first taken into custody in a pre-trial detention center.

Table 1

Self-actualization indicators

Measured self-actualization indicators	Levels						Group-wide index (in stens)
	High		Average		Low		
	Persons	%	Persons	%	Persons	%	
1. Value of self-actualization	59	27.6	119	55.6	36	16.8	6.1
2. Synergy	58	27.1	101	47.2	55	25.7	6.1
3. Creativity	46	21.5	113	52.8	55	25.7	6.1
4. Self-regard	51	23.8	106	49.5	57	26.7	5.9
5. Capacity for intimate contact	57	26.7	106	49.5	51	23.8	5.9
6. Spontaneity	35	16.4	101	47.2	78	36.4	5.7
7. Acceptance of aggression	31	14.5	123	57.5	60	28.0	5.6
8. Self-support	48	22.4	105	49.1	61	28.5	5.4
9. Cognitive needs	47	22.0	92	43.0	75	35.0	5.3
10. Nature of man	19	8.9	136	63.5	59	27.6	5.2
11. Time competence	27	12.6	102	47.7	85	39.7	5.0
12. Feeling reactivity	24	11.2	103	48.1	87	40.7	5.0
13. Self-acceptance	31	14.5	109	50.9	74	34.6	5.0
14. Flexibility of behavior	27	12.6	99	46.3	88	41.1	4.9
POI general index	12	5.6	158	73.8	44	20.6	5.6

Notes. 10–8 stens – pseudo-self-actualization; 7.0–5.5 – self-actualization; 5.5–4.5 – mental and statistical norm; less than 4.0 stens – typical for people with mental disorders (neuroses, depression, addiction, etc.

The analysis of empirical data presented in Table 1 shows that the group-wide self-actualization index of the surveyed mature men detained in a pre-trial detention center (5, 6 stens) is at the border of the levels: "mental and statistical norm" and "self-actualization". This probably means that these men have the possibility of activating the mechanism of human rebirth (genuine self-actualization), that they were at the point of bifurcation at the time of the examination, after which several options for choosing a line of behavior were possible: a) criminal self-actualization; b) nervous breakdown and mental illness; c) suicide; d) essential self-actualization. Another development of the situation is possible, though not typical.

The structure of the general level of self-actualization is dominated by three components, such as "value of self-actualization", "synergy" (ability to perceive the world and people holistically) and "creativity" (a person becomes creative in an extreme situation,). Figuratively speaking, a man, finding himself in custody for the first time, seems to activate the process of self-organization and change views to break through to a new level of self-realization. However, for this, most detained people are not flexible in behavior (this component lags behind in development compared to the 13 more developed ones) due to the dogmatism that has formed. The share of surveyed men with pseudo-self-actualization is low – 5.6% of the entire sample; at the same time, pseudo-self-actualization is more pronounced in such components as "value of self-actualization", "synergy" and "capacity for intimate contact". The proportion of men with a low overall level of self-actualization is significantly higher – 20.6% (the largest proportions are observed in three components, in particular, "flexibility of behavior", "feeling reactivity", "time competence").

2. Results of the study of characteristics presumably associated with self-actualization, and possibly acting as its determinants.

Raw scores for each psychological diagnostics method are converted into sten scores and presented below in Table 2.

Table 2

Summary table of indicators of personal characteristics of mature men first detained in a pre-trial detention center

Measured self-actualization indicators	Levels						Group-wide index (in stens)
	High 10–8 stens		Average 7–5 stens		Низкий 4–1 stens		
	Persons	%	Persons	%	Persons	%	
1	2	3	4	5	6	7	8
Personality structure consisting of 5 basic features of a "normal" personality (Big Five personality traits)							
1. Extroversion	4	1.9	95	44.4	115	53.7	4.2
2. Attachment	9	4.2	71	33.2	134	62.6	3.8
3. Expressiveness	49	22.9	128	59.8	37	17.3	6.2
4. Self-control	6	2.8	111	51.9	97	45.3	4.3
5. Neuroticism	93	43.5	104	48.6	17	7.9	7.4
Life-Meaning Orientations							
1. Locus of control "myself". I am the master of life	54	25.2	81	37.9	79	36.9	5.4
2. Goals in life	43	20.1	94	43.9	77	36.0	5.4
3. Effectiveness of life, satisfaction with self-realization	42	19.6	93	43.5	79	36.9	5.3
4. The process of life, interest and emotional saturation	27	12.6	101	47.2	86	40.2	4.9
5. Locus of control "life". Controllability of life	16	7.5	77	36.0	121	56.5	4.1
Overall level of meaningfulness of life	24	11.2	90	42.1	100	46.7	4.9
Guilt Inventory							
1 State guilt	97	45.3	79	36.9	38	17.8	6.7
2. Trait guilt	22	10.3	143	66.8	49	22.9	5.7
General level of guilt	15	7.0	153	71.5	46	21.5	5.7

1	2	3	4	5	6	7	8
Reflexivity test							
Reflexivity	99	46.3	96	44.8	19	8.9	7.0
Ways of Coping Questionnaire							
1. Escape /avoidance	89	41.6	100	46.7	25	11.7	6.7
2. Confrontation	76	35.5	113	52.8	25	11.7	6.5
3. Positive reassessment	62	29.0	117	54.7	35	16.3	6.1
4. Acceptance of responsibility	62	29.0	99	46.3	53	24.7	5.9
5. Problem solution planning	45	21.0	113	52.8	56	26.2	5.7
6. Distancing	47	22.0	84	39.2	83	38.8	5.6
7. Search for social support	22	10.3	129	60.3	63	29.4	5.6
8. Self-control	27	12.6	105	49.1	82	38.3	4.8

Commenting on the data in Table 2, we will pay attention to crucial moments:

– the structure of the personality of the "Big Five personality traits" is characterized by the tendency of the group-wide index "neuroticism" to a high level and a low attachment level; at the same time, indicators of extraversion and self-control are at the lower limit of the norm. In other words, the personal profile of the surveyed men is accentuated, which is determined by diving neuroticism (emotional instability) in combination with a low attachment level (a low indicator reflects the desire to keep a distance, have a separate position, negligence in fulfilling their duties and promises).This result also means that more than 60% of the surveyed men are characterized by coldness and misunderstanding in interpersonal relationships; they are more concerned about their own problems than the problems of others; they are always ready to defend their interests in competition and use all the means available to them;

– the indicator of the overall level of life meaningfulness is average, tending to low. In the structure of meaningful life orientations, the component "locus of control – life" is less pronounced than others, which means the tendency of the surveyed to fatalism; the conviction that their and other people's life is hard to control; freedom of choice does not exist and it makes no sense to plan for the future; the share of men with a low overall life meaningfulness level comprises 46.7%;

– the overall level of guilt is average, and its structure is dominated by the "guilt as a state" component; the proportion of men with a high level of this state is significantly higher (about 45%) than the share of men with guilt as a character trait (about 10%). At the same time, the largest share of the entire sample is made up of men with a low level of moral standards (about 50%);

– the surveyed men are characterized by a fairly high level of reflexivity. The proportion of men with a high level of this personality parameter is about 46%, that is, almost every second representative of the sample tries to realize what is happening to him;

– the men prefer coping strategies, such as "escape/avoidance", although they have nowhere to run (6, 7 stens), and "confrontation" (6, 5 stens). Less often they use a "self-control" strategy (the indicator of this coping strategy tends to a low level).

The correlation analysis of the data shows numerous connections between the studied variables. Coordination within the same methodology is natural and is not given here. Below is the analysis of correlations of the $p \leq 0.01$ significance value of the overall self-actualization level and the personality characteristics we studied (Table 3).

Table 3

Correlation of self-actualization and other personality characteristics found in the sample of mature men first held in a pre-trial detention center

What	With what	r	p
1	2	3	4
Self-actualization (general level)	Meaningfulness of life (life meaning orientation)	0.269	0.000
	Taking responsibility (coping)	-0.234	0.001
	Escape/avoidance (coping)	-0.192	0.005

1	2	3	4
Self-actualization (general level)	Neuroticism (basic personality trait)	-0.371	0.000
	Attachment (basic personality trait)	-0.252	0.000
	Individual measure of reflexivity	-0.316	0.000
	Guilt (general level)	-0.553	0.000

Table 3 reflects close links between the general self-actualization level and all the personality characteristics we study, in particular, life-meaning orientations (meaningfulness of life); coping (taking responsibility and escape/avoidance); basic features of a "normal" personality (neuroticism and attachment); reflexivity; guilt (general level).

Conclusions

The results obtained allow us to make the following conclusions:

1) the main feature of self-actualization of men of mature age, first held in a pre-trial detention center, is the fact that its generalized indicator is at the border of levels, such as "mental and statistical norm" and "self-actualization". So, the surveyed men are able to include in the process of genuine self-actualization; however, without the help of a psychologist, most of them will not be able to realize it, since they lack flexibility in behavior due to dogmatism. Besides, the share of men with pseudo-self-actualization (5.6%) and a low overall self-actualization level (20.6%) is observed, especially in the components, such as "flexibility of behavior", "feeling reactivity", and "time competence";

2) the surveyed group of men is characterized by the following personality characteristics: in the personality structure, a high neuroticism level is combined with a low attachment level (psychopathological tendencies are observed); the group-wide index of meaningfulness of life tends to low, the men's tendency to fatalism is noted; the overall level of guilt is average and "guilt as a state" dominates; half of the sample are men with a low level of moral norms and a fairly high reflexivity level (the share of men with a high level is about 46%); "escape/avoidance" or "confrontation" coping strategies are popular, while the "self-control" strategy is less often used;

3) the generalized indicator of self-actualization of the surveyed men is closely related to their personality characteristics, such as meaningfulness of life; coping ("taking responsibility" and "escape/avoidance"); neuroticism and attachment (basic features of a "normal" personality); individual measure of reflexivity; general level of guilt;

4) the practical significance of the results obtained lies in the fact that they show not only the presence of the problem of self-actualization of men of mature age, first held in a pre-trial detention center, but also the possibility of solving it by increasing psychologists' attention to personality characteristics of those held in pre-trial detention centers, closely related to this mechanism. It will ensure more effective prevention of criminal self-actualization;

5) the problem of self-actualization of a person who has violated the law remains insufficiently studied in penitentiary science (for example, for a clearer delineation of boundaries of the phenomenon under study, it would be interesting to consider self-actualization of the suspected, accused and convicted, depending on the type of crime committed by them or imputed to them: 1 – mercenary crimes; 2 – violent crimes). The described problem is insufficiently solved in practical activities of penitentiary psychologists. Self-actualization and resocialization are interrelated processes. Without the first, the second is impossible. Therefore, it would be advisable to include a self-actualization indicator in the algorithm of the psychologist's work to determine a convict correction degree [19].

REFERENCES

1. Arapova A.S. *Psikhoprofilaktika u osuzhdennykh muzhskogo pola destruktivnykh posledstvii prebyvaniya v sledstvennom izolyatore: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological prevention of destructive consequences of being in a pre-trial detention center for male convicts: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 2011. 221 p.

2. Volkov V.N. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik* [Legal psychology: textbook]. Moscow: YuNITI-DANA, 2015. 422 p. ISBN 978-5-238-01537-8. Available at: https://rucont.ru/efd/352837 (accessed July 15, 2022)
3. Dementii L.I., Malenov A.A., Malenova A.Yu. Self-actualization level and adaption potential as personality coping resources at the stage of self-realization. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal=Siberian Journal of Psychology*, 2020, no. 78, pp. 80–98. (In Russ.).
4. Dyadchenko E.A., Timofeeva E.A. Psychological assistance to the suspected and accused at the stage of detention (organizational and legal aspect). In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Ryazan, 28–29 noyabrya 2018 goda* [Theoretical and practical aspects of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the international scientific and practical conference, Ryazan, November 28–29, 2018]. Ryazan: Ak. prava i upravleniya, 2018. Pp. 840–850. ISBN: 978-5-7743-0871-2. (In Russ.).
5. Zheludkov M.A., Kovalevskii V.E. A critical view of the theory of self-actualization through the analysis of basic needs of a self-serving criminal. *Pravo: istoriya i sovremennost'=Law: History and Modernity*, 2021, no. 4(17), pp. 119–127. (In Russ.).
6. Zhmurov D.V., Zav'yalov A.G. Criminal self-actualization. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava=Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 66–71. (In Russ.).
7. Il'inykh A.E., Asanova N.V., Yashanina A.A. Creativity and self-actualization in the context of life orientations, empathy and self-esteem. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie=Pedagogical Review*, 2016, no. 1 (11), pp. 31–37. (In Russ.).
8. Karpov A.V. Specificity of the relationship of reflexivity and self-actualization of personality. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik=Yaroslavl Psychological Bulletin,* 2019, no. 3 (45), pp. 6–11. (In Russ.).
9. Kovaleva K.V. The self-actualization of personality problem in the works of local and foreign authors. *Zhurnal psikhiatrii i meditsinskoi psikhologii=Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, 2019, no. 1 (45), pp. 77–85. (In Russ.).
10. Krotova D.N. The problem of self-actualization of the personality of men in places of detention. *Global'nyi nauchnyi potentsial=Global Scientific Potential*, 2018, no. 8 (89), pp. 28–29. (In Russ.).
11. Krotova D.N., Mamchenko A.M. The existential dilemma of the reflecting delinquent: self-actualization or suicide? In: Dolgova A.I. (Ed.). *Problemy determinatsii i preduprezhdeniya prestupnosti: sbornik nauchnykh statei* [Problems of determination and crime prevention: collection of scientific articles]. Moscow: RKA, 2017. Pp. 517–522. (In Russ.).
12. Krotova D.N., Tsvetkova N.A. Substantiation of the relevance of studying the self-actualization of mature men held in pre-trial detention centers. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2022, no. 2 (59), pp. 6–15. (In Russ.).
13. Kryazheva S.G. Features of the choice of coping behavior strategies by convicts in prison. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2020, no. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article /n/osobennosti-vybora-strategiy-koping-povedeniya-osuzhdennymi-v-mestah-lisheniya-svobody (In Russ.). (Accessed July 15, 2022).
14. Leont'ev D.A. Self-actualization as a driving force of personal development: historical and critical analysis. In: *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern Psychology of Motivation]. Moscow: Smysl, 2002. Pp. 13–46. (In Russ.).
15. Mamchenko A.M., Tsvetkova N.A. Scientific and theoretical prerequisites for socio-psychological prevention of suicide in remand prisoners in jail. *Uchenye zapiski RGSU= Scientific Notes of RSSU*, 2016, vol. 15, no. 2, pp.71–79. (In Russ.).
16. Maslow A. Self-actualized people – a study of psychological health. *Gorodskoe upravlenie=City Administration*, 2011, no. 1 (174), pp. 93–98. (In Russ.).

17. Murav'eva O.V., Ziborova E.I. Self-actualization in mature people, its features at different levels of reflection. *Nauchnyi elektronnyi arkhiv=Scientific Electronic Archive*. Available at: http://econf.rae.ru/article/7181 (In Russ.). (Accessed March 22, 2022).
18. Mukhtarova A.Kh. The problem of self-actualization of personality in the research of foreign scientists. *Innovatsionnaya nauka=Innovative Science*, 2017, no. 8, pp. 66–67. (In Russ.).
19. Ovcharova E.V. The algorithm of the psychologist's work to determine the degree of the convicted person correction. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2021, no. 4(57), pp. 46–52. (In Russ.).
20. Rogers C. Several major discoveries. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya=The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 1990, no. 2, pp. 58–65. (In Russ.).
21. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress, 1990. 366 p. ISBN 5-01-001606-0.
22. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST, 2020. 736 p. ISBN 978-5-17-103239-5.
23. Shostrom E. *Chelovek-manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii* [Man the manipulator: the inner journey from manipulation to actualization]. Translated from English. Moscow: Aprel'-Press, 2004. 190 p. ISBN 5-89939-109-X
24. Yashchenko E.F. *Tsennostno-smyslovaya kontseptsiya samoaktualizatsii: monografiya* [Value-semantic concept of self-actualization: monograph]. Chelyabinsk: YuUrGU, 2005. 382 p. ISBN 5-696-02981-7.
25. Buhler Ch. Theoretical observations about life's basic tendencies. *American Journal of Psychotherapy*, 1959, vol. 13, no. 3, pp. 561–581.
26. Caynak S., Kutlu Y. The psychological symptom, probability of suicide and coping ways of a group of convict and detainee. *Anadolu Psikiyatri Dergisi,* 2016, no. 17 (2), pp. 93–98.
27. Dzhansarayeva R.Y., Nurmaganbet Y.T., Zhanibekov A.K., Turgumbayev M.Y. et al. Problems in prevention of suicidal behavior of prisoners. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, no. 7 (4), pp. 781–787.
28. Mamchenko A.M., Tsvetkova N.A., Krotova D.N., Rybakova A.I. Suicide risk among suspects and defendants in detention center. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2018, no. 50, pp. 1,226–1,231.
29. Pratt D., Tarrier N., Dunn G., Awenat Y., et al. Cognitive–behavioural suicide prevention for male prisoners: a pilot randomized controlled trial. *Psychological Medicine*, 2015, no. 45, pp. 3,441–3,451.
30. Tees A-M. Clarbour J., Groningen H., Durham N.D.T. Attachment, coping and suicidal behavior in male prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 2017, no. 4 (44), pp. 566–588.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

DAR'YA N. KROTOVA – Senior Researcher at the Department 3 of the Scientific Research Center – 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dnkrotova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6197-6363
NADEZHDA A. TSVETKOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Chief Researcher at the Department 3 of the Scientific Research Center – 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, Tsvetko-vaNA@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0967-205X

Received July 18, 2022

Original article
UDC 343.82:159.9.07
doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.010

Building Effective Communication with Persons Convicted of Terrorism and Extremism-Related Crimes

PAVEL N. KAZBEROV
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
mr.kazberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2233-0230

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of ways and conditions for building effective communication with persons convicted of terrorism and extremism-related crimes. *Purpose*: based on the generalization of theoretical materials, normative legal and organizational methodological literature and the results of studying the practice of interaction between penitentiary psychologists and this category of convicts, to show the prospects of using an algorithm to identify the main deterrent and provoking factors of destructive behavior of persons convicted for terrorism and extremism when determining their re-socialization program. *Methods*: comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results*: the analysis of organizational and legal aspects and law enforcement practice has shown that the available methods and techniques of psychodiagnostic and psychocorrective work are used by practitioners without taking into account the diversity of individual and personal characteristics of this category of convicts. Effective resocialization of convicts for extremism and terrorism-related crimes from the moment they are quarantined in a correctional institution requires that the psychologist together with the convict construct a common semantic space, maintain and transform it. *Conclusions*: building effective communication with a person convicted of terrorism and extremism-related crimes in order to conduct psychodiagnostic and psychocorrectional work, it is necessary to use an algorithm to identify deterrent and provoking factors of destructive behavior with the exclusion of formal attitudes, taking into account the main difficulties and typical mistakes in working with this category of persons.

Keywords: convicts; extremism and terrorism-related crimes; psychologist; penitentiary system; psychocorrection; algorithm; resocialization.

5.3.9. Legal psychology, psychological security.

For citation: Kazberov P.N. Building effective communication with persons convicted of terrorism and extremism-related crimes. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60). pp. 434–440. doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.010.

Introduction

Joint construction of a common semantic space by partners, its maintenance and transformation is a condition for effective contact in the communicative practice of a penitentiary psychologist.

Persons convicted of extremism and terrorism-related crimes remain one of the most difficult categories in places of detention, work with which requires specific knowledge, skills and abilities from psychologists [1; 3; 6; 9; 17].

© Kazberov P.N., 2022

The author of the article has a significant number of publications that disclose information about psychological characteristics and behavior of persons convicted of terrorism and extremism-related crimes, obtained in the studies conducted in 2013–2020 and the work with this category of convicts [3–7]. Within the framework of this article, we will consider one of the aspects of this topic, namely, the issue of building effective communication with persons convicted of terrorism and extremism-related crimes.

It should be noted that convicted supporters of radical religious ideas prioritize religious laws and norms, but not legal ones. Psychodiagnostics of convicts held in the quarantine department conducted by the psychologist at the initial stage is of an introductory nature. Its goal is maximum coverage of all arrivals. At this stage, the psychologist pays attention not only to persons with obvious mental anomalies (low intellectual level, psychopathic manifestations, eye-catching oddities, unusual logical constructions in speech, the manner of conversation, etc.), but also to those expressing various extremist ideas [11; 12; 14].

When establishing contact with the convict during a psychodiagnostic conversation, the psychologist has to solve a number of consecutive tasks:

– to reduce tension, anxiety of the convict, and confrontation during interaction (first and subsequent);

– to assess the convict's belonging to traditional or radical religious ideas and identify their content;

– to write down the convict's judgments (radical in content) for subsequent psychocorrective work.

The analysis of the practice of psychological work shows that when the psychologist interacts with this category of convicts, a number of difficulties may arise due to distorted ideas of the convict:

– work with the psychologist is perceived by the convict as his/her state of mental health is doubtful [12];

– the convicted person expresses distrust (negative attitude) to the psychologist (accuse the psychologist of claims to knowledge of the soul). In order to soften the attitude and establish contact, the psychologist, in an interview with the convict, clarifies the role, tasks and capabilities of him/her as a specialist [8; 11].

The question of the time required to implement the convict resocialization plan is solved individually and varies by a number of factors, starting with taking into account the convict's knowledge of the Russian language, his/her ability to perceive test tasks (questions), etc.

Psychodiagnostic conversation helps reveal personal characteristics of a person convicted of terrorism and extremism-related crimes. Particular attention should be paid to excessive bravado, arrogant attitude towards correctional officers, especially from first-time convicts, clearly manifested opposition attitude towards government officials, shouts with extremist political and religious content, signs of depression or excessive excitement, habitual narcotic slang or obvious imitation of criminal jargon (the desire, sometimes at a subconscious level or by the mechanism of imitation, to join the criminal subculture), etc. [2; 4; 5; 13; 16].

Let us present an algorithm for identifying deterrent and provoking factors of destructive behavior of persons convicted of terrorism and extremism-related crimes (hereinafter referred to as the algorithm) (Figure.)

The use of this algorithm in the practice of penitentiary psychologists helps draw up a general picture of behavioral features and assess the degree of probability of destructive behavior of convicts.

When studying personal files, data that informally characterize the convicted person are taken into account (membership in extremist and terrorist organizations, religious sects; heightened conflict, results of forensic psychiatric examination, unusual circumstances of the crime commission) [4; 6; 8; 10]. Special attention should be paid to those convicted for the first time, who were brought up or lived in prosperous conditions and had good life prospects (increased danger of reactive states associated with an unexpected "fall down" and problems during the adaptation period), as well as persons who categorically do not plead any guilt, underline the injustice committed against them (broken voice intonations when discussing a painful topic for them, tears, other brightly colored emotional manifestations).

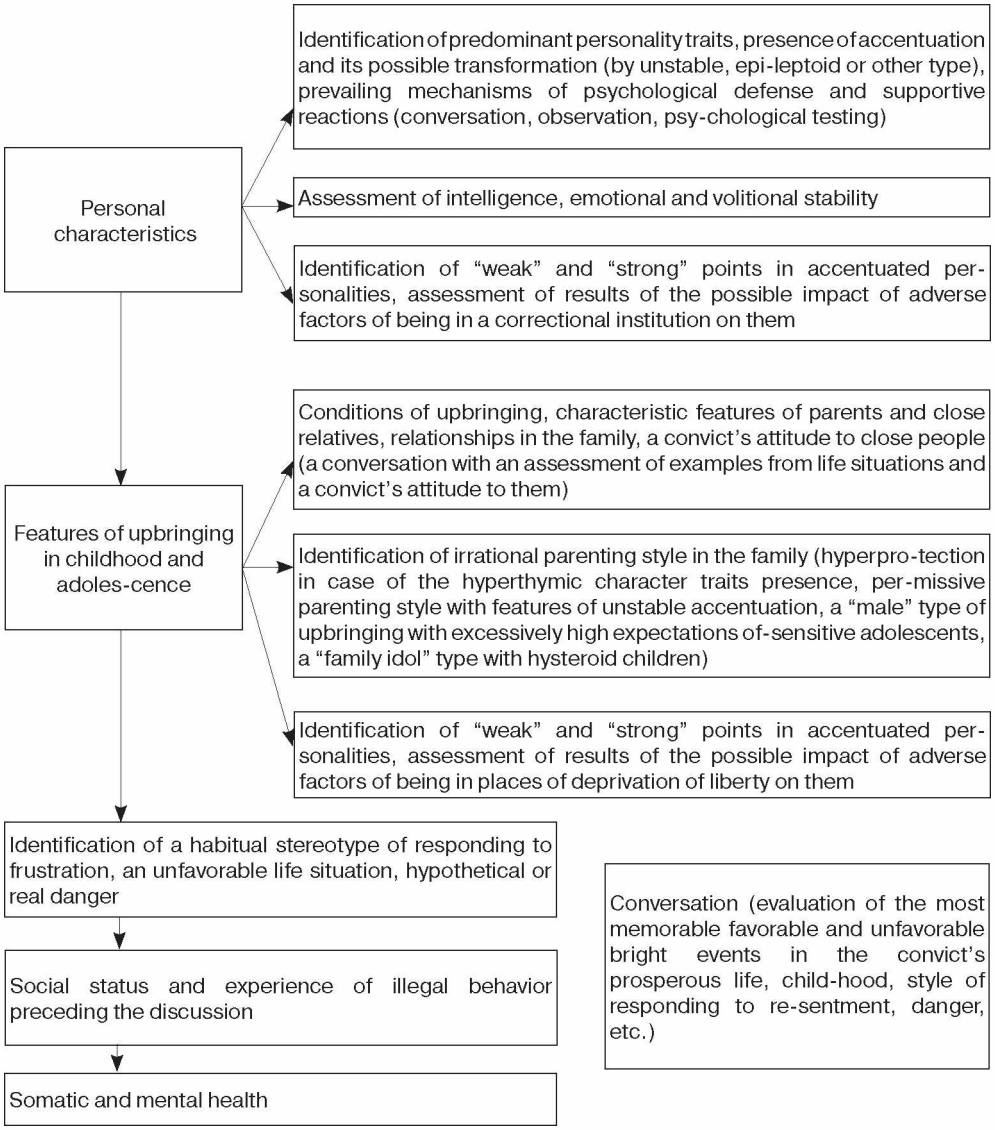

Figure. Algorithm for identifying deterrent and provoking factors of destructive behavior of convicts necessary to assess the degree of risk and probability of their manifestation

In order to obtain the maximum amount of information in conditions of time shortage, it is possible to combine group (survey, questionnaire, testing, observation of the process of filling out questionnaires and the incentive material of questionnaires with the identification of persons who differ in some way from the rest of the convicts or are clearly trying to be like everyone else) and individual diagnostic work methods (conversation, observation during conversations).

Familiarization with the convict during his stay in the quarantine department is important. The practice of psychological work shows that a person who passed stages of arrest, preliminary, pre-trial and judicial investigation, was in custody for a sufficiently long period and arrived to serve his/her sentence in a correctional institution unfamiliar to him/her is in a state of increased anxiety, chronic stress, nervous expectation and uncertainty about the future. The only exceptions are probably those convicts for whom staying in penitentiary institutions is more familiar than being free, as well as criminal leaders who expect special privileges for themselves in advance. Naturally, the above factors are singled out conditionally and not exhaustive [1; 11; 12; 15].

Preliminary information is taken into account, clarified, does not determine the specialist's attitude to the subject, and even more

so does not affect the conclusions made by him/her. Some experienced psychologists, skilled at conducting conversation, often prefer to work from scratch in order to create their own, unclouded idea of a person, and only then get acquainted with the documents available in their personal file.

The author's personal experience of working with convicts of the category under consideration, analysis of the practice of penitentiary psychologists, as well as experience of developing and implementing methodological support for this work suggests that the conversation should not begin with questions about criminal-legal characteristics of the crime committed. Such questions only lead to an unnecessary loss of time and do not meet objectives of the survey. The purpose of the first conversation during the psychocorrection work is to get a general impression of a particular person, assess his/her current psycho-emotional state, make a forecast of behavior, as well as determine what relates to the strengths and weaknesses of his/her character.

It is more expedient to let convicts speak out themselves (if they are really ready for this and have an urgent need), ask them questions about themselves, their family, previous work, future plans, etc. [16, pp. 436–440].

This removes the accumulated irritation and gives the opportunity to confess (in a non-religious sense) in positive communication and receive, if not approval and sympathy, then at least understanding. It is counterproductive to evaluate what has been told, especially to moralize (narrators can draw conclusions themselves, not being forced to) at this stage of communication. It is better to ask convicts about certain moments, letting them know that they are listened to attentively.

Besides, it makes it possible to assess the socialization level of the convicted person before incarceration, find out positive and negative facts of the nature of relationships with close relatives, degree and possibilities of their support at a difficult moment. This ensures actualization of anti-suicidal factors, formation of the sense of responsibility for persons important to convicts or timely identification of the moments that can provoke destructive behavior.

What is more, information about work activity (education, work experience and skills, standard of living, etc.) with a high degree of reliability allows us to assess adaptation opportunities, level of conflict in relationships with others, potential internal resources, and possible problems of resocialization.

Finally, though convicts are usually reluctant to talk about future plans, this topic activates anti-destructive factors, stimulates thoughts about the future from the very first days of being in a correctional institution, distracts from thoughts about the past, including those related to traumatic circumstances, and the present.

In other words, the psychocorrective effect begins already at the first conversation. It is worth avoiding discussions on political and religious topics, and even more so staying away from argument and dictating anything.

During the conversation, the intellectual level of a interviewee, level of his/her knowledge of the Russian language is taken into account.

There are often situations when the convicted person does not want to communicate with the psychologist. In this case, the following technique is effective. The psychologist observes and describes the current state of the convict as follows: "convict K. refused to fill out forms and answer questions during a preliminary conversation without expressing any motives (or the motive expressed by him/her is indicated). He was sitting on a chair with his head down, shoulders lowered, gaze fixed on one point (the current depressive state is described)" or "during a preliminary conversation convict B. refused to fill out the questionnaire and answer questions, expressing a negative attitude to the survey. The pose was tense, the look was hostile, a half-contemptuous smile (description of the oppositional attitude)". Most likely, watching the psychologist's behavior, the convict will ask, "What are you writing about me? I have not said anything". It is possible to calmly read to the convict what is recorded and ask what he disagrees with, and this is already the beginning of a dialogue.

Psychologists in the process of their work with convicts show a desire to incriminate the latter, find contradiction in the facts with the

immediate voicing of these discrepancies. It is important to understand that the psychologist is not a judge or an investigator. His/her goal is not to establish the truth, but to evaluate the interlocutor's interpretation of certain events, how he seeks to show him/herself, in what ways he/she achieves this, how he/she speaks, what experiences he/she seeks to hide, whether facial expressions and other external markers change at the same time (the process is called "calibration of the internal state"), why he/she does this, etc. In the interview with the psychologist, the convicted person, as a rule, distorts at least two-thirds of the information given, since he/she tries to show him/herself from the best side, defiantly opposes him/herself, seeks to find self-justification for the committed actions, tries in turn to manipulate the specialist and even has fun [9, pp. 585–590]. This is natural, and it makes no sense to discuss anything, often artificially provoked.

At subsequent meetings, already more purposeful, newly arisen questions are clarified, convict's individual participation in the implementation of the psychocorrective work program is discussed (his/her consent is obtained, its essence is explained, etc.), the facilitation process is carried out.

Without asking questions about the crime committed, the psychologist should explain to the convicted person that the professional goals of his/her work are primarily related to the desire to help a person to deal with him/herself, find acceptable explanations for actions, etc. The specialist should emphasize that he/she does not solve client's problems, but, using professional knowledge, he/she can bring the convict closer to understanding a difficult life situation and identify hidden resources that will help him in life. It is unprofessional and illiterate to threaten that a record will be made of the convicted person's refusal to participate in educational work and the corresponding consequences will follow.

When working with persons convicted of extremism and terrorism-related crimes on the religious basis, it is quite effective to involve priests in joint work. At the same time, the psychologist should have a general idea of the religion professed by the convict in order to understand whether his client is really religious or religion serves only as an external cover to justify improper acts; if the religious aspect is important in convict's life, then is it possible to use positive aspects of religious teaching that will help to realize the fallacy of previous ideas.

The purpose of a conversation concerning religious beliefs cannot be a theological dispute. It is only important for the psychologist to sow doubts about the correctness of the conclusions made by the convict within the framework of a certain religious teaching (its radical interpretation) and make them contemplate on it. The rest belongs to the jurisdiction of the priest.

Conclusion

Human psychophysiological resources are not unlimited, therefore, a long period of psycho-emotional stress always ends with a period of exhaustion, asthenization (hence some problems of the adaptation period). It is in this state that a person is characterized by increased suggestibility and waits for moral support. Informal leaders from among the convicts, having no psychological education, successfully carry out their "psychological" work, recruiting new arrivals to the institution from the first day.

The sooner a person who finds himself in difficult life circumstances receives a certain amount of sympathy and support and necessary information, the more he/she will feel gratitude and trust in the psychologist. This is the basis of psychological impact for the purpose of both preventing undesirable manifestations, correcting and educating, and manipulative submission to one's influence. This seemingly simple situation is not always clear to the staff of the penitentiary system, as the practice of inspections of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia shows.

The psychocorrective impact will be effective, if the work is based on the predetermined goal that takes into account the current situation, intellectual level and psycho-emotional state of the convict, as well as preliminary information obtained from various sources (personal file, materials of the previous examination, testing, questionnaires, evaluative statements about the convict from other convicts and employees, convict's reactions to such remarks, etc.).

The purpose and objectives of building initial and subsequent meetings with the person convicted of extremism and terrorism-related crimes, taking into account his/her individual characteristics, should be implemented with the help of the presented algorithm. Besides, it is important to explain the difference in psychological, psychiatric and other types of assistance to convicts in the process of initial psychocorrection. The psychologist should clarify that it is important for religious people to know to what extent psychology conforms to religious norms, show the convicted that the purpose of psychology is to help people get out of difficult situations and, in general, learn to be wiser and live in harmony with themselves and the world around them, and many psychological postulates stem from spiritual teachings.

Personal professional experience of the article author, as well as the experience of interaction with colleagues, indicates that it is the underestimation of the first psychodiagnostic conversation, its formal conduct, as well as the insufficient consideration of personal characteristics of those convicted of terrorism and extremism-related crimes, is a fairly common case in the practice of penitentiary psychologists. There is every reason to believe that the correction of such shortcomings in communication with the category of convicts under consideration will allow the penitentiary psychologist to create a common semantic space with convicts more successfully within the framework of the first communication, as well as in the further process of their correction and resocialization.

REFERENCES

1. Bovin B.G., Bovina I.B. Involvement in terrorist activities in Russia and in the world: from psychological to socio-psychological factors. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika=RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 227–246. (In Russ.).

2. Vityuk V.V. Some problems of terrorism in the aspect of modern conflict situations (considerations of terrorologists). In: *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologiya mirnykh razresheniya. Vyp. 4. Terrorizm* [Social conflicts: expertise, forecasting, technology of peaceful resolution. Issue 4. Terrorism]. Moscow: Editorial URSS, 2003. Pp. 50–55. (In Russ.).

3. Kazberov P.N. Methodical features of psychocorrectional work with prisoners serving sentences for terrorist and extremist activities. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Penal System: Law, Economics, Management*, 2013, no. 3, pp. 19–21. (In Russ.).

4. Kazberov P.N. The need to counter extremist terrorist manifestations in society and in the penal system. *Psikhologiya i pravo*=Psychology and Law, 2013, no. 2, pp. 110–120. (In Russ.).

5. Kazberov P.N. Features of psychological work with convicted persons for terrorist and extremist activities. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2013, no. 4, pp. 61–66. (In Russ.).

6. Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyun'kov V.V. Specific personality characteristics of prisoners convicted for terrorism and extremism crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 921–931. (In Russ.).

7. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Terrorist's psychological profile. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. (In Russ.).

8. Mar'in M.I., Kasperovich Yu.G. *Psikhologicheskoe obespechenie antiterroristicheskoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Prevention of illegal actions of employees of the penitentiary system working with convicts living in locked rooms]. Moscow: Akademiya, 2007. 208 p.

9. Muzychuk T.L., Kulakova S.V., Spasennikov B.A Prevention of criminal behavior of prison officers working with convicts held in lockable premises. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 585–594. (In Russ.).

10. Novikov V.V., Kulakova S.V., Polyakova Ya.N. The diversity of extremism. On the question of the framework of definitions. In: *Religii i ekstremizm. Sposoby i metody protivodeistviya religioznomu ekstremizmu v mestakh lisheniya svobody: sbornik materialov mezhvedomstvennogo mezhvuzovskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem* [Religions and extremism. Methods and methods of countering religious extremism in places of detention: collection of materials of the interdepartmental interuniversity round table with international participation]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2017. Pp. 121–123. (In Russ.). ISBN 978-5-9632-0097-1.
11. Oganesyan S.S., Gabaraev A.Sh., Ushkov F.I., Godovanets O.G. *Problemy protivodeistviya religioznomu ekstremizmu i puti formirovaniya veroterpimosti v mestakh lisheniya svobody* [Problems of countering religious extremism and ways of forming religious tolerance in places of deprivation of liberty]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2017. 168 p. ISBN 978-5-9632-0115-2.
12. Sochivko D.V. The problem of methodology of applied (legal) psychology. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2011, no. 2, pp. 8–18. (In Russ.).
13. Khabriev R.U., Pertli L.F., Spasennikov B.A. The mortality from external causes in individuals at risk. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny=The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 4–8. (In Russ.).
14. Doosje B., Loseman A., Bos K. Determinants of radicalization of Islamic youth in the Netherlands: personal uncertainty, perceived injustice, and perceived group threat. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 586–604.
15. Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W. Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016, no. 11, pp. 79–84. (In Russ.).
16. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-identity theory: extreme groups, radical be-havior, and authoritarian leadership. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 436–454.
17. Williams K.S. *Textbook on Criminology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 680 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

PAVEL N. KAZBEROV – Candidate of Sciences (Psychology), Leading Researcher at the Center for the Study of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, mr.kazberov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2233-0230

Received July 4, 2022

Original article
UDC 377:34(479.25+470)
doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.011

Some Problems of Modern Legal Education in the Republic of Armenia and the Russian Federation

SERZHIK S. AVETISYAN
Cassation Court of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia
Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Yerevan, Republic of Armenia
avetis-yanserj@mail.ru

ADELINA A. SARGSYAN
Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2874-9676

Abstract

Shortcomings in the modern higher education system actualize the importance of providing high-quality legal education capable of training competitive and in-demand lawyers. The lack of a regulatory framework that meets modern realities in terms of legal regulation of legal education, partial inconsistency of the main educational programs and curricula of higher educational institutions, requirements of the federal state standard of higher education in the field of training "Jurisprudence", the lack of legislative regulation of the possibility for persons without a basic legal education to take master's courses, insufficient professional training of teaching staff; the predominance of the theoretical part of training of lawyers over the practical component forms a set of factors that generally reduce the effectiveness of the training of professional personnel. The *purpose* of the study is to identify a combination of factors, including legislative gaps, negatively affecting the development of modern legal education in the Republic of Armenia and the Russian Federation, as well as to determine key prospects for its development in accordance with international standards and the needs of potential employers. *Methods*: comparative-legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private-scientific methods: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Conclusions*: the analysis of normative-legal, as well as relevant local acts of the Russian Federation, the Republic of Armenia and other CIS countries indicates that at present in most higher educational institutions the practical component of the training of lawyers prevails over the theoretical one, which, accordingly, requires a speedy resolution. The main trends in the development of legal education in the CIS countries, successful world practice and world standards of higher legal education necessitate the expansion of digitalization

© *Avetisyan S.S., Sargsyan A.A., 2022*

processes in the training of lawyers, strengthening the competence of future lawyers in matters of legal information security. The modernization of modern legal education should be continuous, taking into account the needs of the world market. It is crucial to develop a national strategy for improving legal education and elaborate local acts in higher educational institutions regulating the issues of digitalizing legal education. It is of great importance to increase the digital literacy and competence of the teaching staff and train future lawyers in these skills in order to boost demand for them. Realization of convicts' right to receive legal education is also relevant.

Keywords: higher education; digitalization; legal education in the Russian Federation and the Republic of Armenia; innovation; educational process; quality of legal education.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Avetisyan S.S., Sargsyan A.A. Some problems of modern legal education in the Republic of Armenia and the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 441–449. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.011.

Introduction

The right to education is one of the most important constitutional rights of citizens, serving, at the same time, as a basic premise of a developed state. In the context of proper functioning of the rule of law, the issue of legal education of citizens and training of qualified personnel is of great importance. The analysis of the current legislation in the field of education of the Russian Federation and the Republic of Armenia and the practice itself indicates the need for further changes aimed at improving the quality of legal education, which directly affects sustainable development and functioning of the state and society in the context of globalization. It is the improvement of the quality of legal education that is a necessary prerequisite for the development of the rule of law.

The importance of legal education is also evidenced by the Decree of the President of the Russian Federation No. 599 of May 26, 2009 "On measures to improve higher legal education in the Russian Federation", which, among other issues, notes the need to "ensure elaboration and public discussion of the Federal State Standards of Higher Professional Education in the direction of training (specialty) of law", providing for widening practical part of the main educational program of higher professional education, as well as the formation of students' intolerance to corrupt behavior and respect for the law".

Besides, we should note the relevance of development of digital competence of lawyers. Digital competencies form the digital capital of an employee, but they should also form his/her social digital capital [12]. The introduction of information and communication technologies into various spheres of human activity, according to experts from different industries, becomes the basis for civilization development at the present stage [3]. In the rapidly developing era of digitalization, it seems appropriate to optimize some educational standards of higher education in the field of "Jurisprudence". "Scientific and technological progress, use of information and communication technologies (ICT) in various spheres of human activity impose new requirements for training future specialists in the education informatization conditions" [2, p. 178]. According to N.I. Ryzhova and D.A. Sokolova, "today, when training a modern specialist of virtually any profile, the need for forming information and legal competence, in their close relationship in particular, is clearly visible; therefore, in our opinion, it is most relevant to talk about forming the information and legal competence of a specialist" [10].

Discussions

Digital competencies of a future lawyer

Rapid introduction of information technologies in all spheres of society's life and improvement of artificial intelligence capabili-

ties further actualize the question of forming a spectrum of "digital" competencies among graduates. IT lawyers specializing in legal support of activities of legal entities and individuals are in demand in current conditions of economy digitalization.

Special attention should be paid to the emerging career occupation of a tech lawyer. [17]. Among other areas of legal education and improving its quality, it is necessary to highlight the prevalence of practical orientation in training lawyers. The analysis of foreign practice allows us to conclude that, in most foreign universities the practical part prevails over the theoretical one, which cannot be said with certainty about the domestic system of legal education. By the way, in Australian law schools teaching of legal disciplines is student-oriented [14]. It is noted that it is necessary to increase the level of training of lawyers in the field of negotiations and interviews with clients. It is important that law students feel like lawyers from the very beginning of their legal education [18].

Digital transformation of education, including higher legal education, involves seeking the most effective methods to teach law and their implementation in the educational process. In our opinion, such a technique as the active use of video cases in seminars has shown its effectiveness. Foreign authors also note the need for extensive integration of digital educational materials into the educational process, in particular, viewing videos of real testimony or court proceedings [16].

Undoubtedly, the legal profession needs significant modernization, which, in fact, is facilitated by legal education digitalization. World practice, the latest world standards, digitalization challenges spark a dual thought: on the one hand, we have to state the conservatism of law and, on the other hand, its flexibility, dynamism, as a result of which the teaching of law can and should adapt to current digital realities. Digital reality requires a modern lawyer to have the skills to ensure information security (cybersecurity), competence in the use of artificial intelligence in various fields, possession of various digital forensic technologies, etc. So, for example, in the legal departments of PAO Sberbank, it is mandatory to undergo training in artificial intelligence, Big Data and digital skills, and some legal department employees already learning Python programming [15].

Cooperation with leading IT companies can also be useful in terms of involving them in the process of making changes and adjustments to the curricula of bachelor's, master's and postgraduate studies, taking into account their professional competencies.

In the Republic of Armenia, the Government Resolution on digitalization processes has been adopted. Nevertheless, we consider it expedient to adopt a separate decision/concept/strategy in the field of digitalization and a specific action plan for introducing digital technologies into the higher education system, as well as a roadmap for legal education digitalization in the Republic of Armenia, indicating crucial digital competencies of a modern lawyer and requirements for the teaching process with introduction of innovative methods.

The state program for the education development up to 2030 (annex of the Decree of the Government of the Republic of Armenia No. 1363-A of August 18, 2021), presented by the RA Ministry of Education, Science, Culture and Sports and stipulating that the "development of the national education system corresponding to regional and global processes is the current imperative" is being discussed in public nowadays. "Promoting scientific research to provide teachers with methodological assistance and innovative knowledge" is fixed as one of the crucial directions to develop the education system in the context of digitalization. The program stipulates differentiation of curricula, forms and methods of education organization, which, in particular, will certainly affect law training.

The experience of the Republic of Belarus in this sphere is rather interesting. The "Digital curator" educational program is successfully implemented there: it helps teachers to use technological and information innovations, as well as digital tools in the educational process.

As for the post-Soviet space countries, it is necessary to pay attention to the experience of the Republic of Kazakhstan in digitalizing education.

Thus, since 2011, Kazakhstan has been implementing the "E-Learning" project, aimed at providing school and higher educational institutions with digital educational content to ensure distance and mixed types of education. Integration of multimedia, info-communication and pedagogical technologies is a distinctive feature of such content [13].

Regarding the Russian normative legal base, it is necessary to point out the List of key competencies of the digital economy approved by the Order of the Ministry of Economic Development of Russia in January 2020, among which, in particular, communication and cooperation in the digital environment; self-development in conditions of uncertainty; creative thinking; information and data management; and critical thinking in the digital environment. We should mention positive changes in this direction, namely, digital competencies have been introduced into the Federal State Educational Standards of Higher Professional Education at bachelor's levels. So, for instance, the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education 3++ for the educational program 40.03.01 "Jurisprudence" (qualification degree "bachelor") fixes the following general professional competencies: capable to purposefully and effectively obtain legally relevant information from various sources, including legal databases, and solve professional tasks using information technology and taking into account information security requirements; understand principles of modern information technologies and use them to solve problems of professional activity. Professional competencies directly formed by the student are determined by organizations independently on the basis of relevant professional standards. In this regard, we consider it necessary to intensify the process of revising the list of professional competencies in higher educational institutions, taking into account their adaptation to conditions of rapidly developing digital reality and compliance of graduates' competencies with requirements of reality and requests of potential employers.

Many higher educational institutions have undergraduate courses "Information technology in law"; however, we find it reasonable to conduct a special course on the problems of digital (information) law.

According to P.S. Avetisyan and N.S. Gevorgyan, "the basis of transformation into an innovative educational environment is digitization of materials, development of new programs and revision of existing ones in connection with the new economic picture, as well as inclusion of online learning, which can have both mixed forms of education (combining online lectures and offline seminars at the university) and full-fledged online courses" [1, p. 498].

However, in the context of gradual digital transformation of education, in particular, legal education, there have been no changes in the requirements imposed on the teaching staff. The provisions of Article 46 of the Federal Law "On education in the Russian Federation" have remained unchanged, namely, "the persons who have secondary vocational or higher education and meet qualification requirements specified in the qualification directories and (or) professional standards has the right to teach". We believe it reasonable to change the current version of Article 46 of the above-mentioned law, supplementing it with requirements regarding digital competence of the teaching staff.

To continue the analysis of the competencies formed by graduates of the field of training "Jurisprudence", it is necessary to single out a general professional competence, provided for by the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education, such as "Legal expertise GPC-3: capable to participate in expert legal activity within the framework of the task". However, it should be noted that most curricula of law faculties of higher educational institutions have no disciplines that directly ensure formation of this competence. It seems appropriate to introduce a discipline to study the implementation of legal expertise of draft normative legal acts, contracts, etc. into the undergraduate curricula. Besides, at the premises of research centers functioning at universities leading lawyers-teachers together with students can provide direct expert assistance in order to develop students' practical skills.

On the possibility for persons without a basic legal education to take master's courses

The possibility for persons without a basic legal education to take master's courses is an important issue in the training of qualified personnel. In the system of training legal personnel in conditions of increased competitiveness, the assessment of education quality, its compliance with modern international requirements becomes crucial [7]. The analysis of the Federal Law of the Russian Federation "On education" shows that the specialty of a person does not constitute an obstacle to admission to the magistracy in the direction of training "Jurisprudence". Part 3 of Article 69 stipulates that "persons with higher education of any level are entitled to enroll in the master's degree programs". At the same time, it should be noted that there are certain restrictions for persons entering residency, which, in our opinion, seems reasonable based on the need to train qualified personnel. The issue under consideration is the result of many year observations in the process of teaching at the Russian-Armenian University, where persons without a basic legal education are admitted annually to the Law Faculty (Master's degree programs). Persons with a bachelor's degree in specialtiesб such as journalism, psychology, dentistry, etc.б are enrolled in master's degree programs at the university. Undoubtedly, this indicates the demand for the legal profession. Supporters of the current legislative provision claim that "master's programs do not aim to replace and study basic courses of civil law, administrative law, private international law, civil procedure law, arbitration procedural law and other legal disciplines from the basics" [6]. The lack of basic education among those who have entered the Master's program at the Russian-Armenian University is in some way compensated by the presence of the course "Introduction to law", which, however, in our opinion, is insufficient.

High-quality education and implementation of these master's degree programs require students to have stable knowledge of basic disciplines, which seems difficult in the context we are analyzing. We back the idea of E.V. Dadayan and A.N. Storozheva that "the Master's degree entails a deeper study of theoretical issues of the chosen profile and preparation of a student for research activities in the chosen direction" [4]. The curricula of the magistracy of the Law Faculty at the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, such as "Criminal law, criminology, penal law", "Lawyer in the field of criminal proceedings" provide for disciplines, such as "Prosecutor's supervision and judicial control over the legality of operational search activities", "Problems of judicial guarantees of pretrial proceedings", "Problems of preliminary investigations", "Problems of qualification of crimes against life", "Problems of qualification of crimes against public service", "Problems of qualification of crimes against property", etc. A logical question arises: how master's students can succeed in the incompletion of the above-mentioned programs without coping with disciplines of the bachelor's curriculum, in particular, an elective discipline "Scientific foundations for qualification of crimes", or mandatory ones "Criminal law", "Criminal procedure", etc. The Constitution of the Russian Federation directly establishes the right to receive qualified legal assistance. However, realization of this right seems doubtful in the case when legal assistance is provided by the specialist without a basic legal education. In connection with the above, we consider it expedient to amend the current version of Article 69 of the Federal Law "On education in the Russian Federation", establishing a mandatory requirement for a specialized (legal) education for admission to the magistracy in the field of law.

The mentioned problem is also fixed in the Presidential Decree "On measures to improve higher legal education in the Russian Federation", according to which the new state educational standards in the field of law should stipulate an increase in the number of practical activities of the basic educational program of higher professional education. Professor O.A. Zaitsev rightly notes "that, despite the widespread use of legal clinics in legal education, there remains a certain dissatisfaction of employers with practical skills of law graduates, or there is a discussion about such dissatisfaction" [5]. It is important to apply the opportunities available directly at the universities themselves; students specializing in criminal and criminal procedure law can

improve their practical skills participating in activities of the Criminology Center operating at the university (if any). It is reasonable to systematically involve interested students in activities of law and personnel departments of the university, so that students could provide legal assistance.

The development and use of modern forensic science achievements is a promising direction, as evidenced by the existence of separate master's programs. In particular, a new master's program "Forensic support and business protection" has been recently launched at the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University. At the same time, a new master's program "Forensic science" has been launched at the Russian-Armenian University since September 2022 on the basis of the University's Criminalistics Office.

Speaking about progressive development of legal education and training of qualified personnel, we should mention the creation and functioning of research and educational centers at law faculties of higher educational institutions. According to B.E. Fishman's fair remark, "if we talk about research and educational centers (RECs), we believe their main purpose to be an integrator of scientific and educational activities and train personnel in inseparable connection with the process of research in important scientific areas. At the same time, such a center can also be considered as one of the factors of the university's development" [11, p. 115]. A research and educational center operating in the structure of a university may contain structural divisions depending on the profile orientation, each of which has its own head who determines crucial areas of the unit's functioning.

Educating persons sentenced to deprivation of liberty

Turning to the issue of legal education, we find it expedient, in connection with the increasing number of convicts wishing to obtain higher legal education, to consider its possible provision in terms of both legal and moral and ethical norms. Nowadays, the penal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia, as well as the Constitutions of the mentioned states do not prohibit getting higher education by convicts. Moreover, Article 108 of the Penal Code of the Russian Federation fixes that "with regard to available opportunities, the administration of a correctional institution is obliged to assist convicts in obtaining higher education". Article 118 of the Penal Code of the Republic of Armenia stipulates that the "Administration of a penitentiary institution takes measures to organize formal education of the convicted person according to general, professional and higher educational programs (remotely, with a partial load), as well as non-formal education in accordance with the procedure established by law". It should be noted that in the Republic of Armenia a few years ago there was a case of a convicted person sentenced to death for murder (which was later replaced by life imprisonment) receiving a legal education. The convict was engaged in the extramural studies.

The Law of the Russian Federation "On advocacy" stipulates that "a person has no right to apply for acquisition of the status of a lawyer and exercise of legal activity if:

1) recognized as incapacitated or with limited legal capacity in accordance with the procedure established by the legislation of the Russian Federation;

2) having an outstanding or unexpunged conviction for committing an intentional crime".

We believe that obtaining a legal education by a person who has committed a particularly serious crime (especially murder) will entail negative consequences of a certain kind, including, in particular, legal nihilism, discrediting of the law.

There is also an opposite point of view, according to which "the restriction of the rights both within the term of a criminal record and beyond it actually denies the possibility of correcting the convicted person, i.e. the state recognizes the inefficiency of the penitentiary system, but instead of modernizing it decides to turn a person's entire life into punishment" [9]. To a certain extent, we can agree with this in the context of the creation and availability of resocialization measures in correctional institutions, however, in our opinion, they should not run counter to ethical ideas and moral requirements for the legal profession. The above should not be considered as a mani-

festation of discrimination. There is a similar practice, in particular, regarding the restriction of convicts' voting rights. So, in 2015 a new Constitution was adopted in the Republic of Armenia, one of the innovations of which was a change in the approach to restricting the electoral rights of convicts. Thus, Article 48 of the new Constitution of the Republic of Armenia, which regulates the right to vote and the right to participate in a referendum, in part 4 contains the following provision: "Persons who have been declared incompetent by a court decision that has entered into legal force, as well as those convicted for intentional serious crimes by a court decision that has entered into legal force and serving a sentence, are not entitled to elect and be elected, as well as to participate in a referendum".

In the Republic of Belarus, for example, persons with limited or deprived of legal capacity, who have previously committed an intentional crime, cannot be admitted to advocacy.

Approximately the same approach takes place in the practice of the United States when considering candidates for admission to the bar exam. "In the USA, it is difficult, but not impossible, for a former prisoner, depending on the crime, to become a practicing lawyer. The problem is not the deprivation of liberty, but the crime, since the admission of lawyers is carried out by state bar associations, and each state has qualifications in the style of "good moral character". Most crimes involve some degree of intentional wrongdoing, but the specific thing they're looking for is moral depravity, which broadly means being a bad person. Almost any crime can be framed as malicious intent and bad judgment, because the very act of violating any law means disregard for social rules. However, some convictions pose a bigger problem than others, for example, fraud and other crimes involving dishonesty, extortion, animal cruelty, murder, and violation of fiduciary or other duties of trust" [8].

We believe that the possibility of convicts receiving a legal education should be made dependent on the category of the crime committed and this provision should be consolidated at the legislative level.

Conclusions

The conducted research made it possible to identify key trends in the development of modern legal education, factors that reduce its effectiveness, as well as to outline the trajectory of further improvement in the training of highly qualified lawyers. Automation of many processes of legal activity requires specialists to have the appropriate skills, the provision of which is currently the primary task of higher educational institutions in the context of providing high-quality legal education. As a result of the above, taking into account the needs of potential employers, global trends in the field of legal education, it seems necessary to strengthen the practical component of training lawyers in higher educational institutions; the introduction of new master's degree programs, as well as relevant specialized disciplines in bachelor's degree curricula in order to develop and improve digital literacy and awareness of future lawyers; the creation of information technology centers at universities dealing with professional development of teachers; cooperation of universities with leading IT companies, which can have a positive effect in the process of training lawyers specializing in the field of digital technologies. An important direction for introducing digitalization in legal education is the active use of video cases in the educational process, the dissemination of digital educational materials (court sessions, materials of specific criminal and other cases, etc.), and the conduct of small trials in legal institutions.

At the legislative level, it is necessary to specify convicts' right to receive legal education and the possibility of their subsequent activity as a lawyer in the legal system of the state It is also proposed to settle the issue of the category of crimes in which the convicted person retains the freedom to choose a specialty, in particular, to obtain legal education.

These and other recommendations mentioned above can contribute to further improving the quality of legal education and improving the legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation.

REFERENCES

1. Avetisyan P.S., Gevorgyan N.M. Free educational environment as the basis of human capital and relationships between social sectors. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 494–506. (In Russ.).
2. Beresneva E.V., Zaitsev M.A., Selezenev R.V., Darovskikh L.V. et al. Didactic potential of modern information technologies in training a chemistry graduate. *Integratsiya obrazovaniya=Integration of Education*, 2018, vol. 22, no. 1. S. 177–192. (In Russ.).
3. Gorbunova N.V. *Tsifrovizatsiya kak prioritetnoe napravlenie moderniza-tsii rossiiskogo obrazovaniya* [Digitalization as a priority direction of modernization of Russian education]. Saratov: Saratov. sots.-ekonom. in-t (fil.) REU im. G.V. Plekhanova, 2019. 152 p. ISBN 978-5-4345-0510-9.
4. Dadayan E.V., Storozheva A.N. On the issue of training in the magistracy of persons who do not have a basic legal education. *Uspekhi sovremennoi nauki=Successes of Modern Science*, 2016, vol. 1., no. 3, pp. 33–36. (In Russ.).
5. Zaitsev O.A. Directions of improving legal education *Gosudarstvennaya sluzhba=Public Administrartion*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 85–91. (In Russ.).
6. Kurochkin S.A. *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh i treteiskoe razbiratel'stvo* [International commercial arbitration and arbitration proceedings]. Moscow: Infotropik Media, 2013. 260 p. ISBN 978-5-9998-0174-6.
7. Matyusheva T.N. Improvement of quality of legal education in solution of problem of lawful state and civil society formation. *Sovremennoe pravo=Modern Law*, 2015, no. 11, pp. 68–72. (In Russ.).
8. On the labor rehabilitation of former convicts. *Zakon.ru – pervaya so-tsial'naya set' dlya yuristov: sait* [Law.ru – the first social network for lawyers: website]. Available at: https://zakon.ru/blog/2021/7/25/o_trudovoj_reabilitacii_byvshih_osuzhdennyh (In Russ.). (Accessed October 8, 2022).
9. Ostracism in modern realities: defeat in the rights of persons with a cancelled or withdrawn criminal record. Lifetime ban on the profession. *Pravorub. Professional'noe soobshchestvo yuristov i advokatov: sait* [The truth-teller. Professional community of lawyers and advocates: website]. Available at: https://user572897.pravorub.ru/personal/80110.html (In Russ.). (Accessed October 8, 2022).
10. Ryzhova N.I., Sokolov D.A. Information and legal competence as a basis for development of the legal culture of the modern specialist in the conditions of global informatization. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*, 2018, no. 2. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=27481 (In Russ.). (Accessed October 8, 2022).
11. Fishman B.E. Research and education center as a mechanism for development of the university. *Vysshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*, 2015, no. 3, pp. 113–120. (In Russ.).
12. *Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika: monografiya* [Digitalization of economic systems: theory and practice: monograph]. Ed. by Babkin A.V. Saint Petersburg: POLITEKh-PRESS, 2020. 796 p. ISBN 978-5-7422-6931-1.
13. *Elektronnoe obuchenie: rukovodstvo po primeneniyu i vnedreniyu v vuze* [E-learning: guidelines for application and implementation at the university]. Ed. by Zubikova O. et al. Kostanai: TOO "Tsentrum", 2016. 147 p. ISBN 978-601-7551-63-6.
14. Burns K., Keyes M., Wilson Th., Stagg-Taylor J. et al. Active learning in law by flipping the classroom: an enquiry into effectiveness and engagement. *Legal Education Review*, 2017, vol. 27, no. 1. Available at: http://classic.austlii.edu.au/au/journals/LegEdRev/2017/9.pdf (accessed October 8, 2022).
15.Kondrashov I. et al. LegalTech and lawyers of the future. *Zakon=Law*, 2017, no. 11, pp. 20–36. (In Russ.).
16. *Legal education in the digital age*. Ed. by Rubin E. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 253 p. ISBN 1107012201, 9781107012202.

17. *Modernising Legal Education*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 261 p. ISBN 9781108475754.
18. Turner J., Bone A., Ashton J. Reasons why law students should have access to learning law through a skills-based approach. *The Law Teacher*, 2016, vol. 52, no. 1, pp. 1–16.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERZHIK S. AVETISYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, professor at the Russian-Armenian University, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Yerevan, Republic of Armenia, avetisyanserj@mail.ru
ADELINA A. SARGSYAN – Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2874-9676

Received October 11, 2022

Original article
UDC 316.61
doi: 10.46741/26869764.2022.60.4.012

Communicative Culture of Cadets – Future Officers as the Basis of Aesthetic Attitude to Professional Activity

IRINA V. CHEREMISOVA
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1085-3715

Abstract

Introduction: the article analyzes dissertation research on the problem of forming the communicative culture of cadets when receiving higher education. *Purpose:* based on the analysis of recent dissertation research (Pedagogy) on the problem of forming communicative culture of cadets studying at institutions of law enforcement and military orientation, to define key approaches to the development of the personality of a future specialist in this direction. *Methods:* theoretical, theoretical and applied qualitative analysis, generalization, comparative method. *Results:* the analysis of dissertation research reveals key pedagogical conditions for the development of the cadets' communicative culture. In addition, the most important and effective forms and methods of working with cadets, theoretical positions of justification of educational programs are determined. *Conclusions:* the communicative culture of a future officer, compliance with the norms of ethics of business communication, principles of dialogical communication, and orientation to the highest universal values boost effectiveness of professional training. The formation of the interethnic communication culture of cadets presupposes development of a respectful attitude towards all communication and interaction participants, regardless of their nationality. This attitude should be based on the principles of dialogical communication, constructive business interaction, free from the influence of cultural and ethnic stereotypes, taking into account the specifics of customs and traditions of representatives of different nationalities and cultures. The assessment by a future specialist of his/her own activity, his/her behavior, taking into account aesthetic criteria, serves as the basis for the development of the ability to choose behaviors, styles of professional activity that correspond to the best national traditions, according to the laws of harmony and beauty.

Keywords: communicative culture of cadets; components of communicative culture; professional and communicative activity; active teaching methods; professional competence of the teacher; aesthetics of professional communication; personal development of the student; effectiveness of professional training; pedagogical conditions.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Cheremisova I.V. Communicative culture of cadets – future officers as the basis of aesthetic attitude to professional activity. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 450–458. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.012.

© *Cheremisova I.V., 2022*

Introduction

Professional training of future officers should be well-planned, purposeful and ensure effective interaction with all subjects of professional activity in any situation. Researchers note that in addition to professional knowledge and skills, a future specialist should have a professional culture, including a communicative culture [1; 3; 6]. However, based on the analysis of the practice of training future military specialists, law enforcement officers and researchers argue that insufficient attention is paid to the formation of a cultural personality of a cadet with a valuable humanistic worldview [1–4; 6; 12; 15]. Educational programs of universities are focused primarily on the formation of communicative competence, which is undoubtedly an important part of the professional training of a future specialist. At the same time, the works of many scientists show that the formation of a communicative culture serves as the basis for the development of the personality of the subjects of communication and interaction [1; 6; 11; 16].

University programs to train specialists capable of performing official tasks of any complexity should be focused on the holistic development of a harmonious, spiritual personality. Such a specialist will be able to build professional communication and interaction, focusing on standards, the best manifestations of the ethics of communication in the profession, everyday life, social activities [2; 5; 9]. In modern ethics, the harmony of human relations is interpreted as moral, inner beauty.

In the context of this article, we pay special attention to the aesthetic aspect of professional communication (aesthetics of professional communication, interaction and behavior), which is fully reflected in the problem to form the communicative culture of cadets. In this regard, we emphasize that in the sphere of communication, manifestations of an aesthetic attitude to professional activity are reflected, in which aesthetic criteria are closely related to moral ones [2; 5; 9]. The quality of the specialist's behavior reflects manifestation of benevolence, respect for human dignity, and desire for cooperation [2; 5]. The aesthetic principle is manifested in the culture of interpersonal communication, contributes to building beautiful relationships between people [5; 9]. Aesthetic criteria in professional communication presuppose correctness and functional ordering of relations in the process of professional activity, a favorable psychological climate. Aesthetics of professional communication is manifested in the choice of optimal means and methods of communication, culture of expressing feelings and emotional states, reflection of universal values and meanings, and ability to self-control [5].

The problem to determine moral standards of communication reflecting the communicative culture of an individual is discussed in the works of scientists in the framework of philosophy, psychology, sociology, psycholinguistics, ethnography, medicine, pedagogy, and acmeology [15].

Research materials and results

The main purpose of this study is to analyze recent dissertation research (Pedagogy) on the problem of forming the communicative culture of cadets receiving higher education in institutions of power structures, military universities in order to determine the main approaches to developing the personality of a future specialist in the direction under consideration. In this article, we will pay attention to the most important and effective, in our opinion, forms and methods of working with cadets, theoretical positions of justification of educational programs.

V.S. Romanyuk defines the communicative culture of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a personality quality that integrates communicative values, knowledge and experience, manifested in situations of a procedural nature and allowing to achieve mutual understanding between law enforcement institutions [11]. He pays special attention to the development of professionally significant personal qualities important for successful professional and communicative activities. As the main pedagogical conditions to form the communicative culture of cadets, V.S. Romanyuk defines situations of professional communication in various classes, communicative tasks, methods of business play, demonstrations close to the real situation of professional activity; extracurricular work when organizing excursions, meetings with practitioners, pensioners of the Ministry of Internal Affairs of Russia, representatives of the me-

dia; a system of advanced training of teachers in this area [11].

G.A. Anokhina defines the following pedagogical conditions for effective formation of the communicative culture of cadets: assessment of the cadets' communicative activity experience based on the individually creative and dialogical approach; cadet's awareness of the need to develop the communicative culture, knowledge of the functions and components of the specialist's communicative culture; formation of an attitude to self-organization, self-discipline, self-development, self-control, self-regulation and corresponding skills and abilities; formation of a cultural component of communication, which includes a system of forms, methods, norms, standards of behavior when interacting with other people [3].

G.A. Anokhina characterizes communicativeness as a professionally significant personal quality of a specialist of internal affairs bodies, which is found in professional and legal communication and includes readiness for the communication process in order to exchange information that is significant for interaction participants [3].

She defines the communicative culture as a component of the cadet's professional culture, which represents a system of regulators that include general cultural knowledge, communication skills, speech culture, and presence of certain value attitudes [3].

The communicative culture, as defined by V.S. Chernyavskaya, is an integral personal quality aimed at humanizing relations [16]. Such relations are based on orientation to universal values, moral education, subjectivity, communicative knowledge, and the ability to dialogue. The researcher defines the ability to build dialogic communication as a characteristic of the highest level of communicative culture, and considers the depth of communication to be a reflection of the highest meaning of communication. Such communication, according to V.S. Chernyavskaya, demonstrates the responsibility of a future officer, orientation to the emotional factor, openness of position, acceptance of each person as uniqueness, value [16].

V.S. Chernyavskaya recommends creating a developing atmosphere, characterized by teacher's open position and focus on learning facilitation in the special educational program classes with the use of active teaching methods. A teacher should select problems significant for cadets, build subject-subject relations, demonstrate congruence with students, positive attitude towards them, and empathy. The researcher attaches particular importance to the teacher's professional competence [16].

For E.V. Timofeeva, a high level of communicative culture and a creative attitude to the teacher's work is the main condition to form the communicative culture of cadets by means of a foreign language [15]. The researcher notes that in the second half of the 20th century, the nature of people's communication changed, the expanded forms of home communication, home literary readings, which promoted development of the art of communication, practically disappeared [15].

The problem of the officer's communicative culture is connected with the revaluation of values occurring in the society. E.V. Timofeeva emphasizes that leading representatives of military pedagogical science and society put the value of personality to the fore. In addition, she argues that culture, which determines person's attitude to other people, moral and spiritual values, norms of behavior in work, everyday life, interpersonal relations can be the criterion revealing human in a person. E.V. Timofeeva identifies two aspects of communicative culture: speech (culture of speech) and psychological (culture of interpersonal relations) [15].

In the process of forming the communicative culture of cadets, E.V. Timofeeva draws attention to practical tasks that are aimed at developing directorial skills in organizing the communication process and persuasive influence techniques, and developing the ability to internal control and self-education [15].

V.E. Akint'eva, the communicative culture is represented by a set of communicative skills and abilities that characterize the degree of the cadet's knowledge of the theory and skill of communication with the personnel, awareness of the rules and norms of professional communication, ability to manage the pedagogical situation, prevent and manage a conflict situation [1]. She identifies components of the communicative culture of

a military specialist: motivational-value (communication motivation; motivation to master communication skills and abilities; attitude to other people, companions, team; the need for communication); cognitive (knowledge of the role of communicative qualities in professional self-realization; knowledge of strategies and tactics of interaction, etiquette; conflictological, speech and language knowledge; knowledge of individual personality characteristics); activity (possession of means of verbal and nonverbal communication; ability to model the communication situation, conduct negotiations; self-presentation skills) [1].

The communicative culture of a future officer, according to V.E. Akint'eva, is a component of the person's basic culture along with professional, informational, humanitarian, aesthetic culture [1].

V.N. Zheshko defines the communicative culture of a future officer as the most important indicator of the socio-professional status of a military specialist [4]. In his research, the author reveals capacities of educational, military service and cultural and leisure activities for the communicative culture development. V.N. Zheshko characterizes interaction in educational and military service activities as professional, role-playing communication in the system of relations "teacher (officer) – cadet" and "cadet – cadet". Interaction in cultural and leisure activities is determined by the interests, needs, inclinations, sympathies of cadets. He describes it as non-professional. Each type of activity, according to V.N. Zheshko, has a meaningful component (selection and structuring of cultural material), procedural component (communication technology), didactic component (communication tools "teacher (officer) – cadet" and "cadet – cadet") [4].

E.Yu. Simonenko considers the culture of professional communication of cadets in the unity of internal content and its external manifestation, in connection with the structure of the personality as a whole [12].

The content of the professional communication culture includes a set of value standards of communicative qualities, communication methods and behavioral models that contribute to the establishment of constructive relationships (with subordinates, people of equal status, commanders, population); methods of managing a team in various conditions to perform educational and official tasks [12].

E.Yu. Simonenko defines motivational, personal, cognitive, instrumental as key components of professional communication the culture [12].

In the context of this article, we particularly note the relevance and significance of the problem to form the culture of interethnic communication of cadets, since the environment of cadet divisions is characterized by multiculturalism. Future officers should be educated in accordance with the norms of general morality and the interests of military service, interethnic tolerance, respect for representatives of different nationalities. At the same time, the researchers note that it is necessary to take into account specific national traditions, cultural features to overcome negative phenomena on the international soil [10; 13; 14]

Interethnic relations within the framework of cultural studies from the positions of different fields of scientific knowledge are analyzed in the work of V.N. Sribnyi [13]. He notes that the problem of interethnic relations in the military team is at the intersection of different subject areas of cultural studies, philosophy, ethnology, sociology, psychology and pedagogy. First of all, V.N. Sribnyi considers studies of the ethnopsychological situation in our country, problems of the ethnopsychology of culture and interethnic tolerance, specifics of interethnic relations in youth groups and military teams, as well as research within the framework of sociological science, etc. [13].

He conducts an empirical study of the culture of interethnic relations, ethno-cultural stereotypes among the cadets of the Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (554 people). This sample includes representatives of all the main groups of the peoples of our country according to religious, geographical and ethno-cultural characteristics. Having analyzed the cadets' responses to the questionnaire, V.N. Sribnyi concludes that in order to optimize interethnic relations, it is necessary to have the same attitude towards representatives of any nationality on the part of teachers, commanders and superiors, and exclude the impunity towards any-

one. At the same time, according to the cadets, it is important, if possible, to take into account national and religious specifics in the distribution of duties [13].

O.B. Sukhanov emphasizes the need for unit commanders to take into account the specifics of the national character of cadets, their national traditions and customs. Professional competence of commanders of military universities, in his opinion, should necessarily include knowledge of the specifics of various national cultures, the ability to form respectful and friendly attitudes in a multinational cadet team [14].

Commanders' professional competence, according to the scientist, is the most important factor in the formation of the culture of interethnic communication of cadets. The content of professional competence includes psychological and pedagogical (knowledge of the specifics to form national identity, knowledge of the methods to form international tolerance, commanders' necessity to address problems caused by the culture of interethnic communication) and ethno-cultural competences (knowledge of the specifics of various national cultures, interest in mastering this knowledge, readiness for positive dialogue communication, need to organize constructive interaction of cadets of different nationalities). O.B. Sukhanov considers the interethnic tolerance of cadets studying at higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as an integrative personal formation that includes common ideological and motivational grounds for interaction between representatives of different ethnic groups, manifested in achieving genuine mutual understanding, acceptance and respect for another ethnic entity, and attitude towards him/her as an equal partner in communication [14].

The researcher emphasizes that in the system of military education, the problem to develop the interethnic communication culture is urgent and significant. Consequently, organization of the educational process with regard to the multicultural environment in cadet units should be one of the most important tasks. Nowadays, representatives of 30–45 nationalities serve in the divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Development of civic responsibility, formation of a dialogue culture in cadet teams, and promotion of a friendly attitude of cadets of different nationalities to each other and commanders to subordinates serve as a reliable basis for the unity and cohesion of the team, strengthening discipline, and maintaining combat capability in an extreme situation [14].

O.B. Sukhanov concretizes ethno-cultural features of the military university, in particular, multiculturism of the educational environment, multinational contingent of students, possibility and necessity of transferring interethnic relations into the system of military-social relations [14].

Experience of forming cadets' intercultural interaction is highlighted by E.V. Lignovskaya [10]. She notes that cadets' life activity reflects relations inside the society and at the same time is determined by strict regulations and regime, as well as the formalized and hierarchical system of relations. E.V. Lignovskaya defines intercultural interaction as a kind of social interaction that focuses on the communicative side of contacts between representatives of different cultures. In this process, the change of subjects is not only interrelated, but also interdependent. At the same time, effective intercultural interaction is built on the basis of universal values in accordance with jointly developed rules and norms. It is perceived by its subjects, purposeful, organized, structured [10].

In her research, E.V. Lignovskaya presents the experience of intercultural interaction as an integral part of a person's social experience associated with the formation of a motivational and value attitude towards representatives of other cultures and his/her own culture, sufficient knowledge about the ways to participate in intercultural contacts, formation of skills and abilities to effectively implement such contacts, and intensity of activities in a foreign cultural environment [10].

The researcher represents the formation of the experience of intercultural interaction of cadets in several stages. The first stage is aimed at realizing the existence of a problem and involves experiencing cross-cultural misunderstanding. E.V. Lignovskaya notes that the vast majority of cadets have little experience of communicating with representatives

of other nationalities, therefore they are afraid of such contacts in their professional activities because of existing stereotypes in relation to people of other nationalities. The second stage is called informational. Here, cadets receive the necessary amount of knowledge about the specifics of intercultural interaction in various spheres of public life and professional activity. At the third stage, cadets perform exercises aimed at forming behavioral communication skills based on the acquired knowledge. The final stage is analytical. It is aimed at developing cadets' self-reflection and their ability to evaluate their own activities and plan self-development in this direction [10].

The criteria for forming cadets' experience of intercultural interaction, according to E.V. Lignovskaya, are the following: motivational (pride in one's homeland, sensitivity to cultural differences, tolerant attitude to another culture, readiness for professional activity in a foreign language environment), cognitive (knowledge of one's native culture, culture of the peoples of one's own and other countries, knowledge of current intercultural and interethnic conflicts, orientation in the modern geopolitical situation; conative (presence of experience, communication skills and constructive interaction with representatives of other nationalities and cultures). This criterion is an external manifestation of the formation of motivational and cognitive criteria [10].

To assess the development level of cadets' business interaction, E.V. Kovalenko suggests taking into account motivational, creative-personal and competence criteria [7]. The motivational criterion includes orientation of the personality of the future specialist, degree of interest in business interaction, attitude to it, stability of motivation for business interaction. Indicators for this criterion can be the following: presence of a mindset for cooperation, mutual assistance, mutual understanding and co-creation, interest in the scientific foundations of business interaction. The creative-personal criterion reflects individual features of the future specialist's business interaction. The style of business interaction, sociability, tolerance in business behavior are indicators for this criterion. Characteristics of the competence criterion include the future specialist's experience and the degree of readiness to implement business interaction in professional and social activities. The indicators in accordance with the competence criterion are the following: readiness to regulate joint actions, ability to reach mutual understanding with people, and use of techniques and methods to coordinate ideas, goals, plans, actions with communication partners [7].

Having analyzed the empirical study results with regard to the selected criteria, E.V. Kovalenko proposes to distinguish development levels of the culture of business interaction. She presents characteristics of cognitive-attitude (awareness of the business interaction culture), procedural-need (desire to master the business interaction culture), adaptive-technological (readiness to use the business interaction culture in practice), and creative-development levels (readiness for self-development) [7].

In addition, E.V. Kovalenko classifies types of business interaction (rivalry, cooperation), types of business interaction subjects' behavior (cooperation, dialog communication, assistance, co-creation, competition, opposition, confrontation, struggle, mutual control, mutual learning, compromise, avoidance, adaptation) [7].

As pedagogical conditions to form the business interaction culture in cadets, the researcher identifies the intensification of cadets' creative activity when performing joint activities; formation of a semantic attitude to mutual assistance, cooperation, co-creation; cadets' independent search for the optimal model of behavior in joint activities with a focus on humanistic values, ideals, regulatory and legal acts; group and individual reflection on the results and process of joint activity [7].

According to E.V. Kovalenko, business interaction can be developed with the use of various search activities in the work: dispositional (aimed at coordinating cadets' intentions, positions with partners, self-determination in choosing goals, technologies of business interaction); mobilization (aimed at realizing cadets' capabilities to achieve their goals, activation of partners' resources); operational (include the search for the most rational way to perform a joint task, partners' assistance in the work performance); coor-

dination and correction (aimed at finding actions and relationships that require correction and coordination of efforts, awareness of the business interaction experience and strengthening of positive experience) [7].

The presence of an invariant component (common to all specialties) and variable ones (with regard to features of a certain specialty) distinguishes the educational technology developed by E.V. Kovalenko [7].

The reseacher notes that the formation of the business interaction culture of a future specialist is part of the preparation for solving professional tasks, as well as for the worthy performance of civil and family functions [7].

Besides, T.I. Koval' indicates the need for forming the culture of dialogue in the professional training of a future military specialist, which is an important professional and personal quality [8]. On this basis a future officer will be able to build open, spiritual and value relationships with others [8].

After analyzing philosophical, linguistic, psychological, and pedagogical scientific works, T.I. Koval' makes a conclusion about functions of dialogue, such as self-knowledge and self-esteem in the course of dialogical communication. She notes that by watching another person, a person develops the ability to reflect feelings and thoughts of a communication partner and forms his/her own position [8].

T.I. Koval' considers the culture of dialogue as an integrative, spiritual and psychological formation of a personality, including orientation-value (associated with the motivation-need attitudes and value attitude of a future officer to another person, professional activity, surrounding reality), content-semantic (knowledge and ideas about functions, essence, methods of dialogic interaction), communicative-activity components (reflects the presence of dialogic skills, willingness to use them in various areas of professional activity) [8].

Pedagogical conditions for effective formation of the culture of dialogue of cadets, according to the researcher, are the following: cadets' awareness of the value-semantic meaning of the culture of dialogue for successful professional activity; development of knowledge about the essence of dialogical interaction and the way they are applied in professional communication; building pedagogical work on the basis of principles of humanistic orientation, value-semantic dialogical interaction, personal and creative activity; use of forms and methods of organizing the educational process on the basis of dialogue and dialogical interaction (polemic, discussion, dispute, debate, and soliloquium) [8].

In conclusion, we note that this article analyzes researchers' basic approaches within the framework of pedagogical science to the problem of developing the communicative culture of cadets receiving higher education at educational organizations of law enforcement agencies and military universities. The problem of developing the communicative culture of cadets as a component of the professional and general culture of the future specialist includes several aspects, such as development of professional and ethical culture, professional communication culture, business interaction culture, culture of dialogue, interethnic communication culture; formation of the intercultural interaction experience; aesthetic education of cadets.

Conclusions

Thus, the analysis of dissertational research (Pedagogy) on the problem to form the communicative culture, the culture of communication of cadets shows that this problem is of great importance for training a future officer, a highly professional specialist. Such a specialist is guided in his/her professional activity by ethical norms and rules, standards of professional communication and behavior, universal values, is able to build dialogical communication.

It can be stated that the authors of all the studies presented in this article pay attention to the definition of pedagogical conditions to form the communicative culture of cadets. As the main pedagogical conditions for working in this direction, we note the following: professional communicative and ethno-cultural competence and a high level of communicative culture of teachers, commanders; orientation of pedagogical work on humanistic principles, value-semantic dialectical interaction, normative legal acts; intensification of search and creative activity of cadets in educational, service and cultural and leisure activities; use of various forms of educational work, active teaching methods close to the real situation of professional activity.

After analyzing works on the problem of forming a culture of inter-national communication of cadets, we can conclude that work in this direction involves the formation of a respectful attitude to all participants of communication and interaction, regardless of their nationality. This attitude should be based on principles of dialogical communication, constructive business interaction, free from the influence of cultural and ethnic stereotypes, taking into account the specifics of customs and traditions of representatives of different nationalities and cultures.

The effectiveness of the professional training of cadets – future officers is ensured by the orientation of the educational process to humanistic ideals, high moral universal values of equality, justice, constructive cooperation of representatives of various peoples and cultures.

The success of the cadet's future professional activity, emotional-value and aesthetic attitude to it depend on the level of the cadet's communicative culture. Aesthetic attitude to professional activity is characterized by freedom, harmony and is a way of self-expression of a young person's personality.

REFERENCES

1. Akint'eva V.E. *Formirovanie kommunikativnoi kul'tury budushchego spetsialista v obrazovatel'nom prostranstve voennogo vuza: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh* [Formation of the communicative culture of a future specialist in the educational space of a military university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Stavropol, 2008. 212 p.

2. Andreev G.I. *Formirovanie professional'no-eticheskoi kul'tury kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of professional and ethical culture of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Cheboksary, 2002. 251 p.

3. Anokhina G.A. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya kommunikativnoi kul'tury lichnosti kursanta obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical conditions for the formation of a communicative culture of the personality of a cadet of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2007. 200 p.

4. Zheshko V.N. *Formirovanie kul'tury obshcheniya kursantov v sisteme voenno-professional'noi podgotovki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of the culture of communication of cadets in the system of military vocational training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kazan, 2003. 186 p.

5. Kagramanyan K.A. *Esteticheskoe vospitanie kursantov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v vuze MVD Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Aesthetic education of cadets in the process of teaching a foreign language at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg, 2007. 181 p.

6. Kikot' V.Ya. *Formirovanie kul'tury professional'nogo obshcheniya u kursantov uchilishch MVD RF: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of the culture of professional communication of cadets of colleges of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg,1994. 186 p.

7. Kovalenko E.V. *Formirovanie kul'tury delovogo vzaimodeistviya budushchikh spetsialistov: na materiale vuzov MVD Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of a culture of business interaction of future specialists: case study of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Belgorod, 2008. 192 p.

8. Koval' T.I. *Formirovanie kul'tury dialoga u kursantov v protsesse vuzovskogo professional'nogo obucheniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of a dialogue culture in cadets in the process of university vocational training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Krasnodar, 2006. 187 p.
9. Lapshov V.A. *Formirovanie professional'noi kul'tury ofitsera rossiiskoi armii: osnovy sotsiologicheskogo issledovaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk* [Formation of professional culture of the Russian army officer: fundamentals of sociological research: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 1999. 643 p.
10. Lignovskaya E.V. *Formirovanie opyta mezhkul'turnogo vzaimodeistviya u kursantov voennogo vuza: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of experience of intercultural interaction of cadets of a military university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kostroma, 2005. 206 p.
11. Romanyuk V.S. *Formirovanie kommunikativnoi kul'tury kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of communicative culture of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kazan, 2008. 194 p.
12. Simonenko E.Yu. *Razvitie kul'tury professional'nogo obshcheniya u kursantov spetsial'noi srednei shkoly militsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Development of the culture of professional communication among cadets of the police special secondary school: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg, 2006. 135 p.
13. Sribnyi V.N. *Faktory formirovaniya kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya u budushchikh ofitserov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kul'turologii* [Factors of formation of culture of inter-national communication among future officers: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saratov, 2012. 160 p.
14. Sukhanov O.B. *Professional'naya kompetentnost' komandirov voennykh vuzov kak faktor razvitiya kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya kursantov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Professional competence of commanders of military universities as a factor in the development of culture of interethnic communication of cadets: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2013. 198 p.
15. Timofeeva E.V. *Dinamika formirovaniya kommunikativnoi kul'tury lichnosti obuchaemogo sredstvami inostrannogo yazyka: na materiale raboty s kursantami vuzov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Dynamics of the formation of the communicative culture of the student's personality by means of a foreign language: on the basis of work with university cadets: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Ryazan, 1998. 157 p.
16. Chernyavskaya V.S. *Formirovanie kommunikativnoi kul'tury v strukture professional'nogo obrazovaniya kursantov morskogo vuza: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of communicative culture in the structure of vocational education of cadets of a maritime university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Vladivostok, 1999. 187 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IRINA V. CHEREMISOVA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, irinarusa@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1085-3715

Received October 1, 2022

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)
DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)
RSCI: yes
Core of the RSCI: no
HACList: yes
CrossRef: yes
East View Information Services: yes
GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no
Web of Science: no
Scopus: no
EBSCO: yes
WorldCat: yes
CyberLeninka: yes
DOAJ: yes

https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en